

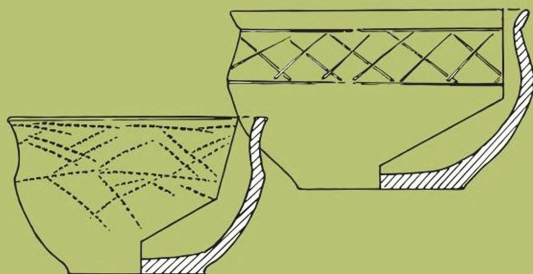
ISSN 2305-3437

АРХЕОЛОГИЯ

восточно-европейской степи

Выпуск 16

САРАТОВ 2020

"

GFUcj 'GHYI bjl YfglmbUa YX'Zf'B"; "'7\Yfbng\Yj g_mi

.
. .
. . .
. . . .
.
.

5F 7 < 59C @C; M
C: 'H < 9' 95GH' 9I F C D95B '
GH9DD9'

.
. .
. . .
. . . .
.
.

Bia VYf'%'

.
. .
. . .
. . . .
.
.

GFUcj ž&&&&

"

"

"

• • •
" " "
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •

!

• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •
• • •

%

ž&&&

"

"

- S&fl+S'(#') Ip*'%#*)' pff, &L
*'(f&L)"L ('
;+

,+ # " " " " ! Ì ž&S&S" "%"İ 382 " "
=GCB & S)!' (' +

! !
Ä"
ž ! ž ž
ž ž ž ž
ž ž ž ž
! ž ž ž !

Рецензенты

" " Ì " " " " ž " ! ž "

Редакционная коллегия

" " " fl " lž
" " " fl " lž
" " " fl " lž
" " " fl " lž
ž " " " " fl lž

Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
(издательский план 2020 года).

- S&fl+S'(#') Ip*'%#*)' pff, &L
*'(f&L)"L ('

УДК 902
ББК 63.4

Бочкарев В.С.

ž ! fl !
Ł " ž !
ž í !
" ž
" ("

Ключевые слова: ž !
ž "

Bochkarev V.S.

5F7<59C@C; M5H'H<9'7FCGGFC58G'C: 'H<9'<I A 5B=H=9G'
5B8'B5HI F5@G7=9B79G'

5gZ`ckgcbZca`hYXYZb]hcb`i gX`YfZUFWUX`c[]W`ghg`Uj Ylk c`
VlgWwa dcbYblg`Ug`gci fWg`cZW`hi fU!\]gcf]W`flbh`fcdc`c[]W`L`UbX`bUi fU!
\]gcf]W`]bzfa U]cb"H`Y`ZfgicZh YgY`]gh`Ya`cgh]a dcf]Ubh`UbX`XYHfa]bYg`h`Y
YggYbW`cZUFWUX`c[m]Ug`cbY`cZh`Y`i a Ub]hYgzk`]\`Yh`YgYwbX`dfcj]Xg`]lg`bU
i fU!gY]bh]Z]W`b]h]h`6ch`h`YgY`Wa dcbYblg`UFY]bgYdUFU`m`]b`_YX`UbX`UFWU!
c`c[m]gZVnXYZb]hcbZUa i`h]X]gWd`]bUfmg`VY]WFYg(' "

)

Keywords: YggYbW cZ UFWUc`c[]W` ghgž W`h fU!\]gcf]W` UbX` bUhi fU!
\]gcf]W` Wa dcbYbg`cZUFWUc`c[]W` ghgž UFWUc`c[mUg`U a i` h!X]g]d`]bUfm
g VYW`

.....
..... % !
..... &!" ž ž
..... ! !
..... " ! ž
..... fl Ě !
..... ž " ž !
..... " " !
..... " " !
..... ž ž !
..... " ž ž !
..... " ž ž !
..... " " !
..... ž ž í !
..... ž " " !
..... " " !
..... " " !

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R.G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Rojo Guerra M.A., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W., Reich D. A Ugg] Ya]] fU]cb`Zca` h`Y gh]ddYk Ug`Ugi fW`Zf` bXc!
9i fcdYUb`Ub[i U Yg]b`9i fcdY## B Uhi fY`&S% "J c") &D`&S+Ě&S& Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A. S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriška A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V. I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanov S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Slicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Dcdi`U]cb[Ybca]W`cZ6fcbnY5[Y9i fU]U## B Uhi fY`&S% "J c") &D`%+Ě%&Παδο C. "Z&S% "
*Kaein J.C. ## GfUhi a`d`i g`&S% "J c""& " +Ě', +"
Kristiansen K. H`k UFXg`UbYk`dUFUX] a 3H`YH]fX`GMbh]ZVFY` c`i`hcb`UbX]hgdcgg]VYWbg!
ei YbWg]b UFWUc`c[n##`7i ffYbhk`YX]g` 5 fWUc`c[n`&S% "J c""&D`%Ě' ("

* "

ž " !
 ž ž !
 " ž ž !
 " ž " ž " ž
 % " ž ž !
 " ž ž !
 " " !
 ž ! " !
 " " !
 ž ! " !
 " " !
 ž ž " !
 " " & " ž ž ž
 " ž ž ž !
 ž ž ž !
 " " ž !
 ž ž !
 " " " ž ž !
 " ž ž " !
 " " !
 " " " !
 " " !
 " " " !

##GfUa'di g"Jc"& "" +ì', +"
%Клейн Л.С.
&Sørensen T.F. H YHk c'7i 'h fYg'UbXUK cf'X'5dUfh'5fWUc'c[mUbX'GMbWUhUB Yk '7fcg
fcUXg##Bcfk Y[]Ub'5fWUc'c[]W'Fy]Yk "&%"Jc") S'fRL'D"%š%š%š"
'Lidén K. '5'7ca a cb'@Ub[i U Y]g'h Y6UjgZf'Gci bX7c`UvcfUjcb##Bcfk Y[]Ub'5fWUc'c[]!
W'Fy]Yk "&%"Jc") S'fRL'D"%š%š%š(1%š/Vander Linden M. F YUjcb'lc UF YUjcbUfmH h##Bcfk Y[]Ub'

" +

„древний вещественный (т.е. культурный материальный) источник информации; вещественный объект, относительно которого информация о его функциях и связях в культуре, о близко родственных ему объектах утрачена или сильно пострадала и трудно поддается восстановлению (для восстановления требуется особая система методических средств)»

...

%Sorensen T.F. '5fWUXc' [JW' dUFUX] [a g'dYbXi i a 'cf'k fWY]b ['VU'3##' Bcfk Y] [Jb'5fWUXc!
 c [JW FY] K " &S%" Jc "") S'fL'E'D"% S'l% ("
 &Клейн Л.С. '##' GfU h a 'd'i g"&S%" Jc ""&' "' , (i
 ')"
 'Клейн Л.С. " ' & " " " &" "Z&S%" " %l% "
 ('Клейн Л.С. " "Z%+, /Клейн Л.С. " "
 ' & ž " " "Z%-) "
) Клейн Л.С. " "Z%--%" "' (, "
 Клейн Л.С. " "Z%+, " "'%"

Клейн Л.С. " " ! " ž% +, ""
Клейн Л.С. " " & ž " " !
Ä ž%-) ""
Клейн Л.С. " " % ž&&%&""
Клейн Л.С. " " ! " ž% - %""
Клейн Л.С. " " & " " & " !
"! ž&&%&""
Клейн Л.С. " " !
"## " % * & " & ""
Клейн Л.С. "## " % +) " " , ""
Клейн Л.С. "## "## !
! # " " " " " " " " " !
! ž%, %""
Клейн Л.С. "## "## !
"## # " " " " " ž " " " !
" " ž%, %""
Клейн Л.С. "## GfU h a ' d i g"
&&% "J c " &""
Пэабо С. " " ! Ä .
7CFDI GÄž&&% ""
Савинов Д.Г. " " " !
Ä ž&&% ""
Федоров-Давыдов Г.А. Ä Ä Ä Ä !
Ä Ä Ä ##
" % + \$ " " ""
Фосс М.Е. Ä ÄžÄ ÄžÄ Ä## !
" % (- " " LL-L ""
Шер Я.А. ## # " " " " ž
" " ž " " " " ! " !
ž&&\$(""

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A. S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I,

Metspalu M., Mkrtyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V. I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Dcdi `Ujcb` [Ybca]WcZ6fcbnY5 [Y9i fUgU##B Ui fY" &S% "J c")) &"

Childe V.G. H\Y8Uk b`cZ9i fcdYub`7lj]`nUjcb"@cbXcb. Fci hYX| Y/ `? Y| Ub` DU `z% &""

Clark D. `5bUnh]W`fWUc`c [nI`cbXcb. A Yh i Ybz% *, ""

Fossheim H.J. G]MbWzG]Mbhga `UbXh Y9h]WcZ5 fWUc`c [m##`B cfk Y|]Ub` 5fWUc`c []W`Fy]Yk "" &S% "J c")) \$fR! D" %&I % ""

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R.G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Rojo Guerra M.A., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W., Reich D. A Uggj Ya [| fUjcb`Zca `h YgYddY k UgUgci fWZcf`bXc!9i fcdYub`Ub [i U Yg]b`9i fcdY##B Ui fY" &S% "J c")) &"

Kristiansen K. H\YB Ui fY cZ5 fWUc`c []W`? bck `YX| Y UbX`hg`Cbr`c []W` Hl fbg##`B cfk Y|]Ub`5 fWUc`c []W`Fy]Yk "" &S% "J c")) \$fR!"

Kristiansen K. Hck fXg`UbYk `dUFUX [a 3H\YH]fX`G]MbhZ]WF Yj c`i hcb`UbX`]hg`dgg]VY`WbgYei YbWg`]b`fWUc`c [m##`7i ffYb]Gk YX]g` 5fWUc`c [mI` &S% " &&"

Lidén K. `5`7ca a cb`@Ub [i U Y]g`h Y6U]g`Zcf`Gci bX`7c`UwcfUjcb`##`B cf! k Y|]Ub`5 fWUc`c []W`Fy]Yk "" &S% "J c")) \$fR!"

Sorensen T.F. `5fWUc`c []W`dUFUX [a g`dYbXi `i a `cf`k fYW]b [`VU`3##` B cfk Y|]Ub`5 fWUc`c []W`Fy]Yk "" &S% ") \$fR!"

Sorensen T.F. H\YHk c`7i `hi fYg`UbX`UK cf`X`5 dUfh`5 fWUc`c [miUbX`G]MbW` UhUB`Yk `7fcggf`cUXg`##`B cfk Y|]Ub`5 fWUc`c []W`Fy]Yk "J c")) \$fR! &S% ""

Vander Linden M. FYUM]cb`lc`UFYUM]cbUfm]H h##`B cfk Y|]Ub`5 fWUc`c []W`Fy]Yk "" &S% "J c")) \$fR!"

УДК 902|636/637|
ББК 63.4

Кореневский С.Н.

! % !%% \$%+ - \$\$ - \$!%

Ä

Ä"

ž

ž

Ключевые слова:

ž

ž

ž

ž

ž

ž

ž

ž

ž

ž

ž

ž

ž

...

Korenevskiy S.N.

CB`8=G7I GG=CB` ; FCI DG`DFC6@9A G`C : `7@5GG= =75H=CB`
H<9CFM=B`H<9`5F7<59C@C ; MC : `H<9`7CDD9F!6FCBN9`5 ; 9`
H\Y`Ufh]WY`k Ug`k f]hYb`k]h]b`h\Y`ZUa Yk cf`_cZGHUHY`hUg`
f] cgnUXUb]YE`bc" ! % !%% \$%+ - \$\$ - \$!%

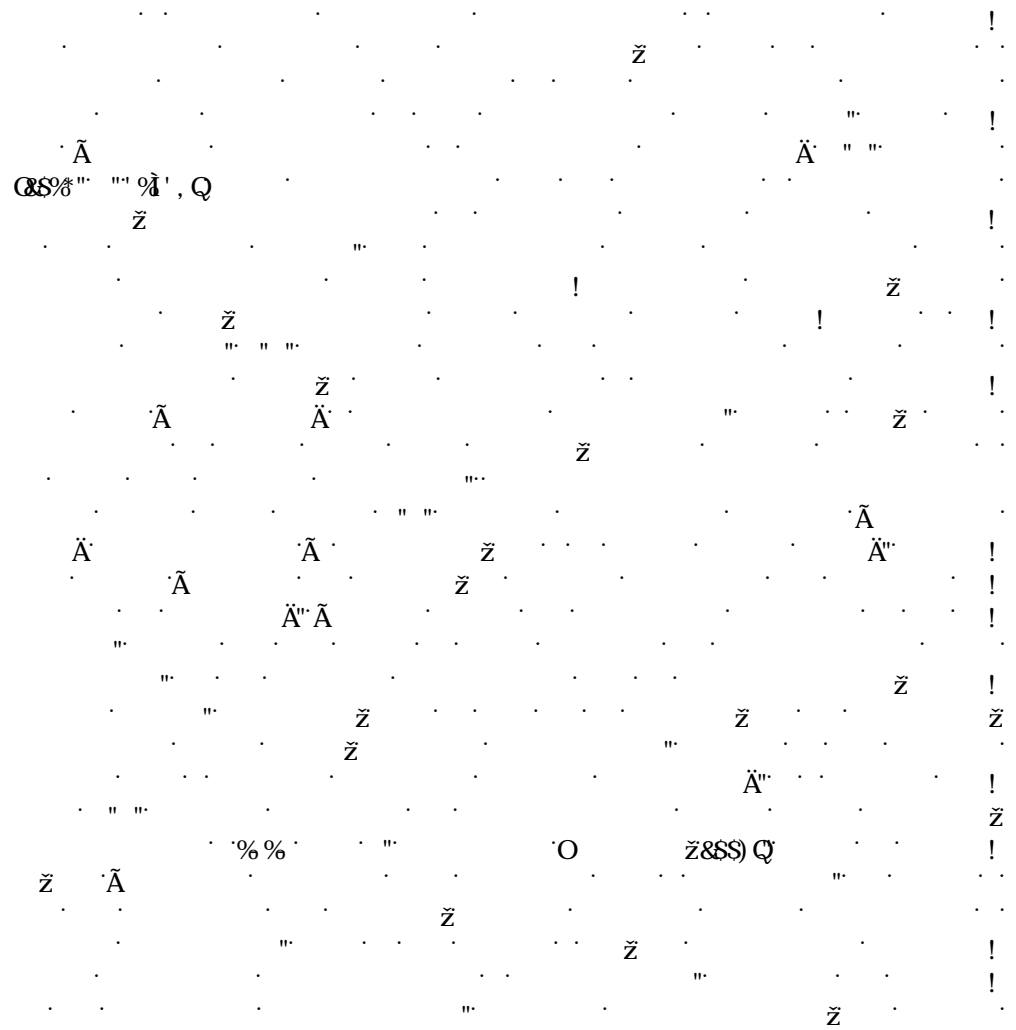
H\YfYUgcb`Zcf`k f]h]b]`h]g`Ufh]WY`k Ug`h\Y`di V]W]hcb`cZJ`"G"6cW`UFY`Ybh!
hYX`h YG[] b]Z]WbW`cZW]gg]Z]W]hcb`]b`a`cXYfb`UFWUY`c`[m`"H\YU`h cf`g`ddcflg`
Ubi a`Vf`cZ]h`Ya`Yg`Zca`h`]g`Ufh]WY`UbX`Wbg]Xf]g`d]W]Z]W]W]g`cZX]Z]f]Ybh]bhY!
df]YU]hcbg`]b`h\Y`]bh]df]YU]hcb`cZ`gci`fWg`VgYX`cb`X]Z]f]Ybh]UddfcUWYg`lc`h\Y`
g]a`Ya`Uhf]U`"b`h\Y`k`cf`_`cZG`"B`"?`cf]Yb]j`g`]nž`Vg]W]h`Ycf]Y]W`ei`Yg]hcbg`UFY`
a`cfYX]U]`YX`]b`h\Y`Wb]gf]i`W]hcb`cZW]gg]Z]W]hcbg`]b`Udd`]W]hcb`lc`h\Y`XU]cZU!
WYc`c[m]h]Ub`]b`h\Y`h`Yg]g`cZa`U]b`Uf`i`a`Yb]g`cb`h`]g`hcd]W5`bi a`Vf`cZdfcj`!

"

&

glcbgUfYYl dfYggX]b`h`Y[YbfYcZXlgWgg]cb"CbYcZH.YHlg`gcZH.YUH]W]gWb!
bYMX`k]h`h`YXY]fY`c`UhfUMh`YUHh]cb`cZdfUM]W`UFWUc`c[]lg`UbX`gh`!
XYblg`k` \c`k`Ubhlc`[YhUWi U]bhX`k]h`h`YVUg]WgcZUFWUc`c[]W`g]WbW]lc`h`lg`
h`YcfY]W`hcd]W`

Keyword: `7`Ugg]Z]W]cbž`h`Ycfnž`h`mlc`c[nž`h`ml]ž`a`Yh`cXž`Z]U]h`f]ž`dfcVUM`]h`ž`
`Uk`cZ]X]gf]M]h`cb`U`Yž`Wf]Ua`]Vž`XU][Yfž`gd]YUfž`A`U`_cd`W`h`f]ž`Z]h]ub`W`h`f]ž`
5VUg`Yj`W`h`f]ž`UbUng]ž`[fci`d]b["`

ž 'O ž%+S' ") &Q !
 !
 fl ž !
 E"
 " !
 ž " !
 " !
 Ā Ä !
 " ž ž !
 ž " " !
 fl E !
 " ž !
 " ž !
 " ž !
 ž " ž !
 ! ž fl ž ž ž !
 ž E ž fl ž ž !
 E" ž " !
 " ž ž !
 ž ž ž !
 ž " ž " !
 ž " " ž " !

"

&

ž · ! " ž ; (!

ž ž ž !

·%,·," ž ž ·% ž

·Ä (Ä" ·Ä (Ä " ·Ä Äz % ž

·Ä Ä" ·Ä " fl Ä ž%,, " -(l"

3

ž ž " !

ž ž " ž !

ž ž " ž !

fl ··· E O ž%+ ž %, ' Q

" " ž " " ž ž " " !

" " O ž&SS" " , SQ !

fl "&9-12L" !

ž O fl "&7L" !

fl "&8L" O ž%, ' Q !

ž

" ž !

ž " ž !

ž ž ž O !

ž%, *ž ž ž%, *Q " ž

O ž%+ " "' ž "&1-11Q fl "&4-

6L O ž%+ " "&12-17Q

! " " ž !

Ä

Ä " "

Ä

Äz

ž

ž

ž&&(" ") (İ)+Q

·O

fl

L " "

ž

ž

·O

ž

ž&&%Q

ž

ž

ž

ž

!

ž

ž

ž

!

ž

Ä

Ä

ž

ž

ž

ž

ž

"мегаобцности"

"

İ

ž

ž

ž

fl

L

!

U

ž

ž

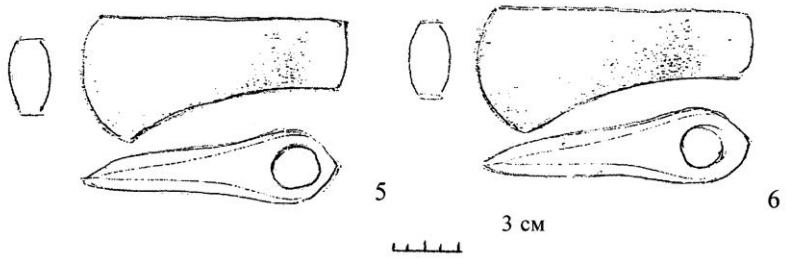
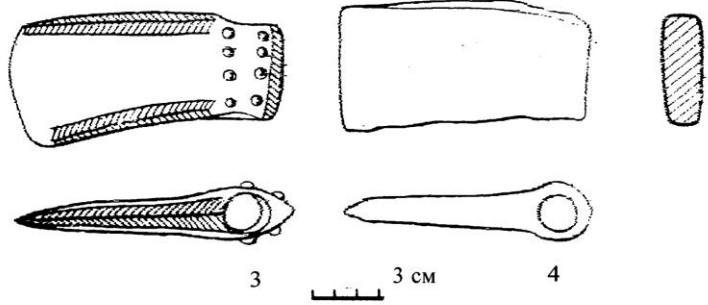
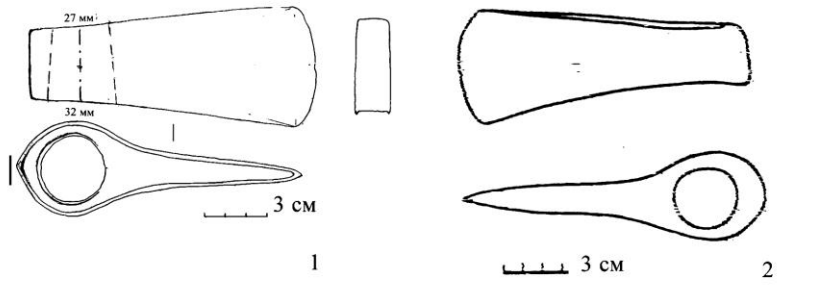
ž

ž

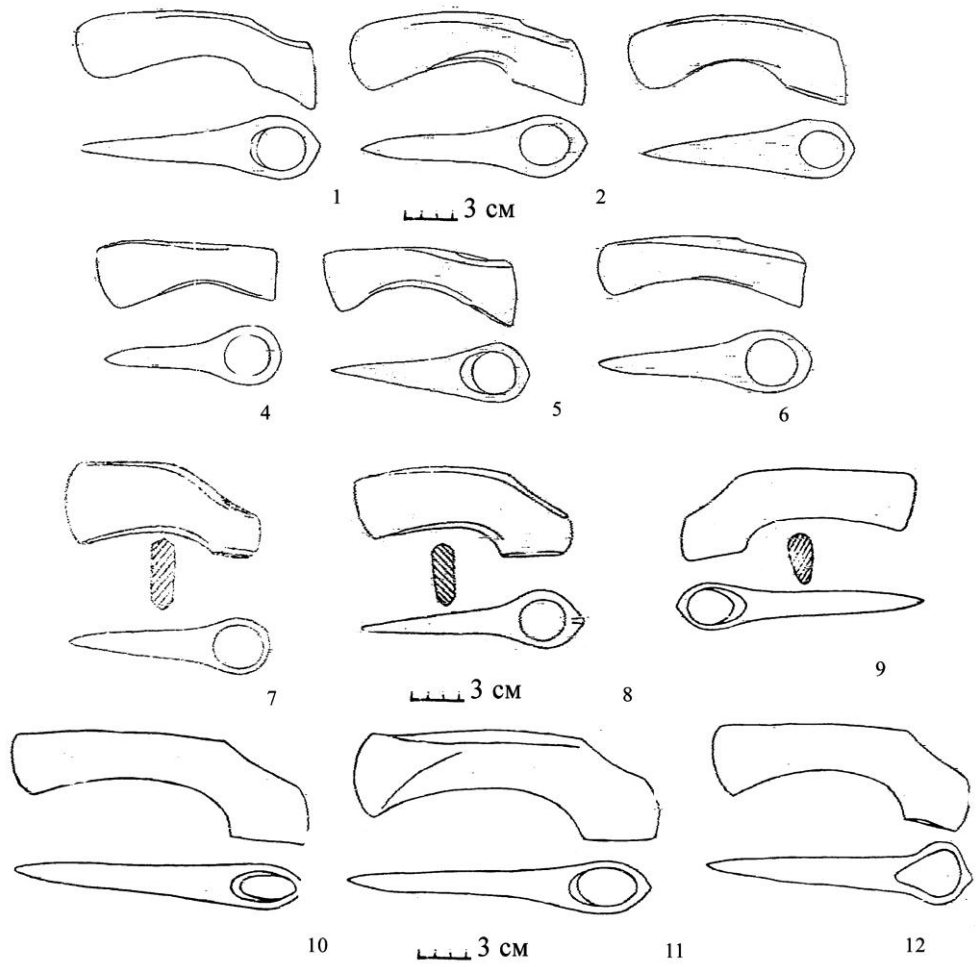
'* "

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А" !
 ## " fl L ! "z&&%"" !
 Лычагин А.В" ž &&% "Ä Ä" !
 !&ž " !ž)) S*, "" ! (ž ! "" !
 ž&&% ## " !%ž)) S*, "" !
 Кузнецов П.Ф., Кузьминых С.В. ## " ž&&S*"" !
 Петерсон Я. " ! "z&&S)"" " !
 Пиотровский Ю.Ю" fl L ## 7Ua YUdfUY\|gcf]WZ %flz&&S "" fl L !
 Пиотровский Ю.Ю. ## ž !
 ! fl, &&% "ž ! E" 8Yf ? U _Ug nk |gWYb CgM fcdU i bX J cfXYfYa Cf|Ybh|b XYf 6fcbnY! i bX 9|gYbn|Yh 8 |Uc| XYf ? i h fYbž? i h f XYg8 |Uc| Yg 8 |Mf|W F Y|a Yf J Yf U ž6Yf |bz&&S V""
 Потехин И.И" ## " ! "z%) %""
 Пропп В.Я. " "z% +*"" !
 Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. İ ## "z&&% ""
 Ткачев В.В. " ž&&S+""
 Черных Е.Н. # ž%+&""
 "z% +S""
 Grisse A. Früh und Mittelkupferzeitliche Streitähte im westlixhen Mitteleuropa. Bonnž&&S*""
 Zäpotocký M" Streitähte des mitteleiropäishen Äneolithiums, Provinzaialröm. 5 MU < i a Ub|cfU"K Y|b\Y|a ž% - &""
 Vulpe A. 8 |Ys |H i bX 6Y| Y |b Fca } b|U Df} \ |gcf|gWY V fcbnYz bXY" 5 MU! i b[=L"6UbX) "6Yf |bž% +) ""

(S "

"!" ! "Z&Z
 %l · fl · "Z(î · ! Z' !
 % "Z(î · fl · Z%+(E) Z î
 fl · Z&S%Z"
 " (Z

"&" ! ž
%&! / (î z&î ž
*î " " "z" ! "z" !
fl "z" fl "z" ! ž
"z%!" " " "E" +î !
z%î " " "z%!" "z%!" !
"fl "z%+" z%, 'E

ž ž
! !
ž !
"
!

Ключевые слова: ž ž ! ž ž ž
ž ž ž ž ž ž ž ž ž
ž ž ž ž ž ž "

Korenevskiy S.N.

CB`H<9`E I 9GH=CB`C: `6I F =5@HF 58 H=CBG`
C: `H<9`C @89GH`6I F =5@A CI B8G`B`GCI H<9FB`95GH9FB`9I F CD9`
5B8`H<9: CCH<=@G`C: `H<9`BCFH<9FB`75I 75GI G`
H\Y`UfhjWV`k Ug`k f]Hr`b`k]h`b]h\Y`ZUa Yk cf`_cZGHUHY`HJg`_fl cgnUXUb]Yt`bc`"
! % !%% \$%%+-\$-\$ \$!%

H\YUfhjWVXYUgk]h`h`YdfcVYa`cZh`YYa`Yf[YbW`cZh`Y? i f[Ub`f]H`]b`h`Y
hff]hcfmicZh`Y7U`Wg`g`H\Y`]gcf]c[fUd`h`micZh`]g`dfcVYa`]g`Vf]YZmiXYgM]VYX`
5WfX]b[`lc`h`Y`g` a a`UmiZf`&S`&fP`cfYb]g`_nž`&S`&Z`d`"%)L]b`h`Y`fYU`cZh`Y`
J`c`[U8cb`]bhfZi`j`Yž`h`Y`J`c`[U`fY]]cbž`h`Y`@ck`Yf`8cb`UbX`h`Y`7U`Wg`g`h`Y`
bi`a`Vf`cZUbWbhVi`f]U`a`ci`bXg`fYUWYX`(("`b`HfY`_X]g]f]W]h`Y`nk`YfYH`_Yb`]brc`
UW]i`bh]b`&&W]g]z`]b`Df`_i`Vubg`_m]b`%S`"9I`W]`U]cbg`cZh`Yc`XYgh`ia`ci`bXg`]b`h`Y`
dfY!7U`Wg`g`fYj`YmfUFY`B`ck`h`Y`bi`a`Vf`cZh`Yc`XYgh`i`f]U`a`ci`bXg`]b`h`Y`
7Yb]fU`7U`Wg`g`Ug`]bW]UgYXVmc]b`m(!*`bYk`a`cbi`a`Yb]g`]b]fcXi`WX`]b]c`g]W]b!
h]Z]W]fW`U]cb`"6i`h]b`[YbYfUžh`Y`hff]hcfmicZh`Y`dfY!7U`Wg`g`UfYU`Xmg]f]ci`gmi`
Yl`WXg`h`Y`bi`a`Vf`cZ`_bck`b`UbX`XU]X`UbW]bhVi`f]U`a`ci`bXg`]b`h`Y`HfUbg`J`c`[U`
fY]]cbž`Zca`k` \]W`k`YXc`bch` \]j`YXU]g`cZ`%7`cZh`Yc`XYgh`i`f]U`a`ci`bXg`H`]g`
UfhjWV`W]bg]Xf]g`h`Y`ei`Yg]cb`cZh`Yc`XYgh`_i`f[Ub]g]H`_]b[]b]c`UW]i`bh]bYk`XU]`
Uci`h]h`]g`d` \]bca`Ybcb`":]fg]icZU`"h`YfY]g`U[fYU]b]h]ei`]hmcZh`Y`_i`f[Ub`HfUX]!
h]cb`]b`h`]g`fYU`cZh`Y`VcfXf`cZh`Y: fcb]5`g]U`UbX`9i`fcdY`-h`XU]g`VUW`lc`h`Y`
a`]XXY`UbX`g]W]bX` \]UZcZh`Y`Z]h`A`]`Ybb]i`a` `67`"H`Y`HfUX]h]cb`cZh`Yc`XYgh`i`f!
]U`a`ci`bXg`W]b]W]Xg`k`]h`h`Y`gdfYUX`cZh`Y`bcj`cXUb]`c]g`_U]U[fci`d`]b`h`Y`g]h]ddY`
ncbY`cZ`h`Y`B`cfh`Y`fb`6`UW`g]U`fY]]cb`"6YU]f]g`cZ`h`Y`HfUX]h]cb`cZ`h`Y`c`XYgh`i`
a`ci`bXg`fY`h`Y`Hf]Vg`cZh`Y`dfch`!M]a` `W`h`fY`f]g]U`Y`cZh`Y`D]h[f]U`Y`W`h`fY`
UW]fX]b[`lc`B`"MU`A`Y`dY`H`"H`Y`Zfa`g`cZVi`f]U`g]fi`W]f]g`]b`h`Yc`XYgh`ia`ci`bXg`
fYU]g]g`VU]X`k`]h`d]]g`UbX`W]U]a`Vg`"6i`f]U]g`cZa`Yb`k`YfY`Zi`bX`]b`h`Y`d]]g`7U]U`

(("

ž . . . " !
ž ž !
" " !
ž " !
fl ð L !
ž ž "#-ž !
ÏJ " " " J=Ï !
fl "ž*L" fl "% & ' Ě fl "(L !
ž " " " !
ž ž " " !
ž ž " " !
" " " " !
Ă Ă ž !
" " ž ž !
ž ž ž ž !
" " " " !
O !
ž&S% "7"% ð !% Q
Погребения в катакомбах детей и подростков. !
ž "% Q cj YXLF] U&SS(" ", +İ-% Q " ž Q cj YXLF] U&SS(" "- ð-) Q
" & Q cj YXLF] U&SS(" "- %İ- &Q ž " & "%
O ž&S%&" "% İ &SQ ž "%& " & fl İ Æ O !
ž&S%&" "% + &ž " ("SQ ž " ž " & fl L O ž !
ž&S% " "+ ž "% &Z I Q
Погребения в катакомбах взрослых. " ž "% fl !
L O ž&S%&" " & İ & Q "ž ") " "- fl " & İ & L
O ž&SS&" "(%İ (* / " ž&SS% " "+ Q !

"

(-

ž "%ž " ; fl · &šì & · È% Q fYg_nž 6YfYn]bLž&š%Q !
" ž "" ž " ; fl EO ž&š(/ ž&š%&" "" %Q !
" ž "" &ž "" &fl EO ž ž&š%"" "" (%ž "" %ž5-11Q
Погребения в катакомбах эскарпантов: · =ž "" &ž "" 'O !
ž&š%&" "" šì' %Q ž "" %ž "" +' O ž&š%&" "" *ì' +Q
ž "" Q c] YXUF] Lž&š(" "- &ì-) Q

Особый случай погребения в катакомбе Ì: · · · · · !

· · · · · ž "" ž "" (' O ž
ž&š%(" "+) ž "" šZ-5Q · · · · · ž · · · · · !
· · · · · O ž&š%Q · · · · · ž · · · · · !
· · · · · =J · · · · · " " "O ž&š&š" "+*Q
· · · · · (ì) · · · · · ž ž · · · · · Jì
=J · · · · · " · · · · · " · · · · · " · · · · · !
· · · · · ž · · · · · ž · · · · · !
· · · · · O ž%+(Q · · · · · ž · · · · · fl !
ž "" ž · · · · · fl " ž "" %L"
· · · · · " · · · · · !
· · · · · ž · · · · · ž · · · · · ž · · · · · !
· · · · · ž · · · · · ž · · · · · ž · · · · · !
· · · · · O ž&š%&" "(, Ì(- Q · · · · · !
· · · · · ž · · · · · ž · · · · · ž · · · · · !
fl ž "%ž "" / ž "" &ž " ; / ž "%ž "" %ž/ !
ž "" ž "" ž(/ &ž "%ž "" +L" · · · · · !
· · · · · fl % &L · · · · · !
fl ž "%ž "" / ž "" ž "" (/ &ž "%ž "" +"
· · · · · !
" · · · · · !
· · · · · " · · · · · " · · · · · " · · · · · ž · · · · · !
· · · · · " · · · · · " · · · · · " · · · · · " · · · · · !

ž !
J " " " " !
O "z&ss%Q"
fl LO ž%- ' Q " " ã Ä O !
"z&ss%" "*" Q
+ !
O ž ž%, +Q ž ž !
" ž !
" ã Ä(примечание 1) ž ž ž !
" ž !
" Ä Ä ž "" !
" ž !
" ž 3 !
" ž &S " &S%& " !
% ž " O !
"z&ss%" "*" Q !
" ž !
" ž !
" J " " ž " J I = " " " !
" ž " " !
" ž !
" ž !

E " ž " fl ž !
JİJ " " "
ž

ž " ž ž
ž " ž !
ž " ž !

J " " " @U7i h fYXY7Ybmz% -+Q

J

ž !
" !
ž !
O ž&S* " " +Q

İ ž ž ž

ž !

O ž&S% " "&+Q ž ! Ä

ž !
ž !

Ä Ä " ž Ä

Ä 3 3

ž !
"

J " " 3 ! ž ž

")+

ž ž ž !
 ž ž !
 " + " " / ž
 O ž&SS* " " (&Q
 & fl ") ž
 ž ") !
 " + O ž&SS* " ") ' Q ž " ž
 Ā Āž O !
 ž%-+" "% (ž%, Q
 ! !
 " ž ž ž !
 " " " " " !
 " " " ž % " !
 " ž ž " !
 ! " " " " !
 " " " " fl ž&SS
 " " !
 " ž !
 " " " "

), "

Примечание 1.

О з%-' Q

" "

" "

ž ž

ž ž

" "

ž ž

" "

ž ž / ž ž

" "

" "

Литература

- Алексеева И.Л.
Афанасьева В.К"
Ä
Беспалый Е.Н, Беспалый Г.Е.
Даниленко В.М., Шмаглий М.М.
Довженко Н.Д, Рычков Н.А.
Дремов И. И., Юдин А. И"
Гей А.Н.
Иванова С.В.
Di g" "&" ž&ss" "
Корневский С.Н"
!
"ž&ss) "'
Корневский С.Н.

ž ž " ".Ä
"ž&ss+" "
Корневский С.Н.
ž
ž " "LL=" Ì Ì
ž&ss, "'
Корневский С.Н.
! " ".Ä Äž&ss%@" "
Корневский С.Н. Äž&ss%@" "
Корневский С.Н.
" "&" "ž&ss%" "
Корневский С.Н.
J Ì= " " " " ## fi !

"ž&S% ""

Кореневский С.Н., Наглер А.О"

##

ž%, +""

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А.

" ž&SS+

Кореневский С.Н., Бурков С.Б.

%, , ì%-% "##

fl

- S!

E" ž&S% ""

Кореневский С.Н. Габуев Т.А"

##

ž&S% ""

Кореневский С.Н., Березин Я.Б.

* ## GfUi a Di gž&S%+ " &"

Кореневский С.Н., Березина Н.Я., Березин Я.Б., Грески Ю.

##

fl

- S!

E" ž&S% ""

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохолов А.А., Рослякова Н.В.

GfUi a Di g" " &"

ž&S% ""

Котова Н.С"

. Ä ! " " ! " " Äž&S* ""

Котова Н.С"

" ! . Ä Äž&S% ""

Львова Э.С.

ž%, ("

Малов Н.М"

##

" &SS " ! " &% ("

Манзура И.В"

9l I b i Y

@YcbYa fl

E

Ä ! Äž&S% ""

Мерперт Н.Я"

Ä Äž% + ("

Моргунова Н.Л"

Ä

Äž &S% ""

Мунчаев Р.М"

##

" "%SS" " ! "ž% *%""

"

*%

Мусебли Н.А" !
 fl " " "L##GfU a Di g'888" &"
 Нечитайло А.Л" ##
 ž%*" (" "
 Рассмакин Ю.Я" ## HY
 : cfh 'A]`Ybji a '67"GcZU%- ' "
 Рассмакин Ю.Я.] ## =] Š "
 " "] ž%- + "
 Рассмакин Ю.Я., Будников О. В"ž]
 Wj] ' N ## ž%- ' " "ž] "
 Риттер Э. " " " "
 Ā Äž%, ' "
 Семенов Ю.И. " " " " ! !
 ž%- ' "
 Синицын И.В., Эрдниева У.Э" fl ' % * & % * ' ' E//
 ! ! ž
 " " & ž%*" "
 Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А" !
 ž
 ## !
 " "ž%- + "
 Телегин Д.Я., Нечитайло А.Н., Потехина И.Д., Панченко Ю.В" !
 !
 " . Ā Äž888% "
 Ā
 Уайт Д.М. Äž888% "
 Яковлев А.В. " "
 888% "
 ž888(" " !% "
 Gresky J., Berezina N. Hk c Wgy'cZhfYdUhc'b']b'9bYc`]h]Ww f]Ug'Zca 'Dfc!
 [fYgg & UbXJ cbi W_U%// !
 " LLJ = "
 ž888%&" "
 La culture de Cerny. Bci j Y`Y fWbca]žbci j Y`Y g'W/hf`U `B fc`]h]ei Yžgi g`
 `UX]f" XY 7" 7cbg]b]bž8 "A cfXUblž8 "G]a cb]b f b Wg Xi `7c`cei Y=bhfUhcU`
 XYB Ya ci fgž- İ%a U]% - (E`B Ya ci fgž%- + "
 Govedariča B" NYdhff] [Yf İ ` YfgWf Xf GhddYb`J i bn`Ua F`Y]bž888("
 Gimbutas M. 5b`UFWUc`c[]g]j]k `cZD-9]b`%+) ## HY >ci fbU`cZ-bXc!
 9i fcdYub gi X]Yg" 888(žj c " &"

Gimbutas M" H Y YUf]Yghk Uj Y cZ 9i fUg]Ub`GHddY DUg]cfU]gg]blc`7ccdYf`
5 [YcZ9i fcdY`H Y>ci fbU`cZ=bXc!9i fcdYub`gh X]Yg"%++z] c") ž]gg` ("`

Gimbutas M. 7]j]`nU]cb`cZ`h Y; cXXYgg"GUb`fubVgWz%-`%`

Gimbutas M. 8 Ug9bXY5`hi fcdUg 6i XUdYgž%- ("`

Gimbutas M" H Y? i f[Ub`W`li fYUbX`h Y=bXc!9i fcdYub]nU]cb`cZ9i fcdY`gY!
`W`X`U]H]WYg`Zca`%) &lc`%-`"Oci fbU`cZ=bXc!9i fcdYub`gh X]Yg" A cbc[fUd\
gY]Yg%"8 Y]hf`A`F"/`?`>cbYg6`YnzYX]lcf]g]K Ug]b[lcb`fB"7`L`=bg]li hY`Zf`h Y
gi XncZa Ubž%-`+`"

Rassamakin Ju. 8]Y bcfXdcbhg`Y GHddY]b`Xf`? i dZfnY]h" j c"ž="`

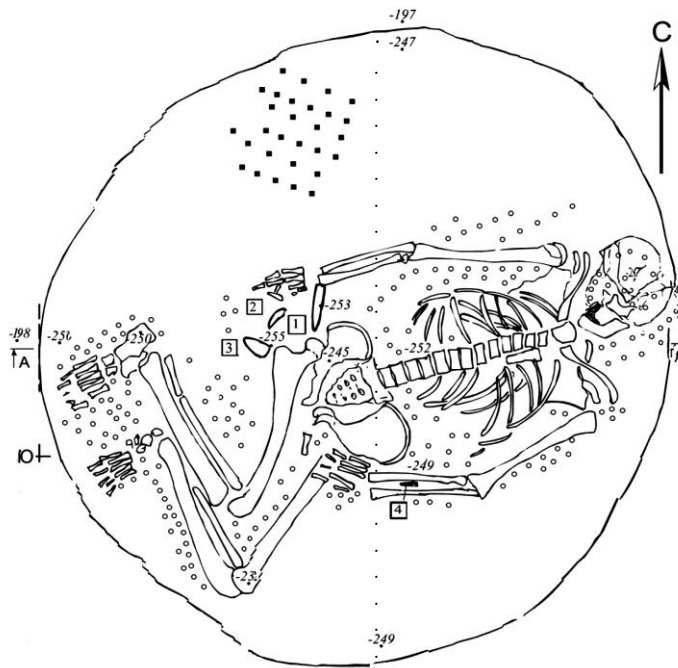
U]bnž&S("J Yf`U`D\]d]j cfNUVfb"

Sherratt A. `bgfi a Yb]g`cZ7cbj Yfg]cb3H`YFc`YcZA Y] U]h]g]b`h`YA Yg`]h!
]WB Yc`]h]W]F]U]g]hcb`]b`B`cfh`!K Ygi9i fcdY##`9W]bca miUbX`GcV]mi]b`DfY`]g`
hcf]W9i fcdY.`7`Ub]]b[`DYfg]W]j Yg" Df]b]W]cbž`B`Yk`>Yfg]m`Df]b]W]cb`I`blj Yfg]mi
DfYgž%-`+U`"

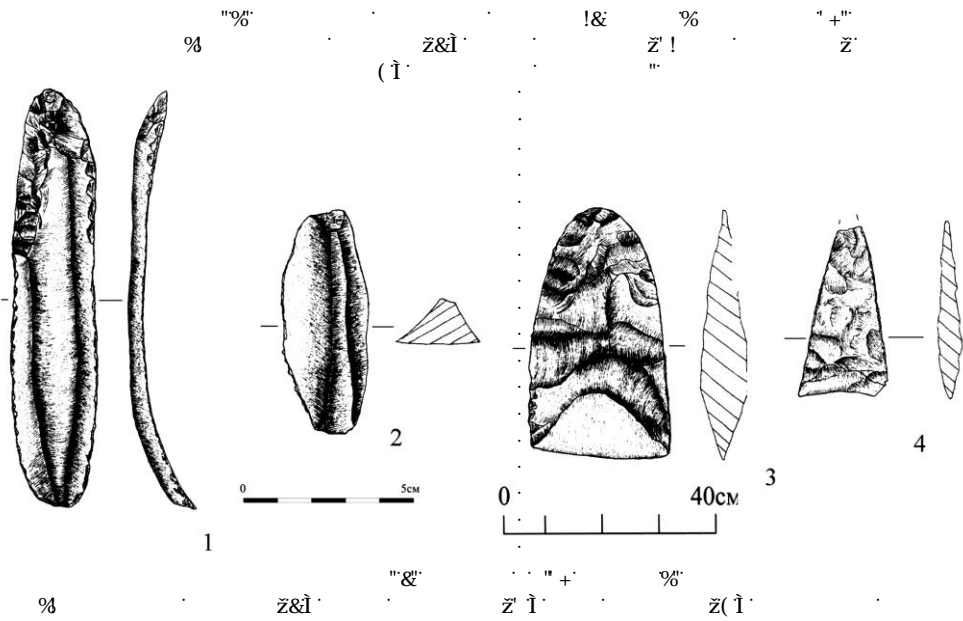
Sherratt A. `H Y; YbY]g`cZ A Y] U]h]g` A cbi a Yb]U]hž`9h`b]W]mi UbX`GcV]U`
7ca d`Y]h]m]b`B`Yc`]h]WB`cfh`!K Ygi9i fcdY##`9W]bca miUbX`GcV]mi]b`DfY`]g`cf!
]W9i fcdY.`7`Ub]]b[`DYfg]W]j Yg" Df]b]W]cbž`B`Yk`>Yfg]m`Df]b]W]cb`I`blj Yfg]mi
DfYgž%-`+V`"

Wang C.-C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C.,
Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K.,
Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.Ch., Magomedov
R.G., Kohl Ph.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B.,
Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper
C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Ya.B.,
Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J.,
Haak W. H Y [YbY]W]dfY]g]cfmcZ`h Y; fYU]f`7U`W]g`g##`V]cFl`lj`dfYdf]bh]Zf]gi
dcg]hX`cb`]bYA`Un`%ž&S%/8C`=\`hd.`##`Xl`"Xc]"cf[#`%\$`%\$`%#`&&`(+`" &S`%`" `S`d`"

Wang C.-C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C.,
Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K.,
Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.Ch., Magomedov
R.G., Kohl Ph.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B.,
Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper
C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Ya.B.,
Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J.,
Haak W. 5bV]bh`i a Ub`[Ybca`Yk]XYXU]U`Zca`U` \$\$\$nYUf`]bh]f]U`]b`h`Y`7U`W]g`
g`g`WffYg]dcbXg`k]h` YW!] Yc[fUd`]W`fY]cbg`##` Nature Communications`
`hdg`##Xc]"cf[#`%\$`%\$` , #g`%`*+!S`%!S` &&!, %\$`%\$` , #g`%`*+!S`%!S` &&!&S`%`"

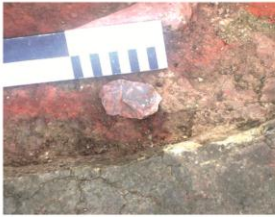
- - a
- - b

* ("

1

2

3

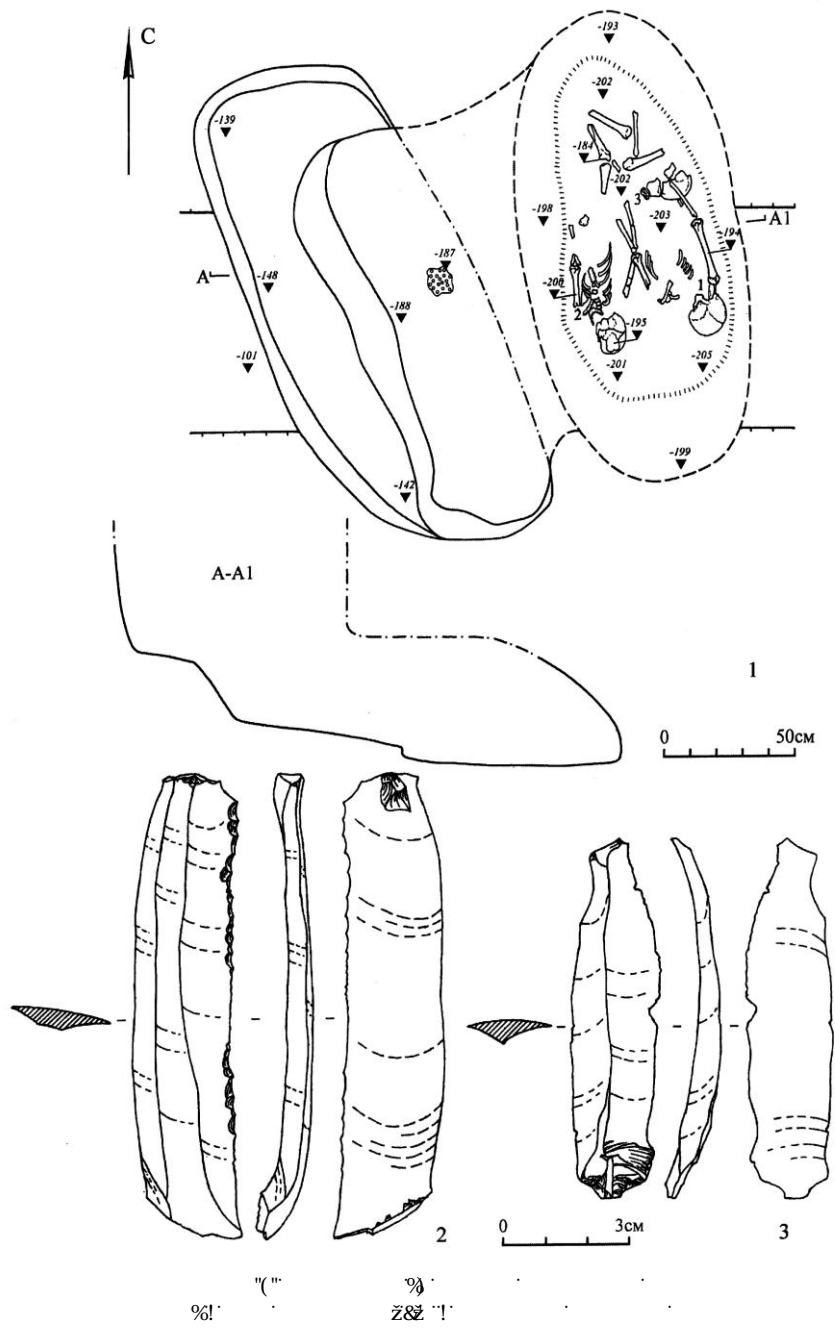

4

"" "" *
% z&(î !*

"

*)

** "

! ! Ä" Ä ! ! Ì !

ž ž ž

ž ! ! " !

" ž ž ž

" ž

"

" %fl E

" ž %ž ž ž

ž " ž "

SZ/ž " !

"

" &fl E

(. ž !

"

Яма 1 ! ž

= ž ž

" ž

ž & , %ž " Ì

" " SZ * "

" %ž ž

" ž "

" % " ž

" " " %\$!

" " !

" %\$ ž !

" " fl E

+ "

'YXJHUVY dc`nI' j YfM fl ž
 E " " ž
 Работа с чертежами. ž !
 fl ")E" ž 1"Vxf' '7cfY'8fUk ž '7cfY'
 ž '5i lc7UXž
 5i lcXYg " " Xg'a U ž
 '5i lc7UX' ž !
 Ì fl E / ž !
 Ì / ž !
 Ì # ž !
 Ì / fl ž !
 " " " " / ž !
 ž / ž !
 ž "M k/ ž !
 Ì / ž !
 Ì ž ž !
 ž ž ž " ž !
 ž ž / ž !
 Ì ž ž !
 ž ž ž !
 " ž ž !
 Ì / " !

ž

"

"

Построение 3d моделей насытей и досыток (1 ступень).

ž

fl

" Xg'a U "

ž

fl

ž E"

ž " "

ž

ž

ž

X

ž

ž

ž

7fcggGYMcb G fZW

9X|hDc`nž

ž

ž

H fVcGa cch

"

"

ž

G fZW

ž

ž

"

ž

H fVcGa cch

ž

"

ž

"

Построение 3d моделей насытей и досыток (2 ступень).

"

"

")))) ž

"

"

F\|bcVfcg"
Материалы и текстуры.

I b]mXž
ž

ž

ž

ž

J!fUž

7\Ucg; fci d"

8]Z gY

ž

J fUžX] YgM "

ž

ž

ž

' Xg'a Už

ž

' I b]m' X

ž

ž

"

' I bk fUdI J K ž

ž

" ' I b]mX

ž

ž " "

8]gd`Um"

=g`]bY

Экспорт данных из программы 3ds max.

' Xg'a U

' I"ZM "

' I b]mX"

ž

ž

Сортировка и упорядочивание полученных данных.

ž

' fl

ž

ž

ž

E

ž

' I b]mX"

Импортирование объектов в Unity3d.

' I b]mX

"

,)

"9"

"8"

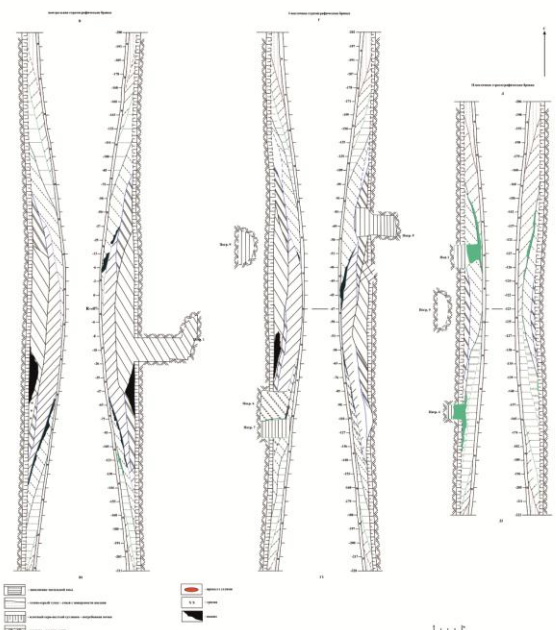
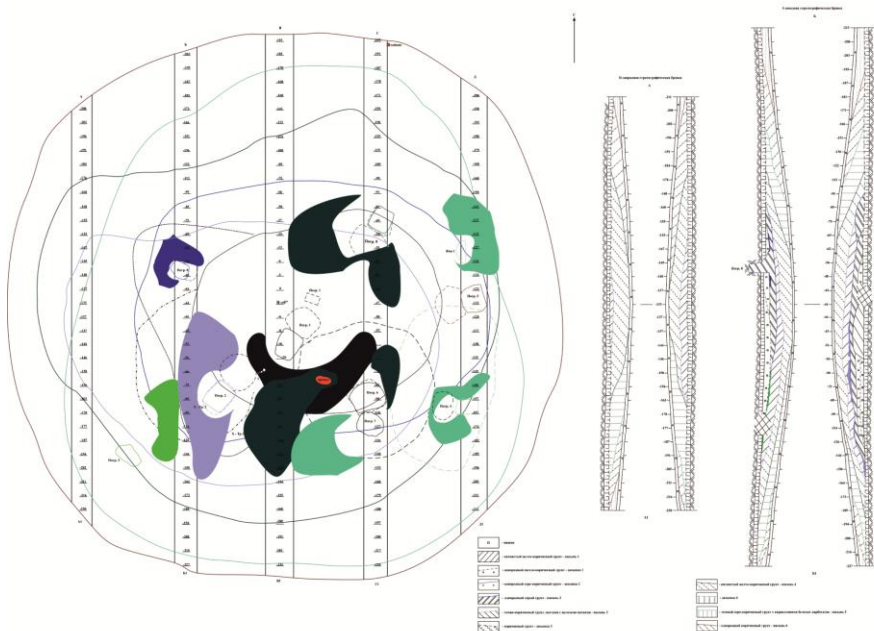
" "

F]Y ~J N!(SS"

" (" "

- \$ "

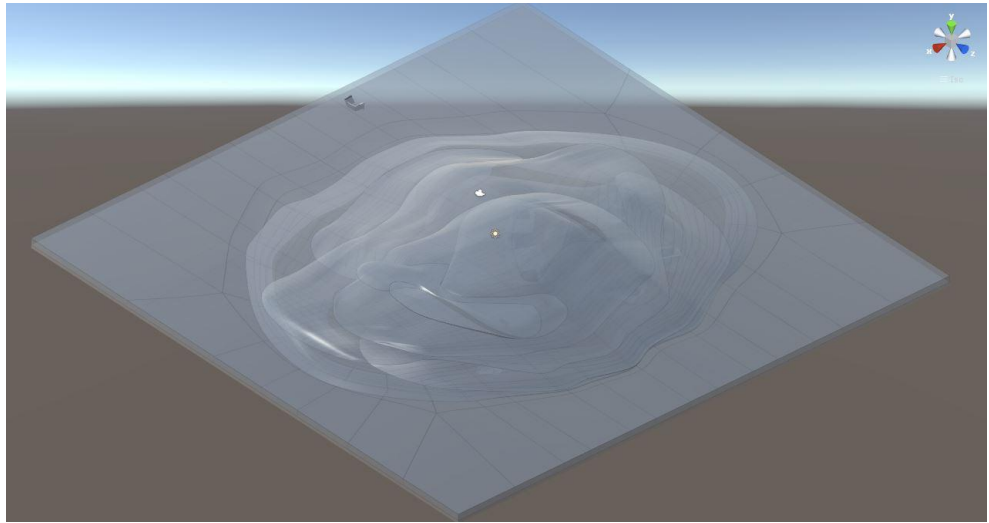

" "

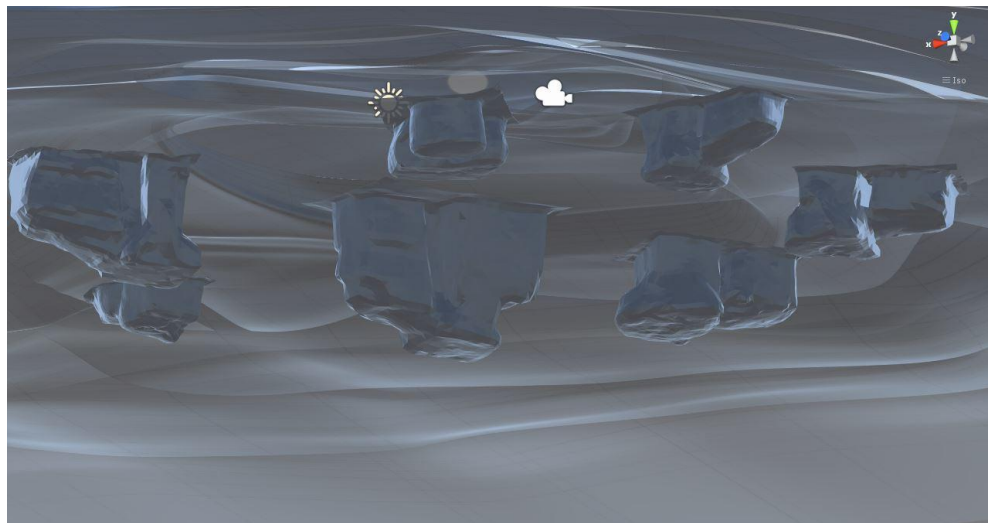
" "

"

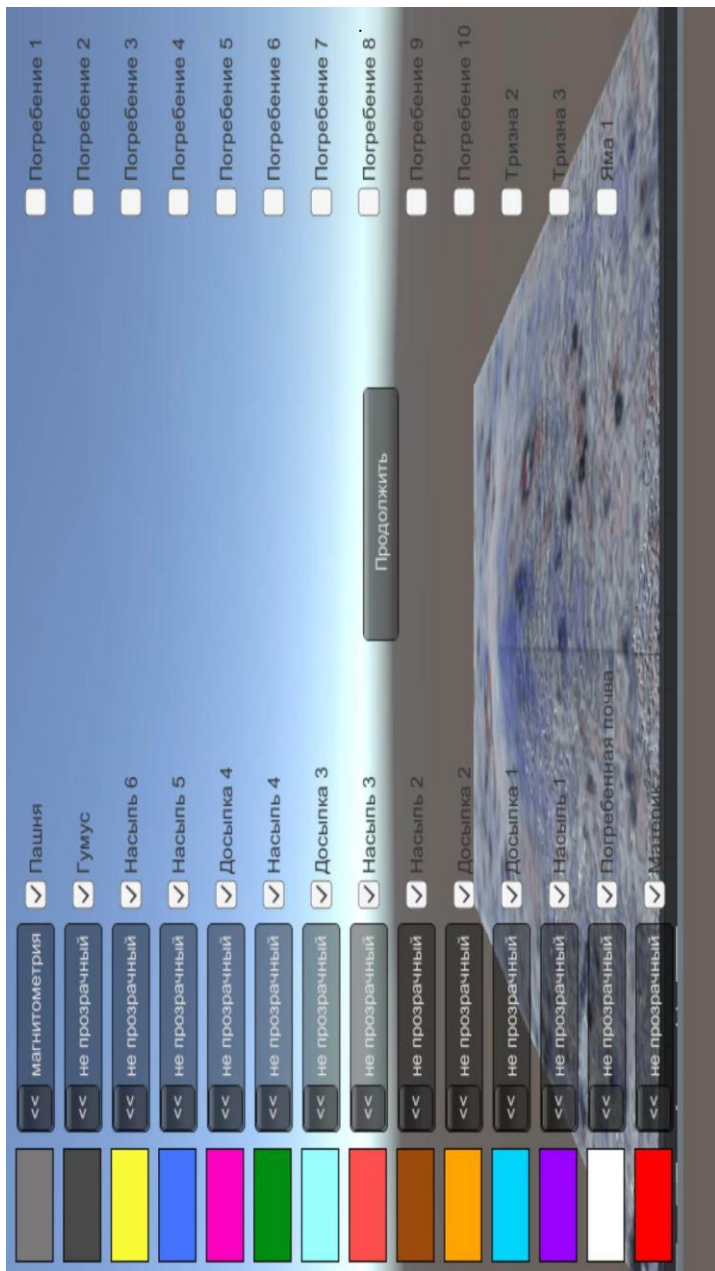
- 9/

||*||

||*||

УДК 903'14(470.4/.5+470.44) |637.7|
ББК 63.4 (235.54) +63.4(235.55)

Малов Н.М.

ПРЯЖКИ ИЗ ИСКОПАЕМЫХ РАКОВИН МОРСКИХ МОЛЛЮСКОВ
В ПОГРЕБЕНИЯХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА
САРАТОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ И ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ

В работе рассматриваются пряжки из ископаемых раковин морских моллюсков. Они происходят из погребений срубной культуры позднего бронзового века Саратовского Правобережья и Волго-Уральского междуречья. В научный оборот вводятся материалы раскопок археологических экспедиций Саратовского государственного университета. Анализируется наиболее полная сводка изделий из фоссилий обширного региона.

Ключевые слова: пряжки, ископаемые раковины, фоссилии, погребения, срубная культура, поздний бронзовый век, Саратовское Правобережье, Волго-Уральское междуречье.

Malov N.M.

BUCKLES MADE OF FOSSIL SEASHELLS AND FOUND
IN THE LATE BRONZE AGE TIMBER-GRAVE BURIALS WITHIN
THE VOLGA RIGHT BANK AREA NEAR SARATOV
AND THE VOLGA-URAL INTERFLUVE

Buckles made of fossil seashells are considered. Those come from the Late Bronze Age timber-grave burials within the Volga right-bank area near Saratov and the Volga-Ural interfluve. Materials from the excavations by archaeological expeditions of the Saratov State University are introduced for scientific use. Analyses is presented of the most complete report on the items made of fossils and found within a vast region.

Keywords: buckles, fossil shells, fossils, burials, timber-grave culture, Late Bronze Age, Volga right-bank area near Saratov, Volga-Ural interfluve.

Украшения, изготовленные из створок морских раковин, известны с древнейших времен каменного века. Будучи частью костюма, они отличались по месту расположения, способу ношения и функциональному предназначению. Микроскопический анализ позволяет предполагать, что 120 тысяч лет назад на палеолитической стоянке в пещере Кафзе некоторые морские раковины с ды-

рочками, следами износа и окрашивания охрой могли нанизываться и носиться как бусы [Bar-Yosef Mayer DE, 2020]. В эпохи верхнего палеолита, неолита, энеолита и поздней бронзы на достаточно обширной территории Северной Евразии распространяется традиция украшать одежду створками морских (в том числе ископаемых) и речных раковин [Малов, 1992. С. 39, 40, 42–43. Рис. 4, 18; он же, 2008. С. 92, 119, 125, рис. 12, 8, рис. 18, 4; Кирюшин и др., 2012. С. 104–107].

Например, две створки речных ракушек обнаружены в женском энеолитическом захоронении № 3 кургана № 9 Зубовского могильника (Ленинский район Волгоградской области). По узким сторонам створок сделаны пропилены, около которых просверлено по одному круглому отверстию для привязывания украшений на поясе [Мамонтов, 1992; Кияшко, Хабарова, 2007. С. 6, 13, 74, № 60. Рис. 2, 1, 2]. Пряжки и другие украшения, сделанные из морских раковин, также встречаются в погребениях срубной культуры и андроновской общности Поволжья и Волго-Уралья [Подгаецкий, 1940. С. 80–81; Аванесова, 1991. С. 90–91; Малов, 1992. С. 42–43; Ткачев, 2002. С. 184; Кирюшин и др., 2012. С. 104–107; Крамарев, 2015. С. 352–354].

Створки ископаемых и речных раковин без искусственных отверстий, не служившие украшениями и пряжками, также иногда клали в захоронения покровской и срубной культур. Речные раковины перловицы обыкновенные *Unio pictorum* присутствовали в 5 погребениях покровской культуры Нижнего Поволжья, что свидетельствует о сборе и использовании этого вида моллюсков [Малов, 1989. С. 92]. При этом в погребении № 6 кургана № 2 южной Иловатской группы они лежала в сосуде [Смирнов, 1959. С. 214, 217, рис. 6, 1]. Обломки створок речных моллюсков также встречены в СВ углу могилы № 20 покровской культуры из кургана № 1 могильника Бородаевка II (Калмыцкая гора) [Лопатин, 2009. С. 53].

Напомним, что гончары покровской культуры обладали знаниями о клейкости пресноводных моллюсков, поскольку при лепке посуды добавляли в керамическое тесто преимущественно толченую ракушку [Малов, 2007. С. 65–66]. Иногда раковины перловицы из восточного ареала памятников срубной культуры интерпретируют как полисемантический знак, олицетворяющий водную стихию, плодородие, благополучие, связь с миром мертвых, или как знак служителя культа [Цимиданов, 2009. С. 71–72]. В этой связи полагаю, что предположение о раковинах перловицах, не являющихся украшениями, как особых семологических знаках в срубной культуре, нуждается в более веском обосновании.

Пряжки из створок фоссилий иногда встречаются на территории Саратовского Правобережья и Волго-Уралья в погребениях срубной культуры (рис. 1). В статье представлен свод таких находок, а также впервые вводятся в

научный оборот материалы раскопок двух курганов из групп «Чардым» и «Таволга I». При этом два погребальных комплекса («Таволга», «Мокрая Песковатка») приурочены к бассейну р. Медведицы, впадающей в Дон. В данном контексте отметим, что юго-западнее Саратовского Правобережья пряжка круглой форм из створки раковины обнаружена также в Донском бассейне, на территории соседней Воронежской области. Она происходит из погребения № 4 кургана № 7 могильника Подгорное-I [Пряхин и др., 1990. С. 8, 9, рис. 4–9]. Исследователи отнесли захоронение эпохи поздней бронзы к доно-волжской абашевской культуре. Однако вопрос о его культурной принадлежности остается открытым. Дело в том, что из материалов раскопок погребения авторы ограничились только публикацией изображения пряжки, без ее описания и указания параметров (рис. 6, 2). Судя по рисунку, она имела только одно отверстие – большое центральное.

Саратовское Правобережье.

1. Погребение из Чардымского кургана № 2.

Село Чардым находится на правом берегу Волги в 36 км. выше по течению от г. Саратова. В 1930 г. в 4 км. от с. Чардым П.С. Рыковым были исследованы два кургана на левом берегу одноименной реки недалеко от её впадения в Волгу (рис. 1, 1). Сейчас эта территория входит в состав Воскресенского р-на Саратовской области. В физико-географическом отношении данная местность приурочена к пограничью между южной окраиной лесостепи и северной периферией степи. Речка Чардым, длина которой 78 км, берет свое начало на Волго-Донском водоразделе Приволжской возвышенности [Демин, 2002. С. 24].

Отчет о полевых исследованиях двух Чардымских курганов из разных групп, а также планы захоронений, хранятся в Архиве ИИМК РАН [Рыков, 1930. Л. 55–69]. Об их местонахождении сообщалось: «В ½ км. к СВ от городища на соседнем мысу расположены два кургана и ближе к оконечности мыса ещё два. Через овраг, ближе к городищу, на заросшей стрелке оврага находятся два кургана. Один из двух курганов более дальних и один из двух ближайших были раскопаны.» [Рыков, 1930. С. 18].

Этот курган, из ближайшей к городищу группы, экспедиция раскопала не полностью, а «колодцем». В 1988 г. его повторно раскопала экспедиция под руководством В.Г. Миронова [Миронов, 1988], но новые погребения не выявила. По данным Валерия Григорьевича, эта группа располагалась на мысовом краю оврага, в 0,2 км к ССВ от укреплений первого Чардымского городища. Кургану 2 (по П.С. Рыкову) В.Г. Миронов присвоил другой номер 1. Он находился на естественном «бугорке» высотой менее 0,2 м.

Отчетный текст П.С. Рыкова о раскопках этого кургана № 2 размещен на двух машинописных страницах отчета [Рыков, 1930. С. 18, 24–25]. Он публику-

ется без изменений, с сохранением авторской орфографии, пунктуации и рукописных правок. Затем приводятся архивные сведения о вещах по книге поступлений и сохранившимся в фондах археологии СОМК предметам. Рисунки вещей выполнены мной в результате непосредственного изучения музейной коллекции.

Курган № 2 /ближний/. Диаметр – 26 м. Высота – 0.80 м. Рыт колодцем 8 х 8. В центре обнаружено два погребения.

В насыпи, в центре, на глубине 0,50 м. найдены в кучке черепки очень большого глиняного горшка /тип украинской макитры/, покрытого чеканным орнаментом. Диаметр горла – 50 см и такая же высота.

Погребение 1. На глубине 0.90 м. в круглой, имевшей в диаметре 0,70 м., найден в С. – 3. стороне глиняный горшок, орнаментированный чеканом по краю и горлу. В нем лежали кости овцы. Костей человека, очевидно, ребенка, не сохранилось.»

Вещи из музейной коллекции и комментарии. Находки, в этом же году поступившие на хранение в СОМК, записали за данным погребением под № 1383. Воспроизведем текст с сохранением орфографии и пунктуации: «1) Черепки большого глиняного горшка, покрытого чеканным орнаментом расположенных по верхней части боков сосуда. На нижних частях стенок имеются вертикальные мелкочеканные линии и в них же сделан крест. (горшок реставрирован). 2) Глиняный горшок, орнаментированный чеканом по краю сосуда.»

Таким образом, в книгу поступлений к первому погребению, вместо одного (по отчету) записали два сосуда. Согласно отчета реставрированный горшок происходит не отсюда, а из насыпи. Это сосуд типа «макитры», черепки от которого лежали кучкой в центре насыпи. Не исключено, что данный горшок и погребение 1 представляли собой «тризну». Поэтому инвентарный комплекс и записали как совместный.

Сейчас у реставрированного сосуда отсутствует днище, форма реконструируется между плечиками и придонной частью (рис. 2, 1). Максимальный диаметр по плечикам и высота около 38–40 см. Есть следы от заглаживания поверхности, а также орнамент в виде зигзагообразных и косых оттисков зубчатого штампа. В нижней части изображен крест. В тесте примесь шамота и раздробленных частиц белого цвета.

В коллекции, также представлен один фрагмент венчика, который мог принадлежать второму горшку, «орнаментированному чеканом по краю». Именно на его срезе и расположены косые оттиски зубчатого штампа (рис. 1, 4). Хотя примесь в глине и орнаментация у него такие же, как и у первого сосуда.

«Погребение 2. На расстоянии 1.20 м. к СВ от этого погребения на глубине 1.20 м. находилась могильная яма, ориентированная по линии СВ – ЮЗ и имевшая в длину 2.30 м., в ширину -1.50 м. и прикрытая поперек бревнами. На дне ямы лежал костяк человека, сильно истлевший и потревоженный грызунами. Покойник, сильно

скорченный и ориентированный головой к СВ, был положен на левом боку. Руки кистями лежали у лица. В полости таза найдена небольшая круглая плоская пряжка с двумя дырочками, сделанная из раковины, а Ю.В. углу ямы стоял глиняный орнаментированный вдавленными треугольниками горшок баночно – вазообразной формы. В ногах покойника лежали кости овцы.»

Вещи из музейной коллекции и комментарии. За данным погребением (рис. 2, 5) в книгу поступлений СОМК записали глиняный горшок баночно-вазообразной формы, орнаментированный вдавленными треугольниками, а также круглую плоскую пряжку из раковины с двумя дырочками.

Параметры полностью сохранившегося баночного сосуда срубной культуры (СМК 67647): диаметр по венчику – 16 см, по плоскому дну – 10 см, высота – 17,5 см (рис. 2, 2). Венчик наклонен внутрь. Ниже слабо выраженной шейки – на плечиках нанесен орнамент из косых вдавленных треугольников. Они, вероятно, выполнены углом гладкого штампа. Пряжка к настоящему времени сохранилась не полностью (СМК 67648). Ее внешний диаметр – 44 мм, диаметр центрального отверстия – 18 мм, диаметр одной из двух, частично сохранившихся дырочек или малых боковых отверстий – 1 мм (рис. 2, 3; 5, 1).

Во время раскопок В.Г. Миронова, из индивидуальных находок, в заполнении могилы встречено бронзовое шильце и фрагменты лепного сосуда эпохи поздней бронзы. Обломки керамики со штриховкой и без примеси ракушки, орнаментированы по шейке зубчатым штампом. Стенки и дно могилы сильно испорчены ходами и норами грызунов. На стенках были видны полосы от применения полукруглого кельтовидного орудия(?) шириной до 6 см. и отпечатки тонких прутьев. Основание дня относительно ровное, со следами белого тлена от камышовой подстилки, кое-где подкрашенной охрой.

2. Погребение из кургана № 2 в группе «Таволга I».

В 2003 г. экспедиция СОМК – СГУ, под моим руководством, произвела раскопки на трассе магистрального газопровода Починки – Фролово в Петровском р-не Саратовской области [Малов, 2008а. С. 189]. Курганная группы «Таволга I» из 8 земляных насыпей компактно расположена на пашенном поле, в 7 км к ЮВ от с. Новозахаркино и в 6 км к ЗСЗ от с. Колки (рис. 1, 2). Она вытянута по линии В-З, на расстояние 220–230 м, занимая центральную часть межбалочного водораздельного гребня.

Курган № 2 самый крайний в восточной части группы. Насыпь овальной формы слегка вытянута по линии СЗ – ЮВ. Диаметр 19–20 м, высота 0,02–0,06 м. Материк – желтая глина, над ним, в центре частично сохранилась погребенная почва в виде суглинка мощностью 25–30 см. Далее остатки насыпи в виде сплошь перемешанного распашкой и норами грунта. Мощность пахотного дернового слоя 25–30 см. К северу от «0» репера, на уровне погребенной почвы фиксировался материковый выкид, смыкавшийся с материковым скоплением

нор, образующим пятно, заполненное перемешанной темной почвой. Оно имело прямоугольную форму и было ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Вероятно, здесь располагалось основное захоронение, полностью разрушенное норами. В кургане выявлено 20 захоронений срубной культуры.

Погребение № 2 впускное, расположено в юго-восточном секторе, в 3,4 м. к югу и в 4,5 м. к востоку от «0» репера. Могильная яма овальной формы, длинными сторонами ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Её длина 1,62 м, ширина 0,85–1,05 м, глубина в материке от 12 до 38 см. Дно ровное, плавно понижалось к ЮЮЗ. Стенки преимущественно отвесные, только покатость в виде небольшой ступеньки проявляется в ЮЮЗ части. На дне ямы скорченно, на левом боку лежал скелет взрослого человека в позе адорации (рис. 3, 4; 4, 1). Теменной частью череп ориентирован на СВ. Вещи из погребения хранятся в СОМК (НВ 43007; НВ 43008; СМК 71182).

Лепная керамика, с примесью шамота в тесте, представлена развалами от двух сосудов срубной культуры. Более крупный сосуд завалился на кисти рук. Он орнаментирован по плечикам вертикальными вдавлениями крупнозубчатого штампа, расположенными в ряд (рис. 3, 2). На внешней поверхности следы от заглаживания по сырой глине в виде вертикальных полос. На внутренних стенках горизонтальные полосы от заглаживания и черные пятна от нагара. Диаметр по венчику около 17 см, по дну – 10 см, высота 19–19,5 см. Развал другого баночного не орнаментированного сосуда находился под локтем правой руки (рис. 3, 1). Его высота около 9 см, диаметр днища 7,5 см.

На костях ступни правой ноги, около пятки, сверху лежала пряжка округлой формы (рис. 3, 3; 4, 2; 5, 2). Она изготовлена из створки ископаемой морской раковины и имела два искусственных отверстия. Большое расположено в центре, а малое боковое в макушечной части, над замочным краем. Внутренняя её сторона была на костях, малое боковое отверстие направлено к лодыжке. Диаметр пряжки 35 мм, центрального отверстия – 18 мм, бокового – 6 мм.

3. Погребение № 9 из кургана на берегу р. Мокрая Песковатка.

Курган срубной культуры на берегу р. Мокрая Песковатка в окрестностях с. Большие Копены Лысогорского р-на Саратовской области (рис. 1, 3). Раскопки экспедиции СГУ под руководством В.А. Лопатина [Лопатин, Четвериков, 2006. С. 115, 120, 130, рис. 5, 10–12]. Авторы полагают, что курган оставлен представителями одной родовой общины. Погребение № 9 социально выраженного представителя категории власти, выявлено в СВ части, в 2,3 м к СЗ от центра насыпи. Около западной стенки прямоугольной могилы лежал скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, в позе адорации, с завалом на спину, головой на СВ. Пряжка круглой формы, изготовленная из створки ископаемой раковины, лежала возле локтевых суставов скелета пожилого человека. Её диаметр 4,6–4,9 см. Она имела два отверстия, большое в цен-

тре и малое боковое около замочного края (рис. 6, 1). Диаметр центрального отверстия 1,7 см, бокового 0,4 см. Остальной инвентарь представлен слабопрофилированным лепным не орнаментированным сосудом срубной культуры, инсигнией власти – каменным навершием булавы с костяной втулкой и костями мелкого рогатого скота.

Волго-Уральское междуречье.

4. Погребение № 4 из Ново-Аккермановского могильника

Могильник находился около поселка Ново-Аккермановка Оренбургской области (рис. 1, 4). Раскопки первого отряда Орской экспедиции под руководством Г.В. Подгаецкого [Подгаецкий, 1940. С. 71–74, 79–81, рис. 5, 8.]. Парное погребение срубной культуры, в котором мужской костяк «А» возрастом около 35 лет лежал скорченно на левом боку в позе адорации, «почти на груди», головой на СЗ. Около черепа сосуд, а на тазовых костях, около верхнего эпифиза правой бедренной кости, – «поделка» из створки раковины. Она имела круглую в плане форму и два отверстия: большое круглое в центре, малое в боковой части (рис. 6, 10). Женский костяк «В», возрастом около 25 лет, в позе адорации, скорченное положение на правом боку. Он завалился на грудь, черепом ориентирован к СЗ, частично перекрывал костями таза и ног скелет «А». В головах два сосуда. Автор раскопок согласился с М.П. Грязновым относительно того, что некоторые погребения Орского района отличаются от андроновского типа, поскольку имеют элементы западных культур хвалынской и срубной, распространенных в степях от Нижнего Поволжья до Днепра. В этой связи Георгий Владимирович обратил внимание на погребение № 4, сосуды которого, по его верному заключению, явно выпадали из андроновского типа. При этом впервые и совершенно точно было указано на аналогии предмету из створки раковины: «<...> эта поделка чрезвычайно напоминает костяные «пряжки», обычные для погребений в срубях и насыпях европейской части юга СССР. Они имеют такую же форму и те же два отверстия» [Подгаецкий, 1940. С. 80].

5. Погребение из курганной группы Тартышево IV.

Раскопки (1963) К.В. Сальникова (рис. 1, 5) в Башкирии [Сальников, 1969. С. 165, 188, рис. 22, 9]. К сожалению, опубликована только пряжка из ископаемой раковины, происходящая, по мнению автора раскопок из погребения «покровского этапа» срубной культуры. Она округлой формы с двумя отверстиями (рис. 6, 3). Большое отверстие располагалось в центре, а малое боковое – в макушечной части над замочным краем.

6. Погребение № 2 из кургана № 28 Старо-Ябалаклинского могильника.

Могильник расположен на надпойменной террасе р. Демы около одноименной деревни Чишминского р-на Башкирии (рис. 1, 6). Раскопки (1974) Ю.А. Морозова [Горбунов, Морозов, 1991. С. 6–7, 23, 83, 132, рис. XVII, 10–12]. В

кургане выявлено 4 погребения срубной культуры. На дне могильной ямы № 2 костяк мужчины 20–35 лет, в позе адорации, завалившийся на грудь, черепом на СВ. Около тазовых костей найдена поясная пряжка с центральным отверстием для ремня, сделанная из морской раковины (рис. 6, 4). Авторы отметили, что их происхождение палеонтологи связывают с юго-западным Устюртом и Мангышлаком. Перед грудью стоял орнаментированный по венчику сосуд срубной культуры баночной формы.

7. Погребение № 1 из кургана № 1 Хрящевского могильника.

Курган около с. Хрящевка Ставропольского р-на Самарской области в лесостепном Заволжье (рис. 1, 7) [Зудина, 1998. С. 99, № 73]. Раскопки (1974) М.Ф. Обыденнова [Крамарев, 2003. С. 81]. Судя по отчету, в погребении срубной культуры была пряжка из раковины [Крамарев, 2015. С. 390]. Однако в статье, на которую обычно при этом ссылаются исследователи [Васильев, Пятых, 1976. С. 44, 47, рис. 1, 5], находка пряжки не упоминается.

8. Погребение № 6 из кургана № 8 Лузановского могильника.

Могильник срубной культуры находится на краю надпойменной террасы р. Кондурчи около с. Лузановка Кошкинского р-на Самарской области в лесостепном Заволжье (рис. 1, 8). Раскопки Л.Н. Жигулиной [Васильев, 1977. С. 19–20, 38, 43, рис. 10, 2, 20, 10]. Обнаружено шесть захоронений срубной культуры. На дне могилы № 6 лежал скорченно на левом боку скелет взрослого человека в позе адорации, слегка завалившись на спину, ориентированный на СЗ. Подвеска из раковины найдена в ногах погребенного. Отверстий два: большое центральное и малое боковое около замочного края (рис. 6, 5). Другой инвентарь представлен баночным сосудом срубной культуры, орнаментированным в верхней части. Вещи из могильника хранятся в Музее археологии, этнографии и истории Самарского государственного университета [Зудина, 1998. С. 98, № 63].

9. Погребение № 5 из кургана № 3 Акназаровского могильника.

Памятник располагался на окраине с. Акназарово Мелеузовского р-на Башкирии, на террасе правого берега р. Белой (рис. 1, 9). Раскопки (1977–1978) экспедиции Башкирского государственного университета [Обыденнова и др., 1985. С. 45–47, 52, рис. 4, 10]. В кургане были и другие захоронения срубной культуры. На дне могилы № 5 в скорченном положении на левом боку, в позе адорации лежал мужской костяк, ориентированный головой на ССВ. Перед кистями рук и лицевой частью черепа стоял орнаментированный сосуд срубной культуры со слегка отогнутым венчиком. В районе пояса на тазовых костях была пряжка, изготовленная из раковины, диаметром 4 см, высотой около 1 см (рис. 6, 7). Диаметр центрального отверстия 2 см. Второе, небольшое боковое, имелось около замочного края. Авторы публикации отметили ближайшие аналогии пряжке в Тартышево, Тасты-Бутак и Ново-Аккермановке.

10. Погребение № 10 из кургана № 1 Аитовского могильника.

Могильник расположен около с. Аитово Бишбулякского р-на Башкирии, на террасе правого берега р. Демы (рис. 1, 10). Раскопками 1986 г. обнаружено несколько захоронений срубной культуры [Морозов, Рутто, 1995. С. 13-14, 16, 22, рис. 5, 8]. На дне могилы № 10 парное погребение взрослых людей в скорченном положении на левом боку, головой на С. Возле тазовых костей полуразрушенного скелета найден обломок пряжки из створки раковины с большим центральным отверстием. Авторы отнесли захоронение к началу развитого периода срубной культуры.

11. Погребение № 5 в кургане № 6 могильника близ с. Новоселки.

Курганный могильник располагался на окраине лесостепи правобережья р. Волги около с. Новоселки республики Татарстан, на границе с Ульяновской областью (рис. 1, 11) [Иванов, Скарбовенко, 1993. С. 78, 89 (таблица), 112, 126, (рис. 14, 14)]. В 1985-1987 гг. исследовался Средневожской экспедицией. Курган содержал несколько погребений срубной культуры. В захоронении № 5 обнаружена пряжка круглой формы, с двумя отверстиями, сделанная из створки фоссилии (рис. 6, 9). Более крупное отверстие в центре, малое боковое около замочного края створки. Среди инвентаря лепные сосуды срубной культуры. Вещи хранятся в Музее археологии, этнографии и истории Самарского государственного университета [Зудина, 1998. С. 101-102, № 90].

12. Погребение № 21 из кургана № 1 IV-го Свердловского могильника.

Могильник срубной культуры, располагавшийся около с. Свердлово Тоцкого р-на Оренбургской области, исследован в 1986 г. отрядом экспедиции ОГПИ под руководством О.И. Пороховой (рис. 1, 12) [Халяпин, 1998. С. 57, 59-60, 78, рис. 4, 7, 12]. В могиле № 21 овальных очертаний, на золистой подсыпке лежал костяк взрослого человека в сильно скорченном положении на левом боку, в позе адорации, завалившись на живот, головой на С. Рядом с поясницей найдена пряжка круглой формы диаметром 4,2 см из морской раковины с двумя отверстиями (рис. 6, 8). Большое отверстие - в центре, малое боковое - на замочном крае. Рядом с теменем стоял не орнаментированный сосуд срубной культуры. Остальные могилы кургана также относятся к данной культуре.

13. Погребение № 3 из кургана № 4 могильника Верхнесъезжее I.

Курган, находящийся на надпойменной террасе р. Съезжей в Нефтегорском р-не Самарской области, раскопан А.В. Денисовым в 2015 г (рис. 1, 13) [Денисов, Кузьмина, 2020. С. 114, 116-119, 125, рис. 5, 2, 3]. Он содержал 5 погребений эпохи поздней бронзы. Погребение № 3 было одним из основных в кургане. На дне подпрямоугольной могильной ямы, лежал скелет мужчины 30-35 лет, европеоидного антропологического типа, в сильно скорченном положении на левом боку, в позе адорации, головой на ССЗ. Перед животом находилась пряжка с двумя отверстиями, сделанная из створки фоссилии (рис. 6, 6). Ее

диаметр 3,9 см, большого отверстия – 1,9 см, малого – 0,6 см. Боковое малое отверстие было на замочном крае. Она располагалась центральным отверстием вверх, а малым направлена в сторону головы умершего. По определению палеонтолога Д.В. Варенова пряжка сделана из створки раковины двустворчатого ископаемого моллюска *Glycymeris* sp. (Отряд Arcida (арки), семейства Glycymerididae (глицимерисы), ближайшие местонахождения которого известны в казахстанской части западного Общего Сырта. По мнению авторов, курган оставлен племенами поздней покровской культуры. Однако для этого утверждения нет веских оснований. К тому же в погребении № 3 отсутствует керамика, а мелкие ее фрагменты из двух других могил не достаточно информативны для определения культурно-хронологической позиции погребально-го комплекса как памятника покровской культуры. Тем более, что округлобокий сосуд из захоронения № 1 не противоречит принадлежности кургана к древностям срубной культуры.

В заключение подведем определенные итоги изучению пряжек из фоссилий и погребений их содержащих. Все пряжки в плане имеют округлую форму. Общий диаметр по внешнему краю колеблется от 3,9 до 4,9 см. Почти все они имели два отверстия: большое в центре и малое боковое на замочном крае. Диаметр центрального – от 1,7 до 2 см, бокового – от 0,1 до 0,6 см. Изредка в пряжке присутствует только одно отверстие – центральное (Старое Ябалакльы, Аитово). Кроме того, чардымская пряжка выделяется устройством не только центрального отверстия, но и двух маленьких боковых «дырочек».

Выражаю признательность заведующему кафедрой исторической геологии и палеонтологии СГУ, профессору Е.М. Первушова, за определение рассматриваемых саратовских фоссилий. По представлению Евгения Михайловича пряжки Саратовского Правобережья, скорее всего, изготовлены из створки раковины позднемиоценовых морских двустворчатых моллюсков – *Ostrea* sp. По общим признакам, это представители *Ostrea praesinzovi* (Arkh.), но видовая принадлежность все же рассматривается условно из-за не полной современной сохранности створок и их антропогенной обработки. Ископаемые остракоды часто встречаются на тех участках территории Саратовского Правобережья, где породы верхнего мела слагают поверхность современного рельефа.

Именно здесь они и могли послужить исходным материалом для изготовления пряжек. В простонародье такие створки фоссилий обычно называют «чёртовыми пятками». Это обусловлено демоническими представлениями и фольклорными кодами, согласно которым у чертей есть копыта, а пятки отсутствуют [Померанцева, 1975. С. 31; Березович, Родионова, 2002. С. 7–44].

Учтенные пряжки чаще всего лежали в полости таза или около тазовых костей. Это указывает на то, что они крепились здесь около конца ремennого

пояса [Братченко, 1995. С. 22]. Зафиксированы и другие варианты их местонахождения и крепления к поясной фурнитуре: на костях ступни (Таволга), возле локтевых суставов (Мокрая Песковатка), в ногах (Лузановка) и перед животом (Верхнее Съезжее). Следовательно, некоторые пряжки крепились на одежде умерших там, где перевязывали – стягивали ремешками нижние и верхние конечности, для придания трупам поз, соответствующих погребальному ритуалу.

Погребения принадлежат взрослым людям и совершены по обряду трупоположения. Умершие ориентированы головой на СВ (4), СЗ (3), С (2), ССВ (1). По выборочным палеоантропологическим определениям отмечается присутствие мужских особей (Старое Ябалаклы, Акназарово, Свердлово, Верхнесъезжее). Преобладают индивидуальные захоронения в позе адорации, но есть два парных – мужчины и женщины. При этом некоторые костяки завалились на спину или на грудь. Материковые могилы прямоугольные, в двух случаях овальной формы. Перекрытие отсутствует, только в Чардымском кургане оно было из бревен. Как правило, в курганах устроены и другие могилы срубной культуры. По набору инвентаря к категории социально значимых относится захоронение № 9 на Мокрой Песковатке. Некоторые могилы являлись основными в кургане, но есть и впускные.

Впервые изделие из створки фоссилии в погребении срубной культуры Нижнего Поволжья обнаружил (Чардымский курган № 2) П.С. Рыков и верно атрибутировал его как пряжку. При определении функционального предназначения этого украшения профессор мог учитывать материалы своих раскопок близ г. Покровска, где (курган № 35) в 1927 г. была найдена костяная пряжка близкой формы с крупным центральными и двумя малыми боковыми отверстиями [Малов, 2014].

Тогда захоронения бабинской и покровской культур еще не были отделены от срубных. Поэтому Г.В. Подгаецкий считал, что раковинная поделка из Ново-Аккермановки напоминает по форме и отверстиям костяные «пряжки» срубных погребений. Следует отметить, что в кургане на Мокрой Песковатке, помимо круглой пряжки из створки фоссилии, в погребении № 2 встречена костяная пряжка ромбовидной формы [Лопатин, Малов, 2014. С. 76, 79, рис. 1, 5, 6]. Это свидетельствует о кратковременном отрезке сосуществования поздних костяных подтипов ромбовидной формы и округлых пряжек из морских раковин. В Нижнем Поволжье начало бытования погребений с пряжками из створок фоссилий восходит к покровско-срубной стадии позднего бронзового века [Малов, 2012. С. 97].

Пряжки, сделанные из створок ископаемых ракушек, найдены на обширной территории региона – от пограничья лесной зоны с лесостепью на севере и западе, до степных окраин на юге. Вместе с тем, они являются одной из избира-

тельных категорий костюма покойников эпохи поздней бронзы, поэтому редко входят в состав погребального инвентаря срубной археологической культуры.

Литература:

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Изд-во «Фан», 1991.

Березович Е.Л., Родионова И.В. "Текст чёрта" в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов // Между двумя мирами: Представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции. (Академическая серия. Вып. 9). М., 2002.

Братченко С.Н. Пряжки эпохи поздней бронзы и их Северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. Материалы конференции и дискуссии. 21–25 августа 1995 года, Саратов. Археологические изыскания. Вып. 25 (II). СПб, 1995.

Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977.

Васильев И.Б., Пятых Г.Г. Новые трупосожжения бронзового века в Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1978. С. 39–51.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башк. Кн. Изд-во, 1991.

Денисов А.В., Кузьмина О.В. Раскопки курганного могильника Верхнесъезжее I (курган № 4, предварительная публикация) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8. Самара: Изд-во «Слово», 2020. С. 114–124.

Демин А.М. Реки и водохранилища Саратовской области // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов: Приволжск. книж. изд-во, 2002.

Зудина В.Н. Археологические древности Южного Средневожья (пособие-путеводитель). Самара: Изд-во «Самарский Университет», 1998.

Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Демин М.А., Ситников С.М., Кузменкин Д.В. Украшения из раковин моллюсков *Corbicula* и *Glycymeris* в погребениях андроновской культуры грунтового могильника Чекановский Лог 10 // Известия Алтайского государственного университета, 2012. Вып. 4-2 (76).

Кияшко А.В., Хабарова Н.В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград: Изд-во «Панорама», 2007.

Крамарев А.И. Погребальные памятники срубной культуры Среднего Поволжья // Материальная культура населения бассейна реки Самара в бронзовом веке. Самара, 2003.

Крамарев А.И. Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневожья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015.

Лопатин В.А. Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // АВЕС. Саратов: «Научная книга», 2009. Вып. 7.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Родовой некрополь Песковатского поселения // АВЕС. Саратов: «Научная книга», 2006. Вып. 4.

Лопатин В.А., Малов Н.М. Костяные пряжки ромбовидной формы на археологических памятниках эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара, 2014.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во СГУ, 1989.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. Вып. 3.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Саратов: Изд-во СГУ, 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов: Изд-во СГУ, 2008. Вып. 6.

Малов Н.М. Археологические памятники Петровского района и их изучение // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов «Научная книга», 2008а. Вып. 8.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. Саратов: Из-во СГУ, 2012.

Малов Н.М. Необычное погребение из покровского кургана № 35 начала эпохи поздней бронзы: по материалам раскопок П.С. Рыкова // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. Гос. Ун-та, 2014.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград, 1992.

Миронов В.Г. Отчёт об исследованиях Воскресенской археологической экспедиции СГУ в 1988 году. Ч. 1-2. Копия текста в личном архиве Н.М. Малова.

Морозов Ю.А., Рутто Н.Г. Исследования новых могильников эпохи бронзы в Башкирском Приуралье // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. I. Уфа, 1995.

Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа: Башкирский пединститут, 1985.

Подгаецкий Г.В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Археологические памятники Урала и Прикамья. МИА. Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1940.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Изд-во «Наука», 1975.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. Воронеж, 1990.

Рыков П.С. Раскопки П.С. Рыкова в Нижнем Поволжье. Переписка и отчет за 1930 г. // РОНА ИИМК РАН. Ф. № 2, 1930. Арх. № 221.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Изд-во «Наука», 1969.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья: (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / МИА. № 60. М.: АН СССР, 1959.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень: Тюм. гос. нефтегазовый. ун-т, 2002.

Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. – Оренбург: Печатный Дом «ДИ-МУР», 1998.

Цимиданов В.В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2009.

Bar-Yosef Mayer DE, Groman-Yaroslavski I, Bar-Yosef O, Hershkovitz I, Kampen-Hasday A, Vandermeersch B, et al. (2020) On holes and strings: Earliest displays of human adornment in the Middle Palaeolithic. PLoS ONE 15(7): e0234924. <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0234924>.

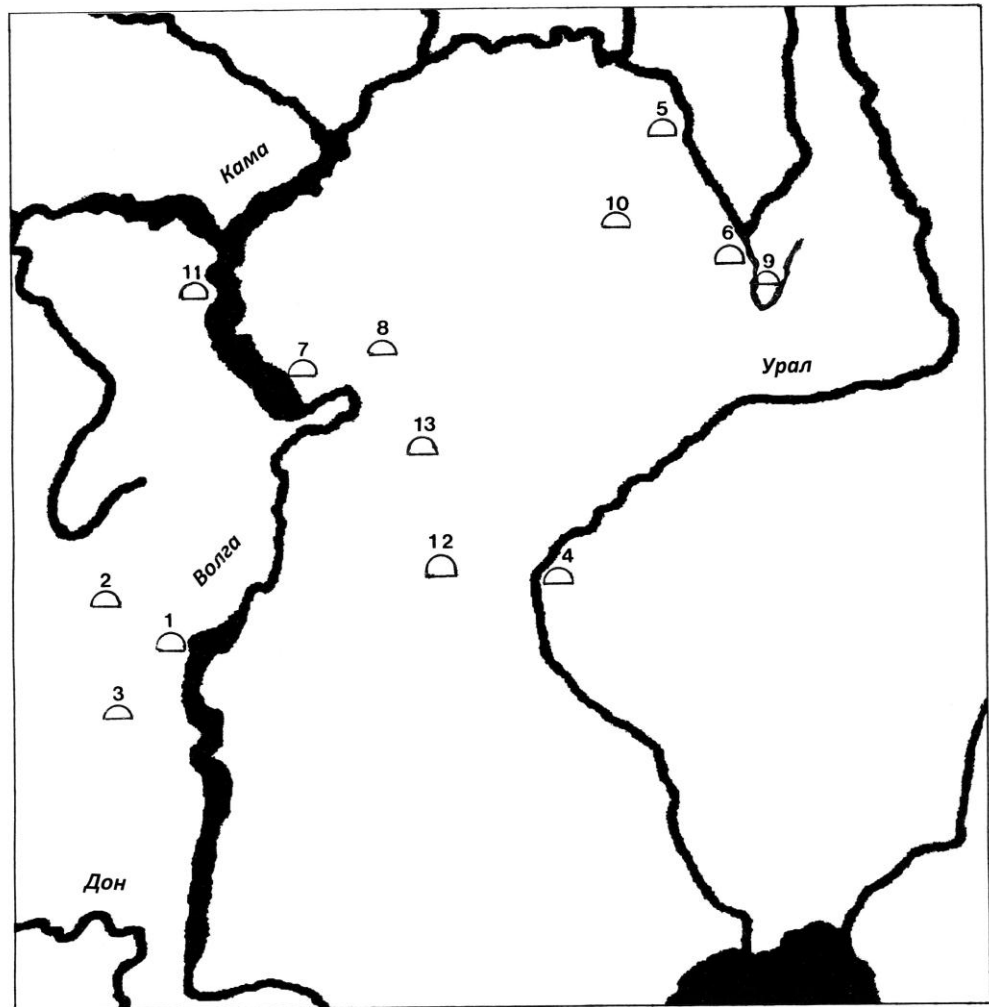

Рис. 1. Распространение погребений срубной культуры с пряжками из створок фоссилий в Саратовском Правобережье и Волго-Уральском междуречье. 1 - Чардым; 2 - Таволга; 3 - Мокрая Песковатка; 4 - Ново - Аккермановка; 5 - Тартышево; 6 - Старое Ябалакль; 7 - Хрящевка; 8 - Лузановка; 9 - Акназарово; 10 - Аитово; 11 - Новоселки; 12 - Свердлово; 13 - Верхнесъезжее.

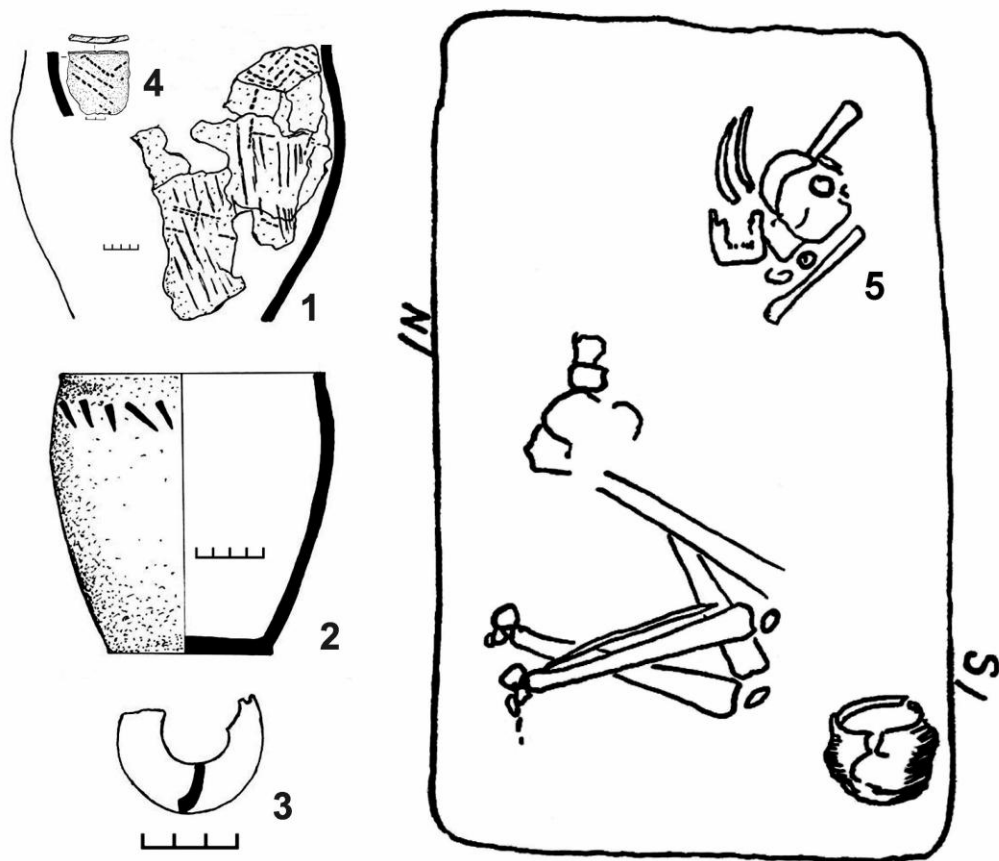

Рис. 2. Погребение из Чардымского кургана №2. 1,2,4 - керамика. 3 - раковина.
5 - план погребения.

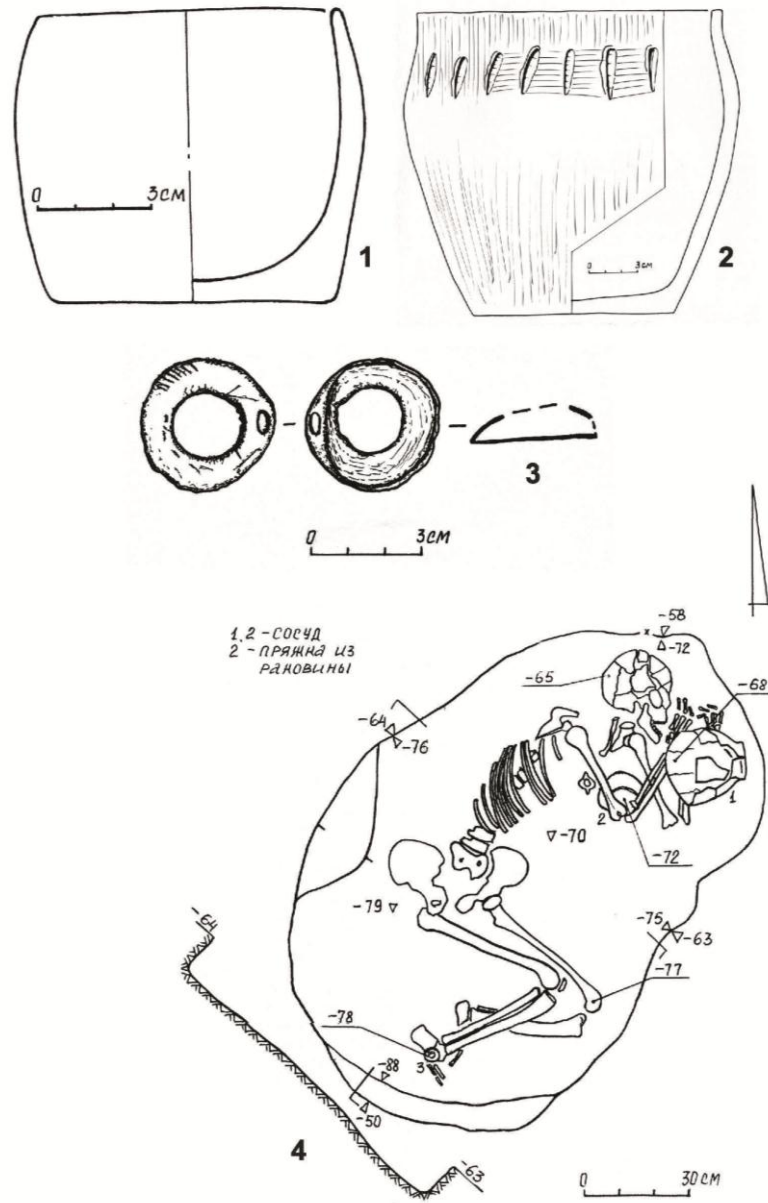

Рис. 3. Погребение из кургана №2 могильника «Таволга I». 1,2 – керамика. 3 – раковина. 4 – план погребения №2.

1

2

Рис. 4. Фото погребения и пряжки в кургане №2 могильника «Таволга I».

Рис. 5. Фото пряжек из кургана около с. Чардым (1) и могильника «Таволга I» (2).

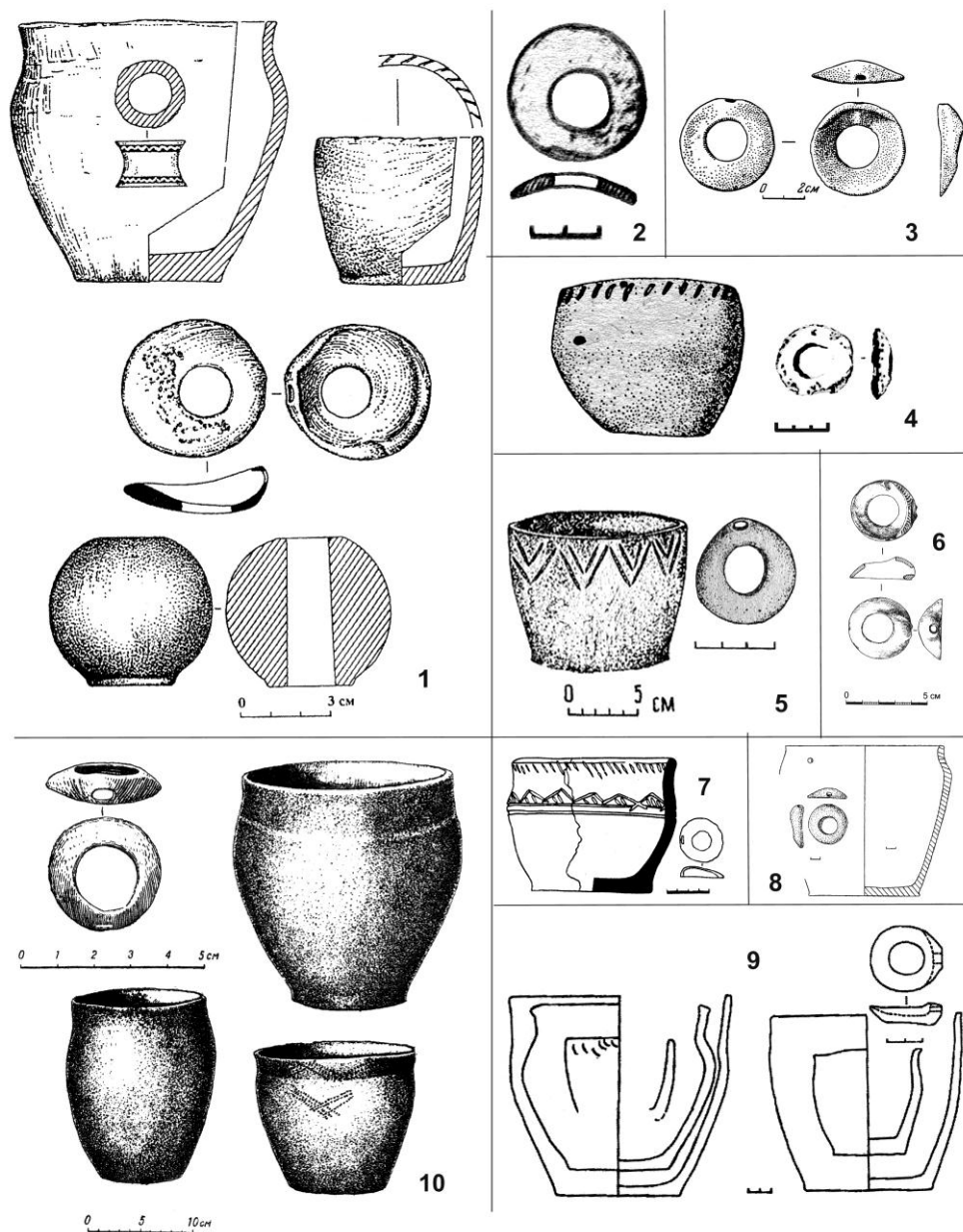

Рис. 6. Погребения с пряжками из створок фос依лий. 1 - Мокрая Песковатка; 2 - Подгорное; 3 - Таргышево; 4 - Старое Ябалакы; 5 - Лузановка; 6 - Верхнесъезжее; 7 - Акназарово; 8 - Свердлово; 9 - Новоселки; 10 - Ново-Аккермановка.

УДК 902(4-11)|637.7|
ББК 63.4(45)

Ключевые слова:

ž ž ž ž

A ja c_\cX'F"5"ž'NU[cfcXb]U'C"B"

7CA D@9L 9G'K Æ< 'H<9'<I A 5B'F 9A 5-BG ÆB 'H<9'G9HH@9A 9BHG'
C: 'H<9'GF I 6B5M'7I @H F 5@5B8'< -GHCF =75@7CA A I B ÆIM

6i f]Ug'cZ\h YGfi VbUuW'li fYUfYa UjbmUgg'WUX'k]h'a ci bXg" Æ'gca YWg
Yg'i a Ub'fYa Ujbg'\U YVYb'Zci bX']b'h Yg'hYa Yblg' 6i f]Ug']b'h Yg'hYa Yblg' fY
_bck b'h fci [\ci h'h YUfYUcZ\h YGfi VbUuW'li fY'H]gdUf']gXj chX' h'Y]b]U'
Wgg'Z]W]cb'cZ\h Yg'Wa d'Y Yg" Bck 'h YmWb' VY Xj]XX']b'c' gl' [fci dg" H YmUfY
Vi f]Ug'cZ\i a Ub'g' i ``g' Vi f]Ug' Uih Yg' Uf]Yg' Vi f]Ug' cb'h YZccfg' cZ\k Y']b[g'
Vi f]Ug']b' k Y`g`c'WUX']b' Xk Y']b[g' Vi f]Ug' Ugg'WUX' k]h' Xk Y']b[g' UbX`c'WUX'
bY h'c' h'Ya /Vi f]Ug']b'h Yg'hYa Yblg'a UYUf' h' YbXcZ\h Yf'Z bW]cb]b["

H YcZfYX'Wgg'Z]W]cb' gYg'h YX]fY]cb' Z'f' h' YZ f'h Yf']b]h' dfYU]cb' cZVi f]Ug'
]b'h Yg'hYa Yblg'cZ\h YGfi VbUuW'li fYUg' bcb!g' UbXfX' Vi f]U' dfUf'Wk]h']b'h Y
ZUa Yk cf_`cZUfU'h Yf'\ca c[YbYci gZ bYU f]h' dfYg'bhX']b' Vuffck g"

Key words: 'Gfi VbUuW'li fYž @UY 6fcbnY 5 [Yž Vi f]Už g'hYa Yblž Z bYU' f]hž
gfU] fUd\ni

%% "

! fl L fl "L" !
 LJ=L " " %!
 z fl !
 L & SS O !
 žSS(" ", Q -S " -' SS'O ž ž%- ' " %SQ !
 S1
 z z z z ž ž%' " ") / ž ž%') " ") &)' /
 ž%), " " % - / ž%), " " % / ž% * S' "& , Ĭ & S / !
 ž%) + " " % / ž% + %' " - * ž - + / ž ž% + &' " % ž % /
 ž% + " " % % / ž% + , " " -) / | € ž ž% , S' " % S + /
 ž ž% , (" " % S / ž% , - " " % / ž% , - " " * & /
 ž% - S' " , - Ĭ - % / ž ž% - %' " % % / ž !
 ž% - %' " % & ž% - &' " % % / ž ž% - &' " - + ž " % !
 ž% - ' " " % - ž% * ž " % / & % &' " * (ž ** / ž% - ' " " % Ĭ ' / Ā ž% - ' "
 "+ž , +ž "(Sž II / ž ž% -) " " % (/ ž% - + / ž
 ž% - - " " + / ž ž% - - / žSSS " " % / ž !
 žSS% " % % - Ĭ % + ž) ž% / žSS% " % / žSS&' " + * /
 " žSS&' " &) Ĭ & S' " žSS) " " - * / ž
] žSS+ " " (Ĭ (- / žSS+ " ") Sž) / & % " " % Ĭ % ž% "(ž / ž
 žSS " " % ž % &' / žSS% " " % & " & 1 / & % " " % ž % , ž
 "& / ž žSS% " " , - / žSS% " " % S + / žSS&'
 " * / žSS% " ")' / ž žSS% " " , * ž , + /
 " žSS% " "(S ž(% / " žSS+ " " % - Ĭ % &' žSS% " ")) ž " % Q
 z
 ž ž fl L O ž% - + Q ž

L=L " " "
 O ž% ,) / % - %' ž% -) / % - * / ž ž žSS&'
 Q O ž% - - / & % &' žSS) / & % &' žSS&' & % / !
 žSS% / " Q ž

z%-- "7"%*z " *Q
fl "82L"
O z%+&"7"(&(+Q
O z%,*"7"+)z+*z "%Q
z 7"%&(z%(i%*Q i O A z%,%
O z%-, "7"&S' / z%-, " "(i((Q z
i A fl z
O z%-, "7"&S' Q
z z%-("7"(' Q O z%, "7")-z
*S/ z z
z z
O z%, "7"*SQ z
z z
z z
fl z E
fl z z+ / z z- S z A z%, %7"%)Q
i i E fl i i
z z z z fl i i i
O z%-("7"(&Q z z
z z z
O z%, - Q ")
z%-' "7"+' Q
A z z
O z%-("7"&z

O ž&SS" 7"& / &SS&" 7"- S/ ž ž&SS%" 7"%&& ž&SS' "
7""&4/ ž&SS(""7""%*/ ž&SS, "7""(/ "ž&S\$/&S%4""7"" +ž
((ž ()/ ž&S%8" 7""(& ž&S%&" 7""&- / ž&S%&" 7""' * /
ž&S% ""7""- & ž&S%" 7"" (/ ž&S%8""7""% S/&S% ""7""% , L"

ž
O ž&SS%" "-- Q
"
ž
"
ž ž
" ž
fl "(ž1E" ž
O ž ž ž%-- "7""& Q
"
ž
fl "(ž2E"
ž ž ž O ž&S% "
7""%, Q

O ž&S%&" 7""&& Q
fl " E"
ž
fl "ž&S%LE"
ž
" " " ž %
ž &
ž
O ž&S%&" 7""&& Q ž
"
"
ž ž

ž " !
fl "+ž1E" "
ž ž !
fl E fl E "
O ž%-*"D "%ž "%ž &L" ž
ž
! ž ž !
ž " ž !
ž ž " "
ž " "
ž ž " "
ž " "
ž " "
fl ž ž ž ž ž " ž ž !
ž ž ž E "
fl ", E" ž ž !
" ž ž ž !
ž " ž !
fl "- E" ž !
ž O ž%+*"D "!" ž*(/ &SS* " %İ
'SE" ž !
" !
! " ž
" ž !

%&& "

fl "%SZ1-4L" ž !
ž ž !
fl "%SZ5LZ " " !
" ž !
ž " !
?|!%, - \$ % ì %, sì% % \$W"67 O ž&S%&"7"*Q ž !
ž ž ž fl L !
ž ž fl L "% ž !
O ž%+, Q ž !
" :AA !
ž ž !
ž ž !
ž ž !
ÄO ž%-' "7"%%Q " !
! ž " !
" " !
" " !
O ž&S%"7"&% Q !
ž ž !
" ž " !
! " ž ž !
" " ž ž !
" " ž ž !
O ž&S' "7"%%Q ž !
ž " " ž !

"

%&

£ ž " f !
 £ ž "

Литература:
 Алихова А.Е" ## !
 " *% " !
 ž%), ""
 Байбурин А.К. " "
 ž%, " "
 Березанская С.С. " "
 " ž%-S"
 Братченко С.Н. " "
 ž%+*" "
 Братченко С.Н. " "
 ##] " " ž&&S*" "
 !] " " ž&&S*" "
 Бритюк О.О., Телиженко С.А"] Š] ≡ "
] "] ##]] Š &&S+ " !
 ž&&S+ ""
 Бровендер Ю.М" " "
 " ž%- " "
 Бровендер Ю.М. " ž&&S%& "
 Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. " " !
 " Ā " !
 Āž%- (" "
 Васильева И.Н., Салугина Н.Л., Кулакова Л.С" ≡ " "
 ## " " * " !
 " Ā " Āž&&S% ""
 Веселов В.В" " " ž ž ## " "
 " ž%)+"" "
 Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А" " " " f " £## ž !
 " " " " f) £ "
 " ž&&S% "" "
 Гак Е.И" " "
 " ž&&S% ""

"

%&

Гей А.Н" ##
%+, " " ž%+ ""
Гершкович Я.П., Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., Панковский В.Б., Усачук А.Н., Шевченко Д.А. !
ž&&S) "" "+" !
Гимны. Ä Ä" ž
" " ## ")" "ž%, %"
Горбов В.Н" !
" "ž%-)" "
Горбов В.Н" !
!
! ž%-*" "
Горбов В.Н" Ä Ä ##] "
" " ! ž&&S(""
Горбов Р.А., Мимоход Р.А. !
" " ## !
ž%--" "
Горбов В.Н., Усачук А.Н. !
" %S" ž&&S%"
Горбунов В.С. !
" " ž%, -" "
Деревягин Ю.В" ##
"%+% " %&S" "
Джон А.А" " ž ž "
. ž%, *"
Дубовская О.Р" ##
" " &&%" ž%+, "
Дьяченко А.Н" =
!
. ž%-&" "
Ерхова Д.В" ## fl
. E" ž&&S(""
Загородня О.Н"] " &S%" %"] !
] " &S%" %"

Лопатин В.А., Малов Н.М.,
 Лошакова Т.Н"
 Малов Н.М.
 Малов Н.М.
 Малов Н.М.
 Мамонов А.В., Овчинникова Н.В"
 Маркузон В.Ф"
 Матвеев А.В"
 Мерперт Н.Я"
 Мимоход Р.О.
 Мимоход Р.А.
 Мимоход Р.А.
 Мимоход Р.А.

Мимоход Р.А.

##

!

fl %\$\$!
z%--"

E"==

!

"i

Мимоход Р.А.

##

" %Ã

!

Ä"

z&\$\$%

Мимоход Р.А.

##

!

" " z&\$\$&"

Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю.

##

!

! fl= " " " E" ! z%--)"

Морозов Ю.А"

z&\$\$%+"

"

Новикова О.И.

##

=flJ=L

i

" "="" "

z&\$\$, "

Новикова О.И., Шнеевайсс Й.

!

fl

L##=

!

z&\$\$&"

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б"

!

##

" z&\$\$&"

Онезорге В"

Ã

!

Ä

##

!

" " " " "

z&\$\$%+"

Отрощенко В.В.

š]

##

!

!

fl

Отрощенко В.В.

E"==

z%--"

!

##

]]

" %"

!

z&\$\$&"

Отрощенко В.В., Бровендер Ю.М., Пряхин А.Д., Беседин В.И"

!

fl

%-)i%-*" L##

!

" "&"

" ! z%--*"

!

"

%&

Пархимович С.Г" !
" LJ ÌLJ = "## !
" ! ! ! ! ž&S%"
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В" žÄ Ä L##
" ! ! ! ! !
ž&S%"
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. !
" ## !
]] " %" ! " ! ž&S%"
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В" !
" "*" ## !
Ä Äž&S%"
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. !
" ; f&S" ! ##
ž&S%"
Попова Т.Б" ## !
" +, " " " " !
ž% * S"
Порохова О.И. ! !
. !
" ! ž%, - " !
Потапов В.В" ==## !
" . Ä] !
] Äž&SS"
Потапов В.В. == !
! !
" %" ž&S%"
Потапов В.В. ## " = " "%)" !
ž&SS)" !
Потапов В.В. " " !
Ä " " " "ž&S%" !
Пробейголова А.С" !
" ## !
] Š Š "] =] Š] !] Š] Š
Š fi] " " " ž&S%" !
Пряхин А.Д" " "%" !
! ! ž%- " " !

Пряхин А.Д.

Радзієвська В.Є, Шрамко Б.А.
Рафикова Р.З"

Ромашко В.А"

Ромашко В.А.
Рутто Н.Г., Морозов Ю.А"

Салмин А"

Сергеева О.В.
Сергеева О.В.
Синицын И.В., Фисенко В.А"

Синюк А.Т., Пряхин А.Д., Чекменев Ю.А"

Смирнов А.С., Сорокин А.Н.

Тамимдарова Р.Р"

Татаринев С.И"

Тихонов В.В" !
. fl L## !
. " %- * " "

"&" ž%- +""
Трубников В.В" &S%& "## !
. " " & " . . . !
! ž&S%q ""

Файзуллин И.А. " "% "
. ## " "% "
. ž&S%& "" ž&SS(""

Цимиданов В.В.
Цимиданов В.В., Евлевский А.В.
. " & ž%- ' "" ž&SS(""
. " & ž%- ' ""

Цыбрий Т.В" &## !
. " "+" ! ! ž&S%q ""

Чемякин Ю.П.
. ž%- +(""
. " "% " ž%- +(""
Чивилев В.А. " !
. ## " !
. " " " fl% SŠI% +&L% I% "

ž %SS! " " fl% SŠI% +&L% I% "

&SSS' " ! ž&SSS' "

Шарафутдинова Э.С" !
. ! . fl !
. E" ž%,) ""

Шарафутдинова Э.С" ## " % - % " % "

Шилов Ю.А" =i= " " " " "

. " ž%, - ""

Элиаде М" " " ž%- (""

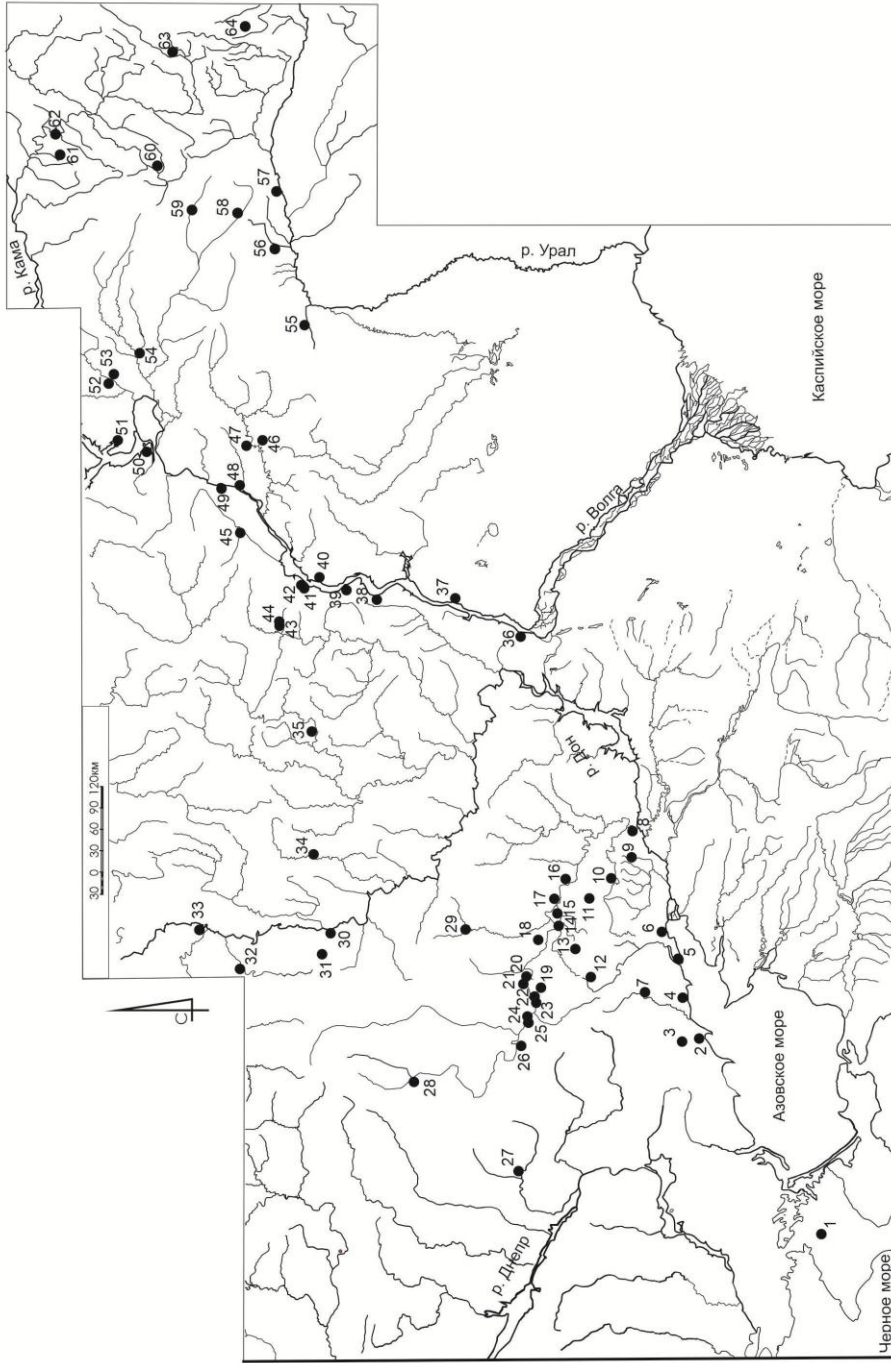
Элиаде М" " ž%- , ""

Agulnikov S. B Wkdc`UW`h f]]6Ycnf_UXY@U7UuWU`6i WfY hž%- * ""

Ailincăi S.-C" Hf]bX`W`a cft]]#`@j]b[`k]h`h`YXUX##`A]bYfj U=ž: cbhgUf!

WUyc`c[]W%`7`i`!B UdcbW&S% ""

Zagorodnia O., Mimokhod R": i bWkcbU`UbUnglgcZa YUdfcXi Wkcb`lcc`gZfca`h`Y`@U`Y`6fcbnY5[YcZ9UgYfI`_fU]bY##`&`955`5bbi U`A`Yh]b[`"5VgfuWVcc_`"J`c`!`i`a`Y`="6UfWcbU&S% ""

"

%'

"%"

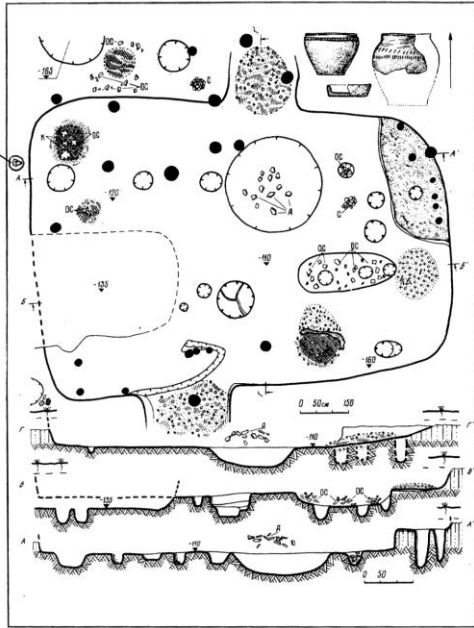
```

%î ·          fl          z%) +L/ &î ·          LJ = fl          z&SS(L" î ·          fl          " "
          L/( î ·          = fl          " "          " "          " "          " "          " "          " "
z% -- L) î ·          fl          z          z&S%&L* î ·          = fl          z&SS&L/ + î ·
fl          z          z&SS%&L/ î ·          fl          z% + L- î ·          & fl          z&S%&L/%&
î ·          = fl          z&SS% L/%&î ·          fl          z% +, L/%&î ·          = fl          " " "
          L/% î ·          fl          z&S%&L/% î ·          = fl          z&SS L/% î ·
          = fl          z          z&SS+L/% î ·          !          fl          z&S%&L/% î ·
= fl          z&S%&L/% î ·          = fl          " " "          " "          " "          " "          " "
fl          z&SS%&L/ &S î ·          fl          " " "          L/ &î ·          fl          " " "
          L/ &î ·          !          fl          z          z% -- L/ & î ·          = fl          " " "
          L/ & î ·          = fl          " z&SS) L/ & î ·          fl          z% - S/
& î ·          % fl          |ε          z          z%, S/ &+ î ·          fl          z&S% L/ & î ·          fl          !
z          z%, (L/ & î ·          fl          z% - ' L" S î ·          fl          z          z% ' ) L" %
î ·          fl          " z&SS* L" &î ·          ) fl          z&SS&L" î ·          fl          z
          z&SS- L" ( î ·          fl          z% - ' L" ) î ·          = fl          z          z% - ) L" * î ·
          = fl          z% - &L" + î ·          = fl          z% * S/ L" , î ·          fl          z
          z% + &L" - î ·          fl          z% % /          z          z&S%&L/ ( S î ·          fl          z
&S% L/ ( % î ·          = fl          z          z% + &L/ ( &î ·          / ( î ·          % fl          z
fl          " "          L/ ( ( î ·          fl          z&SS+L/ ) î ·          % fl          z
&SS+L/ ( * î ·          fl          z&S%&L/ ( + î ·          fl          Å z% - ' L/ ( , î ·          fl          !
          z% - +L/ ( - î ·          fl          z          z% ' ) L) S î ·          fl          z% , L) % î ·          !
          fl          z% , L) &î ·          fl          z          z% - %&L' î ·          !
J fl          " z&S%&L) ( î fl          " z&S%&L) î ·          % fl          Å z% - ' z " , +L) * î ·
          = fl          z&S%&L) + î ·          fl          z&S%&L) , î ·
fl          z&S%&L) - î ·          fl          z&S%&L/ * S î ·          fl          z          z% - %          z
&S% L/ * % î ·          = fl          z% , - L* &î ·          = fl          z% , - z " % ( L* ' î ·          !
          fl          " z&SS&L/ * ( î ·          fl          z&SS+L"

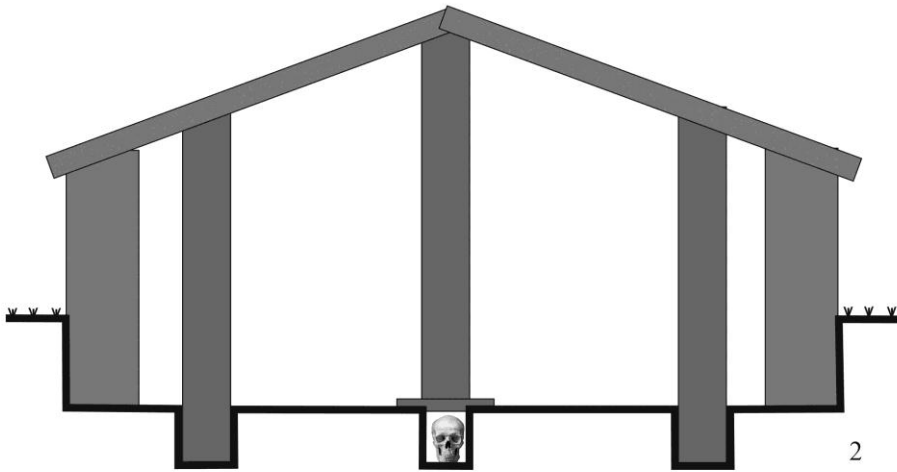
```

% ("

Череп человека
в столбовой яме

1

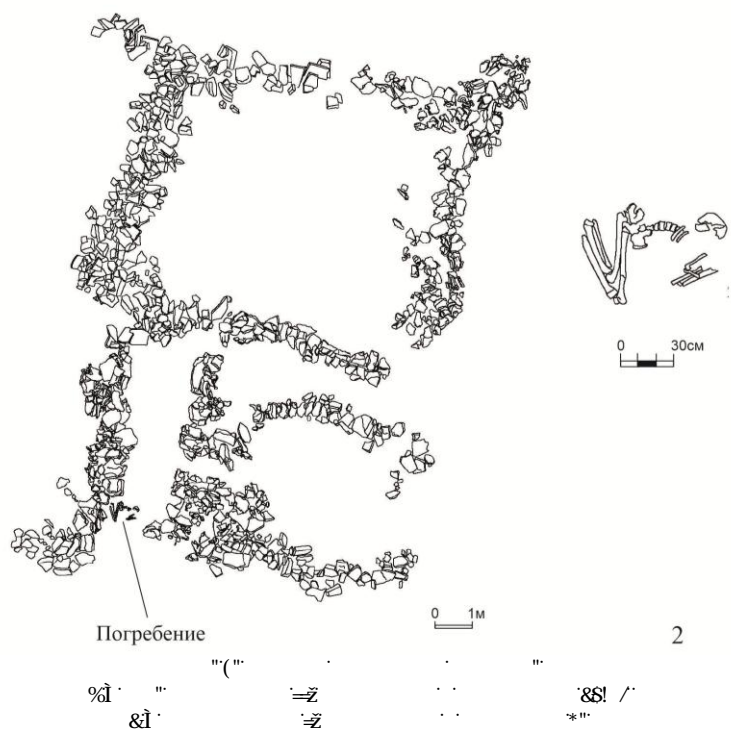
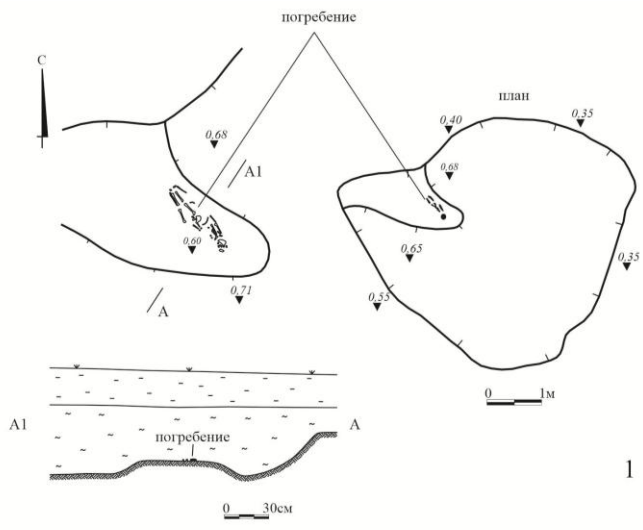

2

"&"
%i " " z %Z /
&i " "

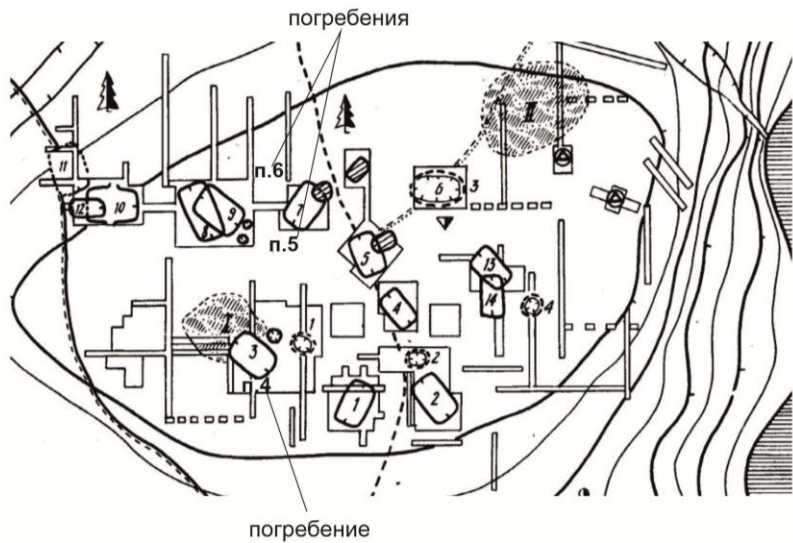
"

%)

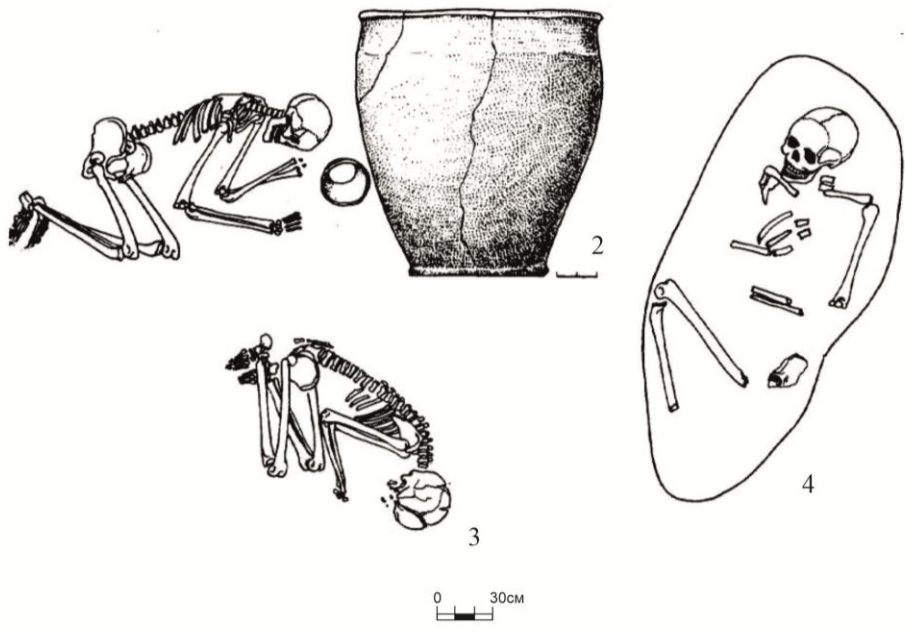
"

%+

1

погребение

%i
i
)/(i
*
/&i
"(z
/

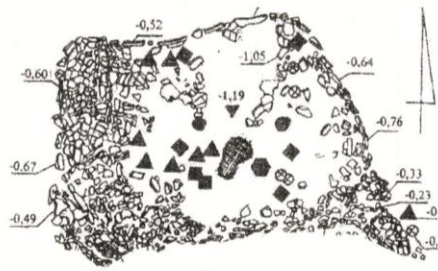
"

%-

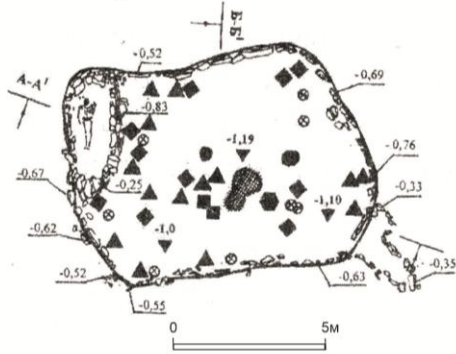
.....
.....
.....

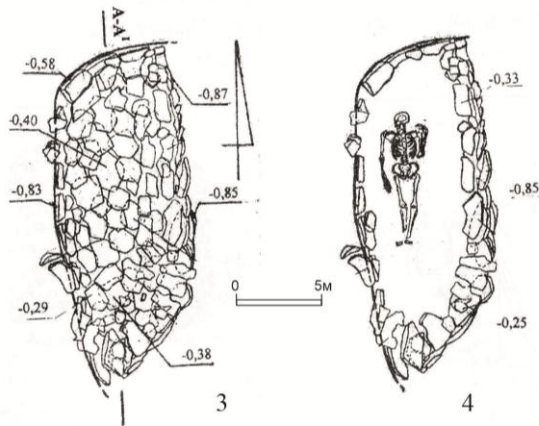
";" "fl E
" %%

1

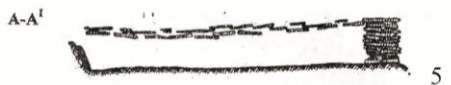

2

3

4

5

"%&i"

ž

ī

"%&i"

"%&i"

"%&i"

"

"

"

%'

УДК: 902/904
ББК: 63.49

Батасова А.В.

НАХОДКИ ЛИТЕЙНОГО ИНВЕНТАРЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ.

Находки литейного инвентаря в погребальном контексте известны на территории Европы на протяжении всей эпохи бронзы. Они относительно немногочисленны, однако на сегодняшний день накоплено достаточно сведений для комплексного анализа данного явления. Одним из главных вопросов является связь подобных находок с т.н. «кузнецами –литейщиками». Для его решения были разработаны критерии, позволяющие выделить погребения специализированных мастеров. На основании предложенных критериев была исследована специфика находок литейного инвентаря в погребальном контексте в разные периоды бронзового века на территории Восточной Европы с одной стороны, и Западной и Центральной Европы – с другой. Несмотря на разницу в абсолютных датах, литейный инвентарь появляется в погребениях Западной, Центральной и Восточной Европы в позднем энеолите – раннем бронзовом веке. Для погребальных комплексов этого времени имеется ряд сходных черт, позволяющие интерпретировать их как захоронения мастеров – литейщиков. В то же время, прослежены существенные региональные различия, выражающиеся в материале и типах литейных форм. В среднем бронзовом веке на юге Восточной Европы наблюдается расцвет данной традиции, связанный преимущественно со свитой катакомбных культур. В Центральной и Западной Европе в это время литейный инвентарь практически исчезает из погребений. В позднем бронзовом веке зафиксирована противоположная картина. Однако находки литейного инструментария, обнаруженные на могильниках культуры полей погребальных урн, а также в погребальных комплексах конца 3 – первой половины 2 тыс. до н.э. с территории Зауралья, существенно отличаются от погребений «литейщиков» раннего и среднего периодов бронзового века. Контекст подобных находок указывает на утрату связи литейного инвентаря в погребении с профессиональной специализацией умершего и усиление его символической функции.

Ключевые слова: Восточная Европа, Западная и Центральная Европа, эпоха бронзы, погребения «литейщиков», древнее металлопроизводство, литейные инструменты.

*Batasova A.V.*FOUNDRY INVENTORY IN THE BURIALS OF THE BRONZE AGE
IN EUROPE.

Finds of foundry equipment in a funerary context are known all over Europe throughout the Bronze Age, though being relatively few in number. However, by now enough information has been accumulated for a comprehensive analysis of this phenomenon. One of the main issues is the relation of such finds with the so-called "blacksmiths and foundry masters". In order to solve it, criteria were developed to distinguish the burials of specialized craftsmen. Based on the proposed criteria, the specifics of foundry equipment finds in the funeral context through different periods of the Bronze Age in Eastern Europe on the one hand and Western and Central Europe on the other were investigated. Despite the difference in absolute dates, foundry inventory appear in the burials of Western, Central and Eastern Europe in the Late Eneolithic - Early Bronze Age. The burials of this time have similar features that allow interpret them as the ones of the foundry masters. At the same time, significant regional differences are traced, reflected in the material and types of foundry moulds. In the Middle Bronze Age in the south of Eastern Europe, the heyday of this tradition is observed, associated mainly with catacomb cultures. In Central and Western Europe, at this time, foundry equipment is almost absent in the graves. In the Late Bronze Age, the picture drastically changes. However, foundry inventory found at the burial grounds of the Urnfield culture, as well as in the burials of the end of the 3rd - first half of 2 thousand BC from the territory of the Trans-Urals, differ significantly from the ones of the "foundry masters" of the Early and Middle Bronze Age. The context of such finds points towards loss of relations between foundry equipment in a burial and professional specialization of the deceased. At the same time, the strengthening of his symbolic function may be stated.

Keywords: Eastern Europe, Western and Central Europe, the Bronze Age, the burials of "foundry workers", ancient metal production, foundry inventory.

Среди большого количества открытых на сегодняшний день погребений эпохи бронзы выделяются комплексы с находками атрибутов производственной деятельности. Эти комплексы весьма немногочисленны, однако крайне важны для исследования вопросов развития специализированного производства в древности и статуса ремесленников, владевших профессиональными навыками в различных областях. Впервые эта тема была затронута Г. Чайлдом. Он полагал, что, отсутствие погребений с кузнечно-литейными инструментами в среднем бронзовом веке Британии, несмотря на высокую степень

развития металлопроизводства, было связано с детрибализацией «кузнецов-литейщиков» и наличием у них особой погребальной традиции [Childe, 1947. С. 163].

В середине 20 столетия на территории Восточной Европы было открыто несколько ярких комплексов с находками литейных инструментов. Данное обстоятельство вновь подняло вопрос о причинах столь малого количества погребений «кузнецов-литейщиков» при достаточно развитом металлопроизводстве в целом. В.П. Шилов объяснял это тем, что, несмотря на широкое распространение технологии, лишь небольшое количество людей занимались металлопроизводством профессионально, т.е. процесс специализации находился в начальной стадии [Шилов, 1959. С. 20]. Иной взгляд на данную проблему был предложен В.С. Бочкаревым. Обобщив сведения об имевшихся на тот момент 13 комплексах с литейным инвентарем на территории Восточной Европы, он предположил, что количество этих погребений связано не с уровнем специализации, а с погребальными традициями той или иной археологической культуры. Иными словами, погребения «литейщиков» могут быть обнаружены в тех культурах, где в могилу традиционно помещались атрибуты профессиональной занятости. Из предложенной гипотезы было выведено ожидание, которое могло ее подтвердить и опровергнуть, а именно: в культурах, где встречены погребения «литейщиков» должны присутствовать погребения и других категорий мастеров [Бочкарев, 1975].

С конца 1970-х гг. начали выходить исследования, посвященные определению погребений разнообразных категорий ремесленников [Писларий, 1979; Березанская, 1980; Післарій, 1982; Березанська, Ляшко, 1989; Pustovalov, 1994; Марина, 1995]. Помимо уже известных «литейщиков» и «кузнецов» были выделены мастера, специализировавшиеся на обработке камня, дерева, кожи, кости и пр. Большую группу составляли комплексы с атрибутами производства стрел – погребения «стрелочников». Таким образом, картина, складывавшаяся на материалах юга Восточной Европы в эпоху ранней и средней бронзы, свидетельствовала в пользу гипотезы В.С. Бочкарева и указывала на развитую специализацию в различных производственных областях.

В 2002 г. Й. Баторой была выпущена работа, обобщившая сведения о погребальных комплексах с различным производственным инвентарем на территории Западной, Центральной и Восточной Европы, относящихся ко времени с конца энеолита до конца среднего бронзового века (по восточноевропейской хронологии) [Batora, 2002]. Автором были рассмотрены географическое распространение и культурная атрибуция погребений «литейщиков», «кузнецов», «стрелочников», мастеров, специализировавшихся на производстве шлифованных каменных орудий, костяных изделий, прядении, ткачестве, обработке кожи. В результате обзора была получена мозаичная картина

распространения погребений различных категорий ремесленников на территории Европы. В некоторых регионах и культурах, где отсутствовали погребения «литейщиков» были зафиксированы комплексы прочих категорий мастеров, что не соответствовало гипотезе, предложенной В.С. Бочкаревым.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о причинах возникновения погребений ремесленников, а также региональной и культурной специфике этого явления не может считаться решенным и требует дальнейшего исследования. Для этого, прежде всего, необходимо обратиться к критике источника. В работах советских и постсоветских исследователей данной темы, а также в публикациях Й. Баторы к погребениям специализированных мастеров относятся все комплексы, в которых зафиксированы какие-либо находки, имеющие отношение к трудовой деятельности. При этом упускается из виду специфика погребального обряда, который может придавать иное значение даже утилитарным предметам.

Погребальный обряд был отнесен А. Ван Геннепом к обрядам перехода, в процессе которых человек переходит из одного состояния в другое в связи со сменой возраста, рода деятельности, положения [Ван Геннепп, 1999. С. 9]. Его задачей является способствование перемещению умершего в загробный мир и его включению в загробную жизнь. При этом, зачастую переход из мира живых в мир мертвых мыслится как некое путешествие, для совершения которого необходим ряд материальных и нематериальных предметов [Петрухин, 1998. С. 453]. К первым относятся одежда, пища, инструменты, оружие, средства передвижения. Ко вторым – амулеты, опознавательные знаки и т.д. [Ван Геннепп, 1999. С. 9]. Рассматривая погребальный обряд таким образом, можно предположить, что, фиксируемый в погребальных комплексах сопроводительный инвентарь, является подобным набором, служащим для загробного путешествия умершего и его идентификации в мире мертвых. Между некоторыми категориями предметов, упомянутых Ван Геннепом и теми, что прослеживаются в археологических материалах, можно установить соответствия. Так к средствам передвижения могут быть отнесены повозки, сани, лодки, а также их модели и имитации, встречающиеся в погребениях разных культур. Несомненно, с напутственной пищей следует идентифицировать сосуды из погребений, что подтверждается результатами естественнонаучных исследований [Хомутова и др., 2018; Пожидаев и др., 2019]. Персональная идентификация умершего может осуществляться за счет половозрастных маркеров и атрибутов прижизненной деятельности (в том числе профессиональной), а также статуса (символы власти, предметы роскоши). Как следствие, любая вещь, помещенная в погребальный комплекс, имеет функцию, однако эта функция не всегда соответствует ее повседневному утилитарному назначению. Некоторые предметы в ходе погребального об-

ряда могут наделяться магическими и апотропейными свойствами. В качестве иллюстрации, можно привести несколько примеров. Так в Древнем Египте царские инсигнии со временем стали восприниматься как своего рода амулеты, обеспечивавшими безопасность умершего. Именно в этом качестве различные атрибуты царской власти – скипетры, жезлы, топоры, а также оружие помещались в царские женские гробницы [Кеес, 2005. С. 440]. Другим примером могут служить находки пряслиц в мужских погребениях боспорских греков [Сорокина, Сударев, 2001. С. 136-137], меотов [Лимберис, Марченко, 2012. С. 175-176], сарматов [Мошкова, 2012]. Очевидно не являясь атрибутом профессиональной деятельности, эти предметы, по-видимому, обладали богатой семантикой в контексте погребального культа [см. также Шауб, 2018. С. 104-105]. Учитывая это обстоятельство, установление истинной функции вещи в погребальном комплексе становится нетривиальной задачей, решение которой требует комплексного рассмотрения всех элементов обряда.

Возвращаясь к комплексам, отнесенных разными исследователями к погребениям ремесленников, в первую очередь стоит отметить, что атрибуция некоторых предметов из них как производственного инвентаря вызывает сомнения. Как показали в своей работе С.Н. Братченко и С.Н. Санжаров, находки инструментов для деревообработки (тесла, топоры, долота) в катакомбных погребениях связываются не с профессиональной специализацией умершего, а с его высоким социальным статусом и доступом к дорогостоящим металлическим изделиям [Братченко, Санжаров, 2001. С. 87-90].

Также весьма ненадежны определения, основанные на наличии в комплексе отдельных предметов или одной категории предметов, которые предположительно соотносятся с производственными операциями: находки зубьев гребней в погребениях «ткачей», пряслица у «пряделщиков». Ярким примером подобной спорной интерпретации являются женские погребения, открытые в ряде центральноевропейских культур, где найдены заготовки, а также готовые роговые, костяные и перламутровые бусы [Batora, 2002. С. 213–215]. Трактовка данных комплексов как погребений специализированных изготовителей бус вызывает сомнение, ввиду полного отсутствия в них инвентаря.

Необоснованность определения некоторых комплексов как погребений ремесленников наглядно иллюстрируется на материале ямной культуры. Так, створка раковины из погребения Троицкое 13.6. интерпретируется З.П. Мариной как керамический штамп, а весь комплекс - как погребение керамиста [Марина, 1995. С. 73]. Подобным образом, на основании единичных находок, определяются погребения «кожевников» [там же. С. 66-67]. В целом в отношении погребений ямной культуры, за редким исключением, довольно сложно говорить о выделении каких-либо специализированных комплексов,

виду крайней лаконичности, сопроводительного инвентаря и возможной полифункциональности большинства находок, которые рассматриваются в качестве атрибутов специализированного производства.

В связи с последним тезисом необходимо остановиться на погребениях «кузнецов», выделенных С.С. Березанской среди комплексов позднего этапа ямной культуры [Березанская, 1980]. В большинстве случаев в них встречен относительно стандартный набор предметов: пест (иногда совместно с наковальной или абразивом) и металлические предметы: медные ножи, шилья. При этом в ряде комплексов позднего энеолита – раннего бронзового века, где имеются более надежные свидетельства прижизненной занятости умершего в сфере металлопроизводства, металлические предметы отсутствуют¹. Данное обстоятельство позволяет предположить, что песты и вспомогательные инструменты в погребениях «кузнецов» не являлись атрибутами специализированного производства, а составляли комплект с металлическими предметами и предназначались для их подправки в индивидуальном порядке. Примечательно, что в таком же сочетании эти предметы встречаются и в погребениях «кузнецов», происходящих с территории Центральной и Западной Европы [Batora, 2002. С. 199-207]. Большинство этих комплексов относится к культуре колоколовидных кубков, но лишь для двух из них имеются результаты трасологических анализов, подтверждающие использования пестов в ходе работы с медью и с золотом. Во многих случаях, упомянутых Баторой, в списке погребений «кузнецов» функция предметов восстанавливается лишь предположительно. Ввиду отсутствия в данных комплексах металлических предметов и результатов трасологических анализов каменных орудий, нельзя уверенно заключить, что эти вещи использовались для обработки металла и были помещены в погребение в качестве профессиональных атрибутов. Таким образом, песты, даже в сочетании с наковальной, не могут априори считаться атрибутами специализированного производства. Большое значение в определении их роли в погребальном комплексе имеет контекст находок и их взаимосвязь с прочими элементами погребального обряда. В качестве иллюстрации можно привести погребение 4 кургана 1, открытого близ Артёмовска [Кравец, Татарин, 1997. С. 104–108]. В погребальном комплексе донецкой катакомбной культуры был найден богатый сопроводительный инвентарь. В головах погребенного находилось скопление кремневых отщепов, а также деревянный футляр с выпрямителями древков стрел и орудиями для изготовления кремневых наконечников, что позволяет уверенно интерпретиро-

¹ Речь идет о таких комплексах как Верхняя Маёвка XII.2.10, Лебеди I.3.10, Першин 1.4, специфика которых будут подробно освещена в ходе рассмотрения погребений «литейщиков» соответствующего этапа бронзового века.

вать этот комплекс как погребение «стрелочника». Однако в районе колен костяка были уложены пест-отбойник и наковальня. Этот элемент планиграфически и смыслово отделен от производственного набора, указывающего на прижизненную специализацию умершего и, вероятно имел иное назначение в контексте данного погребения.

На сегодняшний момент из всех категорий ремесленников наиболее обоснованы погребения мастеров – изготовителей стрел. В качестве критерия для их выделения Ю.А. Смирновым была предложена полнота производственного набора, представленного сырьем, инструментами (выпрямителями, орудиями для изготовления каменных наконечников стрел), а также заготовками и готовой продукцией [Смирнов, 1983. С. 169-170]. Этот подход позволил исключить из числа погребений ремесленников комплексы с одним элементом производственного набора (например, с выпрямителями древков), поскольку в данном случае его отношение к специализированной производственной деятельности не может быть достоверно установлено. Однако формально предложенному критерию могут удовлетворять комплексы, не являющиеся погребениями ремесленников. К примеру, в погребении Колпаковка 4.1. были найдены два элемента производственного набора: выпрямители древков и наконечники стрел, а кроме того, булава и остатки лука [Марина и др., 1982. С. 10, 17]. Очевидно, что, несмотря на наличие инструмента и готовой продукции, весь контекст комплекса явно указывает на то, что погребенный был лучником, а инструменты использовались в индивидуальном порядке для подправки стрел. Возможно, подобная трактовка справедлива и для комплекса Желобок 3.6 [Санжаров, 2008. С. 14-17]. Таким образом, использование одного лишь критерия полноты производственного набора явно недостаточно для определения погребений ремесленников и необходимо учитывать общий контекст погребального комплекса.

Из приведенного выше обзора следует, что, прежде чем переходить к обобщающему исследованию феномена погребений различных мастеров в эпоху бронзы в межрегиональном масштабе, необходимо дополнительно разобраться в критериях выделения конкретных категорий погребений ремесленников. Для решения этой задачи имеет смысл вернуться к истокам дискуссии, а именно к погребениям «литейщиков». Этот материал наиболее удобен по целому ряду причин. Во-первых, плавленно-литейный инвентарь систематически встречается в погребальном контексте в эпоху бронзы на территории Европы. Количество подобных находок на территории Восточной Европы на сегодняшний день достигает полусотни. Примерно такое же их количество, согласно сводкам Й. Баторы [Batora, 2002], Дж. Моена [Moehn, 1991], А. Якенхофеля [Jockenhövel, 2018], зафиксировано на территории Центральной и Западной Европы. Во-вторых, в отличие от многих категорий по-

гребального инвентаря, отношение которого к производству может быть установлено лишь предположительно, литейные инструменты могут быть идентифицированы без особого труда. Для установления факта использования различных категорий литейного инвентаря в производственном процессе не требуется дополнительных анализов, так как следы использования (ошлакованность, следы контакта с огнем) фиксируются при визуальном осмотре. В-третьих, литье и плавка металла сама по себе является довольно сложным и опасным технологическим процессом, требующего комплекса знаний и умений, что затрудняет использование этих инструментов вне специализированного производства. И наконец, в результате химического анализа костных останков из двух комплексов с находками литейных инструментов (Першин 1.4. и Пепкинский курган) было зафиксировано повышенное содержание меди [Добровольская, 2005; Добровольская, Медникова, 2011]. Это обстоятельство свидетельствует о непосредственной вовлеченности умерших в процесс металлопроизводства. Наиболее примечательно в этом отношении погребение Першин 1.4, где был захоронен подросток 12-13 лет [Черных и др., 2000. С. 65-66]. На основании этого комплекса можно предположить, что обучение профессиональной деятельности начиналось в раннем возрасте, что, в свою очередь, подтверждает предыдущий тезис о необходимости специализации при освоении технологии плавки и литья. Таким образом, находки литейного инвентаря (тиглей, сопел, литейных форм) в погребальных комплексах могут являться атрибутом прижизненной профессиональной занятости умершего. Однако, несмотря на свойственную этой категории предметов узкую специализацию, не исключено, что они могли помещаться в погребальные комплексы с иным значением. Согласно разнообразным этнографическим свидетельствам и мифологическим сюжетам, сфера металлургии и металлообработки была связана с целым рядом магических представлений, в том числе, с человеческой репродуктивностью и фертильностью [Черных, 2007. С. 134-169; Элиаде, 2001. С. 157, 244-246]¹. Установление истинной функции предмета, как уже отмечалось, является довольно сложной задачей, требующей комплексного анализа погребального обряда. Для ее решения нами были разработаны критерии, учитывающие позицию литейного инвентаря в погребении относительно разных элементов погребального обряда, а также характеристики производственного набора.

1) Погребальный комплекс. Для определения функции литейного инвентаря в погребении немаловажен контекст находок. Расположение атрибу-

¹ К примеру, А. Якенхофель, отталкиваясь от различных этнографических примеров и древневосточных текстов полагает, что все находки атрибутов металлопроизводства в погребальном контексте в Центральной и Западной Европы были связаны с их ритуально-магическими свойствами [Jockenhovel, 2018. С. 314-317].

тов производственной деятельности в погребальной камере или урне, в непосредственной близости от останков с большей степенью вероятности указывает на персональную принадлежность этих предметов умершему, нежели находки с периферии комплекса или происходящие из неясного контекста.

2) Сопроводительный инвентарь. Рассматривая погребальный обряд как обряд перехода, сопроводительный инвентарь можно разделить на несколько структурно-функциональных блоков, каждый из которых служит для перемещения умершего в загробный мир и его идентификации: средства передвижения, напутственная пища, амулеты, индикаторы социального статуса. К ним так же могут относиться атрибуты профессиональной специализации умершего. Конечно, в большинстве случаев не всегда возможно провести четкие границы между этими блоками. Тем не менее, целостность и непротиворечивость комплекса предметов, связанных со сферой прижизненной занятости может являться весомым аргументом при выявлении погребений мастеров. Иными словами, с наибольшей уверенностью как о погребениях литейщиков можно говорить о комплексах, в которых сфера деятельности умершего представлена только инструментами, связанными с металлообработкой (литейный инвентарь, кузнечные инструменты, вспомогательные орудия и т.д.).

3) Производственный набор. Литейные инструменты, встречающиеся в погребениях связаны с основными стадиями производственного процесса: плавка металла в тиглях, поддержание температуры плавления при помощи сопел, заливка расплавленного металла в формы. На наш взгляд, комплектность производственного набора и разнообразие технологических операций производственного цикла, которые с ним ассоциированы, является одним из оснований для интерпретации комплекса как погребения литейщика. В то же время нельзя упускать из виду специфику погребального обряда различных культур, которая могла подразумевать помещение части предмета или элемента производственного набора вместо целого.

4) Литейные инструменты. При рассмотрении литейных инструментов большое значение имеют состояние предметов и следы использования. Хорошая сохранность предметов, наличие зашлакованности, контакта с огнем, следы от скрепления литейных форм и пр. могут свидетельствовать о том, что вещи помещались в погребение с целью служить мастеру и в загробной жизни. В то же время, они являлись индикатором его профессии и социального статуса. Сильно фрагментированные предметы, как уже отмечалось, могли помещаться в погребальный комплекс в соответствии с принципом часть вместо целого. Находки литейного инструментария с явными следами вторичного использования, вероятно, не связаны с погребениями «литейщиков».

Данные критерии позволяют проанализировать находки литейного инвентаря в погребальном контексте на основании совокупности признаков и отделить комплексы, которые с большей вероятностью являлись погребениями специализированных мастеров от тех, где его не была связана с производственным назначением.

Поскольку нас интересуют не только вопросы интерпретации этих погребальных комплексов, но и культурно-исторический контекст, нашей задачей является сравнение специфики этого явления и его развития не протяжении эпохи позднего энеолита - бронзы в Восточной Европе с одной стороны, и Центральной Европе - с другой, а также на сопредельных этим регионам территориях. В нашу выборку вошло 112 находок литейных инструментов (тигли, сошла и литейные формы) в погребальных комплексах, распространенных на обширной территории от Скандинавии до Предкавказья и от Атлантического побережья Франции до Западной Сибири (рис. 1). Максимальная их концентрация наблюдается в степном и лесостепном поясе Восточной Европы, а также в Центральной Европе. Практически все они по ряду признаков (погребальное сооружение, поза и ориентация погребенного, сопроводительный инвентарь) соотносятся с конкретными археологическими культурами, существовавшими в этих регионах в период с конца энеолита до позднего бронзового века включительно. Однако наступление и смена археологических эпох на обширном европейском пространстве не происходило синхронно (рис. 2). В Восточной Европе первые известные погребальные комплексы с литейным инвентарем относятся к позднему энеолиту - раннему бронзовому веку и датируются серединой - второй половиной 4 тыс. до н.э. Примерно на рубеже 4 - 3 тыс. до н.э. наступает эпоха средней бронзы, а в конце 3 тыс. до н.э. (2200 - 2100 гг. до н.э.) в Восточной Европе она сменяется эпохой поздней бронзы. Наступление эпохи энеолита и ранней бронзы на территории Западной и Центральной Европы происходит существенно позже. В абсолютных датах это приходится на 2300-2200 гг. до н.э., что примерно соответствует времени окончания среднего бронзового века в Восточной Европе. Средний бронзовый век в Центральной и Западной Европе охватывает середину 2 тыс. до н.э. (1600 - 1400 гг. до н.э.), а поздний бронзовый век сменяет его около 1300 гг. до н.э. и завершается в начале 1 тыс. до н.э. с наступлением раннего железного века. Таким образом, на территории Восточной Европы ранний бронзовый век наступает примерно на тысячу лет раньше, чем в Центральной и Западной [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 12-13]. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что темпы внедрения и развития инноваций в восточных и западных европейских областях существенно различались, и Восточная Европа существенно опережала Западную в сфере распространения технологии металлообработки [Бочкарев, 2013. С. 63].

Несинхронность наступления и смен периодов бронзового века в разных регионах Европы осложняет сравнение этих регионов между собой. Если отталкиваться от абсолютных датировок периодов, то окажется, что большую часть времени, когда в Восточной Европе существовала металлургия эпохи бронзы и довольно устойчивая традиция погребений с литейным инвентарем, Центральная и Западная Европа пребывала на стадии энеолита с относительно слабо развитым металлопроизводством и полным отсутствием погребений «литейщиков». Здесь, несмотря на установленный факт прямой миграции части носителей ямной культуры на территорию Среднедунайской равнины во второй половине 4 – начале 3 тысячелетия до н.э. [Horváth, Dani et al., 2013], погребальные комплексы с литейным инвентарем фиксируются лишь со второй половины – конца 3 тысячелетия до н.э.¹ Это обстоятельство позволяет предположить, что данные погребения появляются в Центральной и Западной Европе независимо от Восточной, но, вероятно, в силу схожих процессов, протекавших в этих регионах на этапе позднего энеолита. Поскольку нас интересуют условия, при которых эта традиция могла бы сложиться, а также как ее развитие вписывается в культурно-историческое развитие региона, мы будем сравнивать между собой специфику этого феномена в рамках относительных величин – этапов бронзового века. Иными словами, основываясь на локальных схемах периодизации бронзового века, ситуация в Восточной Европе раннего бронзового века будет сравниваться с ситуацией в Центральной Европе раннего бронзового века, несмотря на то, что в абсолютной хронологии речь будет идти о совершенно разных временных отрезках.

Литейный инвентарь в погребениях эпохи позднего энеолита и раннего бронзового века.

К периоду позднего энеолита – раннего бронзового века относятся 18 находок литейного инструментария, происходящих с территории современных Франции, Германии, Австрии, Чехии, Словакии, а также из Украины и Европейской части России (рис. 3). В Восточной Европе, как отмечалось, эти комплексы появляются в середине- второй половине 4 тысячелетия до н.э., в Центральной и Западной – в конце 3 - первой половине 2 тысячелетия до н.э. Литейный инвентарь встречен в погребальных комплексах следующих культур: группа вытянутых погребений Днепровского ареала Волго-Днепровской

¹ Находки «типелей» в погребениях тисаполгарской культуры эпохи раннего энеолита на территории Венгрии, ввиду отсутствия достоверных свидетельств использования данных сосудов в качестве ёмкостей для плавки металла, не позволяют рассматривать эти комплексы как древнейшие погребений «литейщиков» на территории Центральной Европы. [См. Bognár-Kutzián, 1972. С. 164].

КИО эпохи энеолита, ямная, новотиторовская, кеми-обинская, фатьяновская культура, культура колоколовидных кубков, унетицкая, отомань, тумулус арморикан и унтервольбинг (рис. 4). Количество погребальных комплексов с литейным инвентарем в каждой археологической культуре небольшое и составляет 1-2 погребения. На этом фоне несколько выделяется унетицкая культура, к которой отнесено 4 находки. В целом, характеризуя распространённость литейного инструментария на данном этапе, можно отметить широкую географию, отсутствие явных областей концентрации находок, высокую степень их разбросанности.

В большинстве случаев как в центрально- и западноевропейских, так и в восточноевропейских комплексах, литейный инвентарь располагался в погребальной камере. Исключения составляют комплекс Nienhagen [Jockenhövel, 2018. С. 300,303], где контекст находки неясен, а также 5 погребений, где, ввиду неполноты археологической документации, неизвестно точное положение инвентаря в погребении.

Согласно антропологическим определениям, литейный инвентарь чаще всего встречается в одиночных погребениях взрослых индивидуумов¹. В ряде случаев установлено, что это мужские погребения, в то время как достоверно женские неизвестны (рис. 5). Кроме того, стоит отметить уже упоминавшийся комплекс Першин 1.4., где был захоронен подросток 12-13 лет, вовлечённость которого в процесс металлопроизводства подтверждается результатами естественнонаучных анализов [Черных и др., 2000. С. 65-66].

Состав сопроводительного инвентаря в комплексах довольно однообразен. Вместе с литейным инструментарием примерно в половине восточно-, а также центрально- и западноевропейских комплексов встречаются дополнительные производственные инструменты (наковальни, песты, каменные орудия, абразивы, шилья и пр.). Помимо атрибутов, связанных с профессиональной сферой деятельности, имеются находки украшений, деталей костюма, сосудов, в единичных случаях встречены металлические предметы и кости животных. Состав погребального инвентаря в данных комплексах обычен для культур, к которым они относятся.

Характерной чертой рассматриваемых погребений является комплектность производственных атрибутов. Она может проявляться в наличии нескольких единиц одной категории литейного инвентаря, либо нескольких категорий, либо находок литейного инструментария в сопровождении кузнечных инструментов. Лишь в четырех комплексах, встречены единичные

¹ Единственное коллективное погребение - комплекс Верхняя маевка XII.2.10, где в головах одного из трех погребенных взрослых индивидуумов располагался литейный инвентарь [Ковалева и др., 1977. С. 20-22].

предметы, связанные с операциями плавки и литья металла. Отметим, что один из них относится к ямной культуре, сопроводительный инвентарь которой традиционно немногочислен, а три остальных единичных находки происходят из центрально- и западноевропейских комплексов с неясным контекстом, либо с неполной информацией о погребении.

В большинстве комплексов отсутствуют признаки намеренного повреждения литейного инвентаря. В то же время, в ряде случаев прослежены следы использования и частичные разрушения, появившиеся в ходе использования этих предметов в ходе плавки и литья. Эти наблюдения позволяют интерпретировать данные инструменты как рабочие, которые могли использоваться мастером при жизни и должны были сопровождать его в путешествии в загробный мир.

Несмотря на схожий облик рассматриваемых комплексов, между ними существуют принципиальные различия, заключающиеся в категориях и качественных характеристиках литейного инвентаря. Так, в погребениях Восточной Европы встречаются литейные формы, редко тигли, полностью отсутствуют сопла. При этом все литейные формы сделаны из глины и использовались для отливки проушных топоров (рис. 6). Литейный инвентарь из западноевропейских комплексов менее унифицирован: в нем встречаются сопла (82% комплексов), литейные формы (55%), тигли (18%). В отличие от восточноевропейских, все литейные формы здесь сделаны из камня и использовались для отливки разнообразных категорий инвентаря: брусков-заготовок, плоских топоров, кинжалов, стержней, булавок.

Таким образом, погребения с литейным инвентарем в Восточной, Западной и в Центральной Европе появляются на этапе позднего энеолита. Эти комплексы с высокой степенью вероятности могут быть интерпретированы как погребения мастеров-литейщиков, что указывает на очень раннюю специализацию в сфере металлопроизводства. Небольшое количество и разбросанность этих погребений, может быть связано с немногочисленностью данной группы профессионалов в целом. При этом прослеживается ярко выраженная региональная специфика. Восточноевропейские комплексы более унифицированы, что, вероятно, указывает на единство происхождения этой погребальной традиции и самих форм литейного инвентаря. Центрально- и западноевропейские комплексы демонстрируют более высокую вариативность форм инструментария, но в то же время объединены технологическим аспектом - использованием каменных литейных форм.

Погребения с литейным инвентарем в эпоху средней бронзы.

В среднем бронзовом веке общее количество находок литейных форм, тиглей и сопел существенно возрастает. Однако абсолютное их большинство происходит с территории Восточной Европы и датируется третьим тысячеле-

тием до н.э. (рис. 7) Эти вещи встречены преимущественно в погребальных комплексах катакомбных культур. Лишь единичные погребения относятся к полтавкнской, бабинской, абашевской, и, возможно, раннесеверокавказской культурам (рис. 8).

На территории Западной и Центральной Европы в эпоху средней бронзы (середина второго тысячелетия до н.э.) известны 6 находок литейного инструментария в погребальном контексте (рис. 9), однако три из них неясного происхождения либо не соотносятся с конкретными погребениями. Еще один комплекс, традиционно определяемый в качестве погребения литейщика, вероятно, таковым не является. Речь идет о погребении, открытом в начале 19 века близ Саксенбурга (рис. 10). В разрушенном подкурганном захоронении находился богатый инвентарь: короткий меч, кинжал, наконечники для стрел из силексита, каменные топоры, а также «около 300 сопел», целых и во фрагментах [Müller, 1982. С. 118]. Такое огромное количество сопел не встречено более ни в одном комплексе, что само по себе является экстраординарной чертой данного погребения. Однако необычной является и форма самих изделий. В первую очередь, необходимо отметить отсутствие сужения канала или уступа. Данный элемент чрезвычайно важен для функционирования данной категории инвентаря, поскольку обеспечивает усиление воздушной струи. Также обращает на себя внимание изогнутость предметов и наличие углубления-воронки у основания, что не имеет смысла при их использовании в качестве сопел. Кроме этого, отсутствуют следы обжига. Все это позволяет предположить, что обнаруженные здесь предметы не являлись соплами, а имели иное назначение (лейки-воронки?).

Таким образом, всего лишь два центральноевропейских комплекса, происходящие с территории Венгрии: Környe 15 [Jockenhövel, 2018. С. 300] и Dunaújváros-Dunadüllö 1029 (960) [Jockenhövel, 2018. С. 233] могут рассматриваться как потенциальные погребения литейщиков. Тем не менее, они сильно отличаются от комплексов с литейным инвентарем предшествующей эпохи. Сопроводительный инвентарь этих погребений в урнах чрезвычайно скромный. Он представлен лишь керамическими сосудами и атрибутами металлопроизводства (сопла, литейная форма, песты). В данных погребениях прослеживается некоторая комплектность производственного набора, однако общая лаконичность погребального инвентаря не позволяет сделать более обоснованные выводы об их характере.

Поскольку число комплексов с литейным инвентарем в эпоху средней бронзы на территории Восточной Европы существенно больше, чем в западных регионах, в дальнейшем анализе мы сосредоточимся на специфике восточноевропейских погребений «литейщиков», без их сравнения с двумя рассмотренными выше венгерскими комплексами.

Практически все находки литейного инвентаря из восточноевропейских погребальных комплексов происходят из достоверного контекста: они располагались непосредственно с погребенным или рядом с камерой. Тем не менее, среди них можно выделить группу погребений, в которых данный инвентарь выступает не в качестве атрибутов производства. Речь идет о ряде комплексов азово-днепровской катакомбной культуры, локализованных к северу от Таганрогского залива. В них были найдены широкие уплощенно-полусферические чаши со следами зашлакованности. Следы использования, а также находки подобных чаш на поселении Серебрянское, наряду с другими атрибутами металлопроизводства [Нечитайло, Санжаров, 2002], не позволяют сомневаться в их изначальном использовании в качестве тиглей. Однако в четырех комплексах азово-днепровской культуры: Вареновка 4.5 [Ильюков, 1986. С. 227-228], Мухин I 3.5. [Власкин, 1999. С. 65], Берданосовка 4.22 [Беспалый, 2002] и «Красный металлист» [Власкин, 1999. С. 67] тигли – плавильные чаши использовались в качестве жаровен, на что указывает наличие в них угольков [Ильюков, 1986. С. 227-228; Власкин, 1999. С. 65, 67]. Еще три находки – Коротаево [Власкин, 1999. С. 67], Лакедемоновка III 1.4 [Ильюков, 1986. С. 227], Стыла 1.12 [Березанская, Кравец, 1989. С. 166] происходят из разрушенных погребений. Необходимо отметить, что количество погребений, в которых достоверно зафиксировано использование тиглей во вторичной функции, весьма значительно, и достигает 30% от общего числа комплексов, где встречены подобные находки. На основании этого можно предположить, что в данной локальной погребальной традиции литейные чаши имели некоторое символическое значение¹. Следовательно, все комплексы с аналогичными литейными чашами следует исключить из списка вероятных погребений литейщиков.

За исключением вышеописанных комплексов, не удовлетворяющих критериям погребений «литейщиков», на территории Восточной Европы в эпоху средней бронзы встречено 34 погребения с литейным инвентарем. Как и в раннем бронзовом веке среди них отсутствуют достоверные женские погребения, а некоторые погребения взрослых определены как мужские. Также стоит отметить наличие как минимум двух индивидуальных детских погребений (рис. 11).

На данном этапе прослеживаются существенные различия в погребальном обряде между группами погребений «литейщиков», связанные с культурной и локальной спецификой сообществ, к которым они принадлежали.

¹ Л.С. Ильюков предполагает, что литейная чаша могла ассоциироваться с переносным очагом или горном [Ильюков, 1986. С. 230].

Они выражаются в категориях и типах сопроводительного инвентаря, характерных для той или иной культуры.

Производственный набор в погребениях эпохи средней бронзы обладает ярко выраженной комплектностью. В нем представлены литейные формы, тигли, сопла, иногда в сопровождении кузнечного инструментария. При этом прослеживается дифференциация в формах тиглей и сопел. К примеру, в погребениях «литейщиков» из Нижнего Поднепровья преимущественно встречаются скорлупообразные тигли с выступом-ручкой (рис. 12), аналогии которым обнаруживаются в Малой Азии и на Древнем Востоке [Müller-Karpe, 1994. С. 125; *Anatolia's prologue...*, 2010. С. 276-277]. Тигли из комплексов донецкой катакомбной культуры не имеют выступов и, вероятно, требовали иных приспособлений для работы с ними (рис. 13). В Пепкинском кургане были встречены тигли, конструкция которых (наличие ножки) совершенно отличается от тиглей, зафиксированных в погребальных комплексах катакомбных культур [Халиков и др., 1966. С. 68. Табл. X]. Эти региональные различия позволяют говорить об установлении ярко выраженной специфики в сфере металлопроизводства, которая проявлялась в типах инструментария. Сопла из данных комплексов также существенно различаются между собой по пропорциям и устройству каналов (рис. 14). Наблюдаемые различия в конструкции сопел могут быть результатом усовершенствования данных приспособлений с целью повышения их эффективности¹.

Несмотря на наличие ярко выраженной региональной и культурной специфики, данные комплексы объединяет использование схожих керамических литейных форм. В погребениях этого времени встречается два их вида – открытые, для отливки брусков-слитков или заготовок, и формы для проушных топоров. Материал литейных форм, типы изделий, отливаемые в них, указывают на преемственность между комплексами позднего энеолита – раннего бронзового века и среднего бронзового века. Так, керамические литейные формы с открытыми литниками, встречавшиеся в погребениях предшествовавшего периода, были зафиксированы в комплексе Пришиб 1.9 [Братченко, 2001. С. 35. Рис. 32] и в разрушенном кургане близ Краматорска [Шапошникова, 1971. С. 22-26], относящихся к донецкой катакомбной культуре (рис. 15).

Подводя итог обзору погребений литейщиков в эпоху средней бронзы, необходимо отметить принципиальное различие между Западной и Центральной Европой с одной стороны, и Восточной Европой с другой. В первом

¹ Как показывают современные эксперименты, наличие уступа в каналах сопел способствует усилению воздушной или водяной струи, что повышает эффективность их использования. [См. к примеру Котоусов, 2005].

случае традиция, зародившаяся в энеолите – раннем бронзовом веке, в среднем бронзовом веке практически прекращает свое существование. Лишь единичные находки, происходящие с территории Венгрии могут указывать на некоторую преемственность в этом отношении. В Восточной Европе, напротив, традиция погребений с литейным инвентарем получает свое развитие. Увеличивается общее количество погребений, усиливаются различия между группами комплексов различных археологических культур. В основной массе данные комплексы удовлетворяют критериям «погребений литейщиков». Однако в некоторых культурах эти погребения встречаются спорадически, и, вероятно, связаны с экстраординарными событиями. Ярким примером тому является погребение «литейщика» из Пепкинского кургана. В других культурах подобные комплексы встречаются систематически, что, очевидно, свидетельствует о наличии устоявшейся традиции помещать в погребение атрибуты прижизненной специализации умершего. Немаловажно, что в катакомбных культурах где эта традиция представлена максимально широко, прослеживается общая основа, представленная в материале, формах и негативах литейных форм. Сходство облика производственного набора и форм некоторых категорий литейного инвентаря, встреченных в раннем и среднем бронзовом веке, позволяет говорить о единой традиции, зародившейся в позднем энеолите и достигшей своего расцвета в третьем тысячелетии до н.э. на юге Восточной Европы.

Находки литейного инвентаря в погребениях эпохи поздней бронзы.

В финале среднего бронзового века на территории Восточной Европы произошли существенные изменения. В комплексах бабинской культуры, сформировавшейся на территории Восточной Европы на основе предшествовавших катакомбных культур, резко сократилось количество погребального инвентаря. Единичные находки литейного инструментария, зафиксированные в погребениях этой культуры, относятся к ее раннему этапу. В позднем бронзовом веке тенденция сокращения количества сопроводительного инвентаря продолжилась. С конца третьего тысячелетия на территории Восточной Европы практически полностью отсутствуют комплексы с литейным инвентарем. Известна лишь одна находка литейной формы из погребения раннепокровской культуры – Киевка К.2 [Tallgren. 1926. С. 70-72]. Примерно в то же время находки литейного инструментария появляются в погребальных комплексах на территории Зуралья, Западной Сибири и Казахстана (рис. 16). Литейный инвентарь встречен здесь в 12 погребениях, относящихся к сейминско-турбинской, синташтинской, кротовской и петровской культурам (рис. 17). Несмотря на то, что эти комплексы выходят за пределы Европы, их

рассмотрение будет важно для понимания контекста, в котором данная традиция могла возникнуть.

В Центральной и Западной Европе в эпоху поздней бронзы (вторая половина конца второго тысячелетия до н.э.), напротив, резко увеличивается количество находок литейных инструментов в погребальном контексте по сравнению с предшествующим периодом (рис. 18). Большинство из них происходят из могильников культурной общности полей погребальных урн, в том числе лужицкой культуры. Однако лишь 9 из 34 находок встречены в погребениях, урнах или рядом с ними, остальные представляют собой депозиты на могильных полях и не привязаны к конкретным погребениям. Для сравнения, в комплексах из Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана литейный инструментарий чаще всего встречается в самом погребении или рядом с ним.

Согласно антропологическим определениям, в рассматриваемых комплексах чаще всего встречаются одиночные захоронения взрослых мужчин. Наряду с этим, на данном этапе зафиксированы достоверно женские погребения (одиночные, а также совместно с мужчинами и детьми) (рис. 19)

Состав погребального инвентаря в зауральских комплексах этого времени чрезвычайно разнообразен. Помимо имевшихся в погребениях предшествующей эпохи керамики, костей животных, украшений и деталей костюма, появляются новые предметы, вероятно, неутилитарного назначения: куски горного хрусталя, яшмы, кремневые отщепы [Матющенко, Сеницына, 1988. С. 10, 30-36]¹. Также стоит отметить находку конских псалиев в погребении 7 из Бестамака [Калиева, Логвин, 2008. С. 43-46]. В целом погребения с литейным инвентарем эпохи поздней бронзы, происходящие с территории Зауралья и Западной Сибири выглядят более богатыми по сравнению с восточноевропейскими погребениями литейщиков предшествующих периодов. К примеру, в них встречаются мелкие и крупные металлические предметы (ножи, шилья, топоры-тесла, кельты, долото). В ряде случаев литейный инвентарь занимает подчиненное положение в контексте погребения, теряясь на фоне разнообразного сопроводительного инвентаря.

Сопроводительный инвентарь 9 центрально- и западноевропейских погребений с литейным инвентарем, напротив, достаточно скромно и однообразно. Чаще всего он включает в себя керамику, в единичных случаях – прочий производственный инструментарий, мелкие металлические украшения и детали костюма.

¹ О сакральной функции каменных отщепов в погребениях позднего бронзового века [См.: Разумов, 2001. С. 29].

В отличие от погребений «литейщиков» раннего и среднего бронзового века в этих комплексах практически отсутствует производственный набор. Исключением является лишь погребение «литейщика» из могильника Сопка-2 [Молодин, 1983], где представлены разнообразные инструменты для плавки, литья и обработки металла. Однако даже в этом ярчайшем комплексе функция предметов металлопроизводства вызывает сомнение, поскольку все имеющиеся в нем литейные формы повреждены и непригодны для использования.

В целом находки некомплектных и фрагментированных литейных форм являются специфической чертой позднего бронзового века Центральной и Западной Европы, а также зауральских комплексов конца третьего – второго тысячелетия до н.э. Материалы могильника Сопка-2, где литейный инвентарь встречен в восьми погребениях позволяют говорить о некотором развитии данной традиции. Так, если в комплексах классического этапа кротовской культуры еще встречаются хорошо опознаваемые литейные формы и тигли (включая погребение «литейщика», о котором говорилось выше) [Молодин, Гришин, 2016], то на ее позднем (черноозерском) этапе данная категория инвентаря представлена лишь маловыразительными обломками литейных форм, разбросанных хаотично либо найденных в заполнении могильной ямы [Молодин, Гришин, 2019].

Помимо прочего, важно отметить, что в комплексах позднего бронзового века исчезает региональная специфика в материале литейных форм и видах негативов, наблюдавшаяся на протяжении раннего и среднего бронзового века. Как в Центральной и Западной Европе, так и в Зауралье встречаются каменные и керамические литейные формы. Репертуар отливок этих литейных форм разнообразен: слитки-бруски, наконечники копий, кельты, ножи, бритвы, серпы, подвески.

Таким образом, мы можем отметить новые черты, появившиеся в погребальных комплексах с литейным инвентарем в эпоху поздней бронзы. В первую очередь, в центральных и западных областях Европы, главным образом, в ареале лужицкой культуры, возникает традиция помещения литейного инструментария (преимущественно литейных форм и их фрагментов) на полях погребальных урн, без явной привязки к конкретным погребениям. Такие находки встречаются значительно чаще, чем те, что встречены в урнах или рядом с ними. Данное соотношение (9 к 25) позволяет предположить, что в эпоху позднего бронзового века большинство подобных находок не являлись профессиональными атрибутами умершего, а имели иной смысл в контексте погребальных практик.

Что касается комплексов из Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана, здесь также прослеживаются существенные отличия от погребений

литейщиков Восточной Европы эпохи ранней и средней бронзы: увеличивается число женских погребений, расширяется набор сопроводительного инвентаря, в его составе появляются металлические инструменты, увеличивается частота встречаемости фрагментированных литейных форм. В целом облик этих комплексов не удовлетворяет в полной мере критериям погребений мастеров-литейщиков.

В результате обзора находок литейного инвентаря в погребальных комплексах Восточной, Центральной и Западной Европы в эпоху бронзы можно отметить следующие наблюдения. В первую очередь, все погребения с литейным инвентарем можно отнести к конкретным археологическим культурам. Среди них отсутствуют комплексы с нестандартным погребальным обрядом, что позволяет видеть в умерших, захороненных с атрибутами прижизненной специализации, полноценных членов общества, а не детрибализированную касту мастеров-профессионалов. Кроме того, погребения с литейным инвентарем в Восточной Европе с одной стороны, и в Западной и Центральной Европе – с другой, появляются независимо друг от друга. Они возникают в позднем энеолите, на этапе становления и распространения технологии литья, что указывает на очень раннюю специализацию в металлопроизводстве. Дальнейшее развитие этого феномена в западных и восточных областях Европы не совпадает друг с другом. В Восточной Европе, где установлена генетическая преемственность культур позднего энеолита – раннего и среднего бронзового века [Братченко, 1996. С. 54-55], традиция помещения литейного инструментария в погребения мастеров-металлургов, существует на протяжении всего раннего и среднего бронзового века. При этом, технологическая преемственность между комплексами позднего энеолита – раннего и среднего бронзового веков, прослеживается в материале, типах и негативах литейных форм. В финале среднего бронзового века эта традиция постепенно исчезает, самые поздние комплексы с литейным инвентарем зафиксированы на раннем этапе бабинской культуры. В позднем бронзовом веке территория Восточной Европы оказалась занята населением срубной культурно-исторической общности, сформировавшейся на базе волго-уральского очага культурогенеза [Бочкарев, 2010. С. 52]. Появившиеся примерно в это же время погребения с литейным инструментарием на территории Зауралья, Западной Сибири и Казахстана, сильно отличаются от восточноевропейских комплексов предшествующих периодов бронзового века. Большинство зауральских комплексов принадлежат к культурам, где прослеживаются элементы комплексных обществ (вождеств), для которых характерна ведущая роль знати в организации и развитии ремесленных производств (там же), что, вероятно, и обусловило и попадание литейного инструментария в некоторые

из этих погребений. Материалы могильника Сопка-II, где литейный инвентарь встречен в самом разнообразном контексте, позволяют предположить, что со временем его функция в погребальном обряде подвергалась все большей символизации.

В Центральной и Западной Европе самые ранние достоверные погребения литейщиков относятся к позднему энеолиту и раннему бронзовому веку. Наступление среднего бронзового века в Центральной и Западной Европе связано со сменой культур и сопряжено с многочисленными изменениями, которые прослеживаются на материалах погребений, поселений, кладов [David, 2006. С. 101]. Вместе с этим исчезает и традиция погребений с литейным инвентарем. Известны лишь единичные подобные комплексы этого времени, происходящие с территории Венгрии, где влияние культуры курганных погребений менее ощутимо [Coles, 1979. С. 82]. В позднем бронзовом веке этот феномен возникает вновь, в культурной общности полей погребальных урн и, в особенности, в лужицкой культуре. Однако контекст находок литейного инвентаря существенно отличает их от погребений литейщиков эпохи позднего энеолита – раннего бронзового века. По всей видимости, как и в зауральских комплексах, на данном этапе литейный инвентарь перестал выполнять функцию персональной идентификации умершего и приобрел в контексте погребальных практик новое символическое значение.

Литература:

Березанская С.С. Первые мастера-металлурги на территории Украины // Первобытная археология - поиски и находки. Киев: Наукова думка, 1980. С. 243-256

Березанская С.С., Кравец Д.П. О металлургическом ремесле племен Донецкой катакомбной культуры // Первобытная археология. Материалы и исследования (сборник научных трудов). Киев: Наукова думка, 1989. С. 156-168.

Березанська С.С., Ляшко С.М. Вивчення ремесла за виробничими комплексами з пам'яток доби бронзи // Археологія. 1989. №3. С. 18-30.

Беспалый Е.И. Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990-91 гг. // Аксайские древности. Ростов-на-Дону: [Б.и.] 2002. С. 111-188.

Бочкарев В.С. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: «Инфо Ол», 2010. С. 52-53.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Вып. II. Л.:Изд-во Ленинградского университета, 1978 г. С. 48-53

Бочкарев В.С. Радиоуглеродная революция и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины восточной Европы. // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского коллоквиума. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2013. С. 59-77.

Братченко С.Н. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Луганск: Восточнoукраїнський університет, 1996. С. 32-58.

Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. 124 с.

Братченко С.Н., Санжаров С.Н. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверсодонеччини та Донщини (III тис. До н.е.). Луганськ: вид-во СНУ, 2001. 108 с.

Ван Геннеп А. Обряды перехода. М: «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

Власкин Н.М. Погребение «металлурга» эпохи средней бронзы // Донская археология. 1999. №2(3). С. 66-68.

Гей А.Н. Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. М.: «Наука», 1986. С. 13-32

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Сб.: Высшая Антропологическая школа, 2002. С. 12-13

Добровольская М.В. Химический состав минеральной части скелета // Каргалы – М.: Языки славянской культуры, 2005. Т.4: Некрополи на Каргалах; Население Каргалов: палеоантропологическое исследование. С. 177 – 184.

Добровольская М.В., Медникова М.Б. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №2 (46). С. 143-156.

Илюков Л.С. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из северо-восточного Приазовья // СА. 1986. №2. С. 226-231.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. №9. С. 32-58

Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2005. 496 с.

Клещенко А.А. Северокавказская культура Закубанья. Дисс... к.ист. наук. М., 2011

Клюшинцев В.Н. Погребение литейщика на реке Ингулец // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев: Респ. ассоц. молодых ученых и специалистов АН Украины, 1991. С. 254-261

Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В.А. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1977. С. 8-113.

Ковалева И. Ф. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск: ДГУ, 1979. С. 61-79

Котоусов Л.С. Исследование скорости водяных струй на выходе сопел с различной геометрией // Журнал технической физики. 2005. Том 75. Вып. 9. С. 8-14.

Кравец Д.П., Татаринцов С.И. Новые катакомбные памятники Бахмутского края // Донецкий археологический сборник. Вып. 7. Донецк: ДонГУ, 1997. С. 77-115

Крайнов Д.А. Металлургия у племен фатьяновской культуры // КСИА. 1971. Вып.127. С. 10-17.

Кубышев А.И., Нечитайло А.Л. Центры металлообрабатывающего производства Азово-Черноморской зоны // Катакомбные культуры Северного

Причерноморья. Киев: Респ. ассоц. молодых ученых и специалистов АН Украины, 1991. С. 14-16.

Кубышев А.И., Черняков И.Т. К проблеме существования весовой ситемы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. 1985. №1. С. 39-54

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном ритуале меоты IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника). Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002. С. 173-177.

Марина З.П. Ямные погребения левобережья Днепра с производственным инвентарем // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1995. С. 63-77.

Марина З.П., И.Ф. Ковалева, В.А. Ромашко. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка - Бузовка // Древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) Днепропетровск: ДГУ, 1982. С. 4-18

Матвеев Ю.П., Маслихова Л.И. Курганная группа "Таганка" // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2004. С. 83-97.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 132 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1983. С. 96-109.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Том 4. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2016 г. 449 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Том 5. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2019 г. 223 с.

Мошкова М.Г. О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Евразия в скифо-сарматское время // Труды ГИМ. 2012. Вып. 191. С. 338-351.

Нечитайло А.Л., Санжаров С.Н. Новые материалы специализированного производства эпохи средней бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Тирасполь: Научно-исследовательская лаборатория «Археология», 2002. С. 131-135.

Післарій І.О. Про ткацтво в добу міді – бронзи та раннього заліза // Археологія. 1982. № 38. С. 70-81.

Петрухин В.Я. Загробный мир // Мифы народов мира. Энциклопедия. 1. А-К. М.: Советская энциклопедия, 1998. С. 452-456.

Писларий И.А. Деревообработка в эпоху меди - бронзы в Донецкой лесостепи // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. 3 - 6 декабря 1979 г. Донецк: [Б.и.], 1979. С. 20-21.

Пожидаев В.М., Зайцева И.Е., Сергеева Я.Э., Яцишина Е.Б. Идентификация остатков погребальной пищи в глиняных лепных сосудах методами газовой хроматографии и масс-спектрометрии // Бутлеровские сообщения. 2019. №4. Том 58. С. 146-156.

Разумов С.Н. Кремень в обрядовой практике племен бронзового века (постановка вопроса) // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1. Донецк-Макеевка [Б.и.], 2001. С. 27-31.

Санжаров С.Н. Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2008. 88 с.

Смирнов Ю.А. Погребения мастеров - изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. М.: Наука, 1983. С. 164-187.

Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Предметы связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI-II вв. до н.э. Боспорский Феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 133-139.

Тоцев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ, 2007. 304 с.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. 69 с.

Хомутова Т.Э., Дущанова К.С., Борисов А.В. Использование метода мультисубстратного тестирования дыхательной активности микробных сообществ для реконструкции исходного содержимого ритуальных сосудов // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия. Материалы междисциплинарной научной конференции. М., ООО Товарищество научных изданий КМК, 2018. С. 187-190.

Цуцкин Е.В. К истории металлообработки срубных племен // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1982. С. 93-99.

Черных Е.Н. Каргалы. М., Языки славянской культуры, 2007. Т. 5: Каргалы: феномен и парадоксы развития. 201 с.

Черных Е.Н., Кузминич С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника в с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2000 С. 63-78.

Шапошникова О.Г. До питання про металлообработку у племен донецької катакомбної культури // Археологія. 1971. Вып. 1. С. 22-26.

Шауб И.Ю. О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба // Записки ИИМК. 2018. №19. С. 103-111.

Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Памятники Нижнего Поволжья (МИА, №60). 1959. С. 11-38.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том I. От каменного века до элевсинских мистерий. Москва: Критерион, 2001. 461 с.

Anatolia's prologue Kultepe Kanesh Karum : Assyrians in Istanbul. Kayseri: Kayseri Büyükşehir Belediyesi, 2010. 360 с.

Batora J. Contribution to the problem of "craftsmen" graves at the end of Aeneolithic and in the Early Bronze age in Central, Western and Eastern Europe. // Slovenská archeológia. 2002, L-2. С. 179-228.

Bognár-Kutzián I. The Early copper age tiszapolgár culture in the carpathian basin. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1972. 252 с.

Černych L. Spektralanalyse und Metallverarbeitung in den früh- und mittelbronzezeitlichen Kulturen der ukrainischen Steppe als Forschungsproblem // Eurasia Antiqua. 2003. 9. С. 27-62.

Childe G. Prehistoric communities of the British Isles. London, Edinburgh: W. & R. Chambers, 1947. 274 с.

Coles J.M., Harding A.F. The Bronze age in Europe. London: Methuen & Co LTD, 1979. 581 с.

David W. Fast schon eine Glaubenssache: Periodisierung der Früh- und Mittelbronzezeit. Archäologie // Fenster zur Vergangenheit in Bayern. 2006. С. 100-103.

Hänsel A., Hänsel B. Gaben an die Götter : Schätze der Bronzezeit Europas // Ausstellung der Freien Universität Berlin in Verb. mit dem Museum für Vor- und Frühgeschichte... Museum für Vor- und Frühgeschichte (Berlin, Germany). Bestandskatalog, vol.4. Berlin, Staatl. Museen zu Berlin, 1997. С. 102-103.

Horváth T., Dani J., Pető A., Pospieszny Ł., Svignor E. Multidisciplinary contributions to the study of Pit Grave culture kurgans of the Great Hungarian Plain // Transitions to the Bronze age. Iterregional interaction and socio-cultural change in the third millennium BC. Carpathian basin and neighbouring regions. Budapest, 2013. С. 153-178.

Jockenhövel A. Alteuropäische Gräber der Kupferzeit, Bronzezeit und älteren Eisenzeit mit beigaben aus dem Giessereiwesen (Giessformen, Düsen, Tiegel). In: Overbeck. M. Die Gießformen in West- und Süddeutschland (Saarland, Rheinland-Pfalz, Hessen, Baden-Württemberg, Bayern). Prähistorische Bronzefunde. Vol.3. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2018. С. 213-317.

Kaiser E., Plešivenko A. Die bronzezeitlichen Grabsitten im unteren Dnieprgebiet // Eurasia Antiqua. 2000. 6. С. 125-208.

Mohen J.P. Les sépultures de métallurgistes du début des âges des métaux en Europe. Découverte du métal. Paris: Picard, 1991. С. 131-142.

Müller D.W. Die späte Aunjetitzer Kultur des Saalegebietes im Spannungsfeld des Südostens Europas // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte, 1982. Bd.65. С. 107-127.

Müller-Karpe, A. Altanatolisches Metallhandwerk. Offa-Bücher 75. Untersuchungen aus dem Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Kiel und dem Archäologischen Landesmuseum der Christian-Albrechts-Universität, Schleswig sowie dem Landesamt für Vor- und Frühgeschichte von Schleswig-Holstein, Schleswig N.F., 75. Neumünster : Wachholtz, 1994. 264 p.

Pustovalov S.Z. Economy and social organization of northern pontic steppe - forest steppe pastoral populations: 2750-2000 BC (catacomb cultures) // Baltic-Pontic studies. 1994. Vol. 2. С. 86-134.

Tallgren A.M. La Pontide prèscythique après l'introduction des métaux // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1926. Vol.2. 248 c.

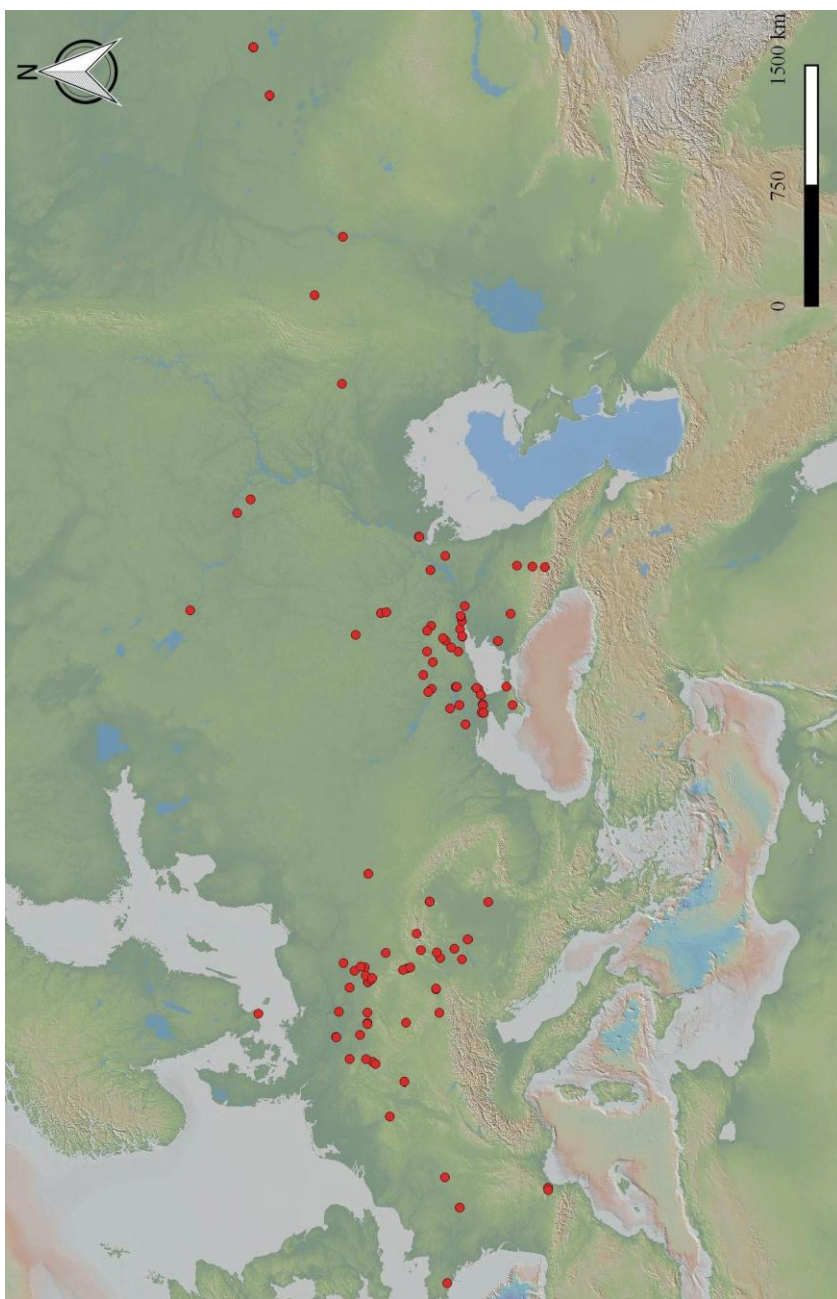

Рис.1. Находки литейного инвентаря в погребальном контексте в эпоху позднего энеолита - бронзового века.

	Восточная Европа	Центральная и Западная Европа
3500	Энеолит / Ранний бронзовый век	
3000		
2500	Средний бронзовый век	
2000		
1500	Поздний бронзовый век	Поздний энеолит / Ранний бронзовый век
		Средний бронзовый век
1000		Поздний бронзовый век

Рис. 2. Абсолютная хронология этапов бронзового века в Восточной, Центральной и Западной Европе.

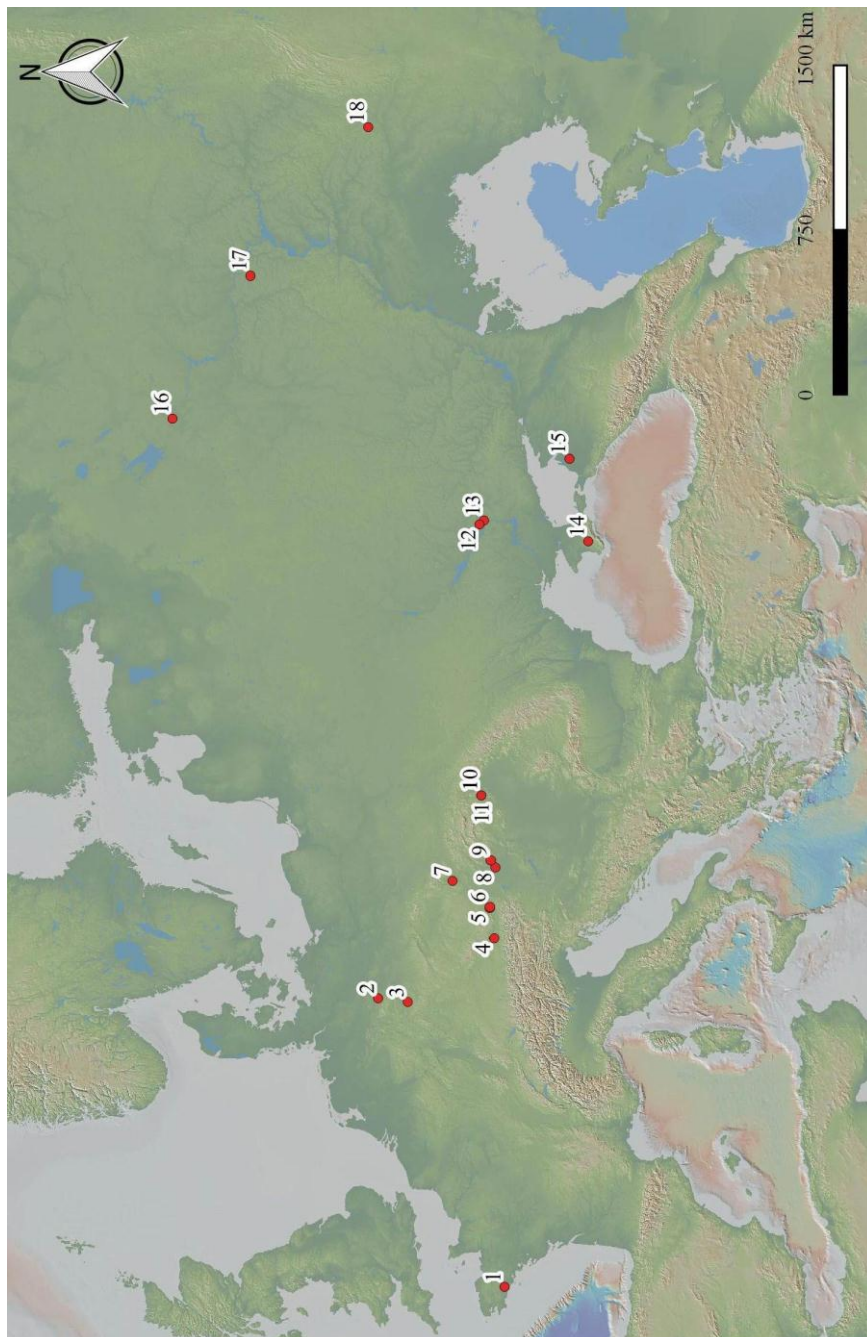

Рис.3. Находки литейного инвентаря в позднем энеолите - раннем бронзовом веке на территории Европы: 1 - Kervellerin en Sleguer; 2 - Nienhagen; 3 - Erfurt-Gispersleber; 4 - Haid; 5 - Franzhausen II, 1057; 6 - Gemeinlebar, 532; 7 - Luderov, 98; 8 - Matuskovo, 50; 9 - Nitra; 10 - Nizna Mysla, 280; 11 - Nizna Mysla, 133; 12 - Верхняя Маёвка XII.2.10; 13 - Соколово (Остров Самарский); 1.6; 14 - "Золотая могила"; 15 - Лебеди I. 3.10; 16 - Волосовско-Даниловский, П.21 (1964 г.); 17 - Чурачичский, П. 2; 18 - Першин I.4.

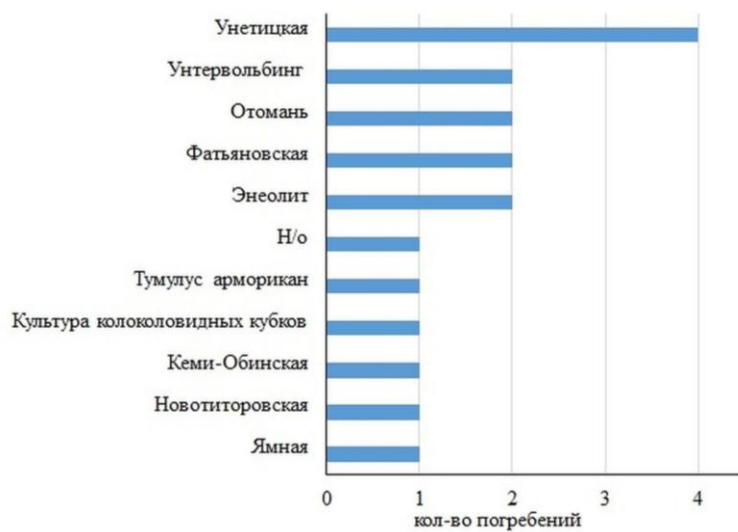

Рис.4. Культурная атрибуция погребений энеолита - раннего бронзового века с литейным инвентарем.

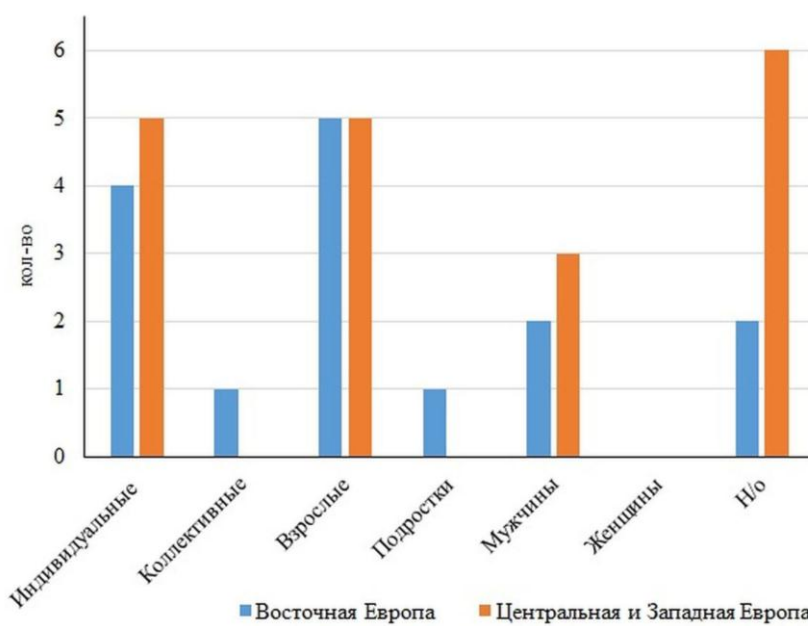

Рис.5. Виды погребений и половозрастные характеристики комплексов энеолита - раннего бронзового века

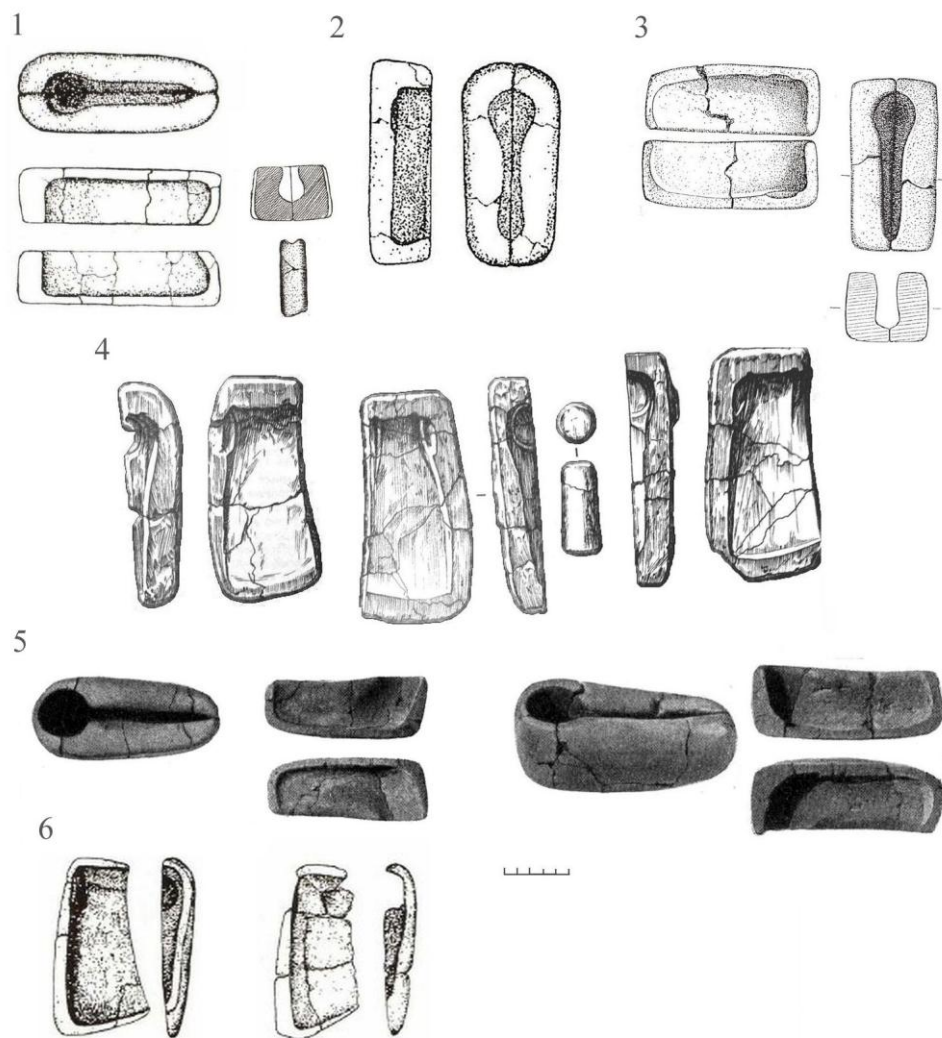

Рис.6. Литейные формы для проушных топоров из погребений позднего энеолита – раннего бронзового века на территории Восточной Европы: 1 - Верхняя Маёвка XII.2.10 (по Ковалева 1977); 2 - Соколово 1.6 (по Ковалева, 1979); 3 - Першин 1.4 (по Черных и др., 2000); 4 - Лебеди I.3.10 (по Гей, 1986); 5 - Волосовско-Даниловский могильник, П. 21 (по Крайнов, 1971); 6 - «Золотая могила» (по Černych, 2003)

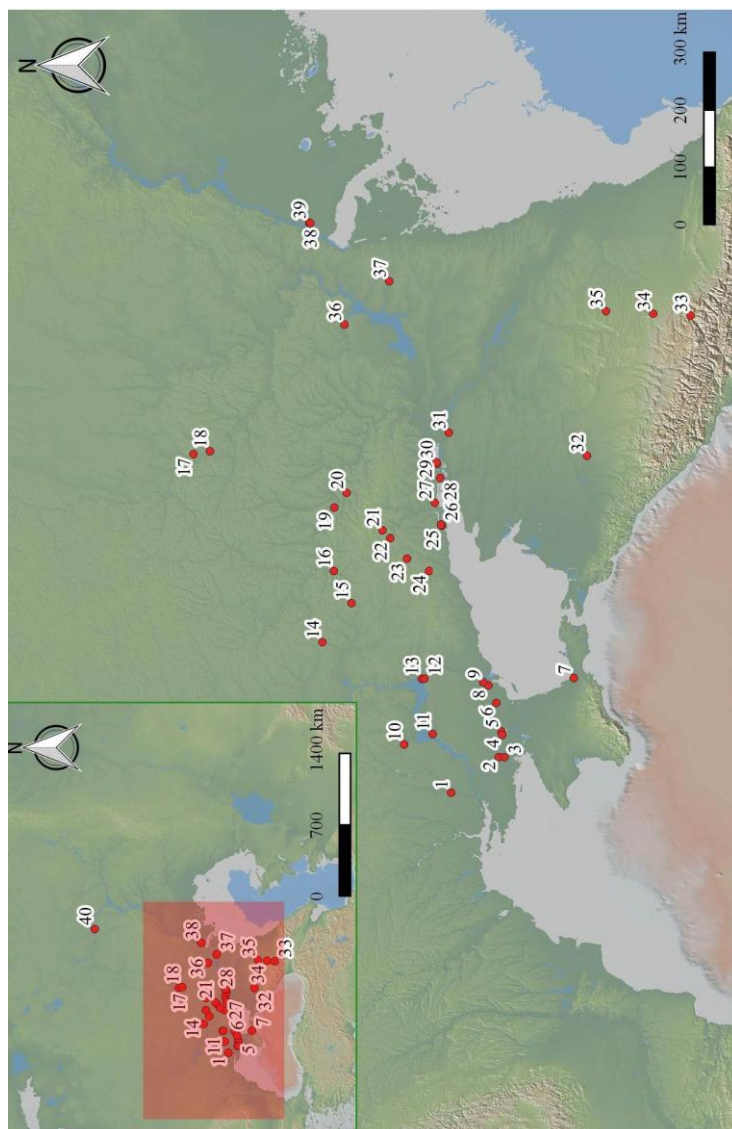

Рис.7. Находки литейного инвентаря в погребальных комплексах среднего бронзового века на территории Восточной Европы: 1 - Павловка 27.20; 2 - Новое; 3 - Каиры 1.11; 4 - Громовка 1.7; 5 - Воскресенка 3.3; 6 - Калиновка 1.4; 7 - Красновка 36.20; 8 - Давыдовка 1.5; 9 - Малая Терновка 2.7; 10 - Каменка 2.7; 11 - Первомаевка I 2.1; 12 - Вспльска I 2.0; 13 - Верхняя Криница 4.7; 14 - Копани II 1.1; 15 - Новокриворожский ГЗК 3; 16 - Краматорск; 17 - Посево 3.5; 18 - Павловский 38.3; 19 - Пришиб 1.9; 20 - Ворошиловград 3.16; 21 - Шахтерск 2.5; 22 - Покровка 4.3; 23 - Стыла 1.12; 24 - Новоалексеевка 1.6; 25 - Лаксемоновка I/1.12; 26 - Лаксемоновка III/1.4; 27 - Вареновка 4.5; 28 - Корогаево; 29 - Мухин I 3.5; 30 - Берданосовка 4.22; 31 - Колдыри 3.3; 32 - Чернышевский I 15.35; 33 - Ажлама; 34 - Скачки; 35 - Веселая Роща I 3.3; 36 - Калиновка (Суровикино); 37 - Жугово 1.3; 38 - Калиновка 8.42; 39 - Калиновка 55.13; 40 - Пепкинский курган 1.

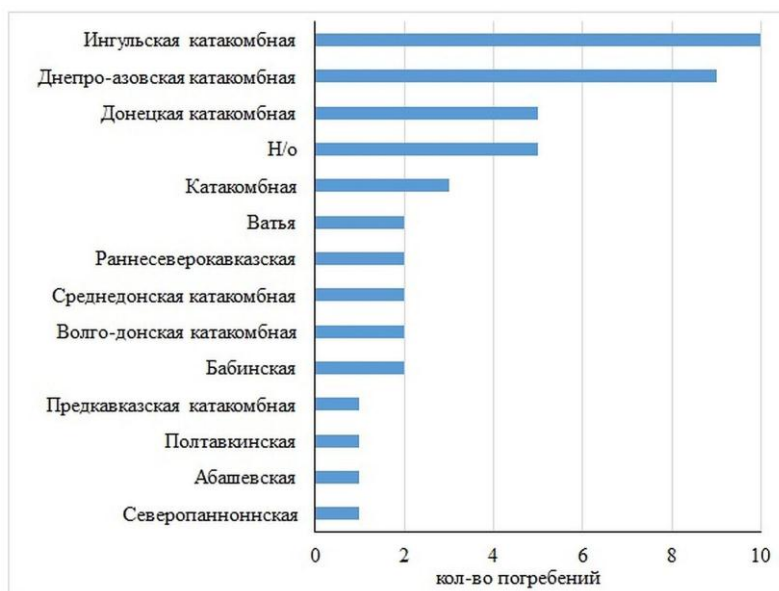

Рис.8. Культурная атрибуция погребений среднего бронзового века с литейным инвентарем.

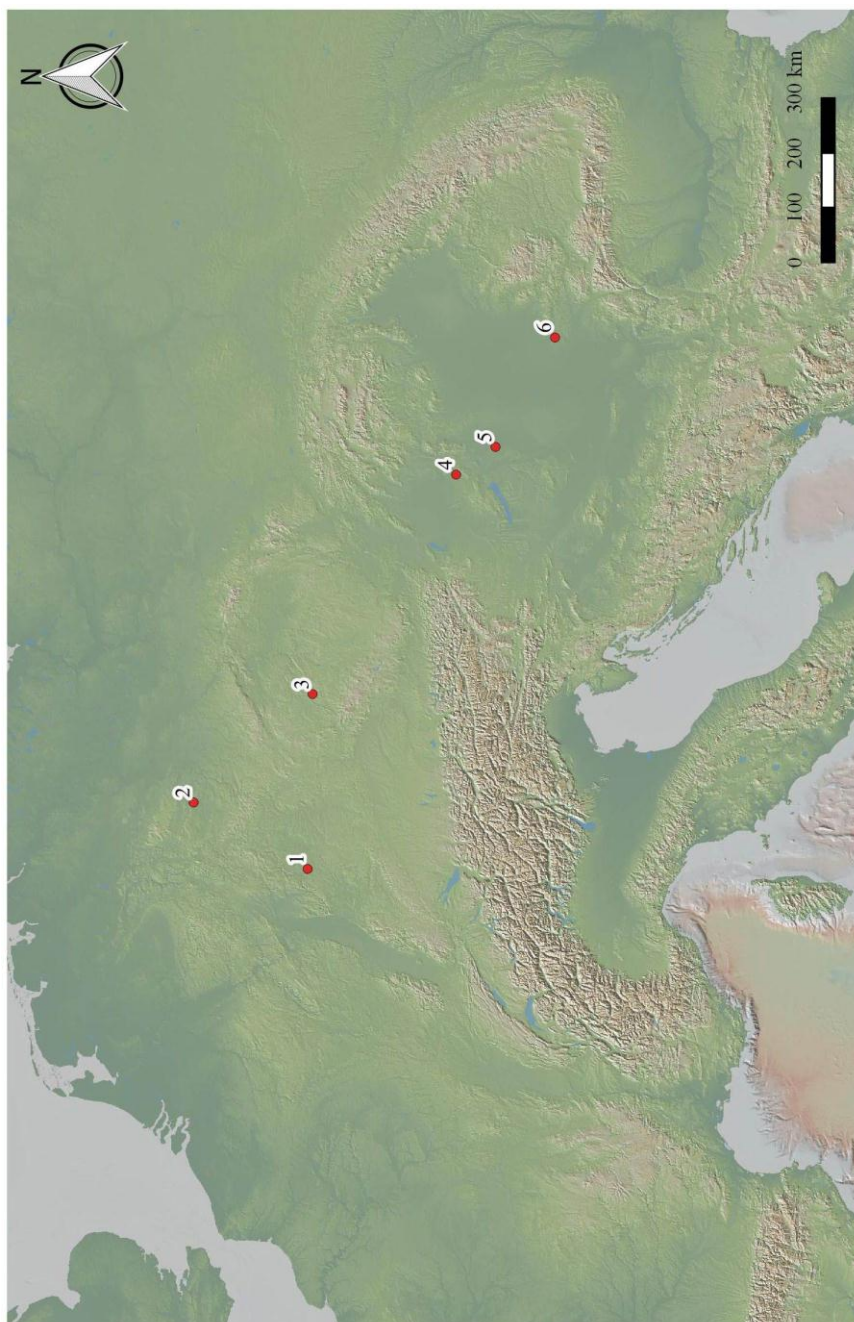

Рис.9. Находки литейного инвентаря в погребальном контексте в среднем бронзовом веке Центральной и Западной Европы: 1 - Wenkheim (курган 1); 2 - Sachsenburg (курган 3); 3 - Zakava Nug 1; 4 - Котуе 15; 5 - Dimaivatos-Dimaifillo 1029 (960); 6 - Стисени

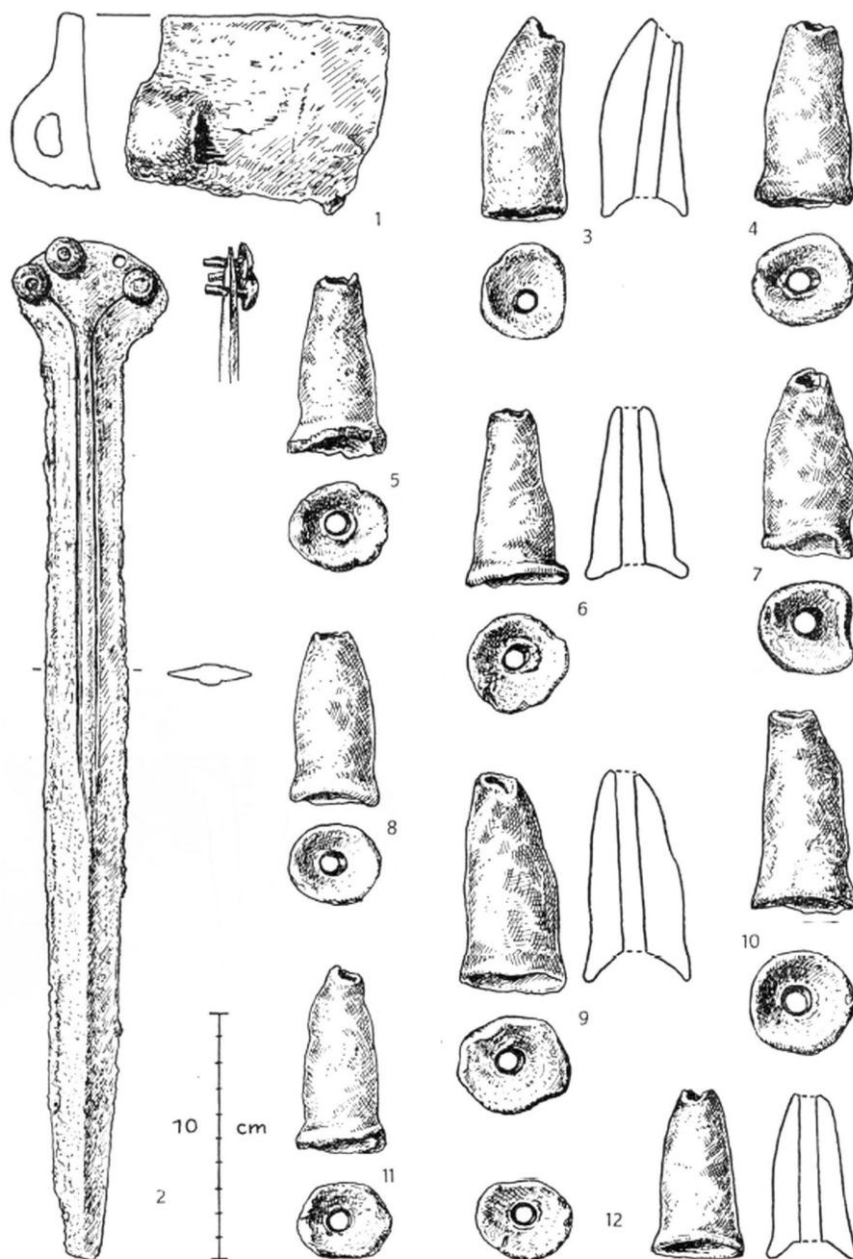

Рис.10. Погребальный инвентарь из курганного погребения, открытого под Саксенбургом [Müller, 1982. Abb.7].

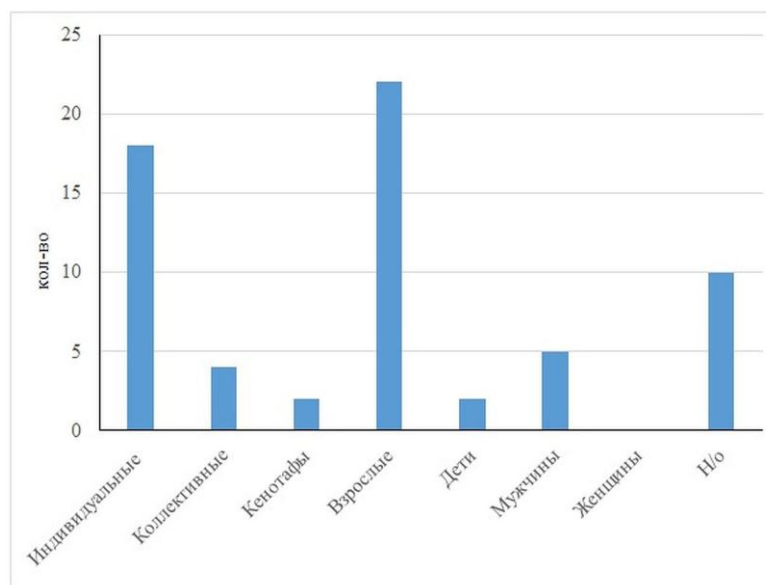

Рис.11. Виды погребений и половозрастные характеристики комплексов среднего бронзового века на территории Восточной Европы.

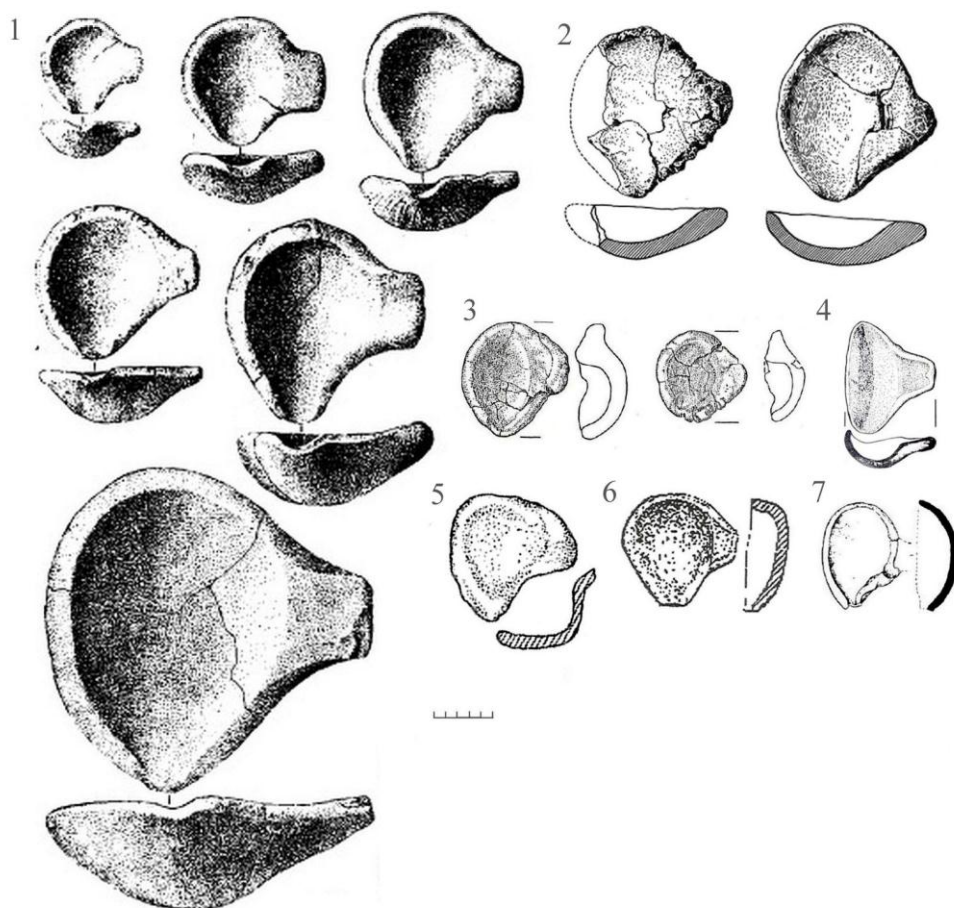

Рис. 12. Тигли с держателем, перпендикулярным сливу из погребений среднего бронзового века на территории Восточной Европы: 1 - Малая Терновка 2.7 (по Кубышев, Черняков, 1985); 2 - Калиновка 8.42 (по Шилов, 1959); 3 - Васильевка 1.20 (по Kaiser, Plešivenko, 2000); 4 - Громовка 1.7 (по Кубышев, Нечитайло, 1991); 5 - Верхняя Криница 4.7 (по Березанская, Ляшко, 1989); 6 - Красновка 36.20 (по Тоцев, 2007); 7 - Чернышевский I 5.35 (по Клещенко 2011).

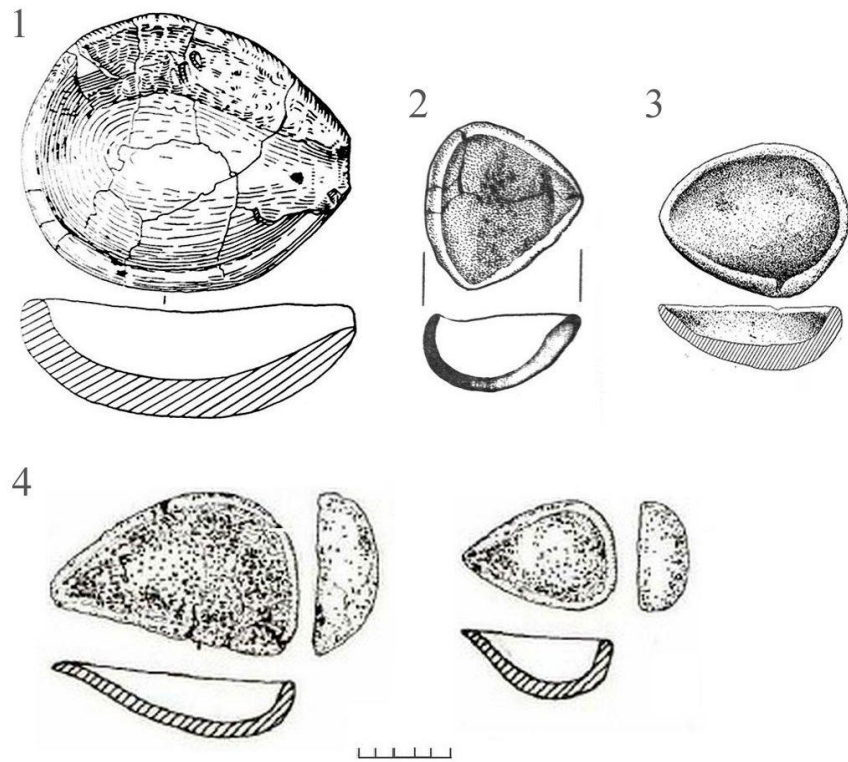

Рис. 13. Тигли без держателя из погребений среднего бронзового века на территории Восточной Европы: 1 - Ворошиловград, Луганский сельхозинститут 3.16 (по Березанская, 1980); 2 - Воскресенка 3.3. (по Кубышев, Нечитайло, 1991); 3 - Краматорск (по Шапошникова, 1971); 4 - Каиры 1. 11 (по Сernusch, 2003).

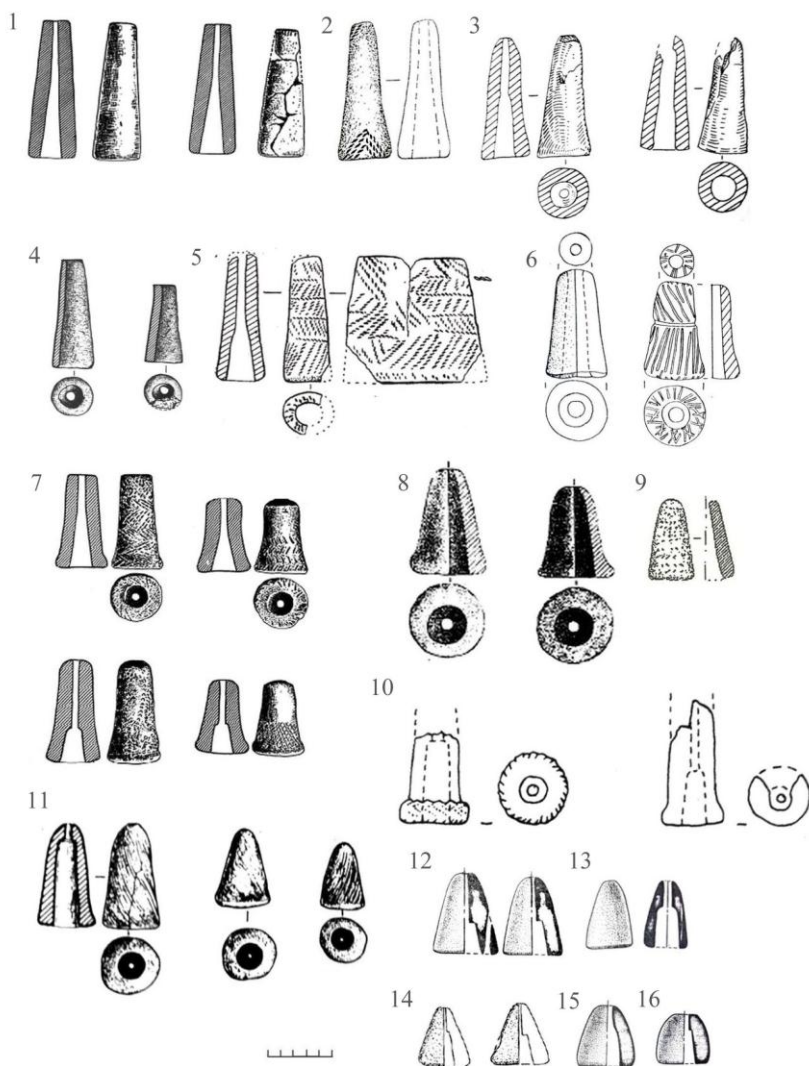

Рис. 14. Сопла из погребений Восточной Европы эпохи средней бронзы: 1-1 - Калиновка 55.13 (по Шилов, 1959); 2 - Лосево 3.5 (по Матвеев, Маслихова, 2004); 3 - Ворошиловград, Луганский сельхозинститут 3.14 (по Березанская, 1980); 4 - Новоалексеевка 1.6 (по Березанская, Кравец, 1989); 5 - Пришиб 1.9 (по Братченко, 2001); 6 - Павловка 27.20 (по Клюшинцев, 1991); 7 - Калиновка 8.42 (по Шилов, 1959); 8 - Малая терновка 2.7 (по Кубышев, Черняков, 1985); 9 - Красновка 36.20 (по Тошев, 2007); 10 - Калиновка (Суровикино) (по Цуцкин, 1982); 11 - Покровка 4.3 (по Березанская, Кравец, 1989); 12 - Громовка 1.7 (по Кубышев, Нечитайло, 1991); 13 - Каменка 2.7 (по Кубышев, Нечитайло, 1991); 14 - Васильевка 1.20 (по Kaiser, Plešivenko, 2000); 15 - Воскресенка 3.3 (по Кубышев, Нечитайло, 1991); 16 - Калиновка 1.4 (по Кубышев, Нечитайло, 1991).

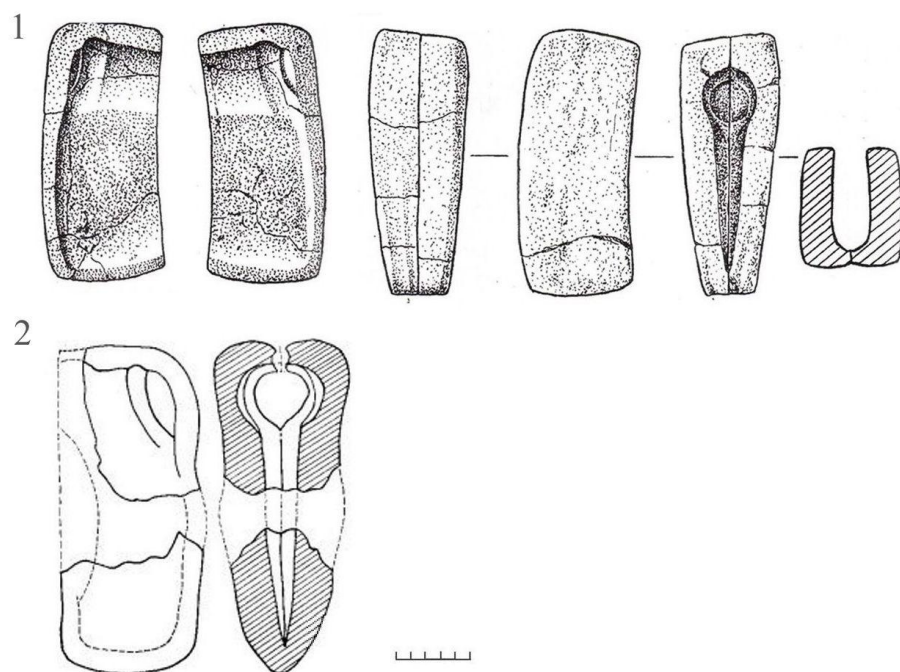

Рис. 15. Литейные формы для проушных топоров из погребений раннего этапа донецкой катакомбной культуры: 1 - Пришиб 1.9 (по Братченко, 2001); 2 - Краматорск (по Шапошникова, 1971).

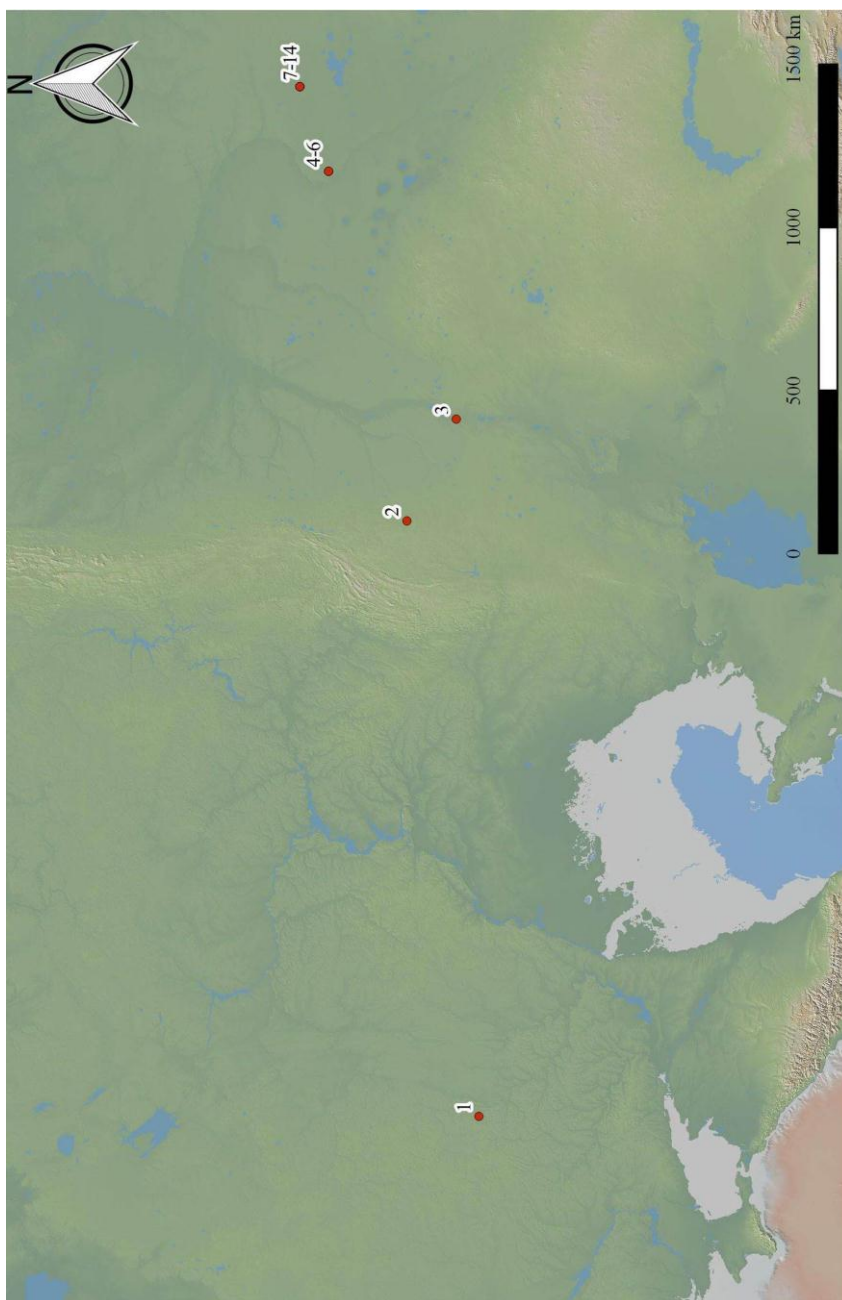

Рис.16. Находки литейного инвентаря в погребальных комплексах на территории Восточной Европы, Зауралья и Западной Сибири в эпоху поздней бронзы: 1 - Киевка 2; 2 - Солнце II 5.1; 3 - Бестамак 7; 4 - Ростовка 24; 5 - Ростовка 4; 6 - Ростовка 21; 7 - Сопка II.427; 8 - Сопка II.282; 9 - Сопка II.464; 10 - Сопка II. 6.2 (54); 11 - Сопка II.6.3 (55); 12 - Сопка II.6.12 (64); 13 - Сопка II.14.2 (91); 14 - Сопка II.18.7 (122).

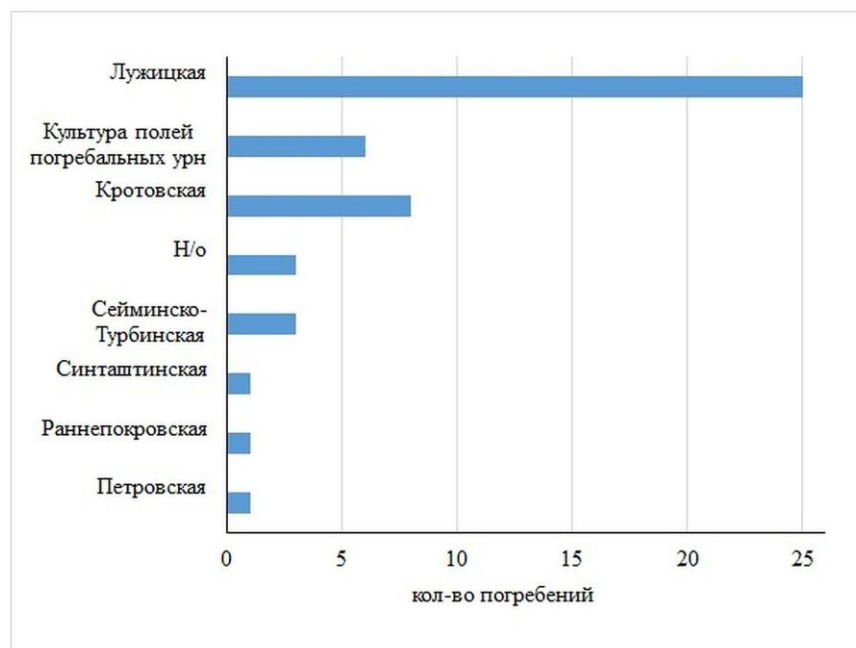

Рис.17. Культурная атрибуция погребений с литейным инвентарем позднего бронзового века.

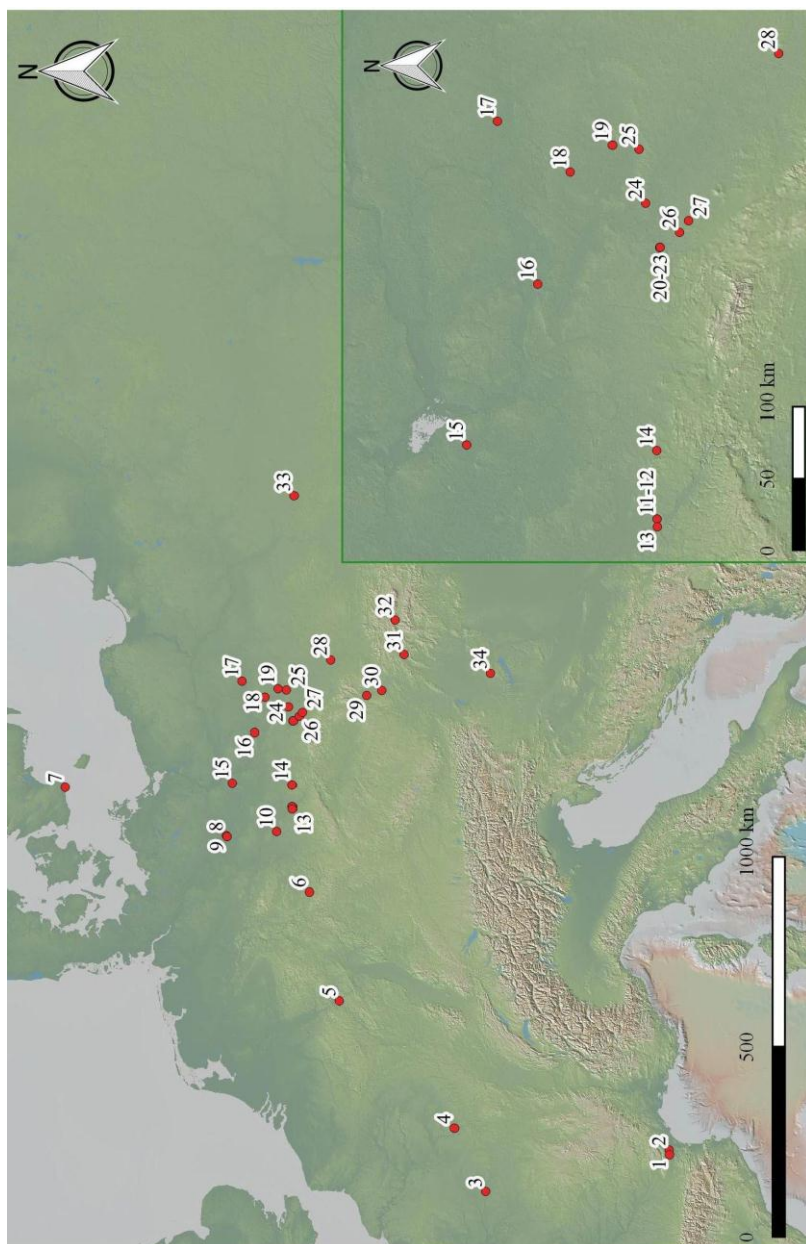

Рис.18. Находки литейного инвентаря в погребальном контексте в позднем бронзовом веке Западной и Центральной Европы: 1 - Pepieux "Las Fados"; 2 - Mailhas 356; 3 - Billy; 4 - Migennes 233; 5 - Kobern-Gondorf 2; 6 - Wandersleben; 7 - Loderup; 8 - Butzow; 9 - Radewege Bei "Schwarzen Berg"; 10 - Battaunel; 11 - Gavernitz "Grosses Grab" 1 12; - Gavernitz Flurstuck 36; 13 - Lobsal (1902); 14 - Klein Jauer Fundpl. 34 burial 215; 15 - Falkenberg (bei Furstenwalde); 16 - Bojadla; 17 - Czarne Piatkowo; 18 - Karzes 89; 19 - Sulow "Windmuhlenberg"; 20 - Legnica 5; 21 - Legnica 153; 22 - 23 - Legnica n/a; 24 - Mojeisce; 25 - Maslow "Toppelberg"; 26 - Mierczyce 15.3; 27 - Piekary 73; 28 - Gogolin-Strzebniew 24; 29 - Moravicany; 30 - Urcice "Kumberky" 177; 31 - Llava; 221; 32 - Vysny Kublin; 33 - Siedliszcze st. 2; 34 - Nemethanya-Felsoerdo III/4.2.

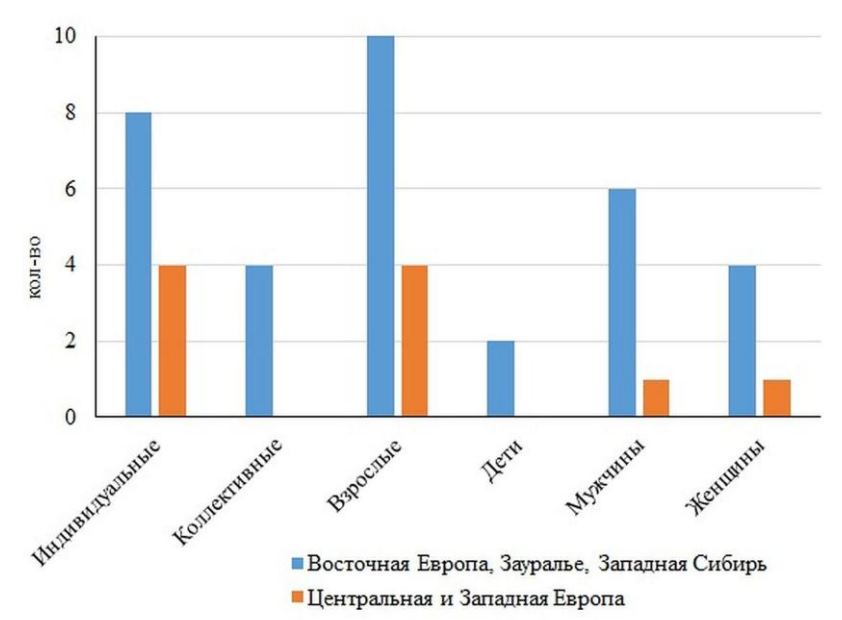

Рис.19. Виды погребений и половозрастной состав комплексов позднего бронзового века с территории Европы, Зауралья и Западной Сибири.

УДК 902(470.45)|637.7|
ББК 63.4(235.54)

Хреков А.А., Быков В.Ю.

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ
ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЕРЬЯ И ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В настоящее время на территории лесостепного Прихоперья выявлено три группы памятников финальной бронзы: хвалынская культура валиковой керамики (ХКВК) и сопутствующий ей так называемый «нурский» тип; прихоперская (марьяновско-маклашеевская) типа Студенок-5 и бондарихинская. Актуальной проблемой является определение их культурного и хронологического статуса. Специфика региональных условий (лесостепь) и катастрофические изменения климата в конце II – начале I тыс. до н. э., активизировали межкультурные процессы стадийного характера на территории Волго-Днепровского междуречья. Лесостепная часть бассейна Хопра оказалась в зоне ярких культурно-генетических процессов, которые отражают суть и этапы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку. В работе рассматриваются опорные памятники, позволившие авторам выделить и обосновать их культурно-хронологическую принадлежность примерно в рамках XIII–VIII вв. до н. э.

Ключевые слова: Лесостепное Прихоперье, Волго-Донское лесостепное междуречье, финал эпохи бронзы, миграции, хвалынская культура валиковой керамики, керамика нурского типа, марьяновская культура, малобудковская культура, атабаевско-маклашеевский тип приказанской культуры, прихоперский тип, аким-сергеевский тип, студенокский тип, бондарихинская культура.

Khrekov A.A., Bykov V.Yu.

ON THE CULTURAL-CHRONOLOGICAL AFFILIATION OF THE LATE
BRONZE AGE MONUMENTS FROM THE FOREST-STEPPE AREAS
OF THE KHOPER REGION AND THE VOLGA-DON INTERFLUVE

By the present, three groups of the Final Bronze Age monuments have been recognized in the forest-steppe Khoper region: the Khvalynsk culture of bead-rim ceramics (KCBC) with the accompanying so-called "Nur" type; the Khoper (Maryanovka-Maklasheyevka) culture of the Studenki 5 type and the Bondarikha cul-

ture. Determination of their cultural and chronological status makes a most urgent problem. Peculiar regional settings (forest steppe) and the catastrophic climate alteration during the late II - early I millennium B.C. activated the intercultural stadial processes in the Volga-Dnieper interfluvium. The forest-steppe part of the Kholmsk basin happened to be within the zone of dramatic cultural-genetic processes representative of the essence and the stages of transition from the Bronze Age to the Early Iron Age. The reference monuments are being considered that have enabled the authors to determine and substantiate their cultural-chronological affiliation roughly within XIII-VIII cent. B.C.

Keywords: forest-steppe Kholmsk region, Volga-Don forest-steppe interfluvium, final Bronze Age, migration, Khvalynsk culture of bead-rim ceramics, Nur type ceramics, Maryanovka culture, Malye Budki culture, Atabayev-Maklasheyevka type of the Kazan culture, Kholmsk type, Akim-Sergeyevka type, Studenki type, Bondarikha culture.

Одним из наименее исследованных периодов истории Волго-Донского лесостепного междуречья является переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. В конце II – начале I тыс. до н. э. здесь, как и в других районах степной и лесостепной Евразии, происходили во многом еще неясные процессы, необратимо изменившие многовековой уклад жизни населения эпохи поздней бронзы. Одним из факторов глобальных перемен многие исследователи считают наступление большого климатического цикла, который начался с похолодания и усиления аридности достигших своего пика на рубеже II–I тыс. до н. э. [Хотинский, 1982. С. 142–147; Медведев, 1999. С. 15–16; Черных, 1976. С. 198–202].

Но если в степной зоне относительно быстро сменился культурный фон и население перешло от пастушеских форм скотоводческого хозяйства к кочевым, то в лесостепи этот процесс сглаживался природными особенностями и растянулся на более длительный срок. Кроме того, специфика региональных условий привела к значительным различиям археологических культур, которые к тому же были отмечены здесь не полными циклами этногенеза, а лишь некоторыми фазами. Это время формирования и развития так называемых культур валиковой керамики заключительного этапа эпохи бронзы степной и лесостепной зон Евразии, целостную оценку которых предложил Е.Н. Черных. По его представлениям культуры валиковой керамики включаются в постсейминский горизонт Евразийской провинции, который делится на две фазы: раннюю XIII–XII вв. до н.э. (время сложения общности) и позднюю XI–VIII вв. до н.э. [Черных, 1983. С. 81, 83, 95].

Глобальные изменения охватили лесостепную и юг лесной территории Восточной Европы, где происходит интеграция и формирование новых культурных образований. Для более конкретного понимания исторических процессов, протекавших на заключительном этапе бронзового века в Волго-Донском и, шире, Волго-Днепровском междуречье, особое значение имеют памятники лесостепного Прихоперья.

В данной работе обобщены и систематизированы практически все известные на данный момент материалы памятников (культур) заключительного и финального этапа эпохи бронзы, а также уточнена их культурно-хронологическая интерпретация. К настоящему времени археологические памятники этого периода в лесостепном Прихоперье представлены тремя основными культурно-хронологическими группами: хвалынской культурой валиковой керамики (ХКВК) по Н.М. Малову; прихоперской (марьяновско-маклашеевской типа Студенок-5) и бондарихинской по А.А. Хрекову.

К первой группе относятся хорошо известные на Дону и Волге хвалынские памятники с валиковой керамикой. Впервые этот термин был введен В.А. Городцовым, впоследствии использовался в работах П.С. Рыкова, В.В. Гольмстен, О.А. Кривцовой-Граковой, а в настоящее время Н.М. Маловым и другими исследователями. Судя по имеющимся разработкам [Малов, 1987. С. 159–160; Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 129], хвалынские памятники разделяются на два этапа. Ранний этап срубно-хвалынский (XIII–XII вв. до н.э.) и поздний кайбельско-танавский (XI–X вв. до н.э.). С учетом калиброванных датировок нижняя дата может оказаться и более древней. Так, для срубно-хвалынской стадии получена одна радиоуглеродная калиброванная дата по древесному углю с селища Новая Покровка на р. Терешке: 3200±80 л.т.н, 1531–1395cal BC (16), 1675–1301 cal BC (16) [Малов, 2012. С. 95–100]. В итоге, ХКВК позднего бронзового века-3 укладывается в рамках рубежа XIV/XIII–X вв. до н.э. [Малов, 2013. С. 103].

Самарские археологи рассматривают валиковую керамику в степной и лесостепной зоне Поволжья в рамках ивановской культуры, которая датируется XIV–XII вв. до н.э. [Колев, 2008. С. 208–240].

В Подонье, наиболее изученным памятником с валиковой керамикой является поселение Садовое VI на реке Битюг [Екимов, 1981. С. 153–163]. Другие поселения этого времени изучены в меньшей степени. Тем не менее, В.И. Беседину и Ю.Г. Екимову удалось установить наличие в Подонье двух типов поселений, принадлежавших финальной срубной с валиковой керамикой и бондарихинской. Первые были датированы концом II – началом I тыс. до н.э., вторые существовали с начала I тыс. до н.э. до конца эпохи бронзы. По мнению авторов, эти памятники позволяют заполнить вакуум между временем отлива из лесостепи основного массива населения срубной

культуры и началом эпохи раннего железного века [Екимов, Беседин, 1980. С. 93–94]. Однако при исследовании поселения Терешковский Вал были обнаружены остатки медеплавильных печей в сопровождении большого количества сосудов белозерской культуры с отдельными проявлениями бондарихинской и кобяковской культур XII–X вв. до н.э. [Синюк А.Т., 1996. С. 257–258, рис. 68–69]. На сегодняшний день одним из самых показательных для характеристики культуры валиковой керамики в Подонье можно считать материалы поселения Журавка-1, где на обследованном участке не выявлено остатков слоя иных культур эпохи бронзы [Сурков, 2016. С. 59–64].

Первые сведения о трех памятниках ХКВК по Хопру известны благодаря исследованиям Ю.В. Деревягина: Вертуновка, Надеждино-Куракино и Рассказань [Деревягин, Симонов, 1971. С. 218–222]. На данный момент в лесостепном Прихоперье выявлено еще 15 поселений, на которых обнаружена валиковая керамика (рис. 1): Пады [Хреков, 1980. С. 178], городище Никольевка, Алмазово II, [Хреков, 1981. С. 157; Изотова, 1993. С. 175], Котоврас, Духовое, Рязанов Брод [Хреков, 1993], Рассказань VII [Моржерин, 2019], Вязовая I, Мысовское, Никольевка V [Хреков, 2016]; Чиганак VII, Красный Полуостров II, Ладонка, Полухино, Шляпа [Быков, 2013. С. 84–93; Быков, 2016. С. 193–201].

Как правило, поселения располагались на первой надпойменной и коренной террасах. Сооружение рва и вала на городище Никольевка, видимо относится к раннему железному веку.

Предположительно к первому срубно-хвалынскому периоду мы отнесли большинство могослойных памятников, где встречена срубная и некоторое количество валиковой керамики: Романовка, Рязанов Брод, Рассказань VII, Мысовское, Духовое, Никольевка V и другие.

Раскопками изучались городище Никольевка [Хреков, 2003. С. 104–17] и поселение Алмазово II [Изотова, 1993.], выделенные во второй кайбельско-танавский период ХКВК.

Наиболее чистый комплекс ХКВК выявлен на многослойном городище близ с. Никольевка Балашовского района Саратовской области. В 1978–1980, 1984 гг. на городище исследовано около 500 кв. м. площади. Валиковая керамика фиксировалась на глубине 3 и 2 пластов, выше воронежской и ниже городецкой. Некоторая её концентрация наблюдалась в восточной и западной частях городища.

Выявленная здесь керамическая серия финальной бронзы насчитывает фрагменты от 117 сосудов. Большая часть керамики происходит от крупных сосудов с диаметром венчиков свыше 20 см. Глина плотная, с примесью песка и шамота. Цвет внешней поверхности сосудов темно-серый, коричневый и светло-коричневый, в изломе всегда черный. Толщина стенок в большинстве случаев составляет 0,7–1,1 см.

По форме тулова, профилировке венчика и орнаментации керамика разделена на четыре типа.

Первый – наиболее многочисленный тип (85 фрагментов) составляют профилированные сосуды горшковидной формы, которые, в зависимости от оформления венчика и наличия валика, распределяются на четыре варианта.

Сосуды первого варианта (28 фр.) имеют прямой, чуть утолщенный венчик, напоминающий воротничок (рис. 2, 1–4). Верхний срез венчика приострѐн или закруглѐн.

Ко второму варианту относятся сосуды (11 фр.) с простым оформлением венчика (рис. 2, 5–7; 4, 4; 8, 1), верхний срез которого имеет различные очертания. К этому варианту принадлежит единственный «бомбовидный» сосуд с выпуклым туловом и сравнительно узкой шейкой (рис. 2, 6). По шейке нанесен орнамент в виде наклонных, вертикальных и пересекающихся нарезок. Типологически этот сосуд выпадает из общей серии валиковой керамики городища и хронологически, видимо, является маркером материалов более позднего времени. Довольно близкие аналогии ему имеются на памятниках типа Кобяково на Нижнем Дону [Лукьяшко, 1999. С. 17, рис. 4].

Третий вариант представлен сосудами (19 фр.), венчики которых имеют воротнички (рис. 3, 1–6). Орнамент на воротничках отсутствует (рис. 3, 1, 2, 4). Обычно он покрывает шейку (рис. 3, 2, 6) и плечики сосудов (рис. 3, 5). Форма венчика подтреугольная, с приостренным или плоско срезанным верхом.

Четвертый вариант (29 фр.), составляют безворотничковые, с чуть утолщенным верхом сосуды, украшенные наклепным или оттянутым валиком (рис. 5, 1–8). Валик обычно невысокий, иногда едва заметный. Ширина валиков варьируется от 2 до 1 см. Как итог эволюции валиковой орнаментации можно рассматривать крупный фрагмент сильно профилированного сосуда (рис. 8, 2), на котором валик имитирован соответствующим орнаментом. Большая часть валиков расположена на границе перехода от шейки к плечу, а в одном случае под срезом венчика (рис. 5, 2).

Пятый вариант включает сосуды, сочетающие валик и воротничок (рис. 3, 7–9; 4, 1–3, 5). Практически все воротнички подтреугольной формы и разной высоты. В отличие от сосудов третьего варианта, валики размещались не только на границе перехода от шейки к плечу, но и на самом плече (рис. 4, 7; 5, 1, 3). На четырёх фрагментах зафиксированы валики в виде свисающих и загнутых «усов» (рис. 4, 5–6).

Второй тип хвалынской керамики представлен банками (9 фр.). Они имеют закрытое устье и слабовыпуклые стенки (рис. 5, 9–10). Верхний срез венчика закруглен, или плоско срезан. Диаметр верха не реконструируется. Орнамент отсутствует. Исключением являются фрагменты сосуда с вертикальными (рис. 5, 9) валиками, нетипичными для хвалынской культуры.

К третьему типу относятся миски – сковороды (рис. 6, 1–6). По форме верха и дна, это были плоскодонные сосуды, высотой 4,5–6,3 см. с прямыми, отогнутыми наружу и загнутыми внутрь стенками. Верхний срез венчиков округлый, плоский, иногда утолщенный. Стенки на одной миске гофрированы (рис. 6, 3). Орнамент отмечен только по верхнему срезу венчика (рис. 6, 1). Толщина стенок от 1 до 2 см. Тесто довольно рыхлое с примесью песка и шамота, поверхности коричневого и светло-коричневого цвета. Вероятно, миски имели крышки. Судя по сохранившимся фрагментам, они представляли собой плоские округлые или овальные диски с петлевидной ручкой в центре (рис. 7, 10).

В четвертый тип мы выделили еще одну группу (рис. 7, 1–9) керамики, которая с известной долей условности может быть сопоставлена с «нурскими» традициями. По всей территории городища она встречалась в комплексе с ХКВК. Указанная керамика (18 фр.) представлена толстостенными профилированными горшками значительных размеров и банками. Отличительной особенностью сосудов является оформление верхнего края венчиков, которые имеют грибовидное утолщение, либо закруглены и скошены наружу в виде воротничка (рис. 7, 5, 7–8). По плоскому срезу некоторых проходит желобок (рис. 7, 1–2, 4, 6). Орнамент, в виде поясков из пальцевых, ногтевых, ромбовидных вдавлений и защипов, украшает венчики и тулово сосудов. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета аккуратно заглажена. Тесто плотное, с примесью песка и шамота.

Более 80% валиковой керамики Никольевского городища украшено разнообразным орнаментом. В основном он занимал верхнюю половину сосуда. Основными элементами орнамента являются короткие резные насечки, (рис. 2, 1, 3–4, 6–7; 3, 5, 7–9; 4, 1, 3–6; 8, 1–2), обычно играющие вспомогательную роль, оттиски крупного и среднезубчатого штампа (рис. 2, 1; 3, 7; 5, 2, 4), зерновидные вдавления (рис. 3, 5; 5, 2). В редких случаях встречаются тычки и округлые вдавления тупым концом палочки (рис. 3, 6; 4, 2; 5, 6), наlepные шишечки (рис. 2, 2; 4, 6). Ведущую роль играли наlepные или оттянутые валики (рис. 3, 7–9; 4, 1–3, 5–6; 5, 1–9). Интересен фрагмент венчика, где валик оформлен в виде перевитой веревочки (рис. 5, 4).

Среди мотивов преобладают один или два ряда резных насечек, достаточно часто встречаются косые кресты или решетка и горизонтальная елочка. Значительно реже наносились различные зигзаги, ромбы и треугольники. Следует отметить, что насечками, крестами орнаментировалась, в основном посуда, имеющая валик и воротничок, хотя эти мотивы есть и на керамике без рельефного орнамента. Нередко все эти мотивы сочетаются на одном сосуде, но в целом преобладают несложные сюжеты.

Максимальная близость комплексу валиковой керамике Никольевского городища на сопредельных территориях обнаруживается: на Танавском [Изогова, Малов, 1992. С. 96–115], Алексеевском [Юдин, 2001. С. 26–36] городищах, на поселениях Мартышкино [Лопатин, 2016. С. 80–108], Ерзовка [Дьяченко, 1992. С. 115–126] в Поволжье; Садовое VI, Журавка I [Екимов, 1981. С. 153–163; Сурков, 2016. С. 59–64] в Подонье и других. На Танавском, Никольевском городищах, поселении Котоврас, Садовое VI также встречены и миски, которые являются определенным хронологическим индикатором ХКВК в Прихоперье. На Кобяковском поселении Нижнего Дона подобные миски датируются X – началом VIII вв. до н. э. [Лукьяшко, 1999, С. 18, рис. 5, 5–7; С. 20]. Не противоречит этому сопутствующий валиковой керамике так называемый «нурский» тип (Никольевка, Танавское, Ерзовка, Мартышкино), который соответствует кайбельско-танавскому этапу XI–X вв. до н.э.

Посуда, близкая «нурской», выявлена на многослойном поселении Расказань III [Хреков, 2003. С. 123, рис. 8]. Всего обнаружено около 30 фрагментов. Среди срубной, рассматриваемая керамика выделяется, в основном, планиграфически. Большая ее часть изготовлена из плотного глиняного теста со значительной примесью песка и шамота. Черепок в изломе сплошной. Обжиг высокотемпературный, наружная поверхность варьирует от темно-серого до коричневатого-красноватого цвета, иногда чуть подлощена. Комплекс представлен профилированными горшковидными и баночными сосудами (рис. 9, 1–11). Днища плоские, венчики округлые, грибовидные, плоские, скошенные внутрь или наружу. Два сосуда (рис. 10, 8, 10) имеют резко суженную придонную часть, что роднит их с посудой бондарихинской культуры [Березанская, 1982. С. 71, рис. 18, 6, 16, 29]. Орнамент довольно прост. Его составляют пояски вдавлений, пальцевые защипы, тычки (рис. 10, 1–7, 9). Рассматриваемая керамика своеобразна, и соотнесение ее с «нурской» будет справедливо только в плане хронологии, а отмеченная профилировка некоторых сосудов (рис. 9, 7, 10) и тычковые элементы орнамента (рис. 9, 1–3, 5) характерны для посуды бондарихинской культуры Прихоперья [Хреков, 2016. С. 51–77]. Следует еще раз отметить, что «нурская» керамика, как и бондарихинская, пока не составляют в Прихоперье представительных серий, но, тем не менее, они позволяют не только фиксировать проникновение восточных и западных традиций, но и провести синхронизацию с ХКВК на ее заключительном этапе. В настоящее время, предложенная Н.К. Качаловой аргументация в пользу сравнительно поздней датировки «нурских памятников», верхняя граница которых определяется VIII в. до н. э. [Качалова, 1989. С. 40], далеко не бесспорна [Потапов, 2001. С. 101–103]. На это, в первую очередь, указывают находки на одних и тех же памятниках «нурской» и хвалынской валиковой

керамики [Качалова, 1989. С. 42, рис. 3; с. 44]. Та же ситуация наблюдается и в лесостепном Прихоперье.

Сведения о постройках ХКВК на территории лесостепного Прихоперья носят отрывочный характер. В восточной части городища Никольевка (раскоп III) обнаружено частично сохранившееся сооружение [Хреков, 1980], возможно это остатки постройки, более половины которой разрушено обрывистым склоном. Судя по форме, она была вытянута с севера на юг. Её сохранившиеся размеры 4 X 2 м. Глубина в материке 0,5 м. Стенки покатые, постепенно опускающиеся ко дну. У северной стенки скопление камней и костей животных, в заполнении фрагменты керамики (рис. 2, 1-7). Судя по керамике, сооружение относится ко второму периоду ХКВК.

Определенный интерес представляют материалы поселения Ладонка I [Быков, 2016. С. 193-202], случайно открытого при проведении хозяйственных работ. На памятнике, выявлен участок культурного слоя мощностью 0,65 м. В нижнем отделе культурных напластований зафиксировано бесформенное нагромождение прокаленной глины размерам 1,3 X 0,9 м. и толщиной 0,6 м. К северу от объекта обнаружено скопление угля, золы, ошлакованной глиняной обмазки с отпечатками веток, плашки обугленного дерева, толщиной 5-8 см., кости животных и фрагменты керамики ХКВК (рис. 10, 1-4). Можно предположить, что это остатки сгоревшей постройки финальной бронзы, о чем свидетельствует керамический комплекс. Формы пяти горшковидных сосудов графически реконструированы до максимального расширения тулова. Они имеют средние размеры, диаметры горловин варьируются от 12 до 20 см. Сосуды, кроме одного с воротничковым венчиком (рис. 10, 3), имеют рельефную орнаментацию в виде валиков, расположенных под венчиком и в верхней части плеча. Валики украшены рядами косых и крестовидных насечек. Фрагменты двух сосудов (рис. 10, 4) представлены мисками. В целом, набор посуды поселения Ладонка соответствует кайбельско-танавскому этапу ХКВК.

Небольшие коллекции хвалынской керамики получены В.Ю. Быковым во время сборов на поселениях Шляпа (рис. 10, 5-7), Чиганак (рис. 10, 8-9), Полухино (рис. 10, 10-11). Судя по собранному материалу, к срубно-хвалыньскому этапу ХКВК следует отнести комплекс с поселения Шляпа, особенно сосуд, украшенный валиком и пояском заштрихованных треугольников (рис. 10, 5).

Вещевой материал ХКВК на территории лесостепного Прихоперья представлен редкими находками из камня и бронзы. Из культурного слоя с валиковой керамикой городища Никольевка происходит каменный пест и клиновидный топор с перехватом для крепления (рис. 8, 5), практически полная аналогии которому происходят с Алексеевского городища (Малы-

шев, 2006. С. 317, рис. 6, 1) и позднеосенищского поселения Почеп [Буйнов, 2014–2015. С. 161, рис. 7, 15–16]. Случайными находками являются прутковый бронзовый браслет (рис. 8, 6) с поселения ХКВК Вязовая, фрагмент серпа ибракаевского типа (рис. 8, 4) с поселения Рассказань III, и еще один фрагмент серпа (рис. 8, 3) дербеденовского типа [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 59–73, рис. 14–20; С. 86–99, рис. 30–34], обнаруженный в районе с. Заречное. В настоящее время подобные серпы включены в общность культур с валиковой керамикой [Рындина, Дегтярева, 2002. С. 203–204].

Таким образом, валиково-воротничковые памятники Прихоперья вполне органично вписываются в лесостепной и степной Евразийский блок культур финальной бронзы: саргаринской, алексеевской, хвалынской (ивановской), отчасти сабастиновской, белозерской и др., в рамках XIV/XIII–X вв. до н. э. Для них характерен целый ряд общих закономерностей, особенно в развитии керамических комплексов: появляются и распространяются новые формы посуды – миски, сковороды, а также сосуды с выпуклым туловом и сравнительно узкой шейкой. Среди старых форм наблюдается тенденция к вытянутости, увеличивается численность округлобоких горшков с хорошо выделенной шейкой, получают распространение крупные сосуды-корчаги. Керамика часто украшена резными крестами, решеткой, насечками, получают распространение валики, в том числе и с «усами», реже применяется зубчатый штамп [Изотова, Малов, 1992. С. 111].

В 80–90 гг. XX столетия в лесостепном Прихоперье были выделены интересные и во многом слабоизученные две новые группы памятников – марьяновско-маклашеевская типа Студенок-5 и бондарихинская, существенно дополняющие наши представления о заключительном этапе финала эпохи бронзы в Волго-Донском лесостепном междуречье. [Хреков, 2003. С. 103–128; Хреков, 2016. С. 51–78]. Накопленные к настоящему времени материалы и известные параллели с уверенностью позволяют отнести их к финалу бронзы и началу раннего железного века.

Культурная принадлежность выделенных памятников первой группы ставит много вопросов. С одной стороны, они находят многочисленные аналогии среди керамических комплексов финала бронзы в бассейне Северского Донца, особенно группы близкой поселению Студенок-5. [Березанская, 1982. С. 45; Буйнов, 2004. С. 141–153], с другой – среди атабаевских и маклашеевских в Верхнем и Среднем Поволжье [Халиков, 1980. Табл. 58–60]. В качестве рабочего термина мы называли их марьяновско-маклашеевскими, указывая на прямые или опосредованные культурные традиции и связи между столь отдаленными (территориями) культурами. Появление новых данных позволило нам скорректировать основной вектор формирования марьяновско-маклашеевских и аналогичных аким-сергеевских памятников на территории

Волго-Донского лесостепного междуречья, включая бассейны рек Хопра, Суры, Мокши и Цны. При этом рабочий термин «марьяновско-маклашеевские» мы заменили на «прихоперский» тип памятников финала бронзы.

К настоящему времени в бассейне р. Хопер выявлено 23 памятника и местонахождений этой группы (рис. 11): Мучкапский район Тамбовской обл., Шапкино I (дюна 3), Шапкино I (дюна 5), Шапкино II (раскоп 2), Шапкино III, Шапкино VI, Шапкино VII; Романовский район Саратовской обл., Подгорное I, Подгорное II, Богатырка, Разнобрычка I, Разнобрычка II, Посев Угол, Инясево, Моховое; Балашовский район Саратовской обл., Духовое; Аркадакский район Саратовской обл., Шляпа, Халины Пески II, Халины Пески III, Малаковы Пески, Подпечное, Поташное; Ртищевский район Саратовской обл., Владыкино.

Сразу следует оговориться, что на некоторых из них присутствует керамика типа Бондарихи (по другой терминологии «тычковая керамика»), вопрос о соотношении которых до последнего времени не решен.

В отличие от ХКВК, памятники прихоперского типа расположены на дюнных всхолмлениях и склонах первых надпойменных террас, часто в зеленых поймах рек.

На восьми поселениях проведены раскопки: Шапкино I дюна 3–4 [Хреков, 1983. С. 98–99; Хреков, 2003. С. 108–115], Шапкино I дюна 5 [Хреков, 2016. С. 51–78], Шапкино II раскоп 2 [Хреков, 1986. С. 82–83], Шапкино III [Хреков, 1989], Шапкино VI [Хреков, 2003. С. 108], Подгорное I [Хреков, 2000. С. 60–64], Разнобрычка I [Хреков, 2008] остальные памятники представлены разведками и сборами.

Культуроопределяющим признаком является керамический комплекс, представленный горшковидными круглодонными сосудами с простыми, воротничковыми и желобчатыми венчиками, тулово которых украшено гребенчато-ямочным и тычковым орнаментом.

Керамика, полученная на поселениях, позволяет, в предварительном плане, расчленить рассматриваемый комплекс на две хронологические группы.

К первой группе относится посуда, обнаруженная на поселении Шапкино I (дюна 3). В дальнейшем мы будем считать ее эталонной для характеристики керамики первой группы, так как практически вся она происходит из условно закрытых комплексов.

Памятник расположен на левом берегу реки Вороны (правый приток р. Хопер) близ с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Он включает в себя восемь песчаных дюн, которые тянутся широкой полосой (до 600 м.) с северо-востока на юго-запад более чем на 900 м. Двумя раскопами в 1981–1982 гг. на дюне 3 вскрыто около 150 м. [Хреков, 2003. С. 108–109]. Куль-

турный слой почти на всех участках раскопа потревожен, как потом выяснилось, постройкой, которая врезалась в горизонт срубной культуры. Постройка имела подквадратную форму размером 2 X 1,7 м., глубиной в материке 0,23 м. Заполнение состояло из коричневатой супеси, в которой встречались кремневые отщепы с ретушью, кости животных, камни и фрагменты керамики. К постройке примыкал открытый очаг размером 0,7 X 0,5 м., глубина в материке 0,25 м. (рис. 12, 1). В золистом заполнении встречены многочисленные угольки, обожженные камни, развал круглодонного горшковидного сосуда с воротничковым венчиком и гребенчато-ямочной орнаментацией по всему тулову (рис. 12, 2). Диаметр сосуда по верху 25 см., высота около 30 см.

Интересующая нас керамика представлена 127 фрагментами более чем от 20 сосудов (рис. 12, 2-5; 13; 14). Внешняя поверхность сосудов хорошо заглажена, редко прослеживаются расчесы на внешней поверхности, цвет фрагментов коричневый, иногда коричнево-серый или серый. Реконструированные сосуды средних и крупных размеров с диаметром верха 15-25 см, высотой 15-30 см., толщина стенок 0,4-0,6 см. По форме сосуды приближаются к яйцевидным, с более или менее профилированным туловом, плавно переходящим в прямой или чуть отогнутый венчик. По обломкам придонных частей можно заметить, что сосуды имели округлое или коническое дно. В зависимости от оформления венчика керамический комплекс распределяется на три варианта.

Первый – сосуды с широким, чуть утолщенным, подтреугольным, иногда желобчатым венчиком (рис. 13, 1, 3, 7).

Второй – имеет более короткие, треугольные и подтреугольные в сечении воротничковые венчики (рис. 12, 2; 13, 2, 4-8; 14, 1).

К третьему варианту относятся сосуды с уплощенными, едва выделенными венчиками. Обычно верхний срез венчиков бывает приостренным, плоским, скошенным внутрь или наружу, с более или менее выраженной желобчатостью (рис. 12, 5; 14, 2-5).

Практически вся керамика украшена. Доминируют различные виды гребенчато-зубчатого штампа при подчиненной роли «тычков» и ямок, образующих на внутренней стороне стенок негативы. Одним из редких элементов орнамента являются расчесы (рис. 14, 6) по всему тулову сосудов. В композиционных построениях преобладает горизонтальная зональность. Обычно это редкие, иногда спаренные горизонтальные ленты и зигзаги ямок, опоясывающие шейку сосуда и переходящие на тулово и дно (рис. 12, 3-4). Свободные зоны между ямками заполнены горизонтальными и наклонными оттисками гребенчато-зубчатого и резного штампа (рис. 12, 2, 5; 13, 3, 8; 14, 1-3). Иногда штамп образует уголковые композиции (рис. 13, 1) и косые кресты (рис. 12, 5). Из коллекции выделяются несколько фрагментов (рис. 14, 4-5), украшенные

только редкими косыми вдавлениями концом палочки. Нередко верхний срез венчика украшен оттисками гребенки.

Небольшое количество аналогичной гребенчато-ямочной керамики получено при исследовании дюны 4-5 стоянки Шапкино I, поселений Шапкино II и Шапкино III, но устойчивых серий она не образует.

На территории Тамбовской области известен еще один подобный памятник (рис. 15) Коровий Брод [Андреев, 2006. С. 66-74]. Поселение расположено в пойме левого берега р. Цны (Окский бассейн). Коллекция керамики воротничкового типа представлена венчиками и целыми формами от 51 сосуда [Андреев, 2006. С. 69-72, рис. 3-5]. Форма сосудов яйцевидная с закругленным дном. Тесто плотное с небольшой примесью дресвы и органики. Воротничковые венчики имеют различные варианты: в виде небольшого треугольника, вытянутого желобчатого и уплощенного. В орнаментации господствуют оттиски длинного гребенчатого штампа в сочетании с ямками и косо поставленными тычками. Композиционные построения не отличаются большим разнообразием. Характерно размещение оттисков гребенки в горизонтальные, наклонные пояса, ёлочку. Зачастую ямки и тычки выступают в роли разделителей, или образуют самостоятельные композиции в виде треугольников и одиночных или спаренных поясков. Основная часть керамики концентрировалась в районе построек 2 и 3. Ошибочно комплекс был отнесен к энеолитическому времени.

Интересный материал получен во время сборов В.Ю. Быкова на поселении Шляпа. Памятник расположен в пойме левого берега р. Хопер, в 1,3 км. к северо-востоку от поселка Леляевский Санаторий. Керамика представлена горшковидными сосудами с воротничковыми и утолщенными венчиками (рис. 16; 17; 18), реже посудой банковидных форм. Поверхность сосудов украшена сгруппированными оттисками гребенки, вспомогательную роль играли ямки, ямчатые вдавления, поверхностные тычки и расчесы.

К второй группе рассматриваемых памятников, видимо, относятся материалы поселений Шапкино VI, Подгорное и Разнобрычка, где зафиксированы новые элементы орнамента в виде «сетки» или «текстиля».

Поселение Шапкино VI находится в 2 км. к северо-западу от с. Шапкино, на южном пониженном мысу коренной террасы (урочище Липяг), которая тянется вдоль левого берега р. Вороны. За три полевых сезона 1991-1992 гг. на памятнике исследовано 608 кв. м. Мощность культурных напластований достигает 0,8-1 м. Концентрация воротничковой гребенчато-ямочной керамики наблюдалась на глубине 0,4-0,6 м., а городецкой, с текстильными и рогожными оттисками, 0,2-0,5 м. от современной поверхности. Ниже отмечены материалы нео-энеолитического времени. По основным морфологическим и технологическим признакам (форма сосудов, примеси, орнамент) рассматри-

ваемая керамика (54 фр.) мало чем отличается от аналогичных сосудов первой группы, но есть и особенности. Обращает на себя внимание форма венчиков. Они менее разнообразны. Преобладают сосуды с коротким треугольным воротничковым венчиком (рис. 19, 1-2, 5-6, 8-9). Посуда с плавными, иногда желобчатыми венчиками, встречена в единичных экземплярах (рис. 19, 3-4, 7). Судя по отдельным фрагментам это были круглодонные слабопрофилированные сосуды. В орнаментации господствуют оттиски крупного и среднего гребенчатого штампа, покрывающие венчик и, практически, все тулово сосуда. Орнаментальные мотивы, составляющие композицию, представлены горизонтальной ёлочкой, короткими горизонтальными, наклонными, пересекающимися оттисками (рис. 19, 1-9, 11-15). Вспомогательную роль играют ямки, наклонные тычки, сгруппированные в пояски, зигзаги, треугольники, или хаотично нанесенные на стенки и дно. Отдельные фрагменты имели гладкую поверхность с разреженными ямками, расчесами и текстильными отпечатками (рис. 19, 16-21).

Сочетание прихоперских, приказанских (атабаевских и маклашеевских) традиций и культуры сетчатой керамики наиболее полно отразились на материалах многослойного поселения Подгорное [Хреков, 2003. С. 111-112]. Посуда финальной бронзы (рис. 20, 1-5) с гребенчато-ямочным, тычковым и текстильными оттисками, в основном, залегала на глубине 0,4-0,6 м. Более верхнее стратиграфическое положение занимала бондарихинская, городецкая рогожная и постзарубинецкая керамика, ниже находились материалы средней бронзы, энеолита и неолита.

В целом, керамический комплекс близок вышерассмотренным, но отличается некоторым своеобразием. Выделяются три формы сосудов: шаровидная, с округлыми выпуклыми боками (рис. 20, 4), слабопрофилированная с плавным переходом от шейки к тулову (рис. 20, 3), банковидная (рис. 20, 5). Венчики прямые или чуть отогнутые, иногда с желобком. Из 13 обнаруженных венчиков только 6 имеют воротничковые утолщения. Отмечается тенденция размещения орнамента в верхней части сосуда. Среди элементов орнамента, помимо разнообразных ямок, тычков, гребенки, увеличивается доля фрагментов с расчесами, текстильными и сетчатыми отпечатками, появляются «жемчужины», выдавленные с внутренней стороны стенок (рис. 20, 2, 4-5). В тесте примесь песка и шамота.

Небольшая коллекция керамики финальной бронзы (рис. 21) получена при исследовании многослойного поселения Разнобрычка. Стационарные исследования проводились в 2004-2005, 2008 гг. Двумя раскопами вскрыто около 300 кв. м. По глубине залегания она находилась выше срубной и ниже городецкой. В основном, это мелкие фрагменты. Форма сосудов полностью не реконструируется. Отдельные фрагменты венчиков, стенок, отсутствие

плоских днищ позволяют предположить, что это были в разной степени профилированные горшки с плавно отогнутой или прямой шейкой и округлым дном. Профиль и форма венчиков предполагают три варианта: первый – воротничковые подтреугольные в сечении (рис. 21, 4, 8–9); второй – утолщенные желобчатые (рис. 21, 1–2, 6, 15); третий – без утолщения, прямые или чуть отогнутые (рис. 21, 3, 7, 14). В орнаментации доминирует гребенчатый штамп в сочетании с округлыми ямками. На двух фрагментах ямки нанесены полой тростинкой (рис. 21, 10, 13), еще на трех поверхность покрыта оттисками сетки (рис. 21, 11). Необычным для данной категории керамики является орнамент в виде наколов, или «колочей проволоки» (рис. 21, 4), характерный для марьяновской культуры. Элементы орнамента образуют пояски наклонных, горизонтальных и перекрещивающихся оттисков гребенки.

Вся керамика изготовлена из глины с примесью песка, шамота, иногда дресвы. Толщина стенок 0,4–0,6 см. Поверхности гладкие, сероватого и коричневатого-желтоватого цвета, редко со следами расчесов.

Сразу следует оговориться, что большого хронологического разрыва между всеми перечисленными памятниками, вероятно, не было. В большинстве случаев совпадает форма сосудов, орнамент, профилировка венчиков, примеси. Небольшое количество керамики на некоторых памятниках, видимо, объясняется большой подвижностью населения, оставившего кратковременные стоянки, и объемом раскопок.

Анализ прихоперской керамики показывает её близость с «малобудковской» типа поселения Студенок 5 (рис. 22), Лысый Горб, могильника Студенок 6 и других бассейна Северского Донца лесостепной части Восточной Украины [Буйнов, 1994. С. 8, рис. 1, 3–9; Буйнов, 2004. С. 143–149, рис. 2, 4, 6; Воловик, 1993. С. 181, рис. 4, 2, 4–5]. Для них характерно наличие круглодонных сосудов, полное вытеснение гусеничного штампа зубчатым, появление «жемчужного» орнамента, тычковых вдавлений, воротничковое утолщение венчика, с кососетчатым орнаментом из оттисков крупнозубчатого штампа, применение гребенчатой штриховки сосудов и других приемов, напоминающих ложнотекстильную керамику [Буйнов, 2001. С. 28]. Однако есть и отличия прихоперской керамики от студенокской: отсутствие плоских днищ, более частое применение «воротничков» при оформлении венчика, практически отсутствие орнамента в виде «колочей проволоки», не на всех памятниках в керамике есть примесь кварца или дресвы. Нет, или не открыты погребения с остатками кремации.

С другой стороны, известная близость наблюдается с памятниками аким-сергеевского типа (рис. 23) Посурья и Примокшанья [Ставицкий, 2005. С. 110–125]. Определенную степень культурного родства оба типа памятников находят в атабаевских и маклашеевских древностях Волго-Камья [Хали-

ков, 1969. Рис. 55; Халиков, 1980. Табл. 58]. В.В. Ставицкий считает, что сложение памятников аким-сергеевского типа восходит своими корнями к атабаевским и сусканским древностям [Ставицкий, 2005. С. 135], появление же керамики аким-сергеевского типа в бассейне Мокши и Верхней Суры связано с продвижением в XII в. до н. э. племен культуры сетчатой керамики на юг и соседством с поздняяковской культурой [Ставицкий, Челябинов, 1997. С. 45–51].

Несмотря на наличие различных терминов, применяемых для обозначения студенокских, прихоперских и аким-сергеевских памятников, они достаточно близки (рис. 24). Объединительными признаками выступают круглодонные сосуды, часто с «воротничковыми» венчиками и гребенчато-ямочно-тычковой орнаментацией. Внешняя поверхность хорошо заглажена, иногда со следами расчесов. В композиционных построениях преобладает горизонтальная зональность. Горизонтальные ёлочные, наклонные, пересекающиеся оттиски гребенки часто разделены ямками, клиновидными тычками, реже «жемчужинами» [Хреков, 2003. С. 124–128, рис. 9–13; Буйнов, 2004. С. 143–149, рис. 2; 4; 6; Ставицкий, 2005. С. 110–131, рис. 49–51; 53–58;].

С атабаевской и маклашеевской посудой приказанской культуры отдельные черты проявляются в круглодонной форме сосудов, воротничковых венчиках (подтреугольных, желобчатых, утолщенных) и орнаментации. В технике нанесения орнамента, кроме ямок, преобладают резные и прочерченные линии, оттиски гребенки и, очень редко, текстильные отпечатки. Хотя на маклашеевском этапе степень орнаментации поверхности сосудов снижается. Как правило, орнамент покрывал венчик, горло и реже тулово сосудов [Халиков, 1980. С. 39; Табл. 58–59]. В пользу поволжских или волгокамских корней памятников студенокского типа и, соответственно, прихоперских свидетельствуют и другие данные. Ближе к рубежу II–I тыс. до н. э. на атабаевском этапе приказанские племена становятся господствующей силой в Волго-Камье, что приводит к значительному расширению их территории. Еще А.Х. Халиков обращал внимание на сближение приказанской и марьяновско-малобудковской посуды, однако он же отмечал, что это сходство могло быть результатом конвергентного развития [Халиков, 1980. С. 52–53]. С.С. Березанская отмечала встречное проникновение отдельных образцов марьяновской (малобудковской) керамики в Поволжье на примере поселения у хутора Воскресенского [Березанская, 1982. С. 204]. На Верхнем Дону отмечены памятники типа малобудковских, прихоперских и аким-сергеевских, видимо, очерчивающие пограничную территорию этнически родственных образований [Екимов, 1992. С. 62–75; Ивашов, 2008. С. 204; Мельников, 2002. С. 114–115, рис. 1–2; Левенок, Миронов, 1976. С. 25, рис. 5, 11–19]. Отмечая своеобразие керамического комплекса поселения Студенок 5 и могильника Студенок 6, Ю.В. Буйнов объяснял это слиянием пришлого поволжского эт-

нического элемента с местным раннебондарихинским (малобудковским) населением, генетически связанным с племенами марьяновской культуры [Буйнов, 2004. С. 151]. В более поздних работах студенокские памятники уже выделяются им в особый тип памятников финала бронзового века, которые находят прямые аналогии с марьяновско-маклашеевскими (прихоперскими) и аким-сергеевскими в бассейне Хопра и Среднем Поочье [Буйнов, 2009. С. 11].

Нижняя граница поселения Студенок 5 синхронизируется с начальной датой белозерской культуры (XII в. до н. э.) по найденной там вместе с керамическим материалом бронзовой конусовидной подвеске и стратиграфическим данным [Буйнов, 2004. С. 148–149]. В.В. Отрощенко указывал, что подвески колоколовидной формы известны в Венгрии и Румынии в комплексах НА а1 XII в. до н. э. [Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарифутдинова, 1986. С. 148–150].

Некоторые изменения на современном этапе произошли в периодизации приказанской культуры. В итоге выделена самостоятельная маклашеевская культура с двумя этапами: первый атабаевский XIV–XIII вв. до н. э.; второй маклашеевский XII–XI вв. до н.э., обусловленный миграцией носителей средневолжской культуры текстильной керамики [Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019. С. 108], что привело к оформлению классического стереотипа маклашеевского керамического комплекса и, видимо, положило начало образованию памятников аким-сергеевского, прихоперского и студенокского типов, как нам кажется, не позднее конца XIII – начала XII вв. до н. э.

По мнению К.В. Воронина орнаментация керамики, отражающая этническую специфику, наиболее достоверно очерчивает территориальные рамки определенной общности, является индикатором существующих в ней связей [Воронин, 1998. С. 310] и моментом интеграции. О таких западных и восточных связях на территории Прихоперья, прямо или косвенно, свидетельствуют изделия из бронзы.

В настоящее время датировка прихопёрской группы рассматриваемых памятников финала бронзы, в основном, базируется на предметах, обнаруженных на поселениях у сс. Подгорное и Шапкино. Это крупная бронзовая бляшка с глухим ушком на внутренней стороне, обломок бронзовой булавки с биконической головкой, бронзовый наконечник копья с прорезями и бронзовые ножи (рис. 25, 1–5). Бронзовые круглые бляшки использовались маклашеевским населением в качестве нагрудных украшений. Они известны в погребальных комплексах I и II Маклашеевских, V Новомордовского, II Полянского могильников и датируются X–IX вв. до н. э. [Халиков, 1980. С. 66, табл. 19, 1–2; С. 95, табл. 54, 15–16]. Бронзовые булавки с биконической головкой, видимо, имеют западное происхождение. Близкие по форме изде-

лия обнаружены в ареалах лужицкой, висоцкой, [Граков, 1977. С. 90, рис. 63, 5; с. 158, рис. 109, 6], белогрудовской [Березанская, 1982. С. 82, рис. 21, 3] и других культур финала бронзы – начала раннего железного века в Прикарпатье и Правобережной Украине XI–VIII вв. до н. э. К случайным находкам финала бронзы относится бронзовый втульчатый наконечник копья с прорезными лопастями (рис. 25, 1), обнаруженный в пойме левого берега р. Карай в 1,5 км. к северо-востоку от поселения Подгорное. Здесь же, на пашне, собрано небольшое количество керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией. Общая длина наконечника 9,4 см., длина пера 7,5 см., диаметр втулки 2,2 см., максимальное расширение приходится на середину пера 3 см. Наконечники копий с прорезными лопастями известны на довольно широкой территории от Южной Сибири, Средней Азии, Казахстана до Северного Причерноморья. По основным параметрам они включены во второй гуровский тип, который образуют коротковтульчатые наконечники с пером преимущественно лавролистной формы и сравнительно узкими прорезями [Бочкарев, Тутаева, 2018. С. 40–77]. Для идентификации изделий этого типа обязательными являются первый и последний признаки. В литературе их обычно относят к концу эпохи поздней бронзы и суммарно датируют XII–IX вв. до н. э. [Аптекарев, Козенкова, 1986. С. 127; Аванесова, 1991. С. 48–49]. Сейчас, в свете новых данных, указанные изделия предлагают датировать в пределах третьей четверти II тыс. до н. э. [Бочкарев, Тутаева, 2018. С. 54].

Некоторая концентрация наконечников копий гуровского типа наблюдается в Среднем Поволжье и Волго-Уральском регионе, частично на территории маклашеевской культуры [Бочкарев, Тутаева, 2018. С. 72, карта 3. С. 73, рис. 2]. В целом, они являются переходными к прорезным бронзовым копьям раннего железного века Волго-Камья [Кузьминых, 1983. С. 234, табл. XXXIX]. Учитывая приведенные данные, подгоренский наконечник копья, видимо, будет датироваться в рамках конца XIII – начала XII вв. до н. э. Судя по форме, к маклашеевской культуре относятся два бронзовых ножа. Один из них (рис. 25, 4) обнаружен на стоянке Шапкино I, дюна 8, другой (рис. 25, 5) на поселении Богатырка. Оба принадлежат к типу 2 – ножам с покатыми плечиками и эллипсоидными лезвиями [Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019. С. 105]. Датировку памятников прихонерского типа мы предположительно относим к последней четверти – концу II тыс. до н. э. Процесс формирования, распространения и затухания памятников аким-сергеевского, прихонерского и студенокского типов был довольно скоротечным, не более полутора-двух столетий. Адаптации, как нам представляется, более северных племен к условиям лесостепи был прерван катастрофическим изменением климата (аридизация), или появлением новой волны этнических групп. В целом, выделенные памятники являются своеобразным культурным явлением в цепи развития

одной из основных этнических групп древнего населения Волго-Донского лесостепного междуречья, связанных с протофинно-уграми, принявшими непосредственное участие в формировании городецкой культуры.

В связи с констатацией факта сосуществования двух этнокультурных (ХКВК и прихоперской) образований в пределах одного региона возникает вопрос о характере, направленности и последствиях взаимоотношений их носителей. В данный момент на территории лесостепного Прихоперья пока не отмечено какого-либо взаимодействия между ними. Видимо, какую-то роль играл хозяйственно-культурный тип и экологические ниши, которые они занимали. И если таковые в дальнейшем будут зафиксированы, как на памятниках аким-сергеевского типа [Ставицкий, 2005. С. 118, рис. 52], то, скорее всего, это будет исключением, чем правилом.

Таким образом, три группы памятников аким-сергеевского, прихоперского и студенокского типа претендуют на роль самостоятельного культурного образования – культуру гребенчато-ямочной (ямчатой) керамики финала бронзы. Интегрирующую роль в этом процессе играет керамический комплекс и временные рамки. Предполагаются и различия, связанные со степенью влияния соседних культур: сетчатой керамики, маклашеевской, поздняяковской, марьяновско-малобудковской. Территория выделенного круга памятников пока ограничена рамками лесостепи, включая бассейны рек Суры, Мокши, Хопра, Цны, Верхнего Дона и Северского Донца.

За последнее десятилетие наметился еще один круг памятников переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку, документируемый материалами бондарихинской культуры, впервые выделенной в Прихоперье и Саратовском Правобережье.

Судя по распространению памятников, раннее считалось, что условным «центром» бондарихинской культуры является среднее течение Северского Донца. Довольно в большом количестве они открыты на Ворскле, отдельные пункты обнаружены в бассейне Сулы, Псла [Березанская, 1982. С. 68] и в Цнинско-Мокшанском междуречье [Артеменко, 1987. С. 116]. Наиболее восточное положение в левобережье Дона, видимо, занимали поселения Шиловское [Екимов, Беседин, 1980. С. 80, рис. 1] и Рыкань [Матвеев, Екимов, 1980. С. 98–99], которые А.П. Медведев отнес к раннему этапу бондарихинской культуры [Медведев, 1999. С. 18–19]. Пока на территории Прихоперья обнаружено 6 поселений с керамикой бондарихинской культуры, или типа Бондарихи (рис. 12). Для их топографии характерны дюнные всхолмления в поймах рек и склоны первых надпойменных террас. На двух поселениях произведены раскопки (Шапкино I, дюна 5 и Подгорное), материалы других – (Богатырка, Лосев Угол, Поташное, Халины Пески 2) представлены сборами.

Особый интерес представляет керамический комплекс и постройка, обнаруженные на поселении Шапкино I дна 5. Памятник расположен на левом берегу реки Вороны (правый берег р. Хопёр), близ с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Двумя раскопами в 1986 и 2003 гг. на поселении вскрыто около 400 кв. м. [Хреков, 2016. С. 53–58]. В восточной части раскопа были выявлены остатки постройки прямоугольной формы 10 X 5,25 м, глубиной в материке 0,35–0,4 м. (рис. 26, 1). Длинными сторонами постройка ориентирована с северо-востока на юго-запад. В восточной части постройки, вдоль стенки, зафиксирована приступка шириной 0,85–0,4 м., постепенно суживавшаяся с юга на север. У северной стенки отмечено скопление крупных камней, золы и угольков, возможно от стационарного очага. Еще один очаг открытого типа подквадратной формы находился в центре. Его размеры 0,4 X 0,5 м., глубина в материке 0,1 м. По периметру и в центре постройки прослежены отдельные столбовые ямки, диаметром от 0,17 до 0,3 м., куски глины, остатки обугленного перекрытия и стен в виде жердей или плашек разной длины до 0,1–0,12 м. шириной. Судя по ямкам, постройка имела столбовую конструкцию, плетеные из прутьев и обмазанные глиной стены и довольно легкое перекрытие. Все данные свидетельствуют о том, что сооружение погибло в результате пожара.

В нижней части заполнения постройки преобладали фрагменты керамики бондарихинского типа, один фрагмент городецкой и выше незначительное количество средневековой русской, которая находилась только в южной половине сооружения. Основная её масса концентрировалась в верхней части раскопа, над котлованом. Поэтому время сооружения постройки мы относим к финалу поздней бронзы, а именно к бондарихинской культуре.

Аналогичные постройки прямоугольной формы столбовой конструкции, со стенами из жердей и прутьев, обмазанные глиной, известны на поселениях Бондариха, Нищаха и Лиманского озера [Березанская, 1982. С. 69]. Рядом с постройкой обнаружена яма (№ 16) хозяйственного или культового назначения (рис. 26, 1). Она имеет овальную форму размером 2,6 X 2,2 м., глубину в материке 0,45 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии восток-запад. Стенки уступчиками понижались к чашеобразному дну на глубину до 0,1 м., здесь у западного края открылось еще одно углубление размером 1,14 X 1,12 м. Заполнение входной ямы состояло из темной спекшейся супеси, содержащей многочисленные фрагменты и неполные развалы бондарихинских сосудов, кости животных, камни, кремневые отщепы, пест, абразив, обломок модели глиняного колеса, пряслица (рис. 35, 7–8) и кусок шлака с большим содержанием железа. Заполнение малой ямы (углубления) отличалось плотной зольно-угольной структурой, насыщенной часто вто-

рично обожженными фрагментами керамики и мелкими камешками. Всего в яме № 16 обнаружено 233 фрагмента керамики бондарихинской культуры, правда некоторые фрагменты имеют «инокультурный» облик, о чем будет сказано ниже. Дно ямы было покрыто плотным слоем мелких камней, стенки чуть прокалены. То есть, это закрытый, или условно закрытый комплекс, содержащий материалы одного времени. Вероятно, с постройкой связана находка железной булавки (рис. 35, 6).

Основная часть посуды из постройки, ямы № 16 (относительно закрытых комплексов) и культурного слоя близка между собой по технологическим и морфологическим признакам. Тесто хорошо отмучено, с примесью песка и шамота, а в отдельных случаях дресвы. Поверхность серовато-коричневатого и коричневого цвета. Толщина стенок варьирует от 0,3–0,4 см. до 0,6–0,8 см. Внешняя сторона сосудов обычно хорошо заглажена, внутренняя – гладкая, без видимых следов штриховой зачистки. Преобладают сосуды средних размеров высотой 16–24 см, с диаметром устья 14–18 см и дна 6,5–13,5 см.

Типологически данная керамическая серия делится на три неравные группы.

К первой, наиболее многочисленной группе, относятся в значительной степени профилированные горшковидные сосуды, место наибольшего расширения у которых приходится на середину тулова, или оно расположено в верхней его части. Внутри группы выделяются горшки с сильно отогнутым венчиком (рис. 26, 2–6; 28, 7, 11; 29, 7; 30, 1–2, 4; 32, 3; 33, 6–7; 35, 4;) и горшки с вертикально поставленным или слабо отогнутым венчиком (рис. 28, 1–3; 29, 5, 9; 30, 3; 31, 1–2; 32, 2).

Вторая группа представлена слабопрофилированными сосудами с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 27, 1–2, 4–6; 28, 9; 29, 1–2; 33, 2; 34, 4; 35, 2–3, 5).

Третья группа – сосуды баночной формы. Среди них есть банки с сужающимся закрытым верхом (рис. 32, 1; 34, 1; 35, 1) и прямостенные (рис. 29, 4; 30, 8–9; 32, 4; 33, 3–4).

Днища сосудов плоские, в основном с закраинами (рис. 27, 10; 29, 11; 31, 1, 3–6; 33, 8–9), реже без закраин (рис. 30, 7, 10). Естественно, принятая типология, ввиду малочисленности реконструируемых сосудов, носит предварительный характер.

Орнамент расположен в верхней и средней части тулова сосудов. Наиболее характерным способом украшения сосудов являются различного рода вдавления: округлые, треугольные, прямоугольные, аморфные, или сделанные концом обломанной палочки (рис. 26, 2, 5–6; 27, 3–4; 28, 1, 3–5; 30, 1, 3–6; 35, 1, 3, 5), образуя один – два ряда горизонтальных поясков. На внутренней стороне стенок от вдавлений часто оставались негативы. На двух кубко-

видных сосудах отмечены оттиски перевитой веревочки в виде спаренных горизонтальных и наклонных линий (рис. 33, 1, 5; 35, 2). Орнамент покрывает не только тулово, но и верхний срез венчика. Обычно это косые насечки, нанесенные штампом (рис. 26, 4; 29, 3; 3, 9; 34, 4). Судя по фрагментам, более трети сосудов вообще не были украшены.

Рассмотренный керамический комплекс по целому ряду признаков близок керамике бондарихинской культуре. Близость проявляется как в ряде форм сосудов, технологии изготовления, так и в орнаментации. Например, сосуды с сильно раздутым туловом и небольшим дном. Бондарихинская керамика, в основном, украшена ямками круглой, овальной, треугольной, зерновидной формы, выполненные концом округлой палочки или плоской щепки. Чаще всего орнамент состоит из одного горизонтального ряда таких ямок, опоясывающего шейку сосуда. Однако встречаются сосуды с двумя, тремя и даже четырьмя такими поясками [Ильинская, 1961. С. 29, рис. 1, 1-7, 12-13; с. 30, рис. 2, 2-3, 14].

Вместе с тем, керамика поселения имеет и ряд отличий от, собственно, бондарихинской. Так, для бондарихинского комплекса левобережной Украины характерны сосуды с налепными шишечками и тонким валиком с нанесенными по нему вдавлениями, орнаментом в виде бантика и виноградной лозы [Ильинская, 1961. С. 29, рис. 1, 1-7; Березанская, 1982. С. 71, рис. 18, 10, 30]. Возможно, вышеназванные признаки являются следствием сближения бондарихинской культуры на западе с белогрудовской и лебедевской культурами, границы которых выходят в левобережье Днепра [Березанская, 1982. С. 24, рис. 2; с. 78, рис. 19, 5; С. 80, 82, рис. 21-22] и характерны для западных памятников бондарихинской культуры. Скорее всего, эти отличия наших памятников являются спецификой восточного ареала бондарихинской культуры и ее слагаемых.

На довольно поздний характер керамического комплекса шапкинского поселения указывает присутствие в яме 16 шлака с большим содержанием железа. Практически такое же сочетание керамики типа Бондарихи и прихоперской (студенокской) железного шлака и изделий из кремня обнаружено в береговом обнажении (остатки ямы без культурного слоя) реки Вороны, в 0,5 км. к северо-западу от места поселения. Кроме того, одновременное нахождение в яме 16 (условно закрытом комплексе) бондарихинской, текстильной и прихоперской керамики (рис. 34, 3, 5-6) ставит вопрос о частичной синхронизации двух культур на рубеже II-I тыс. до н. э. Основанием для такого предварительного вывода могут служить материалы поселения Подгорное, Лосев Угол, Богатырка, Поташное, Халины Пески 2.

Керамика бондарихинской культуры (типа), в комплексе с гребенчато-ямочной (прихоперской), как сообщалось ранее, отмечена на поселении Под-

горное. Всего обнаружено 56 фрагментов, из них 27 находились на глубине 0,2–0,4 м., 26 – на глубине 0,4–0,6 м. от современной поверхности. Тесто плотное, с примесью песка и дресвы. Внешние и внутренние стороны заглажены мягким предметом. Толщина стенок 0,4–0,8 см. Цвет поверхностей от коричневого до светло-коричневого с сероватым оттенком. Судя по отдельным фрагментам, выделены три плоскодонные формы сосудов: сильнопрофилированные (рис. 37, 3), слабопрофилированные (рис. 37, 1–2, 4, 6–9), с плавным переходом от шейки к тулову и баночные (рис. 37, 10). Венчики прямые, или чуть отогнутые с плоским и округлым срезом по верху. Орнамент состоит из пояса округлых ямок, клиновидных, аморфных и зерновидных вдавлений (рис. 37, 1–9, 11), в основном сосредоточенных в верхней трети сосуда. Иногда насечками украшен верхний срез венчика (рис. 37, 1). По большинству морфологических признаков этот тип подгоренской керамики близок бондарихинскому. В какой то степени это повторяет ситуацию, зафиксированную на поселении Шапкино I дюна 5.

Небольшая коллекция бондарихинской и прихонерской керамики собрана на поселении Лосев Угол. Оно расположено на правом берегу р. Карай (приток р. Хопер.) в 0,7 км. к северо-востоку от с. Бобылевка Романовского района Саратовской области [Кисельников, 2009]. Памятник занимает склон пологой террасы, занятый под пашню. На распаханной поверхности были собраны фрагменты керамики (рис. 38, 1–7), обломок бронзового ножа и кварцитовый наконечник стрелы листовидной формы с усеченным основанием (рис. 38, 14–15). По составу теста, технологии изготовления, форме и орнаментации керамика подразделяется на два типа. К первому относятся профилированные сосуды (рис. 38, 2, 5–7), поверхность которых украшена оттисками гребенчатого штампа, ямками, подпрямоугольными и аморфными вдавлениями с негативами на внутренней стороне. Один из венчиков имеет воротничок (рис. 38, 6), другой утолщение с внешней стороны (рис. 38, 2). Днища этого типа керамики не обнаружены. Тесто плотное с примесью шамота. По ряду признаков (воротничковое оформление венчика, ямки, разнообразные вдавления, оттиски крупного гребенчатого штампа) выделенная керамика аналогична керамике прихонерского типа.

Второй тип, условно названный бондарихинским, в основном, представлен слабопрофилированными и прямостенными сосудами с плоским дном (рис. 38, 1, 3–4). Судя по обнаруженным фрагментам, орнамент в виде округлых и треугольных вдавлений располагался в верхней части тулова, образуя один – два ряда горизонтальных поясков. Тесто плотное, с примесью дресвы.

К какому керамическому комплексу относится наконечник стрелы и бронзовый нож, точно определить не представляется возможным. Листовидные наконечники стрел с усеченным основанием широко представлены на

памятниках лесной и лесостепной зоны Восточной Европы еще с неолитической эпохи. Близкие по времени аналогии имеются на памятниках поздняяковской, маклашеевской, раннесетчатой культур и памятниках типа Студенок 5. Форма ножа с параллельными лезвиями и гранью посередине, возможно, близка бронзовым ножам и кинжалам белозерской [Отрощенко, 1985. С. 523, рис. 142, 46; С. 524] или бондарихинской культур [Березанская, 1982. С. 71, рис. 18, 27]. Абсолютный возраст белозерских древностей в настоящее время установлен в рамках второй половины XII–X вв. до н.э. На Нижнем Дону бронзовые черешковые двулезвийные ножи «белозерского» типа с закругленным тупым концом, покатыми плечиками, линзовидным сечением клинка и уплощенным черенком известны на памятниках предскифского времени IX–VIII вв. до н.э. [Лукьяшко, 1999. С. 151, рис. 100, 1–3; с. 152].

Практически такой же набор керамики (прихоперской и типа бондарихи) собран на поселении Богатырка, расположенном возле одноименного оврага, на правом берегу реки Карай Романовского района Саратовской области [Кисельников, 2003; Моржерин, 2019]. Это сосуды с широкими воротничковыми венчиками, тулово которых украшено оттисками зубчатого штампа, тычками и следами штриховки на поверхности (рис. 38, 10, 11, 13). Коллекцию дополняют слабопрофилированные и прямостенные сосуды с разреженной орнаментацией в виде треугольных и подпрямоугольных вдавлений (рис. 38, 8–9, 12).

Некоторая концентрация памятников с керамикой прихоперского и бондарихинского типа выявлена [Быков, 2013. С. 84–93] в широкой пойме правого берега реки Хопер, в районе с. Чиганак Аркадакского района Саратовской обл., в пунктах Халины Пески 2, Поташное (рис. 39; 40). Из предметов, обнаруженных на поселении Халины Пески 2 следует отметить кварцитовый серповидный нож и глиняное прясло (рис. 39, 9–10).

Таким образом, связь между двумя перечисленными группами памятников финальной бронзы несомненна, но хронологическая или генетическая, еще предстоит выяснить. Также, не до конца ясен вопрос о соотношении бондарихинской, поздняяковской (позднего этапа) и тычковой керамики, особенно в связи с открытием новых памятников на промежуточной Волго-Донской территории.

В свое время Б.Н. Граков высказал мнение о том, что «родство бондарихинской и поздняяковской культур представляется очень возможным, но пока еще, все-таки, гипотетично» [Граков, 1977. С. 199]. А.Е. Алихова также считала возможным связывать тычковую керамику с бондарихинской и юхновской культурами [Алихова, 1959. С. 113]. По версии В.А. Ильинской, памятники малобудковского и бондарихинского типов составляют последовательные звенья культурного развития периода поздней бронзы и своим происхожде-

нием связаны с памятниками марьяновского типа или марьяновской культуры [Ильинская, 1961. С. 40–41]. Не отличается от этой версии и позиция С.С. Березанской о близости и генетической связи бондарихинской культуры с марьяновской [Березанская, 1982. С. 73]. В своих последних работах Ю.В. Буйнов, активный сторонник линии В.А. Ильинской и С.С. Березанской, предположительно связывает генезис бондарихинской культуры с инфильтрацией части населения из Волго-Окского региона [Буйнов, 2009. С. 11–12]. Наиболее последовательную позицию по вопросу генезиса бондарихинской культуры заняли С.И. Воловик и А.В. Корохина. Они считали, что формирование бондарихинского керамического производства следует рассматривать, в значительной степени, как результат влияния окско-поволжских культур при взаимодействии с марьяновским компонентом, рассматривая Волго-Окский бассейн в качестве исходной территории [Воловик, 1996. С. 23–28; Корохина, 2014. С. 132–141]. С открытием акимсергеевских, прихонерских и бондарихинских памятников на Суре, Мокше, Хопре аргументация сторонников решающей роли восточного импульса в генезисе студенокских и бондарихинских памятников (культур) обретает более конкретное и обоснованное содержание. В современной этнографии этническими процессами принято называть как внутренние эволюционные изменения этносов, так и явления, приводящие к их распаду и созданию новых этнических общностей. В данном случае мы, видимо, имеем дело с этногенетической консолидацией, то есть образованием нового этноса путем слияния нескольких родственных этнических групп.

Уникальность ситуации, сложившейся в Волго-Донском лесостепном междуречье (бассейн р. Хопер) обусловлена тем, что на данной территории в XIV/XIII–IX/VIII вв. до н. э. фиксируется сосуществование трех этнокультурных образований с разными генетическими корнями: ХКВК, прихонерской и бондарихинской, хотя последние могут быть родственными (рис.–41), о чем свидетельствуют археологические данные.

Условно эти группы памятников можно разделить на два хронологических этапа. Первый этап XIV/XIII–X вв. до н. э. Характеризуется присутствием на территории Прихонперья ХКВК и выделенной «прихонерской» группы памятников.

Второй этап X–VIII вв. до н.э. – время появления керамики бондарихинского типа (тычковой), исчезновения валиковой и нивелировки керамики прихонерского типа.

Таким образом, сравнительный анализ, хронология и периодизация позволили, на наш взгляд, определить место известных к настоящему времени материалов лесостепного Прихонперья в системе культур финальной бронзы и раннего железа Восточной Европы.

Литература:

- Алихова А.Е.* Некоторые древние городища Мордовской АССР // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи поздней бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Изд-во Фан, 1991.
- Аптекарев А.З., Козенкова В.И.* Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986. № 3.
- Артеменко И.И.* Бондарихинская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы. М., 1987.
- Андреев С.И.* Энеолитические постройки поселения Коровий Брод // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2006. Вып. 12.
- Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Бочкарев В.С., Тутаева И.Ж.* Об одной группе наконечников копий-наверший эпохи поздней бронзы Северной Евразии // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 14. Саратов, 2018.
- Буйнов Ю.В.* О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Древности 1994. Харьков, 1994.
- Буйнов Ю.В.* Итоги раскопок поселения Студенок-5 и некоторые вопросы генезиса бондарихинской культуры // Древности. Харьков, 2004.
- Буйнов Ю.В.* К вопросу об этногенезе племен бондарихинской культуры // Вісник Харківського національного університету. Харків, 2009. Вип. 41.
- Буйнов Ю.В.* Восточнополесский вектор генезиса памятников малобудковского типа финала бронзового века // Древности 2014–2015. Харьков, 2015.
- Быков В.Ю.* Новые археологические памятники в Аркадакском районе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10.
- Быков В.Ю.* Многослойный памятник у села Ладонка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2016. Вып. 12.
- Воловик С.И.* Поселение эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце // РА. 1993. № 3.
- Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культур сетчатой керамики эпохи бронзы // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
- Граков Б.Н.* Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Деревягин Ю.В., Симонов Р.М. Памятники с валиковой керамикой на срубных поселениях Нижнего Поволжья. СА. 1971. № 2.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы // Кишинев: «Высшая антропологическая школа», 2002.

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка 1 и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

Екимов Ю.Г., Беседин В.И. К вопросу о памятниках эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Екимов Е.Г. Позднесрубное поселение Садовое VI на р. Битюг // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.

Екимов Ю.Г. Поселение поздняяковской культуры под Тулой // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992.

Ивашов М.В. Материалы позднего бронзового века с многослойного поселения Буховое-9 на Верхнем Дону // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып. 2.

Изотова М.А. Отчет об археологических исследованиях поселений Алмазово I-II в Балашовском районе Саратовской области в 1993 году. Архив ИА РАН.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.

Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. № 1.

Качалова И.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья // СА. М., 1989. № 1.

Кисельников А.Б. Отчет о полевых исследованиях в июле 2009 г. Романовского района Саратовской обл // Архив ИА РАН. 2010.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.

Корохина А.В. Северо-Восточный вектор связей населения Днепродонской лесостепи в заключительный период бронзового века // Ананьинский мир. Истоки развития, связи, исторические судьбы. Археология Евразийской степи. Казань, 2014. Вып. 20.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза. М, 1983.

Левенок В.П., Миронов В.Г. К вопросу о новом районе городецкой культуры // СА. 1976. № 2.

Лопатин В.А., Малов Н.М. Финал эпохи бронзы в Нижневолжском Правобережье по материалам поселения «Маргышкино» // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2016. Вып. 12.

Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Донские древности. Азов, 1999. Вып. 7.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье (по материалам поселений) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции). Суздаль, 1987.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Изв. СГУ. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Т. 12. 2012.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб, 2013.

Малышев А.Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 г. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008.

Матвеев Ю.П., Екимов Ю.Г. Поселение эпохи бронзы Рыкань-2 // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.

Мельников Е.Н. Материалы финала бронзы с территории Верхнего Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Моржерин К.Ю. Отчет об археологических разведках в Балашовском и Романовском районах Саратовской обл. в 2020 г. // Архив ИА РАН. 2021 (в процессе подготовки).

Попова Т.Б. Племена поздняяковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. М., 1970. Вып. 44.

Потапов В.В. О хронологии стоянок нурского типа // XV Уральское археологическое совещание (тез. докл.). Оренбург, 2001.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. Издательство МГУ, 2002.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Ставицкий В.В., Челяпов В.П. Керамика с ямчато-жемчужной орнаментацией на верхней Суре и Мокше // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань, 1997. Вып. 6.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.

Сурков А.В. Исследование поселений поздней бронзы на границе степи и лесостепи Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Элиста, 2016.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х. Приказанская культура. М, 1980.

Хотинский Н.А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М, 1982.

Хреков А.А. Исследования в бассейне р. Хопер // АО 1979. М., 1980.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского музея за 1980 г. по раскопкам у сс. Никольевка, Алмазово и разведкам по р. Хопер и Елань в пределах Балашовского р-на Саратовской обл. Архив ИА РАН.

Хреков А.А. Работы Балашовского краеведческого музея // АО. 1981. М., 1983.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1986 г. по раскопкам у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области и с. Ключи Балашовского района Саратовской области. Архив ИА РАН.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1989 год по раскопкам у с. Инясево Романовского района Саратовской области и с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Архив ИА РАН.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1992 год по раскопкам у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области и с. Подгорное Романовского района Саратовской области. Архив ИА РАН.

Хреков А. А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1993 год по выявлению и картографированию памятников археологии в Балашовском и Романовском районах Саратовской области и раскопкам у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Архив ИА РАН. Р-1.

Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Хреков А.А. Отчет Балашовского краеведческого музея за 2003 г. по раскопкам у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Архив ИА РАН.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 2008 год по раскопкам многослойной стоянки Разнобрычка у с. Подгорное Романовского района Саратовской области. Архив ИА РАН.

Хреков А.А. Заключительный этап эпохи бронзы на территории лесостепного Прихоперья (Волго-Донского междуречья) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2016. Вып. 12.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Чижевский А. А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийской степи. Казань, 2019. № 2.

Юдин А.И. Алексеевское городище в Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2001 годах. Саратов, 2001.

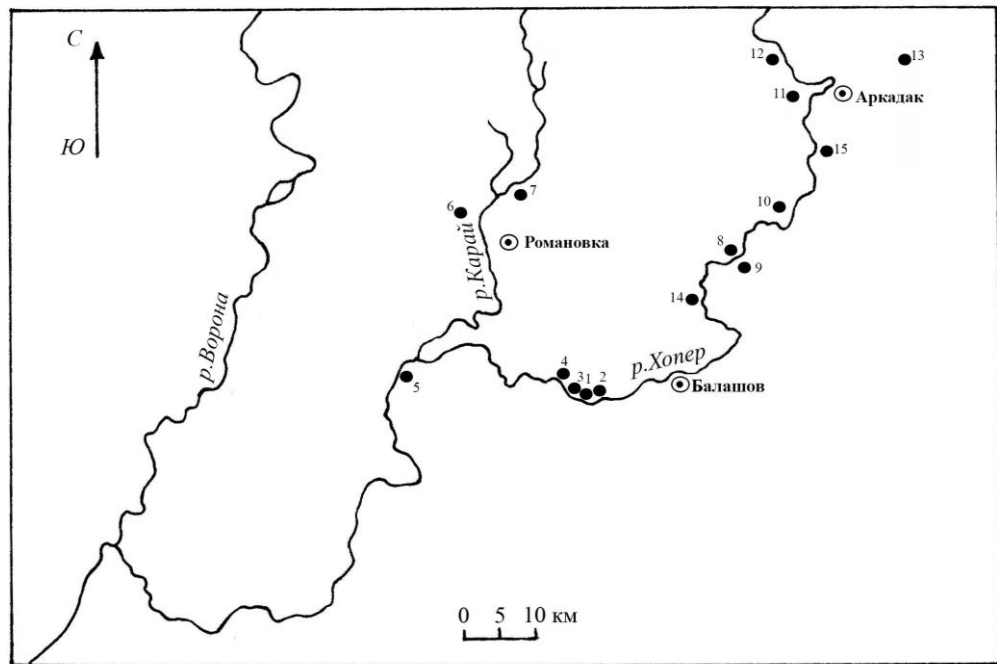

Рис. 1. Памятники валиковой керамики (ХКВК) на территории лесостепного Прихоперья: 1-городище Никольевка; 2-Никольевка V; 3-Духовое; 4-Алмазово II; 5-Рассказань VII; 6-Рязанов Брод; 7-Вязовая; 8-Пады; 9-Котоврас; 10- Чиганак VII; 11- Красный Полуостров; 12-Ладонка; 13-Полухино; 14-Мысовское; 15-Шляпа.

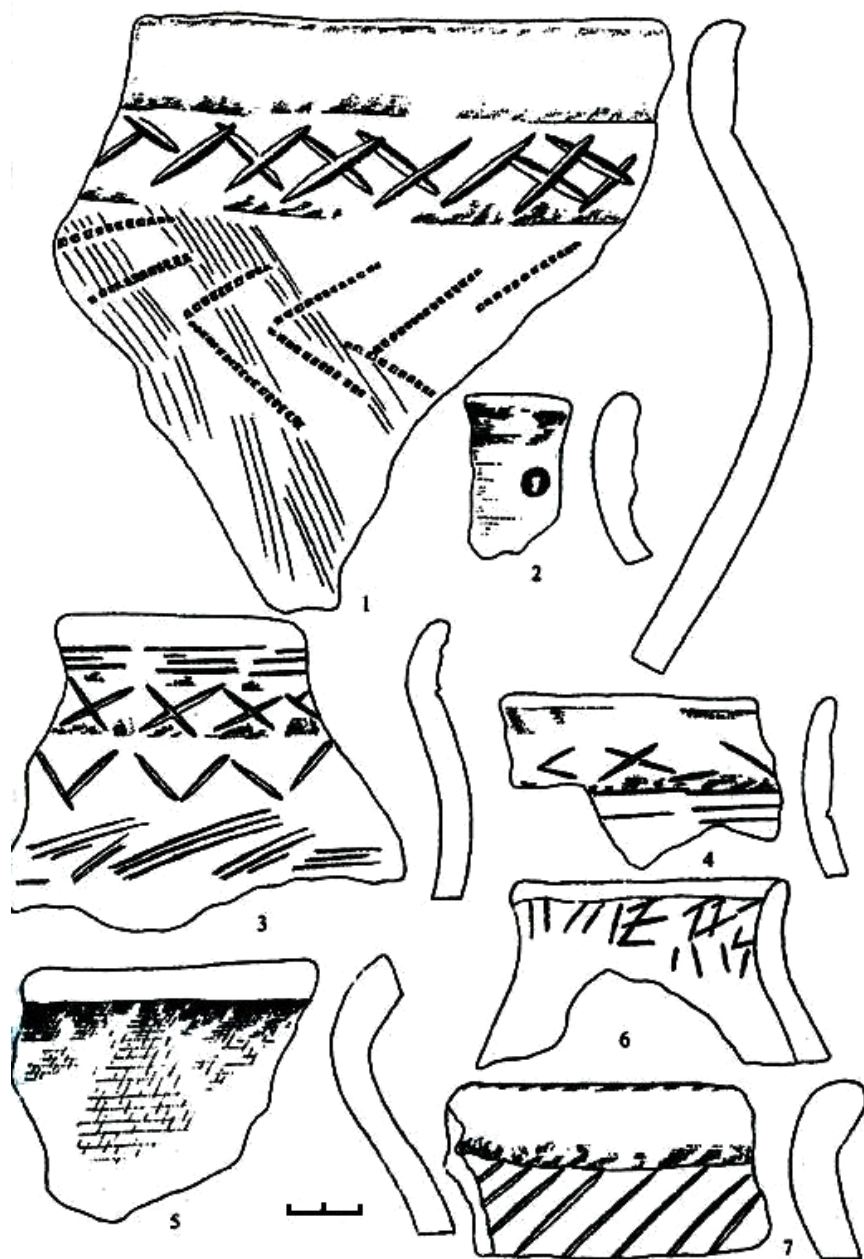

Рис. 2. Никольевка. Керамика (1-7).

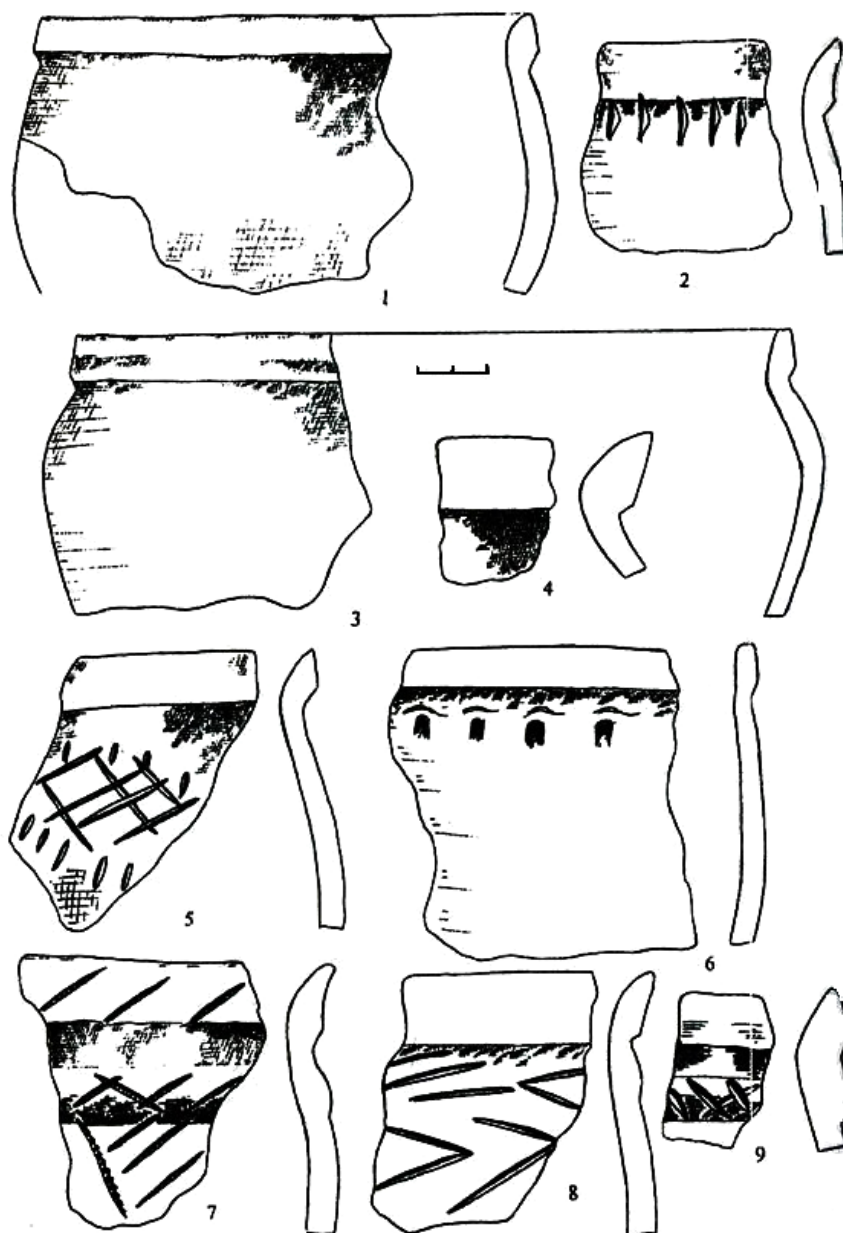

Рис. 3. Николевка. Керамика (1-9).

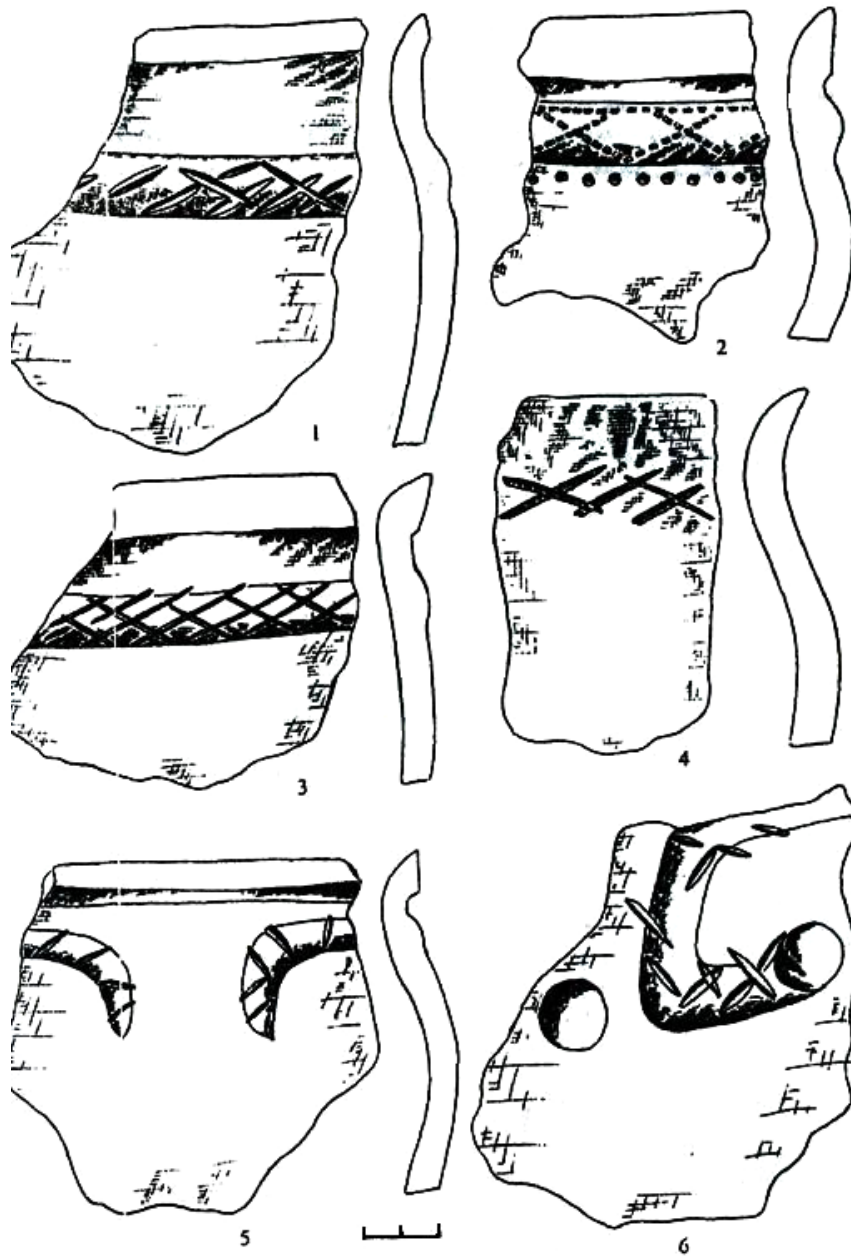

Рис. 4. Никольевка. Керамика (1-6).

Рис. 5. Никольевка. Керамика (1-10).

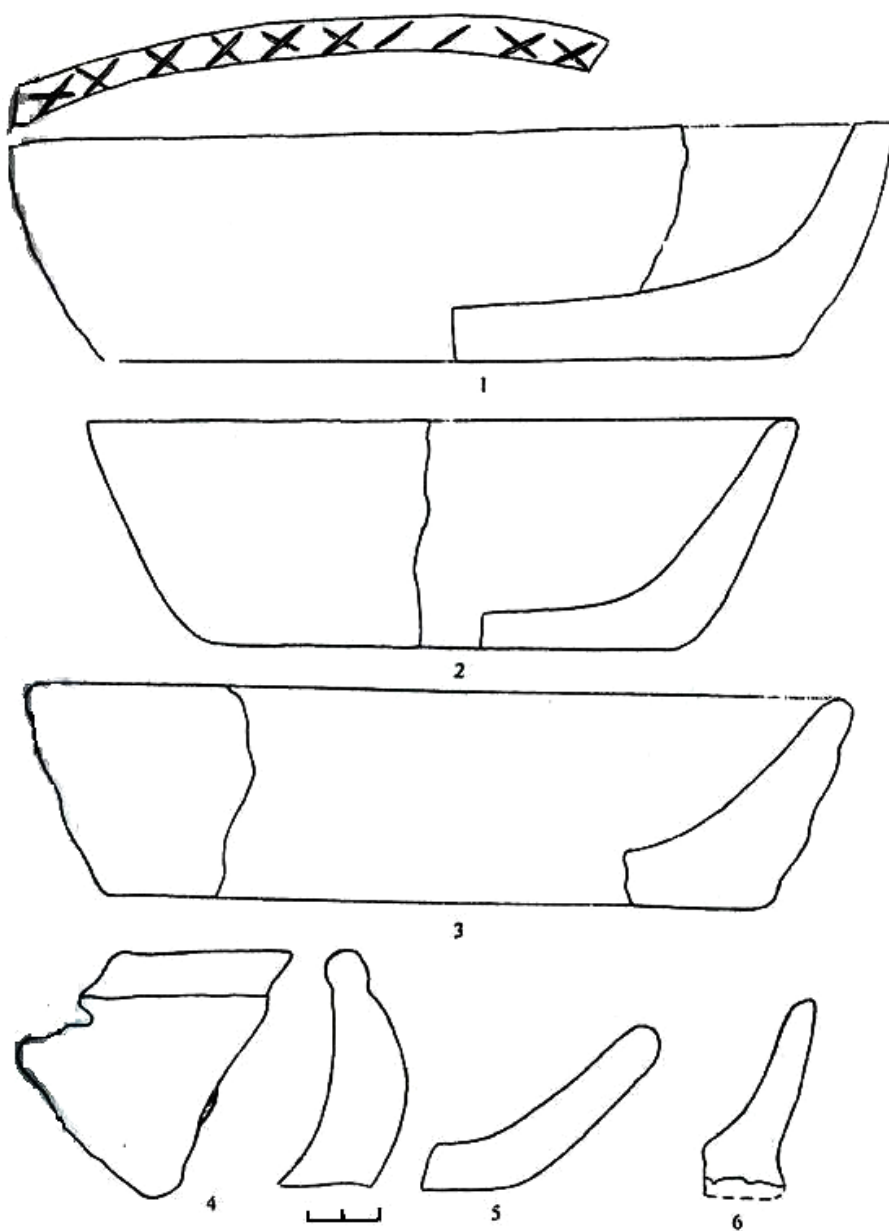

Рис.6. Никольевка. Керамика (1-6).

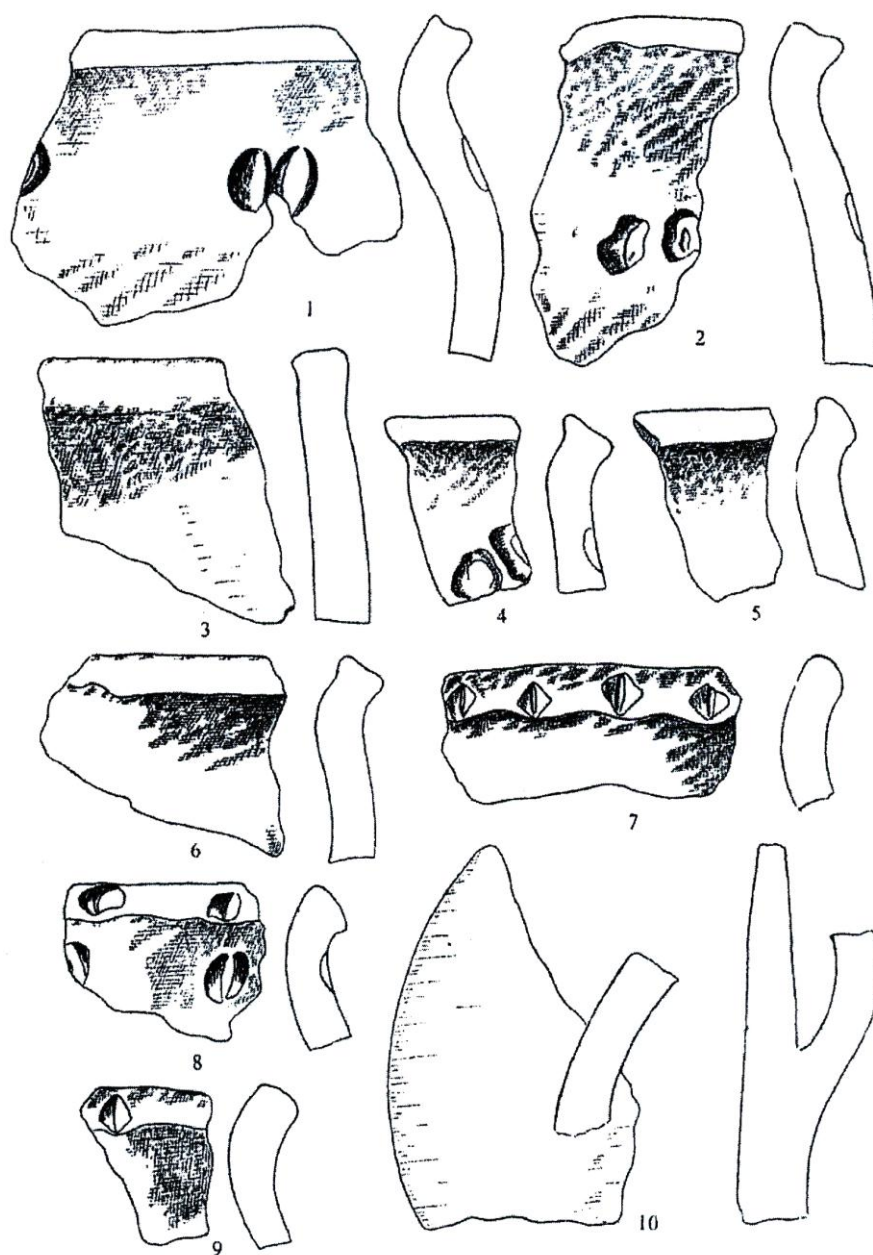

Рис. 7. Николѣвка. Керамика (1-10).

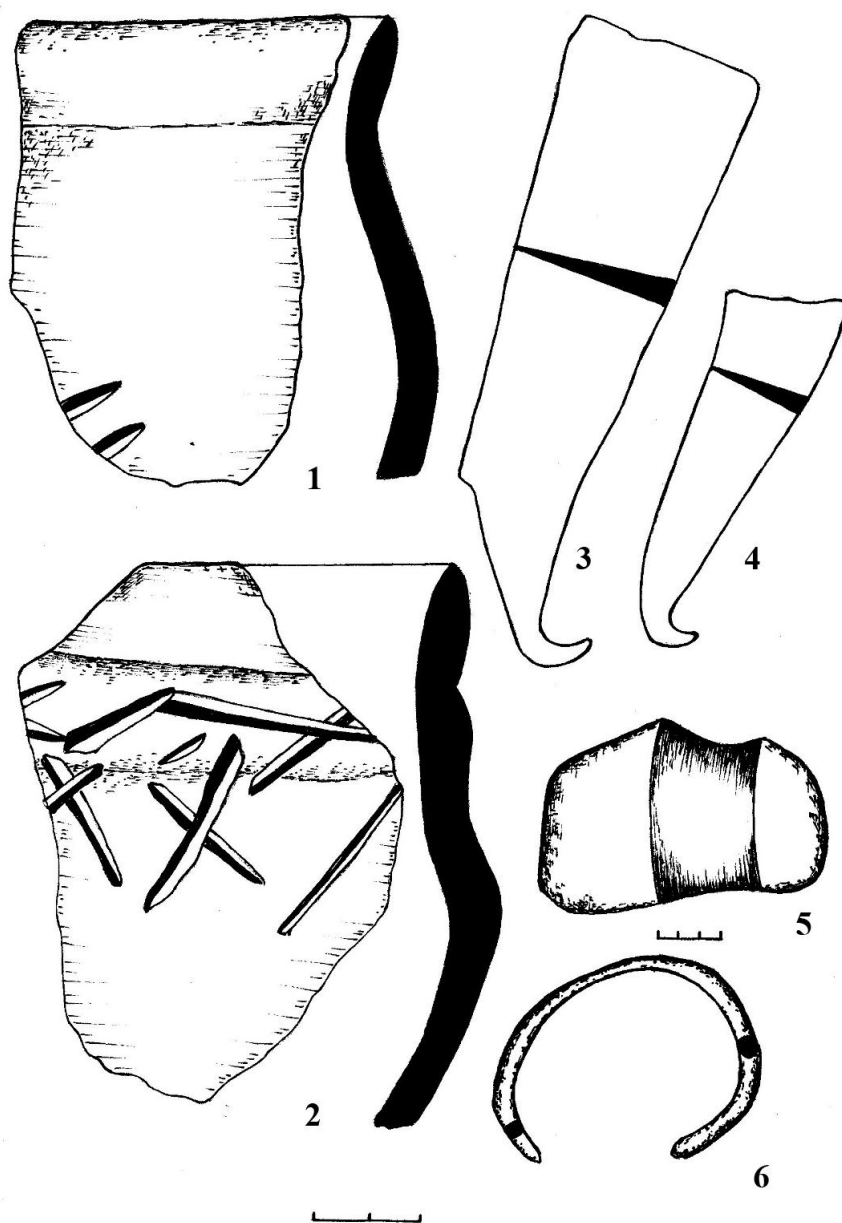

Рис. 8. Никольевка. Керамика (1-2), камень (5); Репная Вершина, бронза (3); Рассказань III, бронза (4); Вязовая, бронза (6).

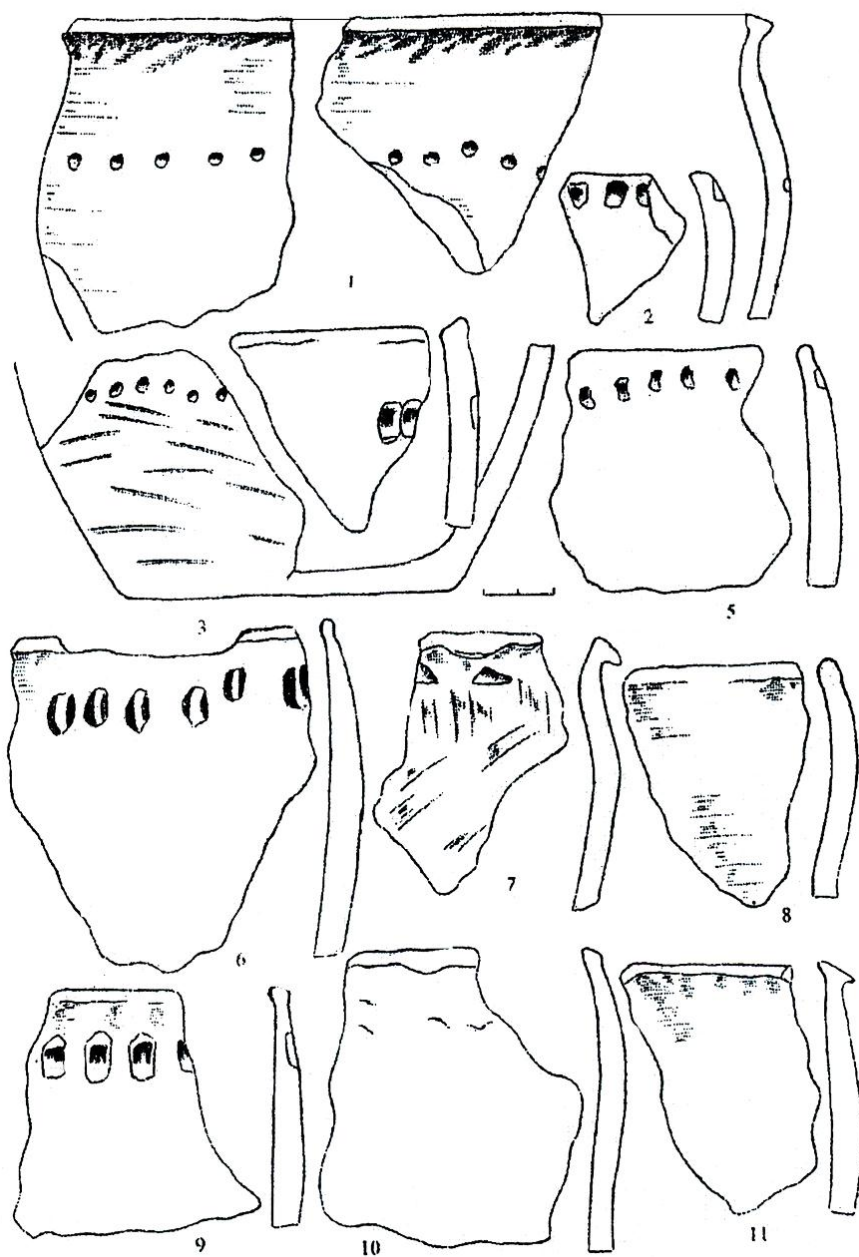

Рис. 9. Расказань III. Керамика (1-11).

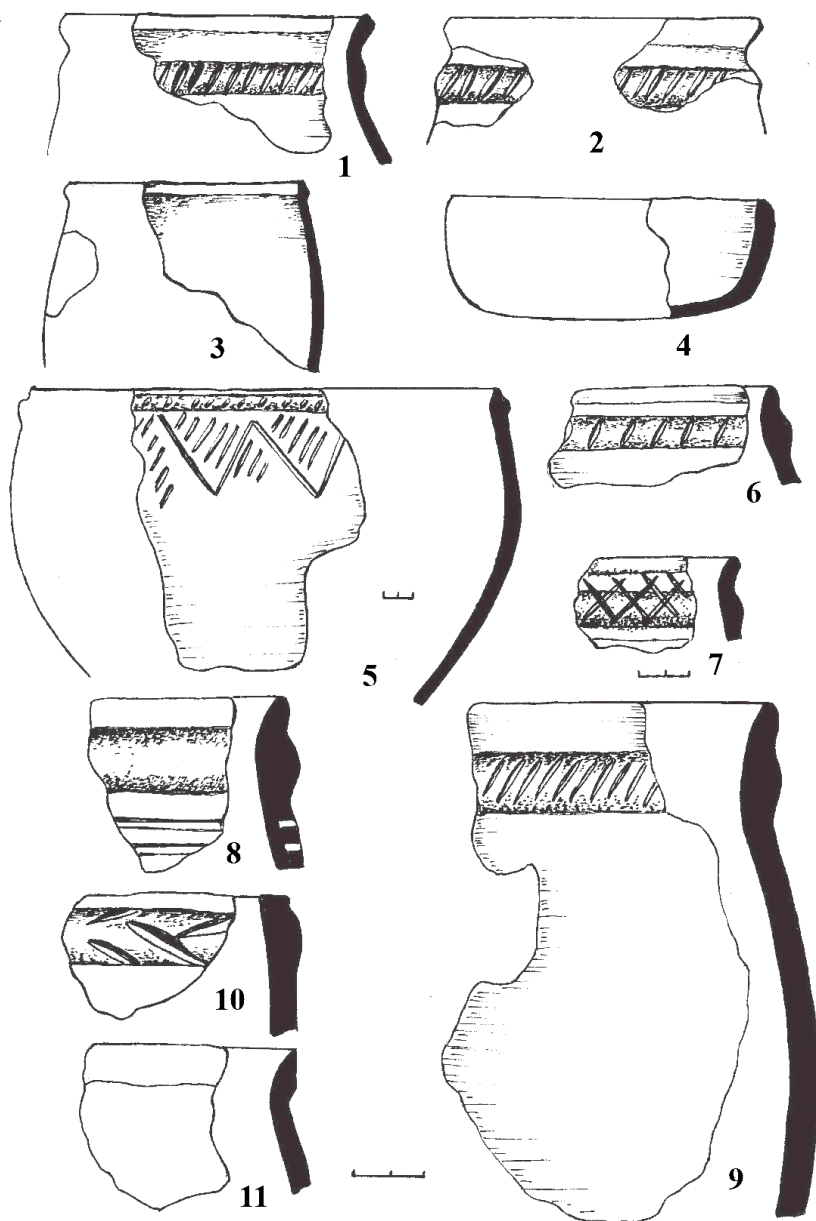

Рис. 10. Ладонка, керамика (1-4); Шляпа, керамика (5-7); Чиганак, керамика (8-9);
Полухино, керамика (10-11).

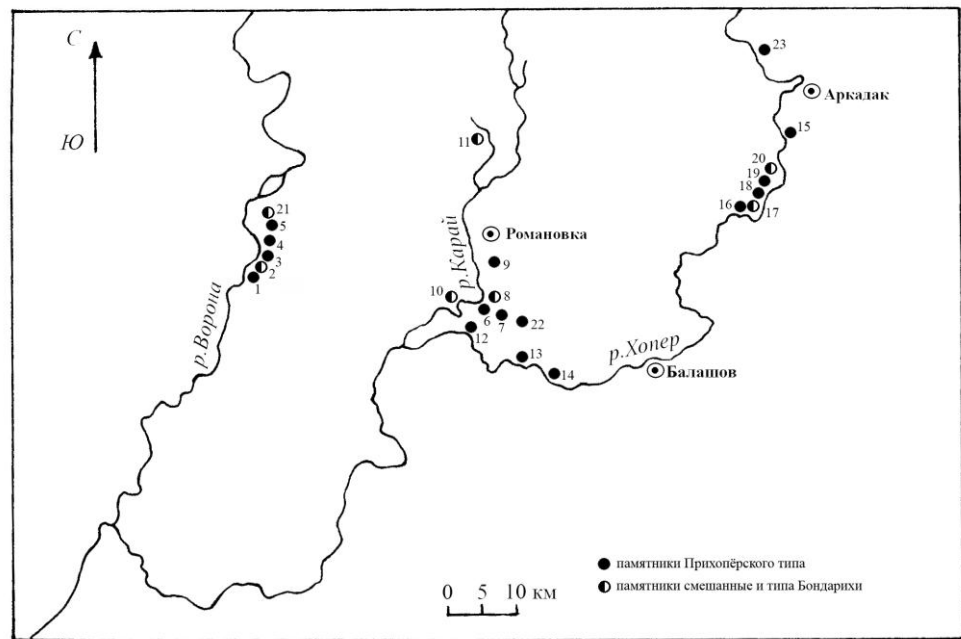

Рис. 11. Памятники прихоперского и бондарихинского типа: 1-Шапкино II; 2-Шапкино I дна 5; 3- Шапкино I дна 3; 4-Шапкино III; 5-Шапкино VI; 6- Разнобрычка I; 7-Разнобрычка II; 8-Подгорное I; 9-Подгорное-II; 10-Богатырка; 11-Лосев Угол; 12-Инясево; 13-Алмазово II; 14-Духовое; 15-Шляпа; 16-Халины Пески 3; 17-Халины Пески 2; 18-Малаковы Пески; 19-Подпечное; 20-Поташное; 21-Шапкино-VII; 22-Моховое; 23-Владыкино; Шапкино VII.

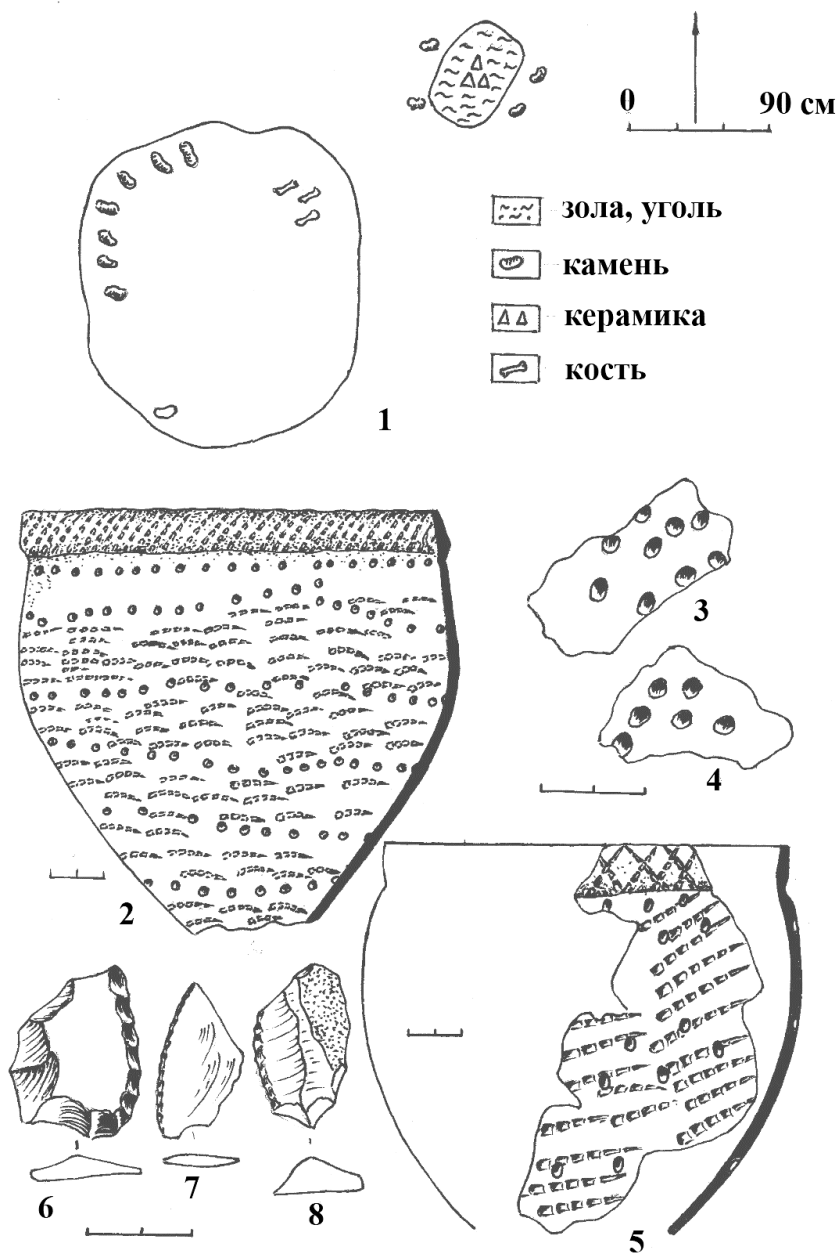

Рис. 12. Шапкино I, дна 3. Постройка (1), керамика (2-5), камень (6-8).

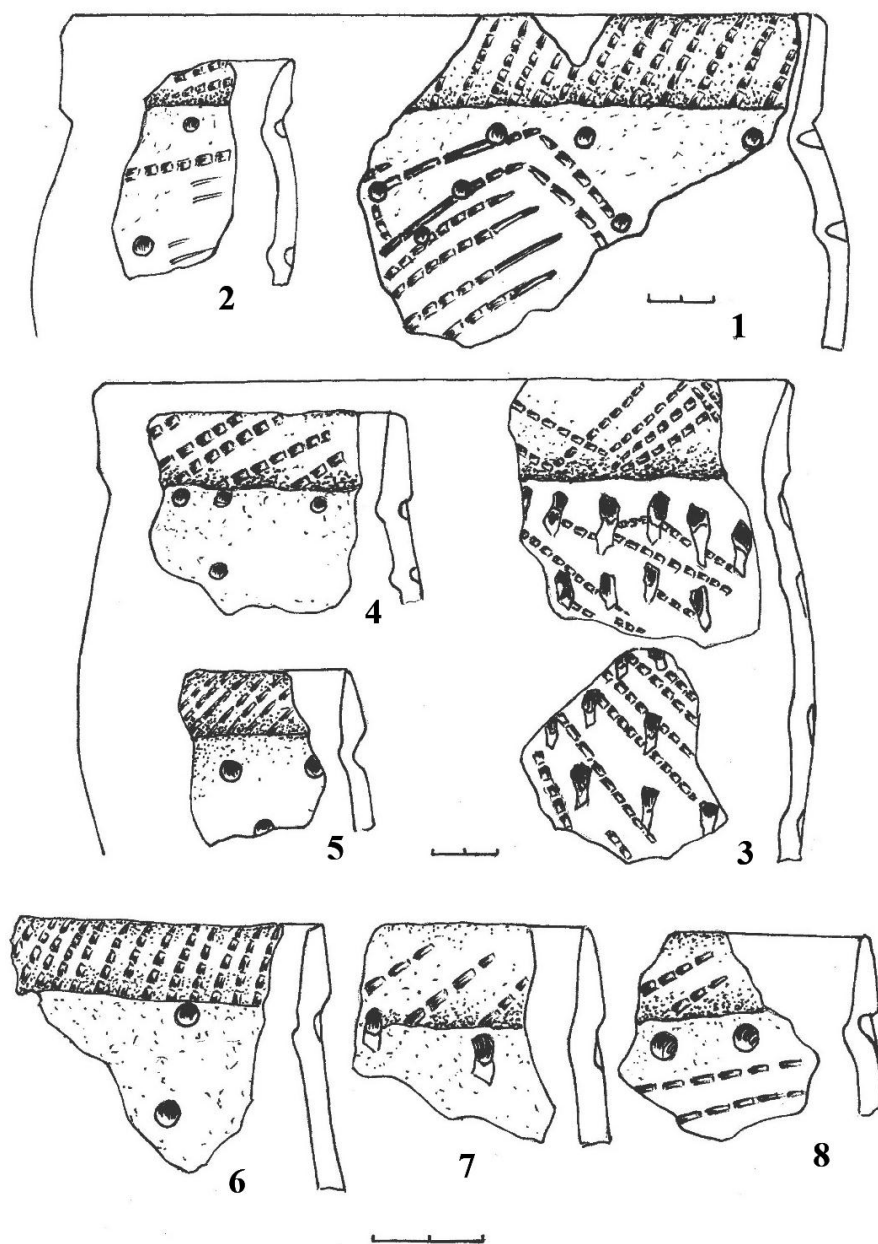

Рис. 13. Шапкино I, дюна 3. Керамика (1-8)..

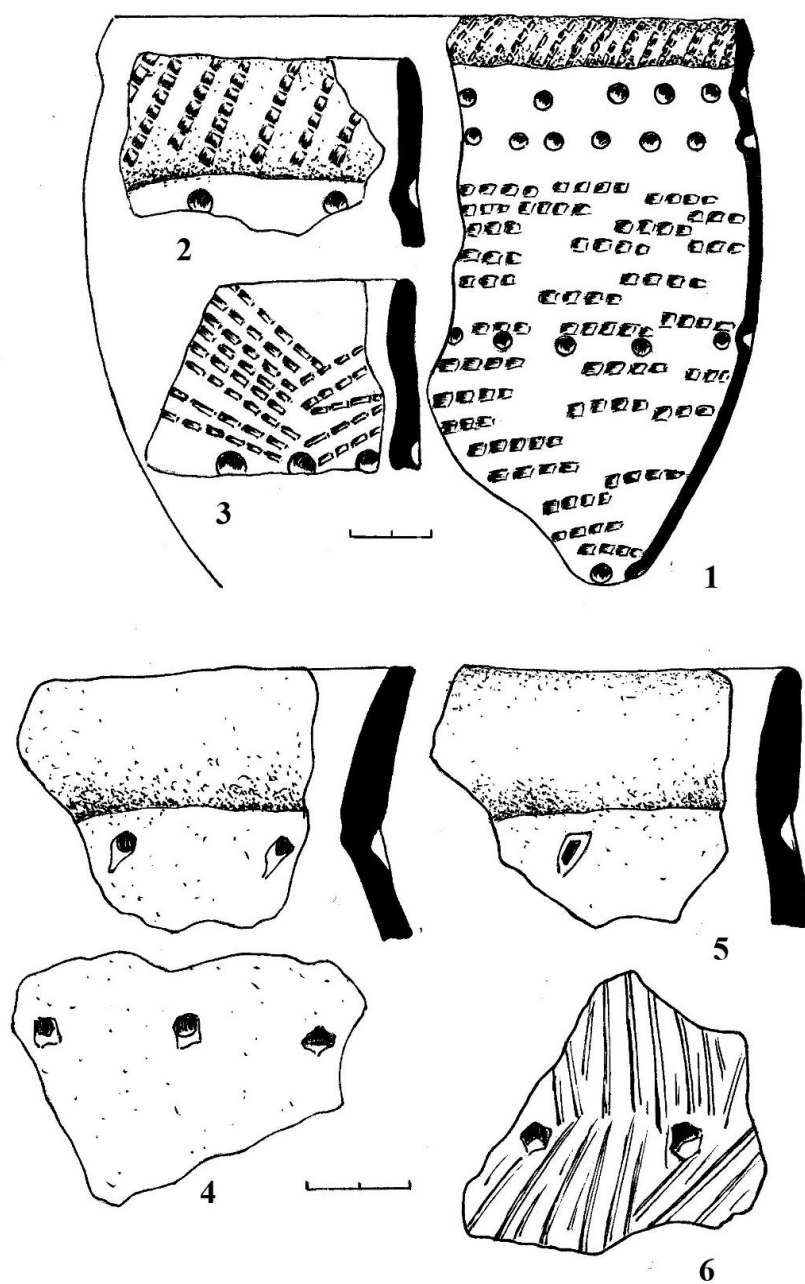

Рис. 14. Шапкино I, дна 3. Керамика (1-6).

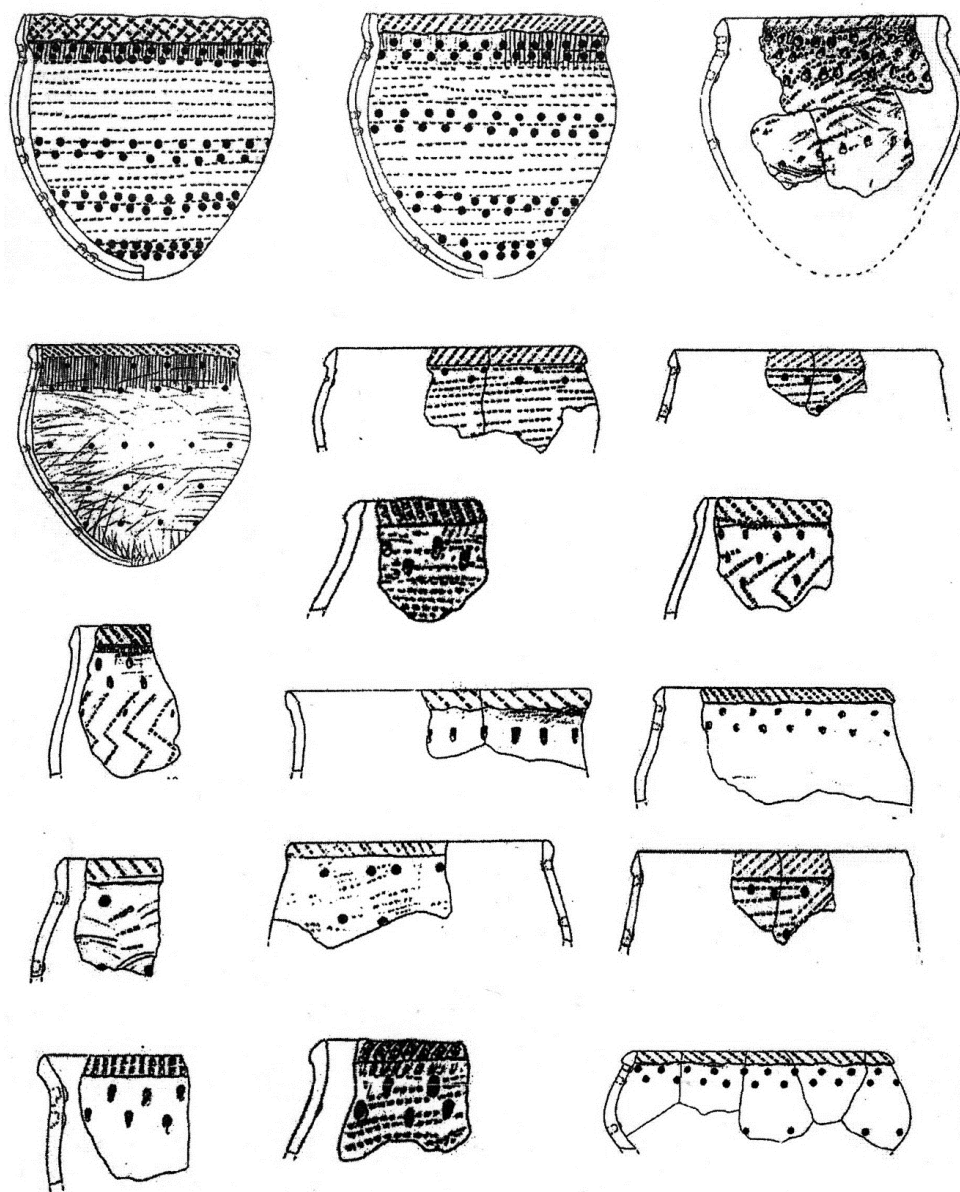

Рис. 15. Коровий Брод. Керамика (1-8).

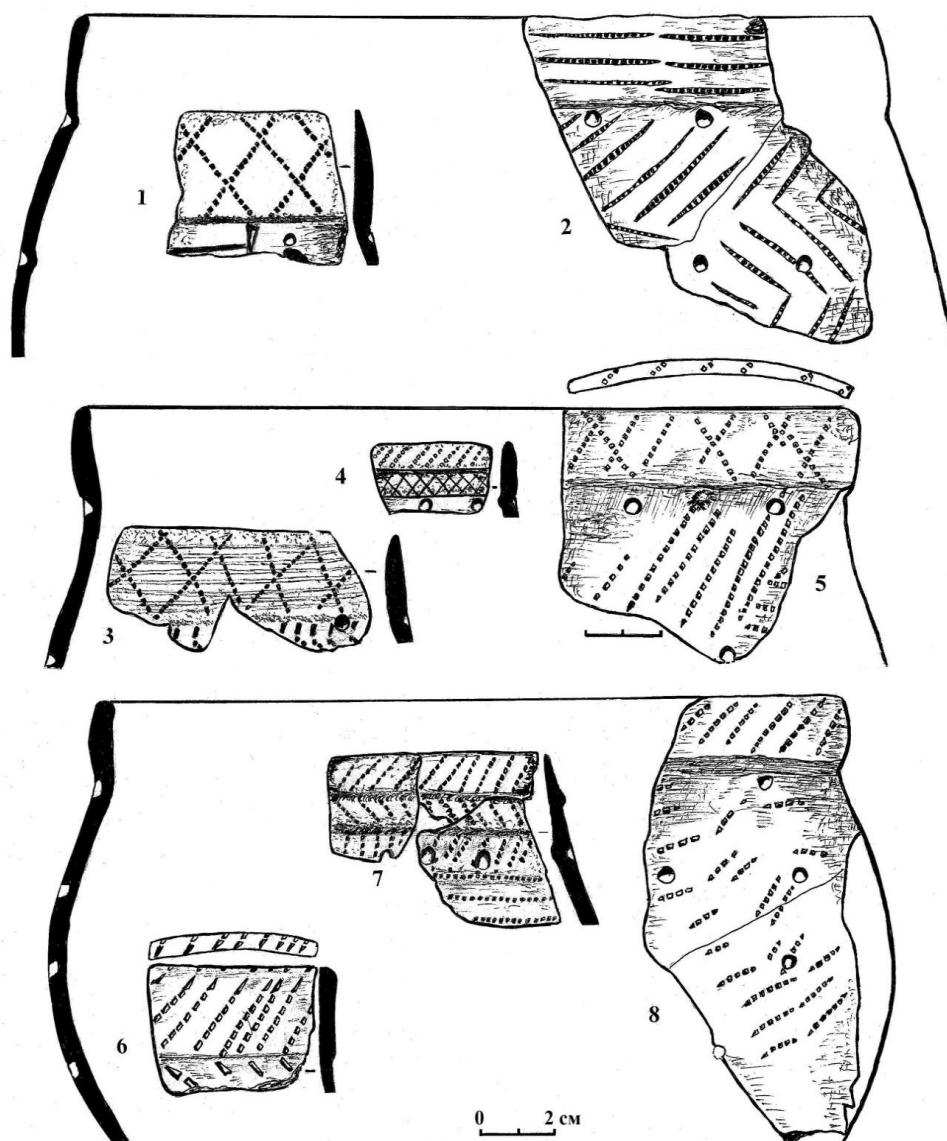

Рис. 16. Шляпа. Керамика (1-8).

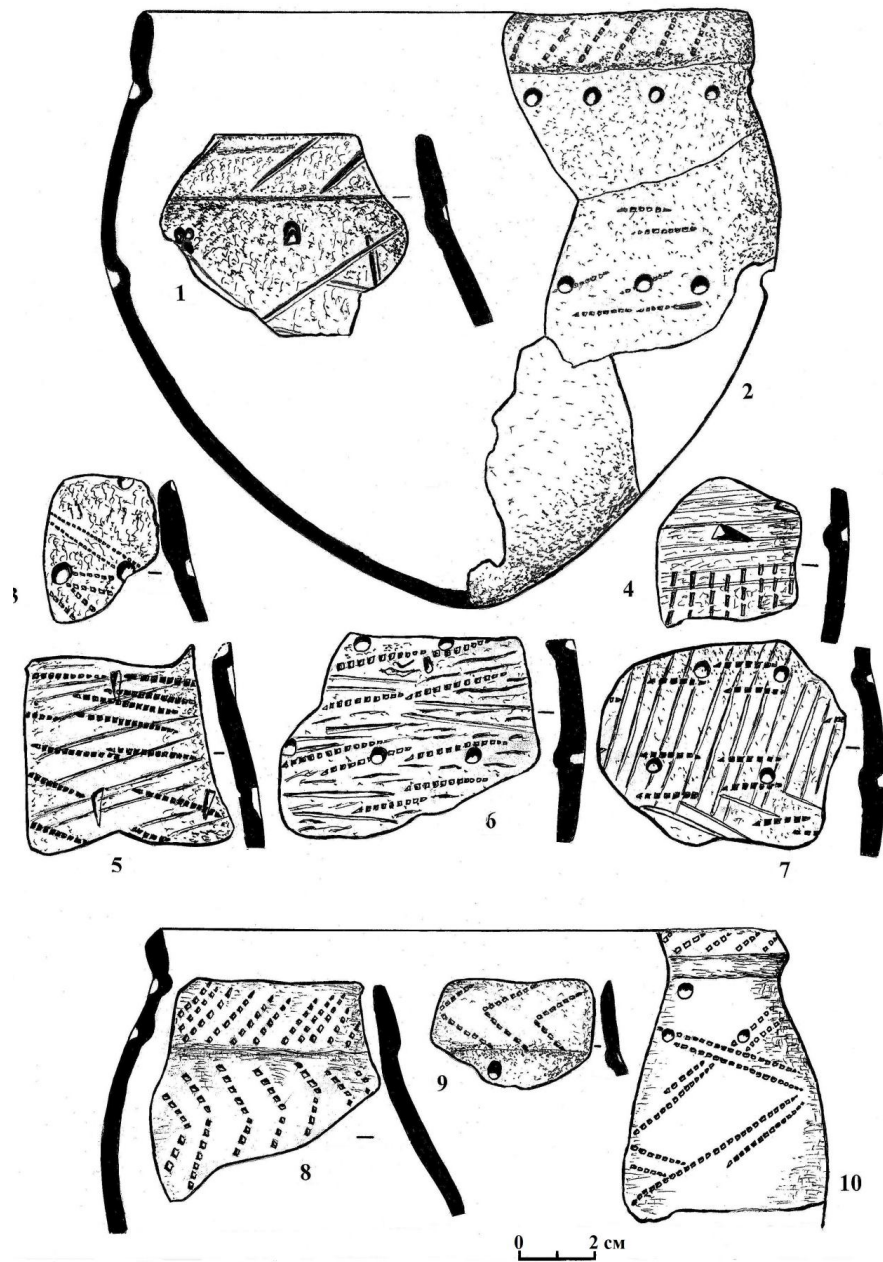

Рис. 17. Шляпа. Керамика (1-10).

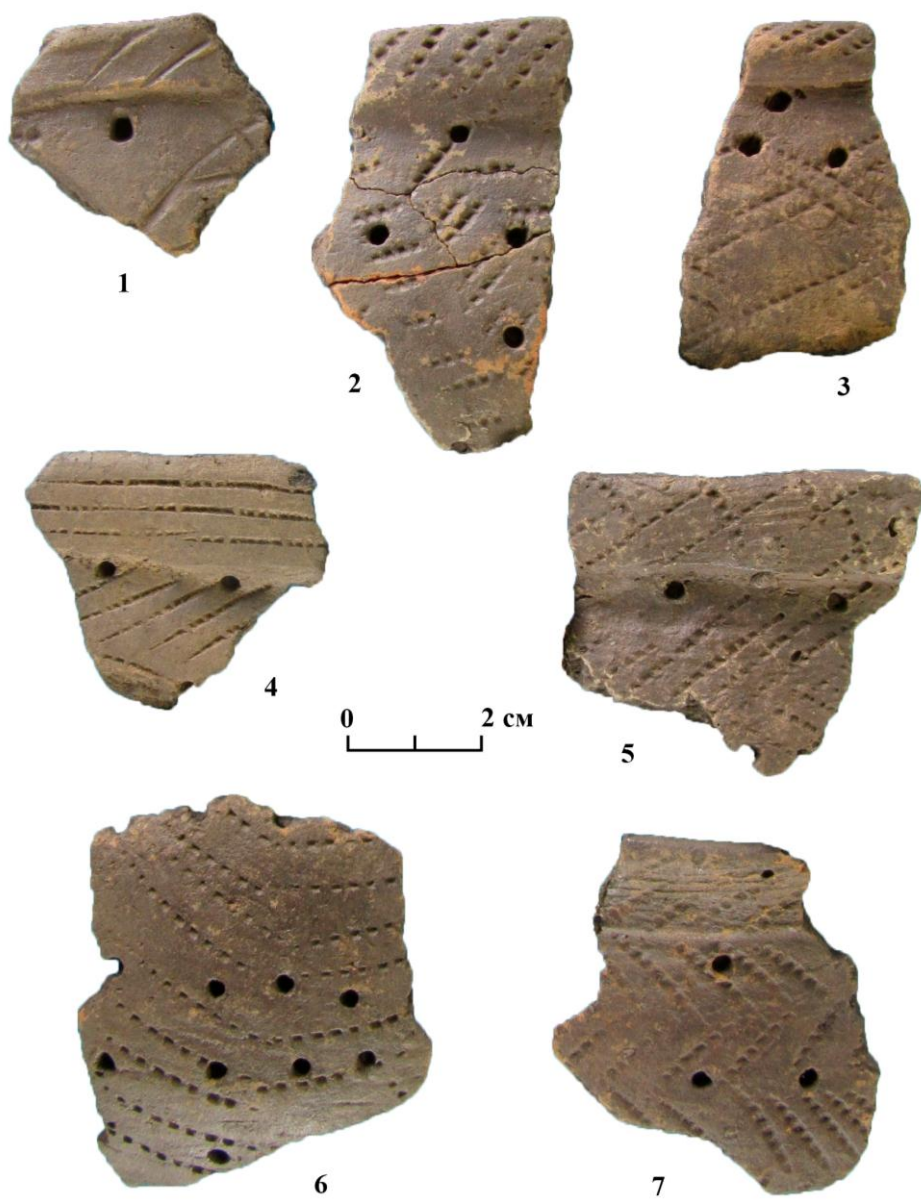

Рис. 18. Шляпа. Керамика.

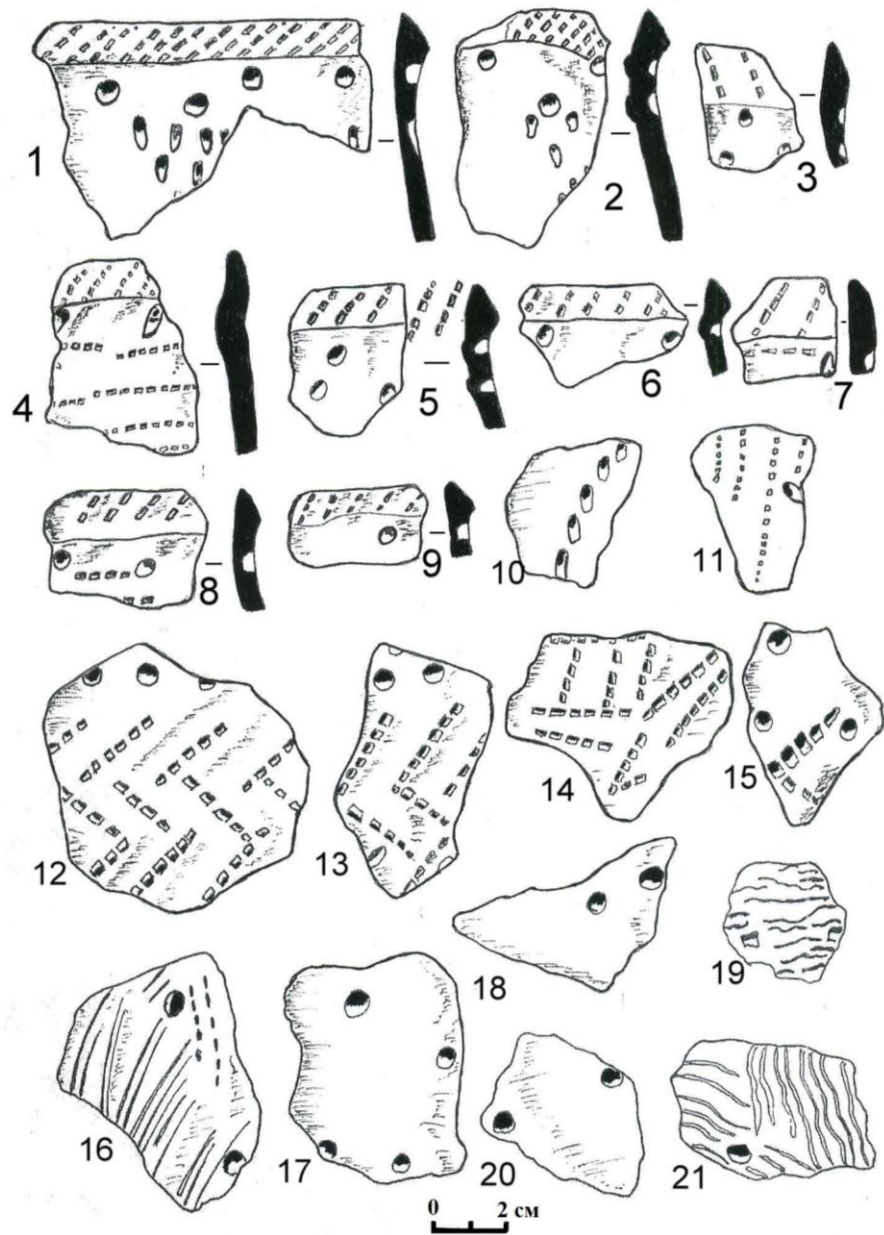

Рис. 19. Шапкино VI. Керамика (1-21).

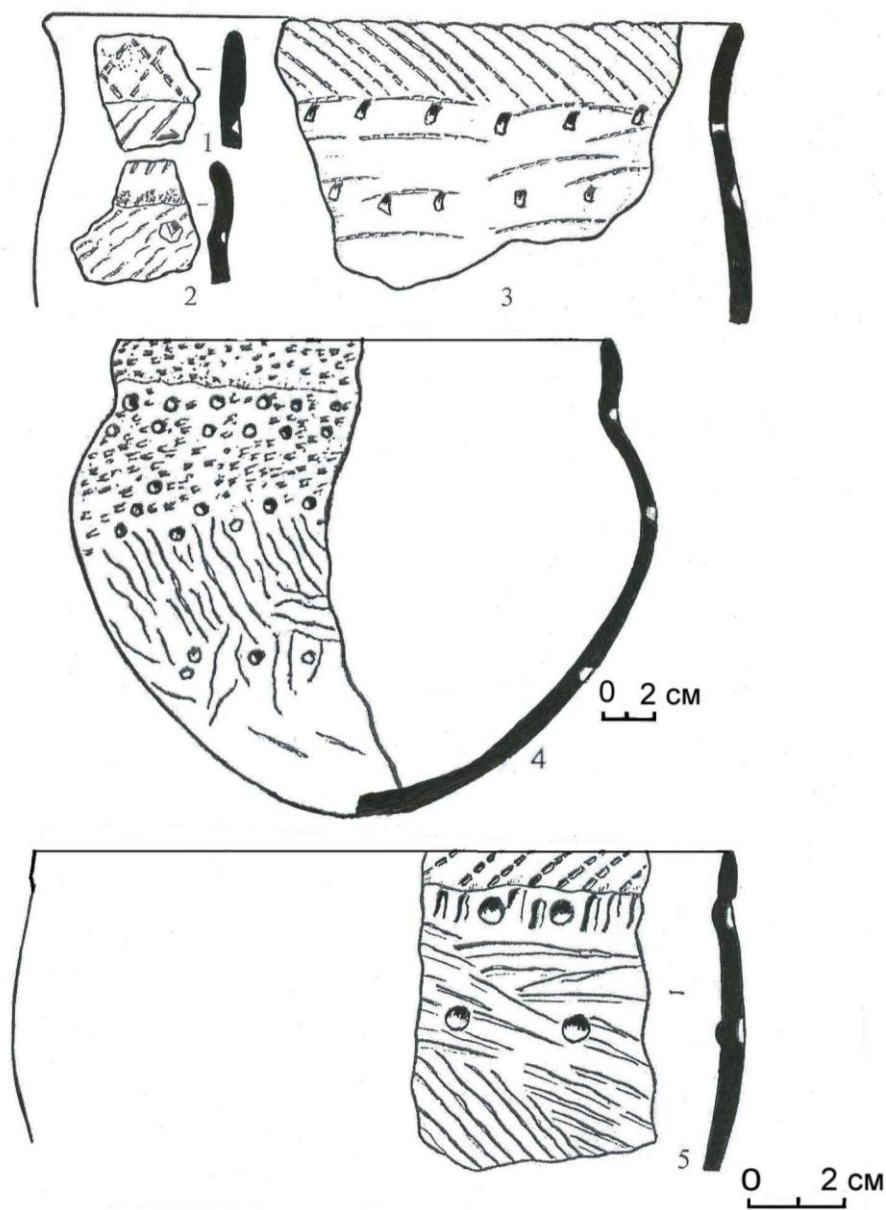

Рис. 20. Подгорное. Керамика (1-5).

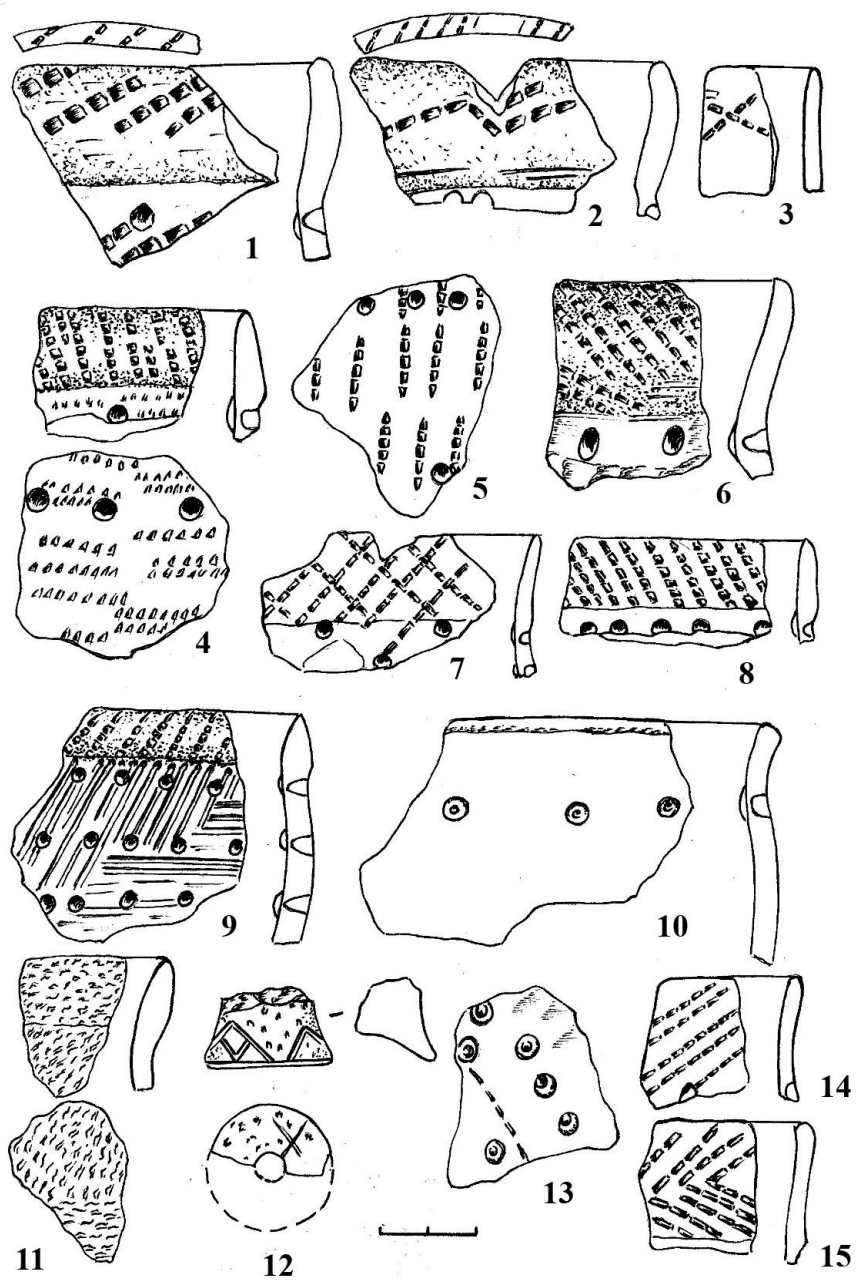

Рис. 21. Разнобрычка. Керамика (1-11, 13-15), изделие из глины (12).

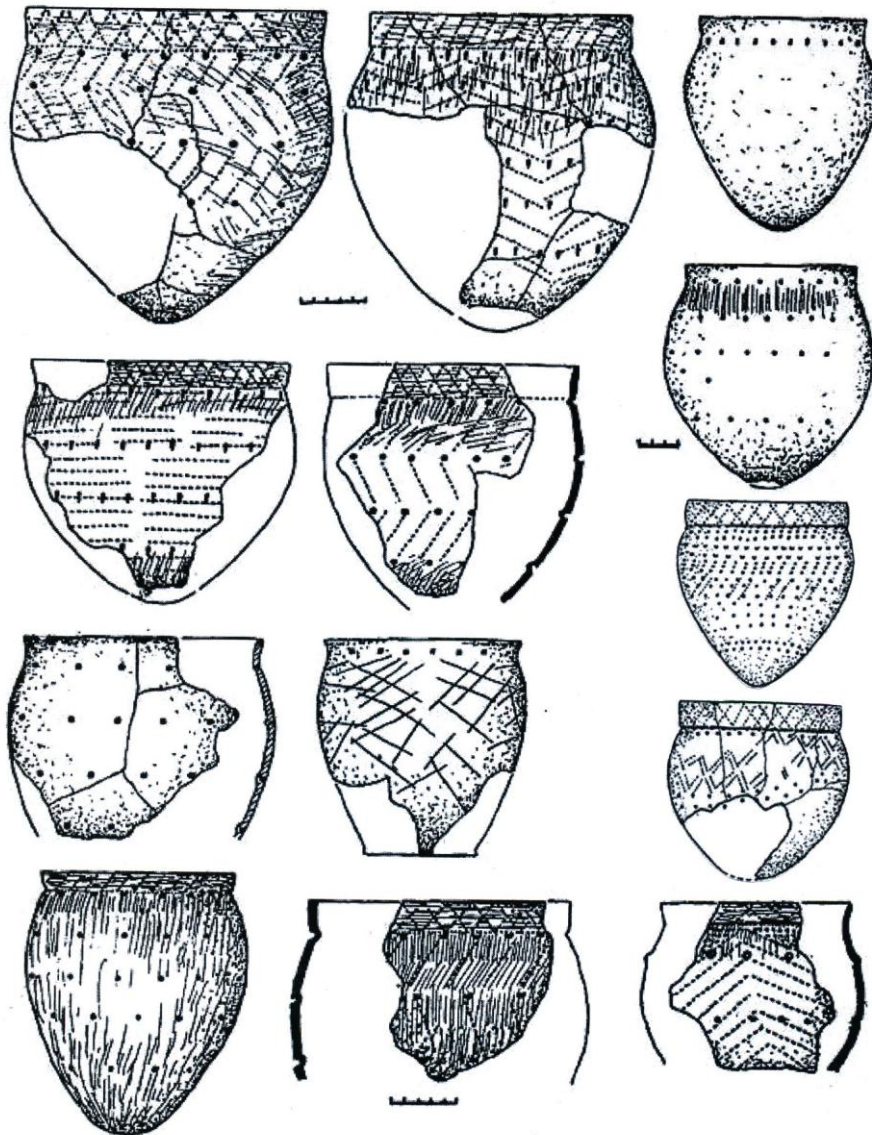

Рис. 22. Студенок 5. Керамика.

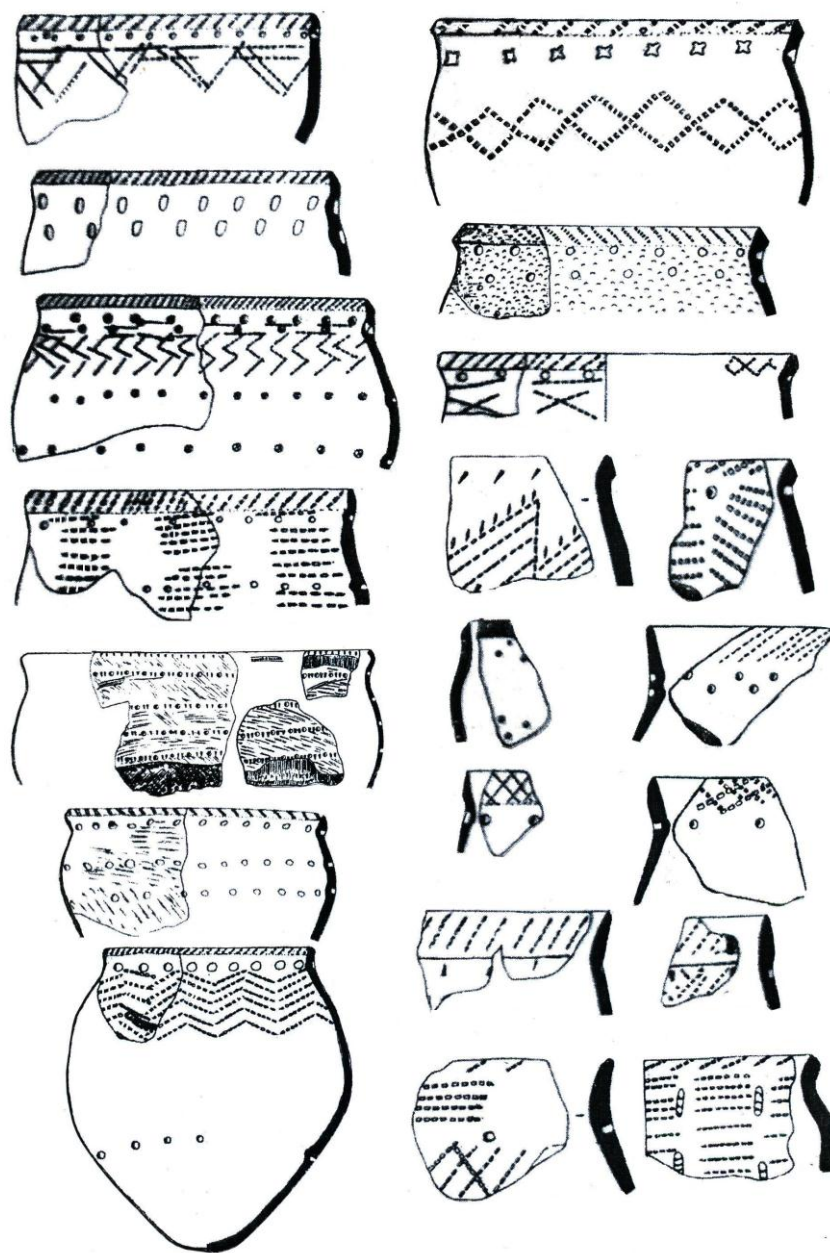

Рис. 23. Керамика аким-сергеевского типа.

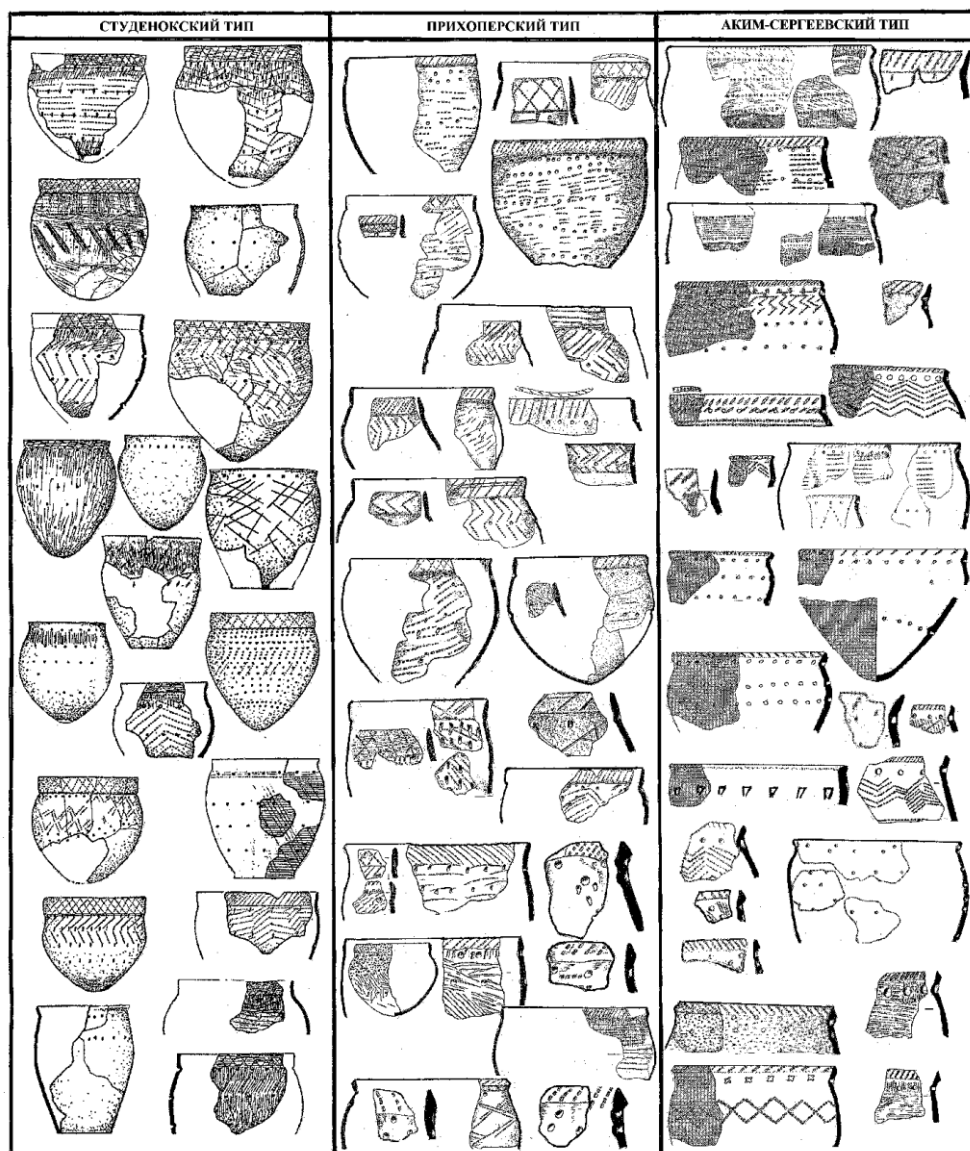

Рис. 24. Соотношение керамических комплексов прихоперского, аким-сергеевского, студенокского типов.

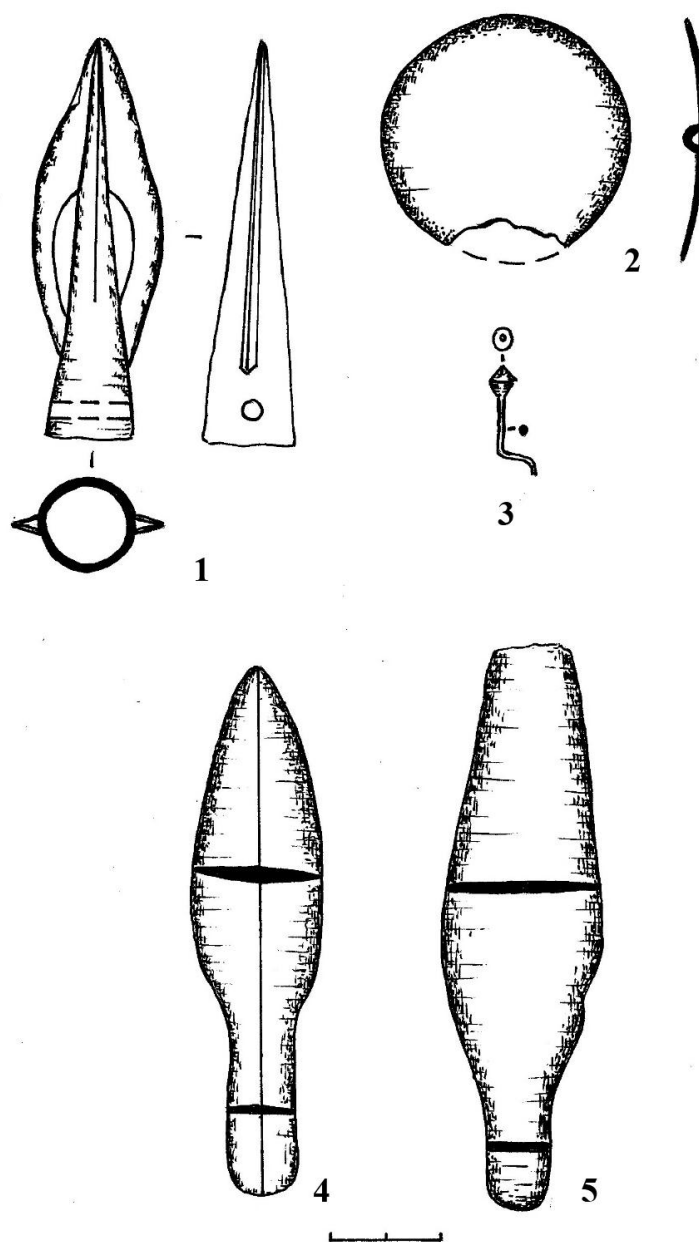

Рис. 25. Изделия из бронзы. Подгорное II (1); Подгорное (2-3); Шапкино I, дюна 8 (4); Богатырка (5).

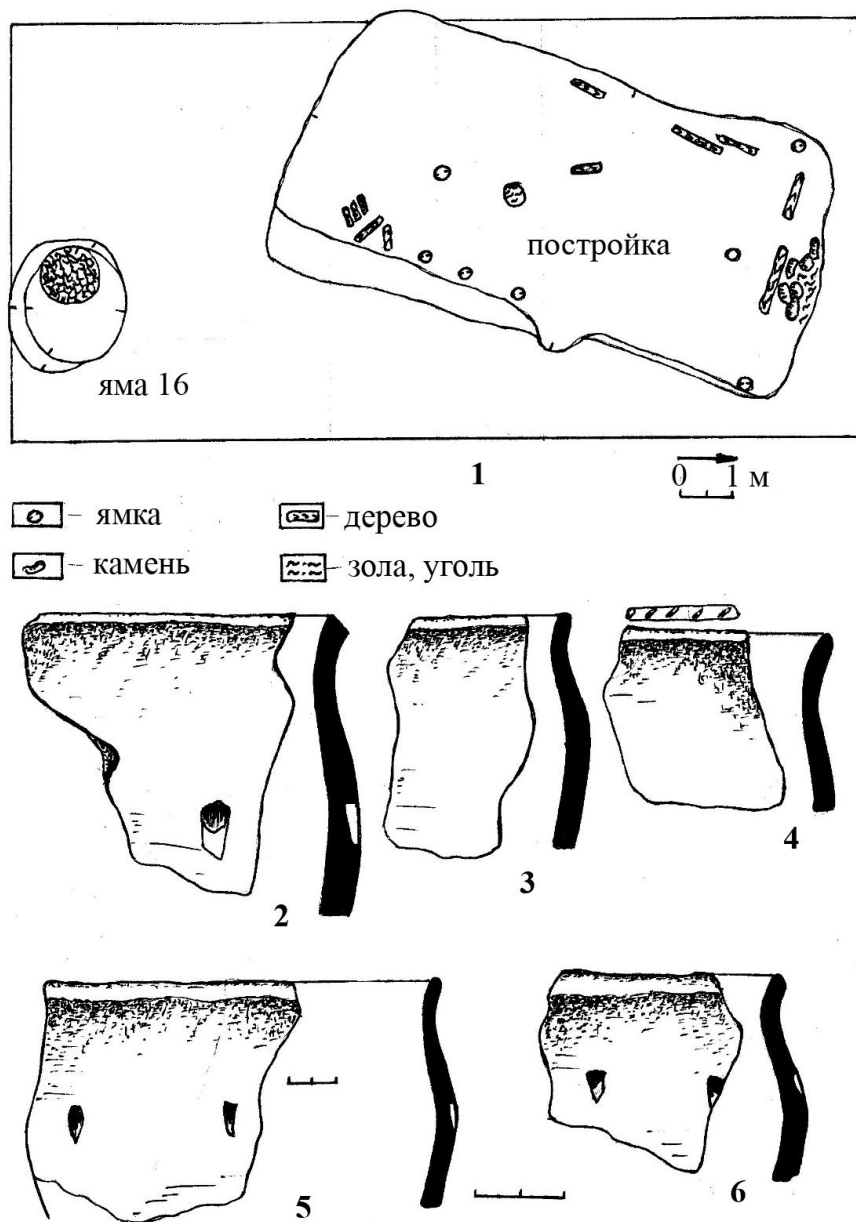

Рис. 26. Шапкино I, дна 5. Раскоп 2003 г. Постройка (1), керамика (2-6).

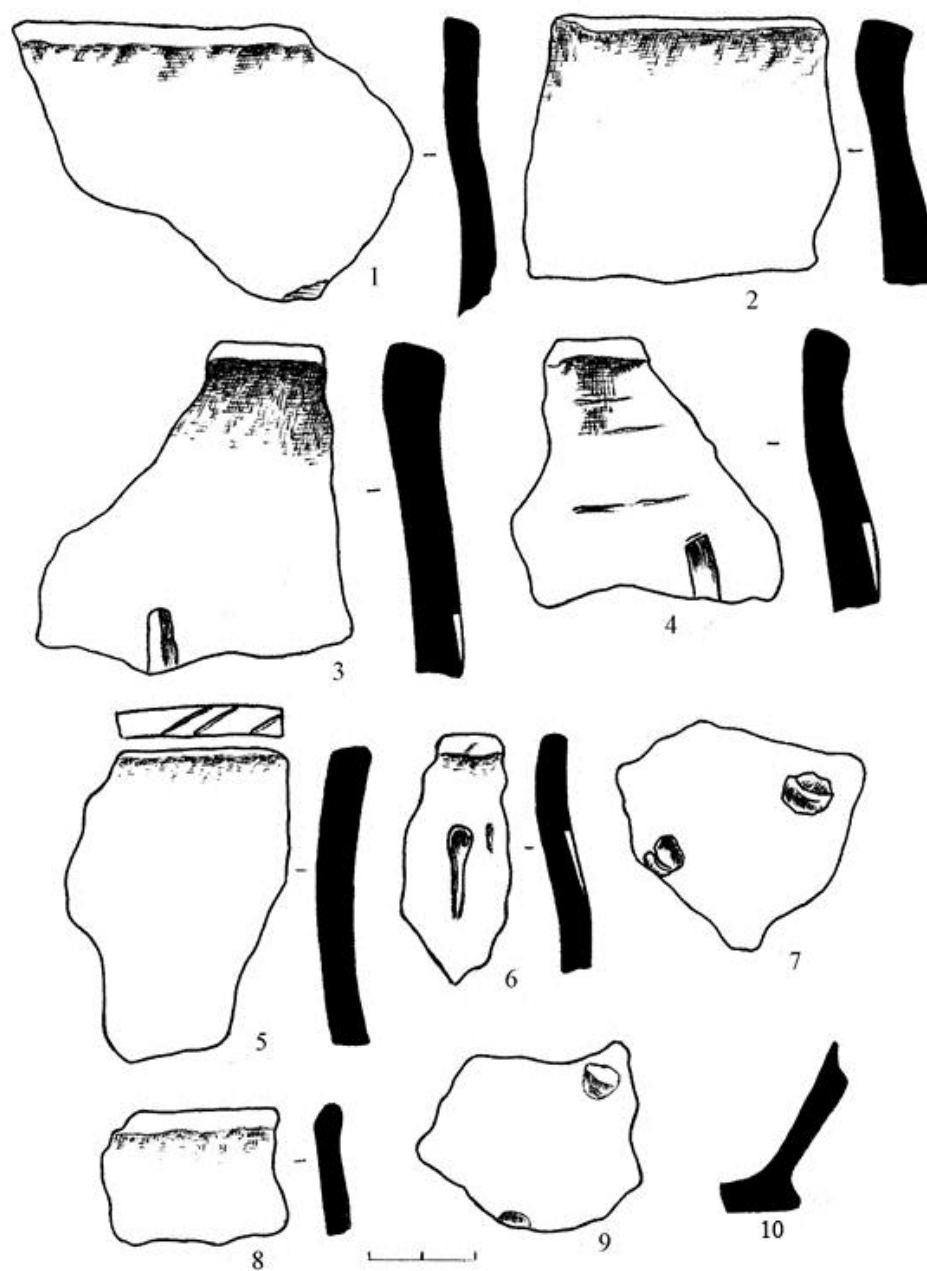

Рис. 27. Шапкино I, дна 5. Раскоп 2003 г. Керамика из слоя раскопа (1-10).

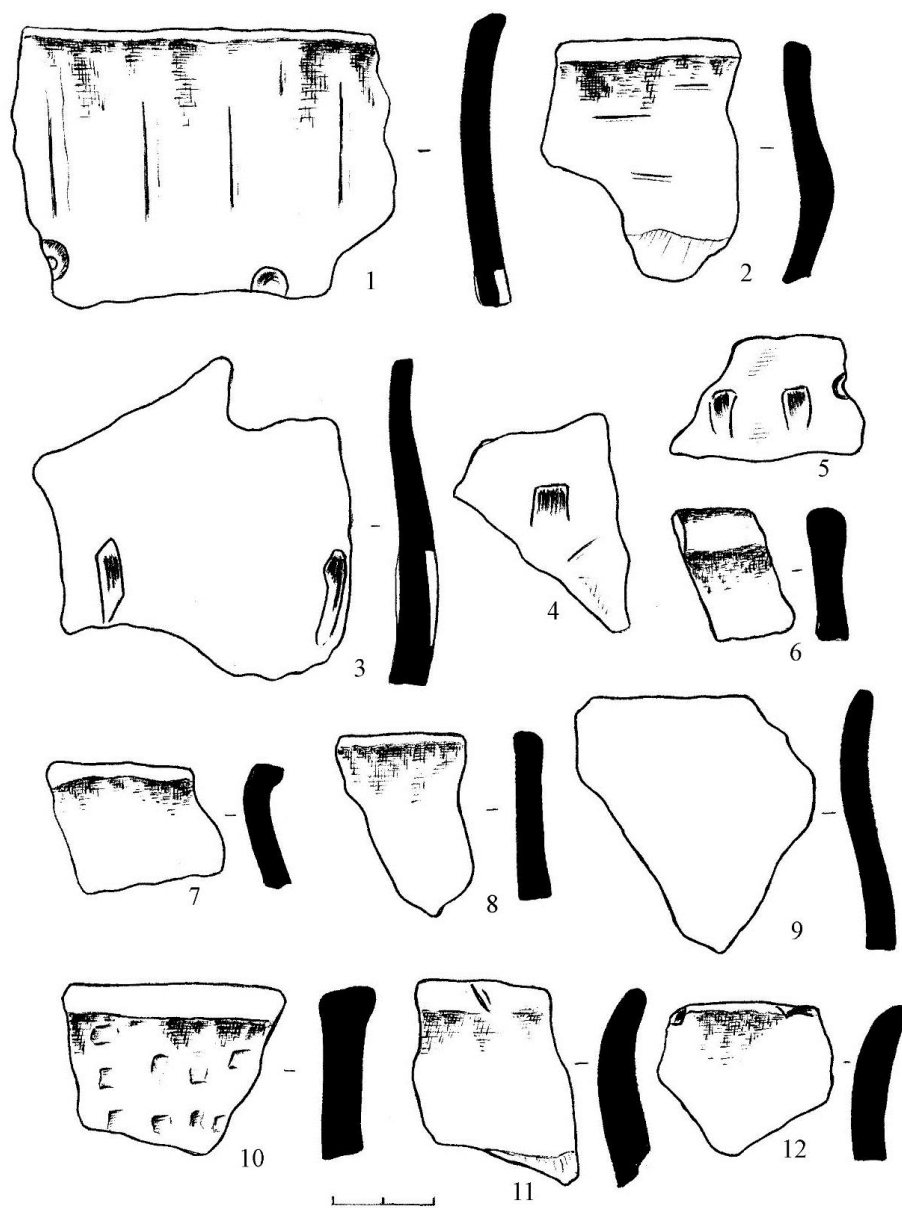

Рис. 28. Шапкино I, дна 5. Раскоп 2003 г. Керамика из заполнения постройки (1-12).

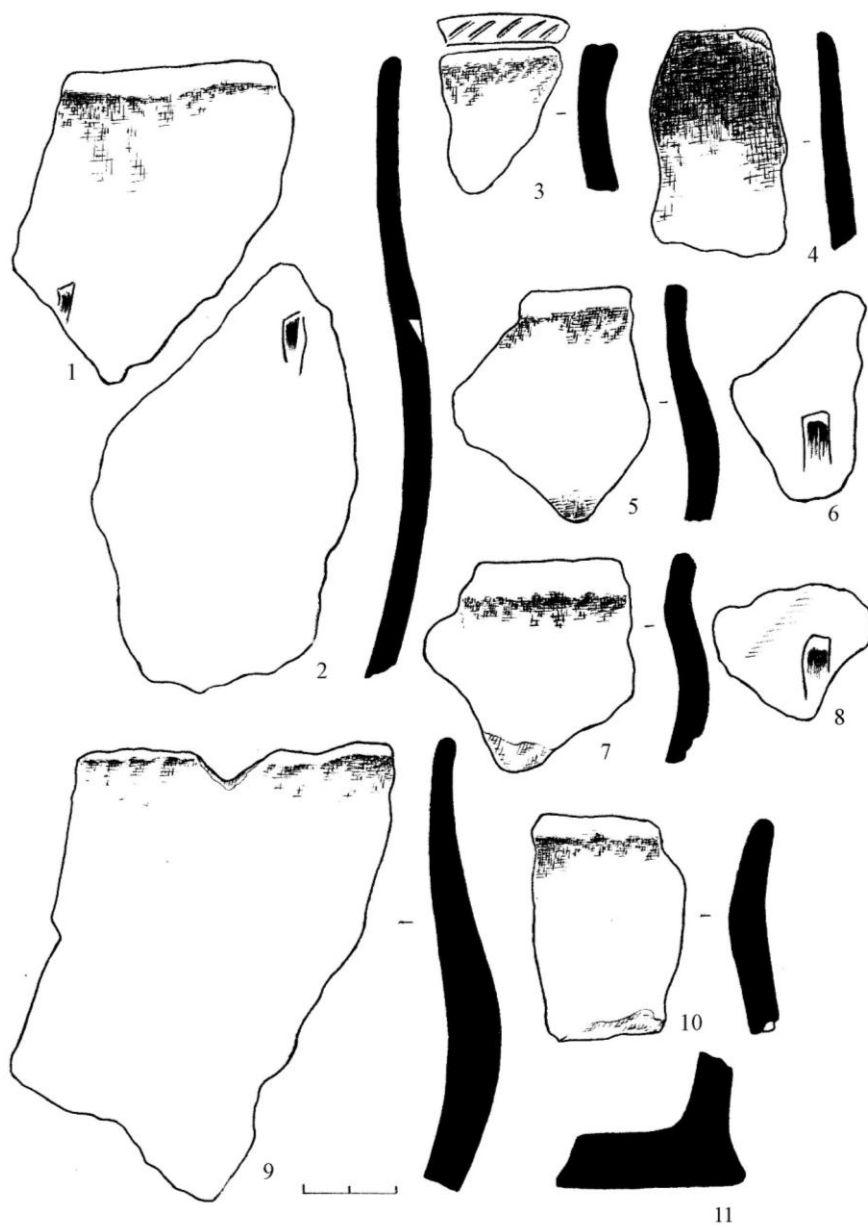

Рис. 29. Шапкино I, дона 5. Раскоп 2003 г. Керамика из заполнения ямы 16 (1-11).

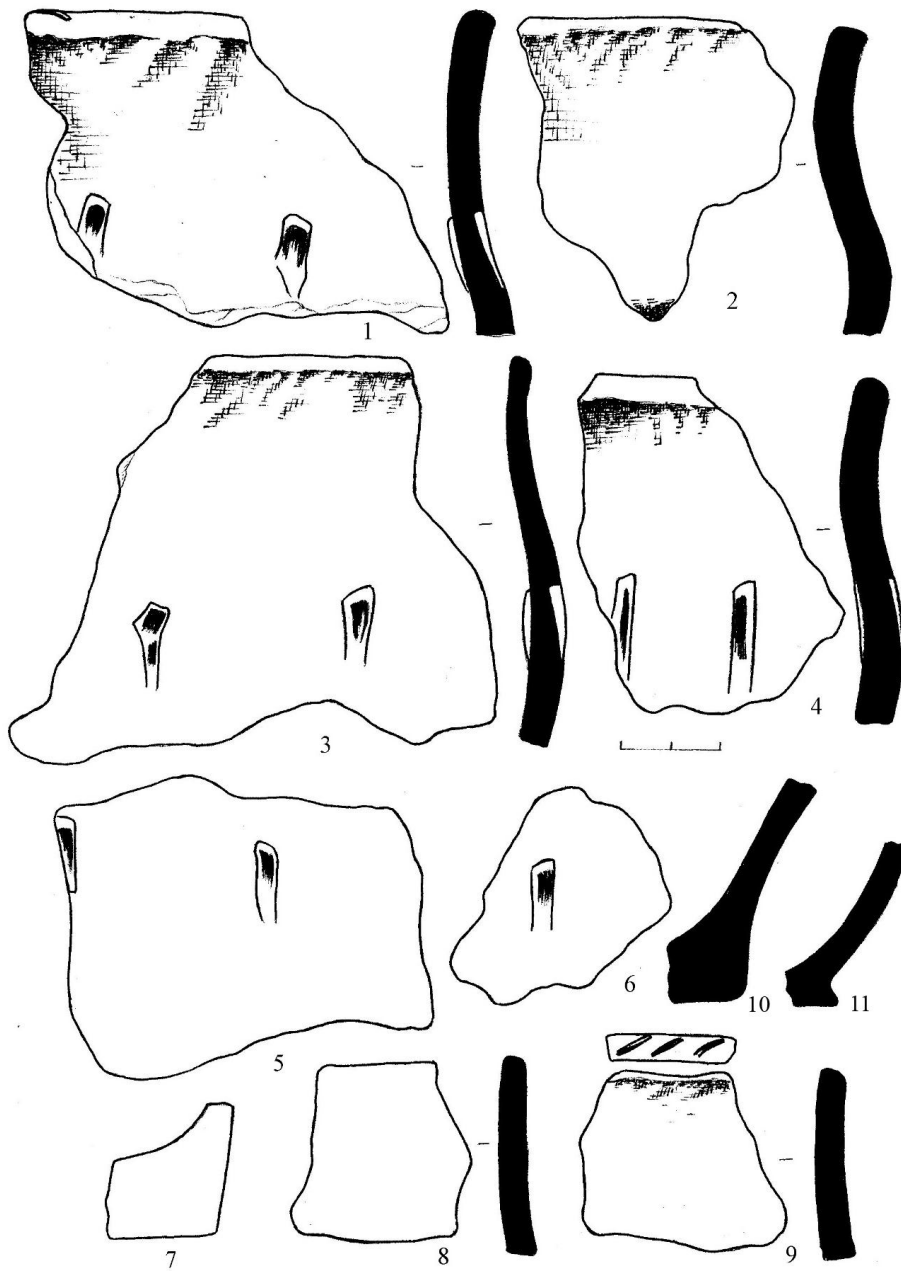

Рис. 30. Шапкино I, дна 5. Раскоп 2003 г. Керамика из заполнения ямы 16 (1-11).

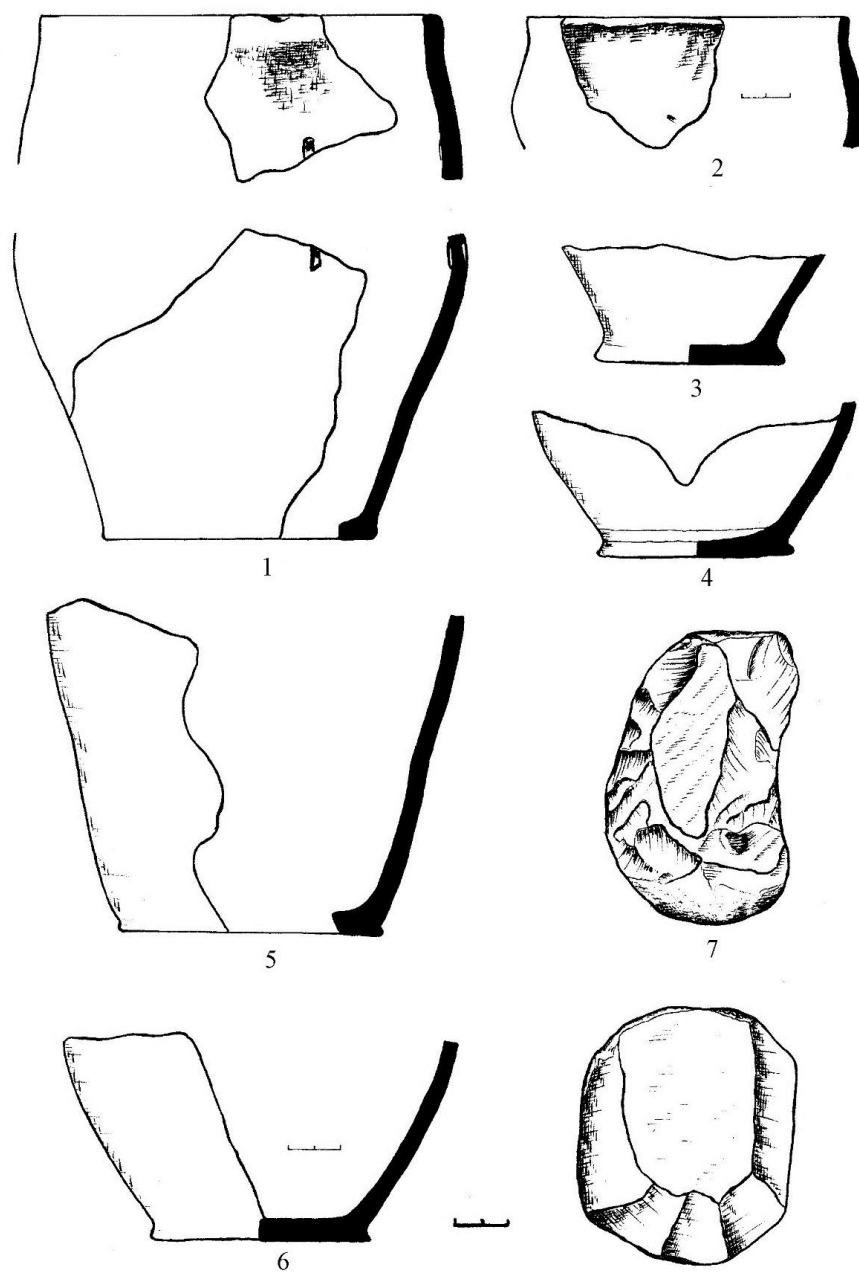

Рис. 31. Шапкино I, дона 5. Раскоп 2003 г. Керамика (1-6), изделия из камня (7-8)

из заполнения ямы 16.

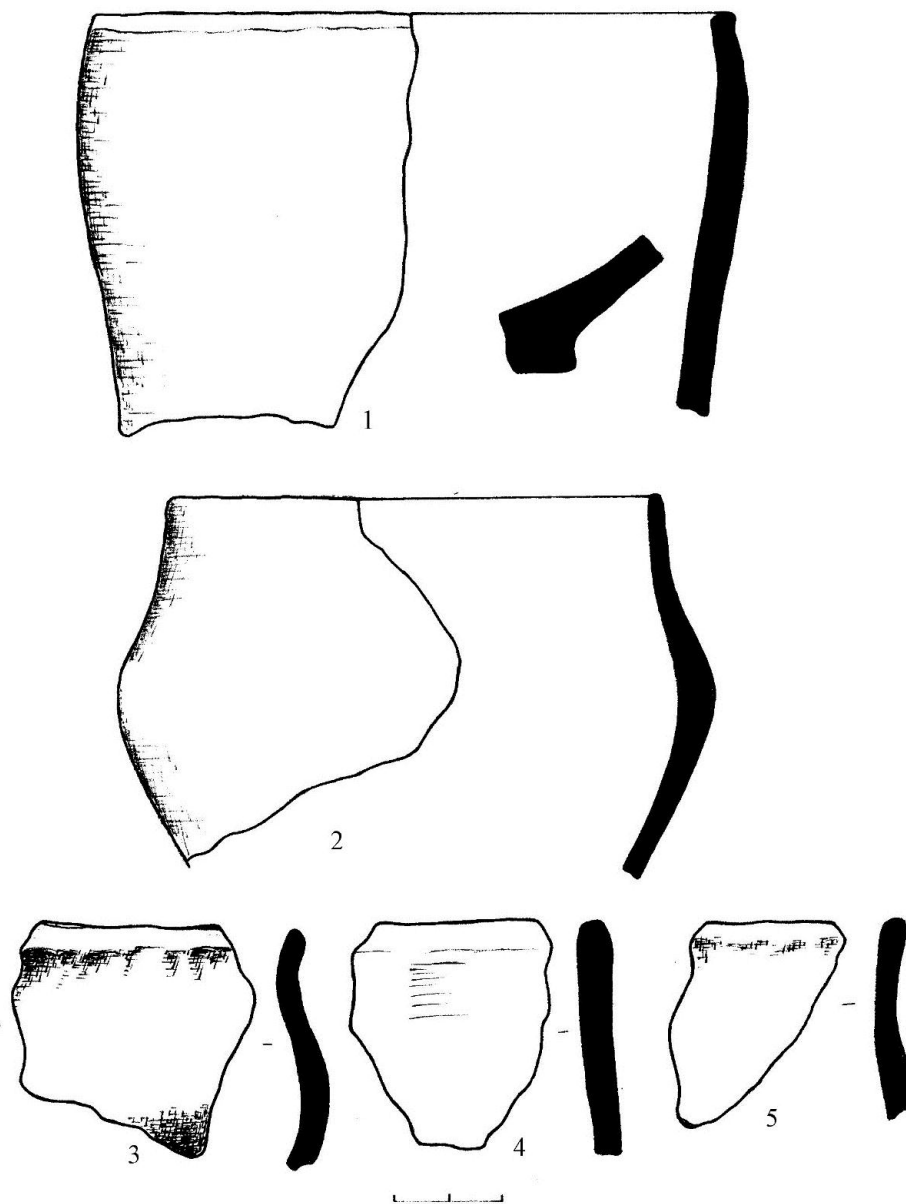

Рис. 32. Шапкино I, дна 5. Раскоп 2003 г. Керамика (1-5) из заполнения ямы 16.

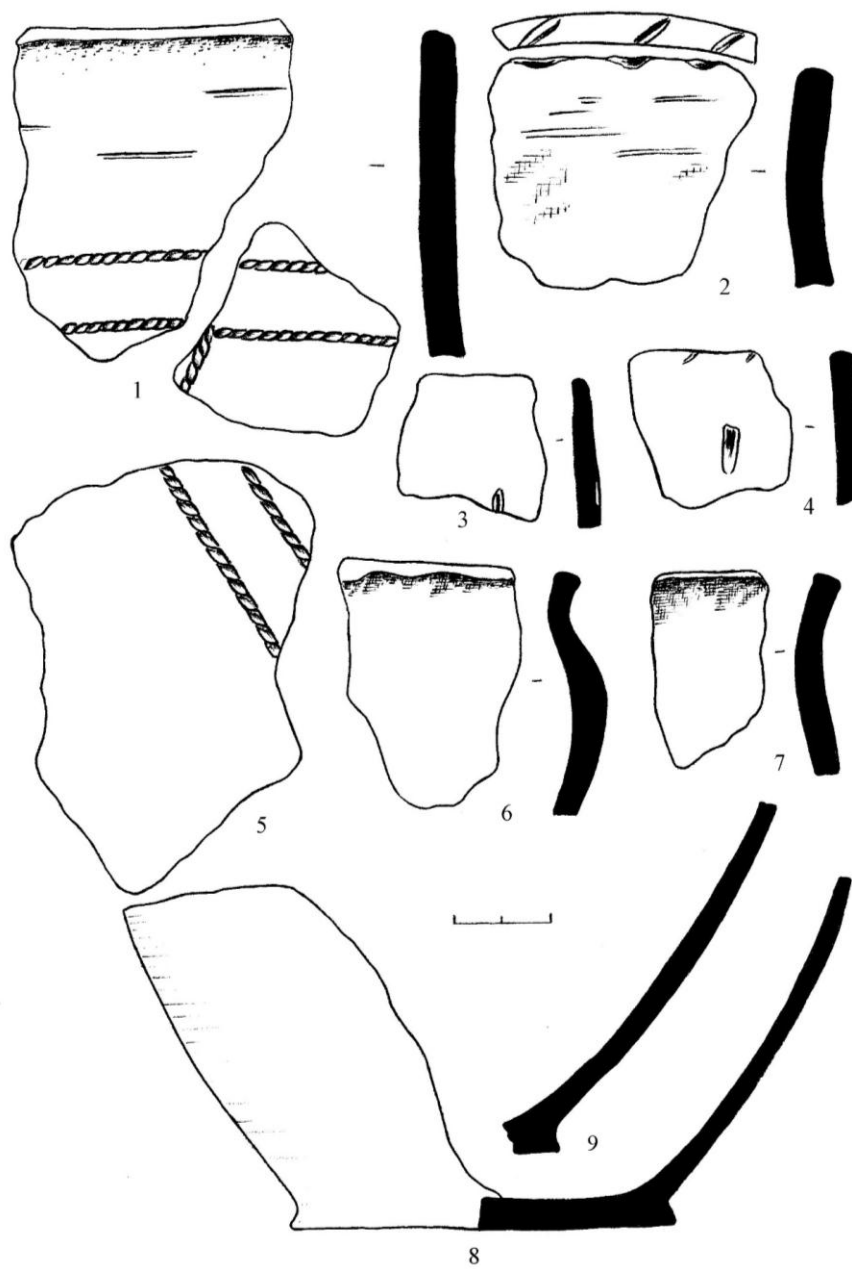

Рис. 33. Шапкино I, дона 5. Раскоп 2003 г. Керамика (1-9) из заполнения ямы 16.

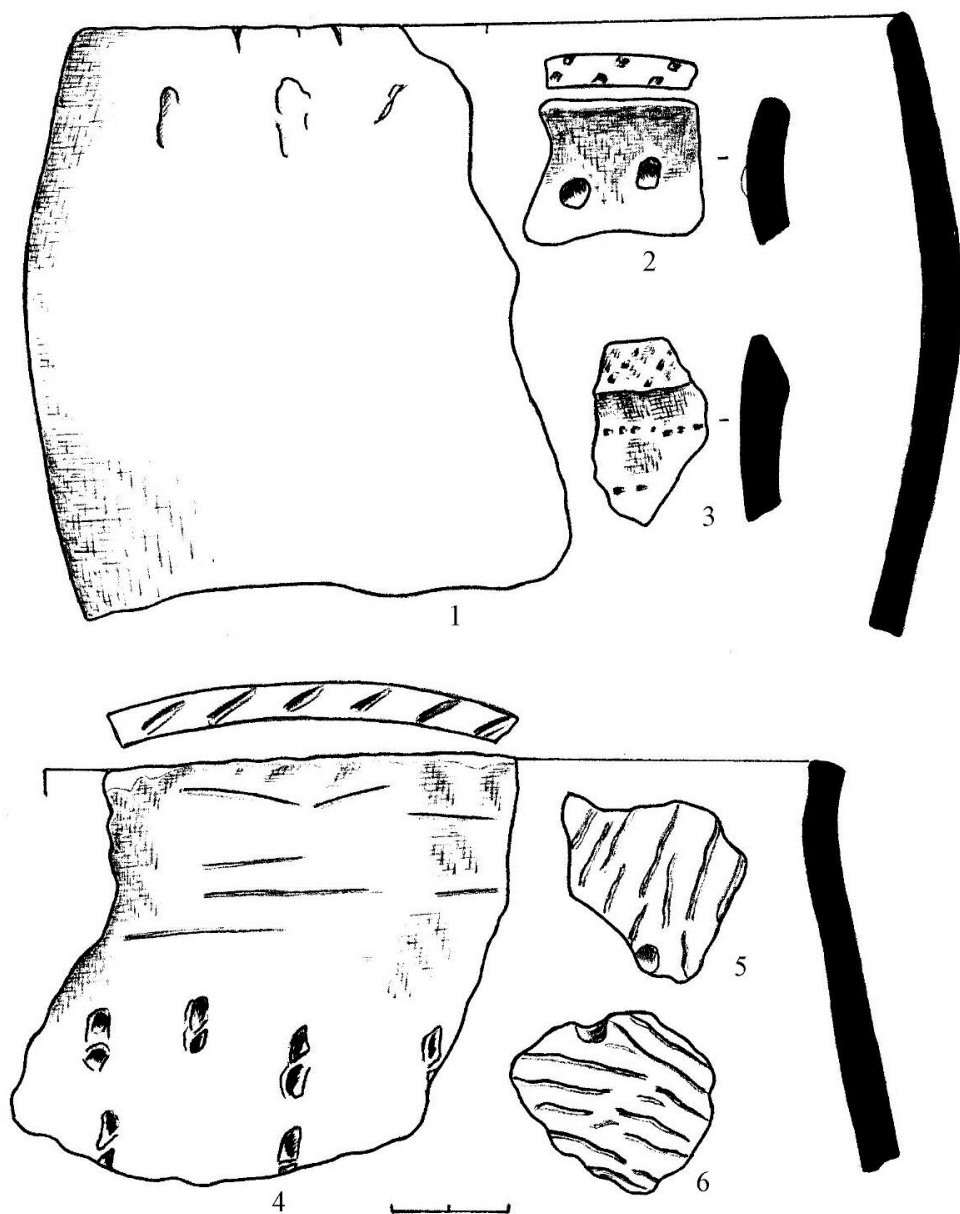

Рис. 34. Шапкино I, дна 5. Раскоп 2003 г. Керамика (1-6) из заполнения ямы 16.

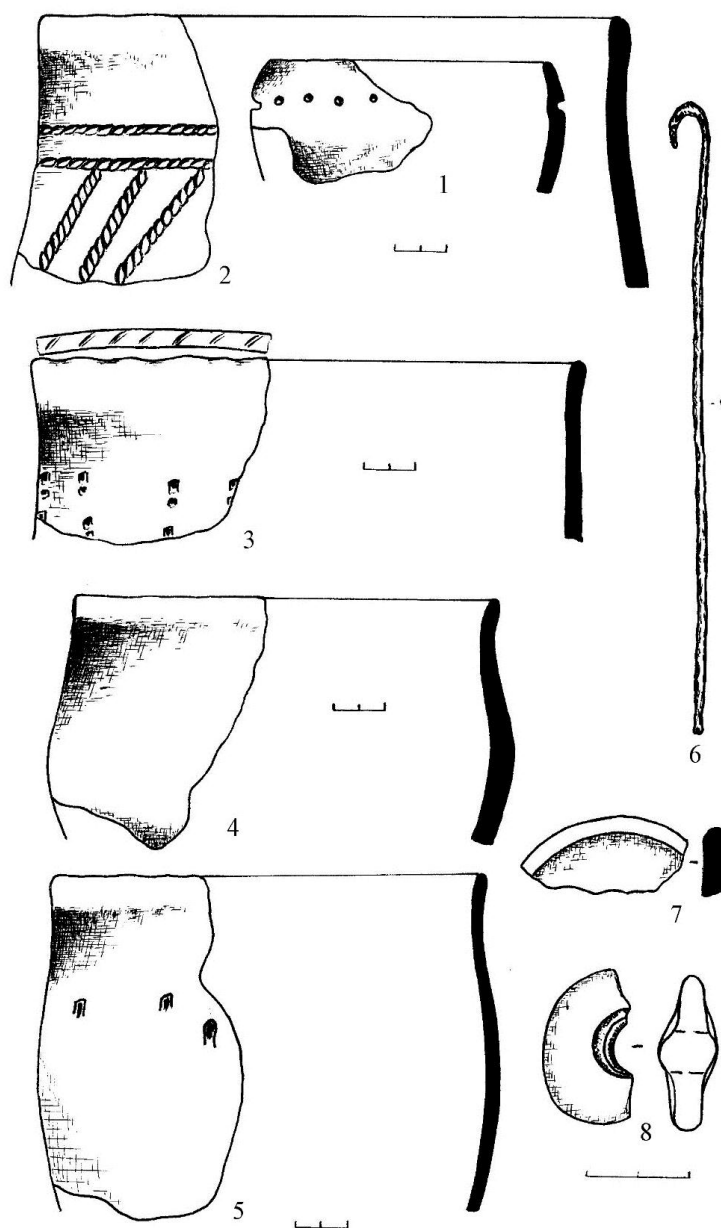

Рис. 35. Шапкино I, дюна 5. Раскоп 2003 г. Керамика (1-5), изделия из глины (7-8) из заполнения ямы 16, изделие из железа (6) из культурного слоя.

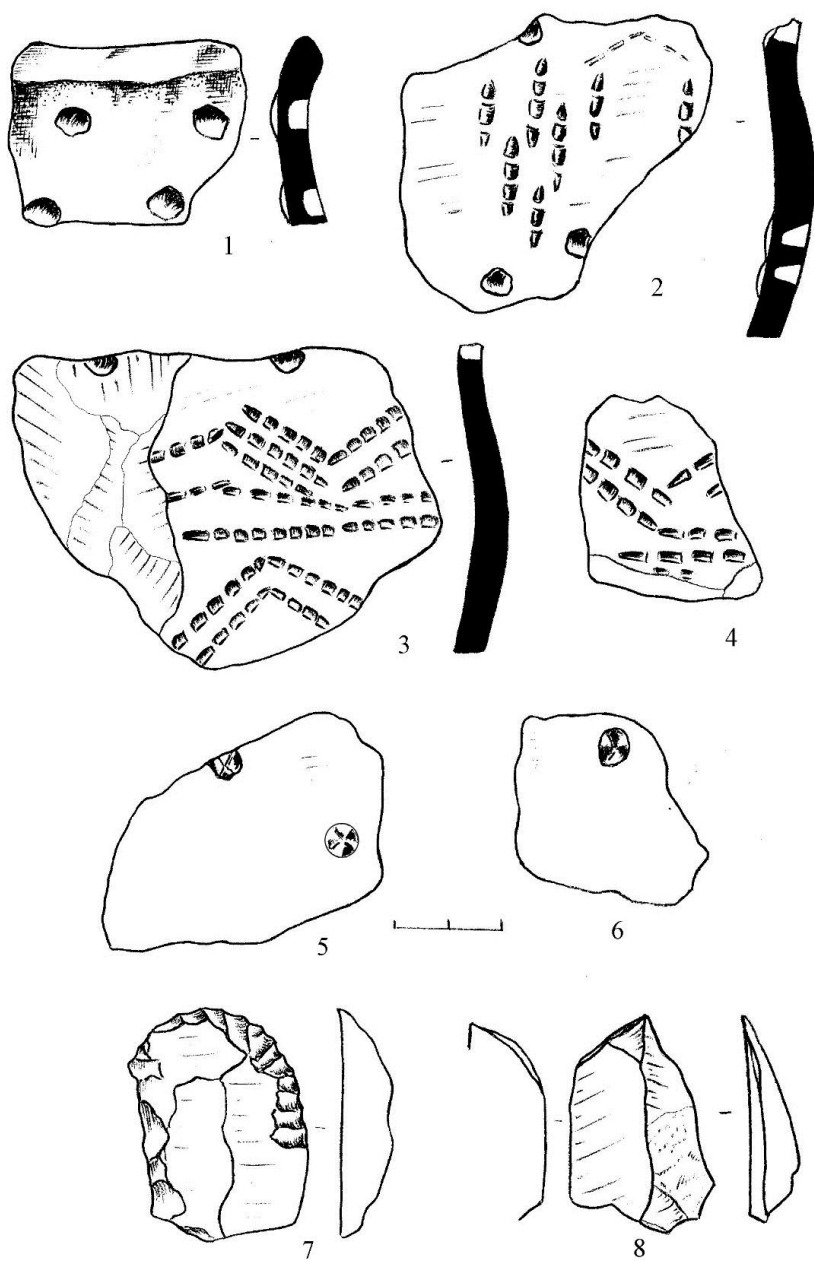

Рис. 36. Шапкино VII. Керамика (1-6), изделия из камня (7-8).

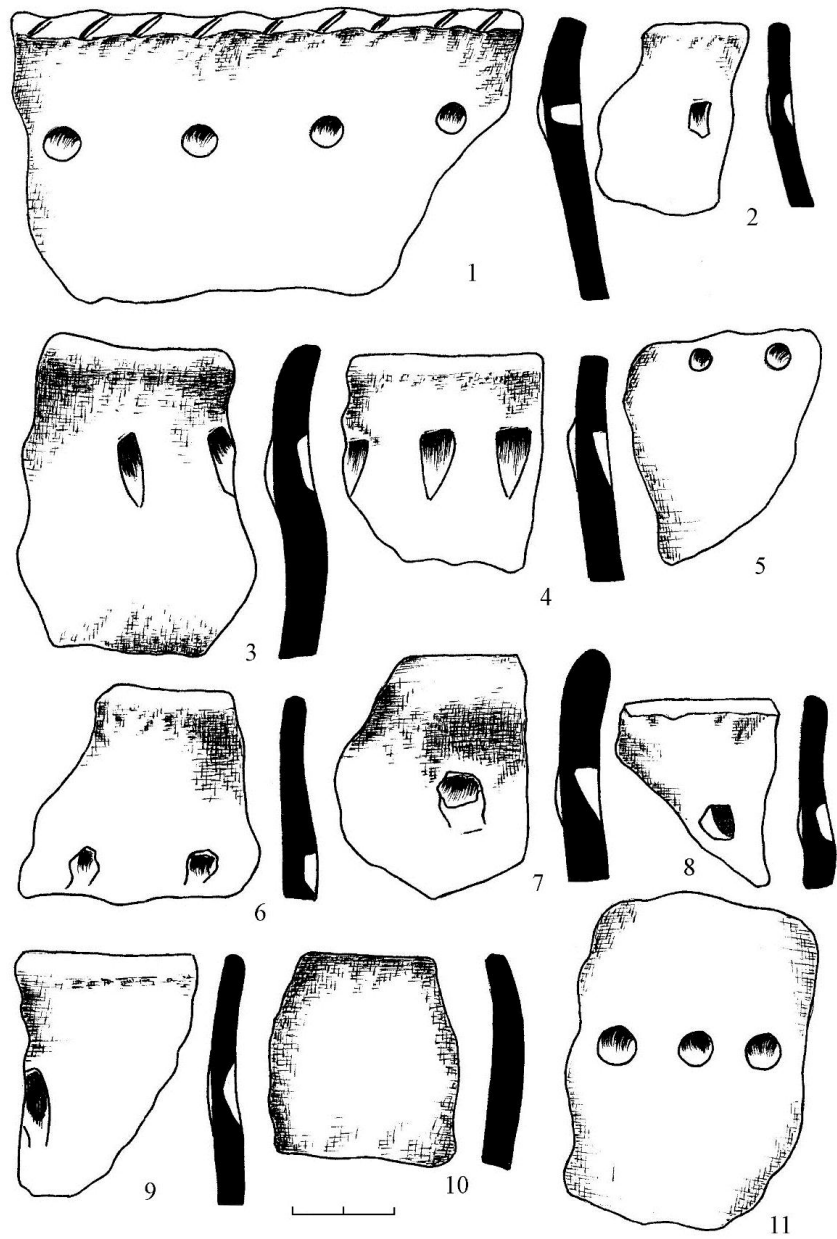

Рис. 37. Подгорное. Керамика (1-11) из слоя раскопа.

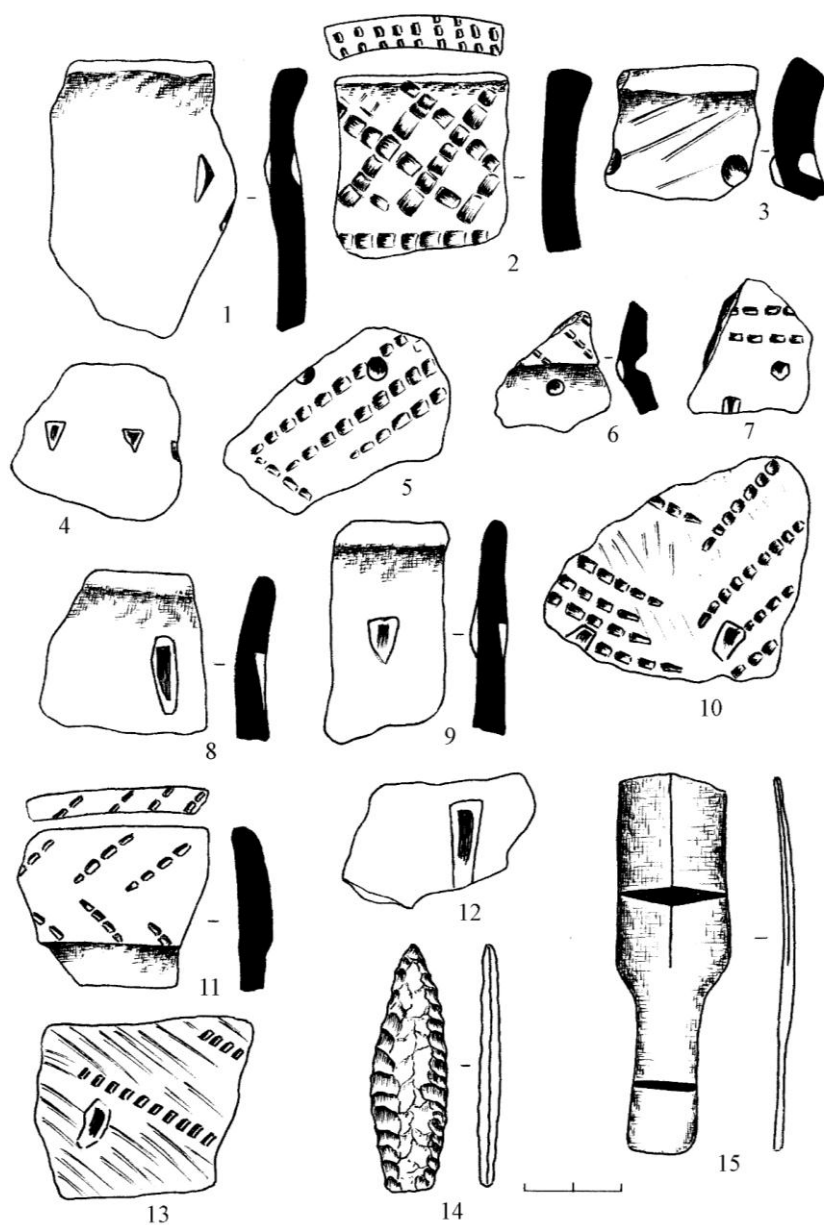

Рис. 38. Лосев Угол. Керамика (1-7), изделие из кремня (14) и бронзы (15);
Богатырка. Керамика (8-13).

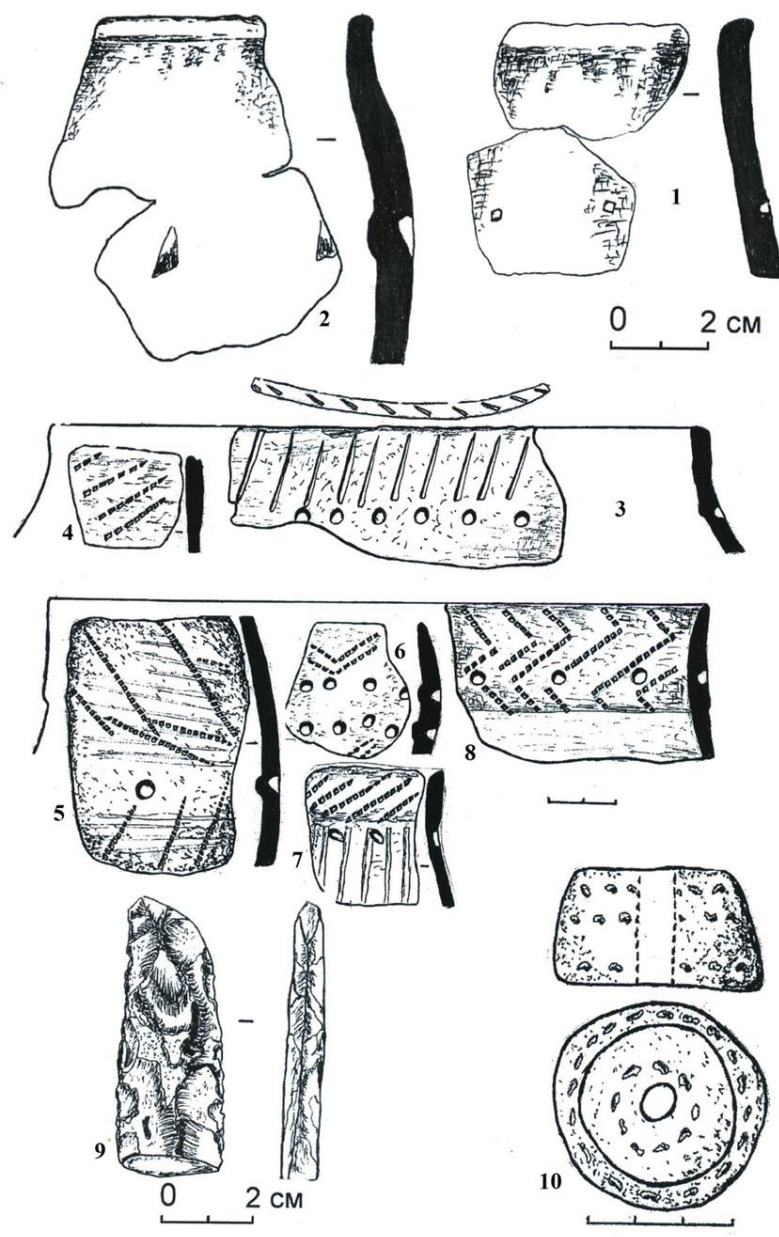

Рис. 39. Халины Пески 2. Керамика (1-8), изделие из кварцита (9), и глины (10).

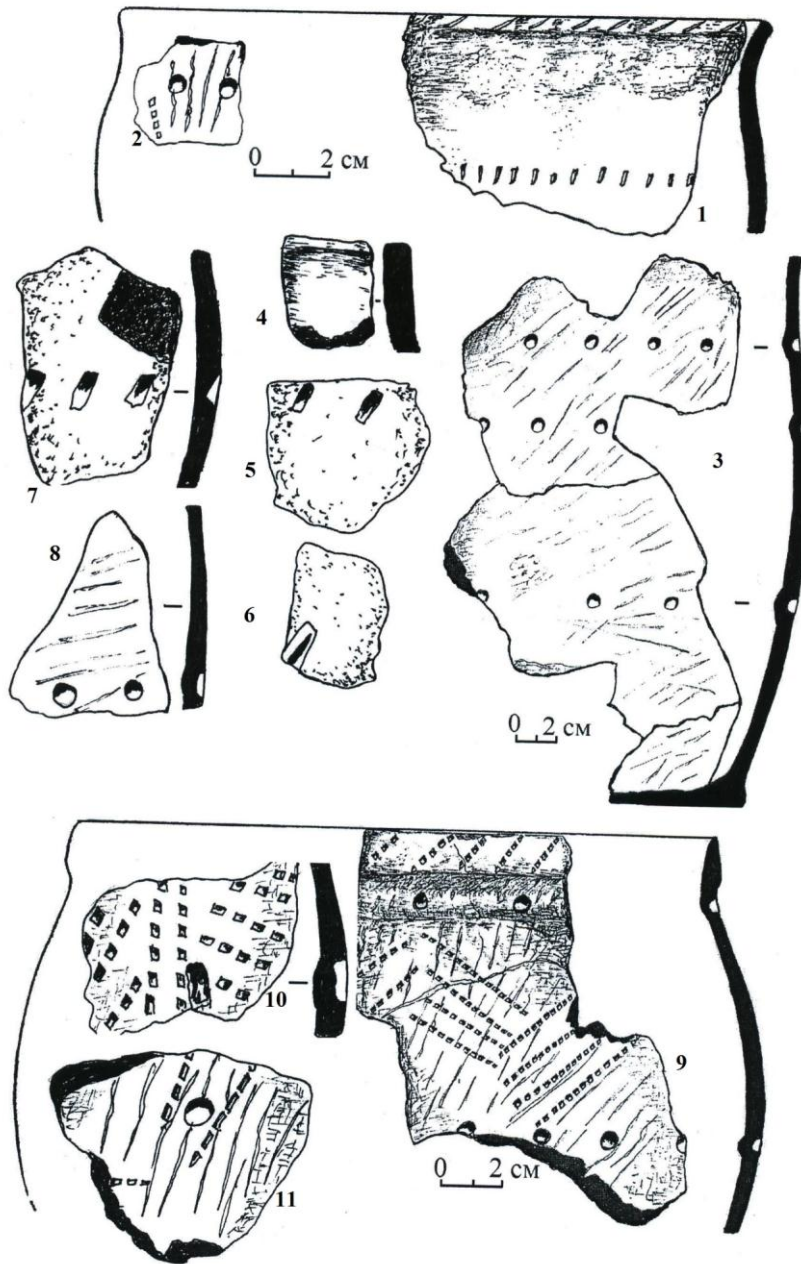

Рис. 40. Поташное. Керамика (1-8).

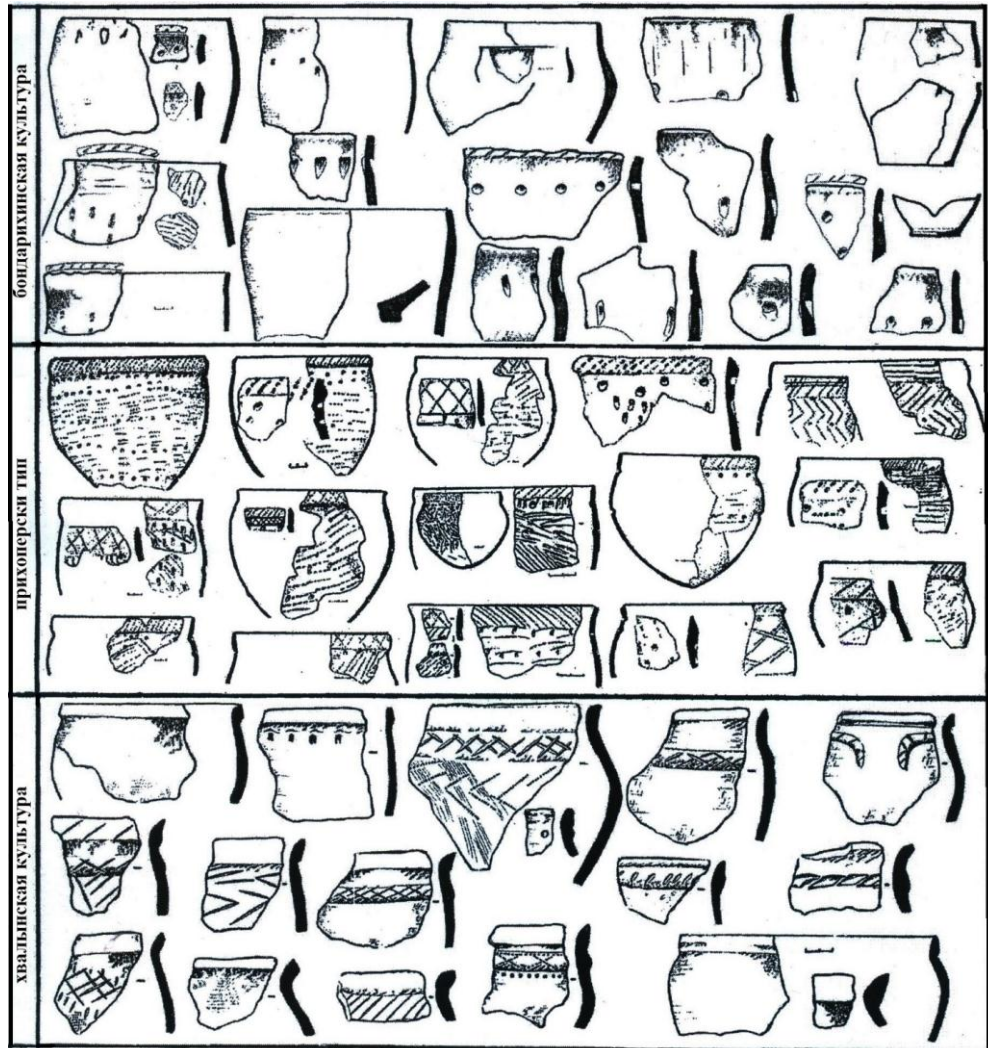

Рис. 41. Керамические комплексы финала эпохи бронзы на территории лесостепного Прихоперья.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 903.01(470.61)|637.5/637.7|
ББК 63.4(235.7)

Юдин А.И.

МАЛАЯ СОПКА. ПРЕДМЕТЫ ИЗ КАМНЯ И КОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛИ СПЕЦИФИКИ ПАМЯТНИКА

В работе рассматриваются материалы, полученные в результате раскопок в 2017 году памятника-святилища Малая Сопка в Октябрьском районе Ростовской области. Общие сведения о памятнике рубежа средней-поздней бронзы Малая Сопка уже введены в научный оборот. В данной статье рассматриваются изделия из камня и кости, обнаруженные в культурном слое, и отмечаются особенности, связанные с культовым характером памятника.

Ключевые слова: каменные орудия, изделия из кости, бабинская культура, рубеж средней-поздней бронзы.

Yudin A.I.

MALAYA SOPKA. STONE AND BONE ITEMS AS INDICATORS THE SPECIFICS OF THE MONUMENT

The paper considers the materials obtained as a result of excavations in 2017 of the monument-sanctuary Malaya Sopka in the Oktyabrsky district of the Rostov region. General information about the monument of the middle-late bronze age Malaya Sopka has already been put into scientific circulation. This article examines

stone and bone products found in the cultural layer, and notes the features associated with the cult character of the monument.

Keyword: stone tools made of bone, Babinski culture, the turn of the middle-late bronze age.

Культовое место Малая Сопка исследовалось в 2017 году. Краткие сведения о памятнике и его материалах представлены в нескольких публикациях [Юдин, 2019 а, 2019 б; Юдин, Кочетков, 2019 а, 2019 б]. На памятнике исследовано более 10 тыс. кв. м культурного слоя и выявлено 10 культовых комплексов в виде системы фигурных рвов с материалами поздней бабинской культуры. В данной работе приводятся сведения о комплексе каменных орудий и изделий, а также о немногочисленных находках из кости, которые дают представление о характере и особенностях материалов из культурного слоя, сформировавшегося на рубеже средней-поздней бронзы.

Памятник исследован на большей части своей площади, и, тем не менее, получена сравнительно небольшая коллекция керамики, если сравнивать его с обычным поселением, и еще меньше предметов из других материалов: камня, металла и кости.

Предметы из камня, в частности из кремня, равномерно распределены по площади памятника и составляют единый комплекс с керамикой. Это подтверждает обедненный набор категорий орудий, так как многие производственные процессы уже выполнялись орудиями из металла.

Всего найдено 35 предметов из кремня. Из них орудий с вторичной обработкой 11 экземпляров, нуклеусов и нуклевидных обломков – 12, остальные – сколы подправки нуклеусов, 1 заготовка нуклеуса, отщепы и сечения пластин. Часть последних, возможно, также использовалась в качестве орудий – на них заметна наведенная ретушь, образовавшаяся при работе. Без трасологического анализа грань между орудиями и отходами производства весьма условна.

Нуклеусы отщепные представлены всего двумя экземплярами. Один из них имеет подтреугольную форму; уплощен от сильной сработанности. Скалывание отщепов производилось с двух сторон. Изготовлен из темно-серого кремня с остатками тонкой галечной корки. Три грани нуклеуса имеют характерные заломы, вероятно, от вторичного использования в качестве скобящего орудия (рис. 1, 1).

Второй отщепной нуклеус ладьевидной формы, наоборот, находился в начальной стадии использования. В коллекции это наиболее крупный экземпляр из кремня. Его размеры 8,6 X 8,0 X 4,8 см. Изготовлен из темно-серого кремня с участками желвачной корки. Скалывание отщепов также произво-

дилось с двух сторон.

Нуклеусы пластинчатые в целых формах представлены тремя экземплярами. Один пластинчатый нуклеус пирамидальной формы имел слегка скошенную ударную площадку. Снятие пластин производилось с трех сторон, тыльная сторона плоская. Выполнен нуклеус из темно-серого качественного кремня. Высота нуклеуса 5,4 см, размер площадки 3,7 X 2,5 см (рис. 2, 1).

Второй нуклеус меньшего размера и уплощенной формы, возможно, полностью сработан при снятии коротких ножевидных пластин. Изготовлен из серого молочного кремня с остатками желвачной корки (рис. 2, 2).

Третий нуклеус в начальной стадии использования – на небольшой кремневой гальке подготовлена верхняя ударная площадка и произведено первичное двустороннее скалывание, придавшее гальке характерную клиновидную форму. Галька – темно-серый полупрозрачный кремень с остатками желвачной корки и «загаром» (рис. 2, 3).

Также имеется *галька-заготовка нуклеуса*. Галька серого кремня расколота пополам и вдоль. Галечная корка во внутренней структуре гальки, вероятно, послужила препятствием для дальнейшего использования заготовки (рис. 5, 1).

Есть три *нуклеовидных скола*: из серого молочного кремня с остатками галечной корки (рис. 2, 4); продольный скол серого кремня с пластинчатого нуклеуса с неровными спинкой и гранями, на дистальном конце – галечная корка (рис. 3, 2) и блокмок нижней части продольного скола нуклеуса из белого молочного кремня (рис. 3, 5).

Серия сколов подправки нуклеусов:

- трапециевидной формы из серого молочного кремня размерами 5 X 5,4 X 3,5 см (рис. 3, 9);

- скол подправки верхней площадки крупного нуклеуса из темно-серого полупрозрачного кремня с крупными фасетками приостряющей ретуши с брюшковой стороны (рис. 2, 8);

- скол подправки верхней площадки нуклеуса из серого кремня размерами 6,2 X 4,2 см (рис. 2, 7);

- скол подправки нуклеуса из светло-серого кремня с небольшим участком желвачной корки (рис. 3, 1);

- скол обработки нуклеуса из светло-серого кремня с остатками галечной корки (рис. 3, 3).

Сколы с нуклеусов:

- скол с отщепного нуклеуса из темно-серого полупрозрачного кремня (рис. 3, 6);

- скол с отщепного нуклеуса из молочно-серого кремня с остатками кремневой корки (рис. 2, 6);

- нуклевидный скол с участком кремневой корки (рис. 2, 5);
- скол серого кремня подпрямоугольной формы размерами 2,5 X 1,7 X 0,7 см.

Несмотря на наличие в коллекции пластинчатых нуклеусов, пластина с правильной огранкой найдена всего одна. Это дистальный обломок из светло-серого кремня (рис. 3, 11).

Отщепы более многочисленны (5 экз.), они из серого и молочного кремня, некоторые имеют галечную корку (рис. 3, 4, 7, 8, 12). На одном из тонких пластинчатых отщепов белого молочного кремня по дугообразному краю со стороны брюшка проходит мелкая краевая ретушь, образовавшаяся в процессе работы (рис. 3, 10).

Этим исчерпываются предметы первичного расщепления.

Орудия с вторичной обработкой типологически не составляют устойчивых серий, но не отличаются разнообразием категорий. Это орудия, как можно полагать из приводимых ниже аналогий, связанные с обработкой шкур.

Больше половины орудий – это скребки. Среди них выделяется концевой скребок на пластинчатом отщепе с высокой спинкой (рис. 4, 1). Его размеры 8,5 X 3,1 X 1,9 см. Ретушь нанесена на дистальном конце отщепа и по самой высокой части грани на спинке. Скребок выполнен из тёмно-серого кремня с переходом в молочно-светло-серый и с остатками желвачной корки по спинке.

Есть скребок совершенно атипичной формы. Он изготовлен на расколотой галке светло-серого молочного кремня. Лезвие на орудии выполнено под прямым углом к брюшку и спинке (рис. 4, 2).

Исходной заготовкой для скребков являлись любые продукты первичного расщепления. Это может быть скребок на кремневом сколе с высокой спинкой, где на дистальном конце притупляющей ретушью оформлено скребковое лезвие (рис. 4, 3). Или концевой скребок на пластинчатом сколе из светло-коричневого полупрозрачного кремня с остатками галечной корки на спинке орудия (рис. 4, 4). Такие орудия типичны для нео-энеолитического времени, бытовали они и позднее.

Встречен скребок на кремневом сколе нуклевидной формы из тёмно-серого крапчатого кремня с остатками корки (рис. 4, 8). На одной из граней со стороны спинки имеется нерегулярная ретушь.

Один из скребков на отщепе серого кремня с кремневой коркой обработан притупляющей ретушью на три четверти периметра (рис. 4, 6).

Вторую категорию составляют орудия со скобелевидными выемками. Типологически они тоже не выражены. Скобелевидные выемки оформлялись на одной из граней отщепа (рис. 4, 9), на широкой грани трапецевидного

скола (рис. 4, 10), или на пластинчатом отщепе светло-серого полупрозрачного кремня, где со спинки мелкой краевой ретушью оформлены две небольшие рабочие выемки (рис. 4, 11).

В коллекции также имеются два предмета с ретушью: отщеп с ретушью по дистальному (противоположному от ударного бугорка) краю (рис. 4, 5) и пластинчатый отщеп длиной 4,7 см, у которого мелкая краевая ретушь нанесена по одной из граней с брюшка.

Вышеописанные кремни распределяются по раскопочным слоям следующим образом: 1 слой – 7 экземпляров, 2 слой – 10, 3 слой – 11, 4 слой – 7. Статистическая выборка, конечно, мала, но в целом распределение камня указывает принадлежность к одному комплексу и тяготение к 3 раскопочному слою, что полностью совпадает с остальными категориями находок.

Планиграфически каменные изделия располагались в центральной и южной частях раскопа, то есть, в месте расположения комплексов ровиков.

Из некремневых пород камня найдено 16 предметов: 1 из кварцита, по 5 экземпляров из сланца и песчаника, по 2 – галька и неопределенная порода, 1 изделие из мелового камня.

Из серого кварцита изготовлен отбойник подтрапециевидной формы, клиновидный в сечении. Рабочими являются три торцевые грани, на четвертой – выровнена площадка-пятка для удобства захвата рукой. Следы забитости есть и по краям пятки. На плоских сторонах сохранились остатки желвачной корки серо-коричневых цветов. Размеры 8,5–7 X 9–7 см, толщина – до 6 см (рис. 5, 5). находка отбойника косвенно свидетельствует в пользу расщепления камня непосредственно на памятнике.

Найдено три шаровидных боласа – один из мелового камня со сточенной вершиной диаметром около 5,2 см и два из белого (первоначально) песчаника диаметром около 4 см и 4,5 см (рис. 5, 2).

Из светло-серого песчаника была изготовлена зернотерка-плита подквадратной формы. Размеры 20 X 22 см, толщина 10 см. Углы и грани округлые, один угол отбит по диагонали. Рабочая плоскость округлая, плавно заглублена к центру на 1,7 см (рис. 5, 6). Плита занимала центральное место среди трех камней, выложенных в ряд (объект 5), и была перевернута нижней плоской частью вверх.

Две абразивные плитки также были выполнены из песчаника. Одна плитка из песчаника серо-желтоватого цвета имела трапециевидную форму. Рабочими являлись обе плоскости и все торцы плитки. Размеры 13,6 X 6,4–7,8 X 2,5 см (рис. 5, 7). Другая плитка – из ожелезнённого песчаника красновато-коричневого цвета. Рабочие участки – один из торцов и три боковые грани верхней площадки. Размеры 11,3 X 7 X 6 см (рис. 5, 8).

Из шлифованных орудий в первую очередь привлекает внимание топор (?), выполненный на крупной гальке из плотной мелкозернистой породы серо-зеленоватого цвета. Орудие клиновидное в сечении из-за сильной пришлифовки одного конца гальки. Пришлифовке также подвергнуты боковые стороны. На брюшковой стороне по длинной грани есть следы забитости, а также на обоих торцах, в результате чего образовались сколы. Размеры 21 X 5,8 X 7,8 см (рис. 5, 4).

Из гальки плотной породы серо-зеленого цвета был изготовлен и один из пестов. С «брюшка» пест уплощен, со стороны «спинки» сохранилась округлость гальки с естественным выступом. Нижний плоский рабочий конец гальки отсечен и заполирован от работы. Верхняя округлая часть тоже заполирована. Нижняя рабочая плоскость также использовалась в качестве отбойника, на что указывает забитость по всему периметру. Размеры орудия 11,2 X 6,8 X 3,5 см (рис. 6, 1).

Второй пест – из плотной мелкозернистой породы серо-зеленоватого цвета. Торцевая часть и плоские боковые грани заполированы. Верхний торец использовался в качестве отбойника. На одной стороне сохранилась желвачная корка светло-коричневого цвета. Размеры 10 X 6,8 X 4,9 см (рис. 5, 3).

Еще один предмет с заполировкой, вероятно, является заготовкой под тесло (рис. 6, 4). Плотный темно-серый камень в виде плитки трапециевидной формы. По всему периметру торцы заполированы. Размеры 6,9 X 4,7 X 2,9 см.

Несколько предметов изготовлены из сланца. Это пластинчатое орудие из черного сланца. С брюшковой стороны, по одному из краев нанесена мелкая притупляющая ретушь (рис. 6, 3).

Из темно-серого сланца изготовлены две длинные и узкие абразивные плитки. На первой заполированы одна из плоскостей, одна торцевая грань и одна продольная грань. Длина абразива 13 см, ширина 4,8 см, толщина 1 см (рис. 6, 2). На второй абразивной плитке заполированы верхняя и нижняя плоскости, а один из узких концов приострен с обеих сторон (рис. 6, 6).

Найдена заготовка каменного пряслица из серого сланца. Предмет округлой формы со специально обломанными краями и начатой сверлиной в центре с одной стороны. Диаметр предмета 5,6–5,8 см. Толщина 0,7 см (рис. 6, 5). В коллекции имеется абразивная плитка подпрямоугольной формы из плотной мелкозернистой породы серого цвета. Рабочей являлась верхняя плоскость, заполированная длительным использованием. Размеры 18,5 X 7 X 5,5 см.

Этим исчерпывается коллекция каменных орудий и изделий Малой Сопки. Предметы, разделенные на две группы: кремневые и из других пород камня, – показывают следующую картину. Орудия из некремневых пород –

абразивы, песты, зернотерки (?), тесла – являются обычными атрибутами в комплексах эпохи средней и поздней бронзы. Подобные орудия и изделия (рис. 5, 3–8) можно «a priori» считать синхронными керамике из культурного слоя. Изделия из кремня могут иметь намного более широкий хронологический диапазон. Теоретически кремневые находки можно отнести ко времени неолита, предполагая, что культурный слой этого времени уничтожен хозяйственной деятельностью населения эпохи бронзы. Подобные случаи общеизвестны, а в некоторых регионах памятники со смешанными слоями составляют большинство.

При достаточной выборке кремневых изделий, когда в коллекции имеются датирующие предметы (хотя бы и в рамках эпохи), они не рассматриваются как синхронные позднейшей керамике, например, на ближайшем в территориальном плане поселении «Почтовое» в Октябрьском районе. Здесь немногочисленные каменные орудия (нуклеусы, скребки, сегмент, пластины и отщепы) легко отчлениваются от основного комплекса керамики эпохи поздней бронзы (донской срубной культуры) [Цыбрий, Ларенок, 2009. С. 50–55].

Как показывает практика, на памятниках неолитического и энеолитического времени с разновременной и часто разнокультурной керамикой, выделить соответствующие им комплексы каменных орудий практически невозможно и каменная коллекция обычно описывается и характеризуется в целом. На Малой Сопке нет кремневых предметов с ярко выраженными культурно-хронологическими индикаторами, как нет и керамики неолитического времени. В верхнем уровне культурного слоя Малой Сопки встречаются редкие находки РЖВ и средневековья. Следовательно, описанный выше материал из кремня можно связывать только с керамикой эпохи бронзы. Конечно, стоит принимать во внимание мнение исследователей, что «даже на материалах однослойных поселений доказать безусловность соответствия кремневых комплексов керамике – задача не всегда выполнимая» [Ветров, 2005. С. 9]. Однако характеристика кремневого комплекса Малой Сопки не дает оснований выводить его хронологию за пределы эпохи бронзы.

В первую очередь, следует отметить, что каменная индустрия региона хорошо изучена на таких эталонных памятниках неолита и энеолита, как Ракушечный Яр, Раздорские стоянки, Константиновское поселение. Какое-либо корректное сравнение с Малой Сопкой здесь провести невозможно, как ввиду малого количества находок на последней, так и вследствие явного несовпадения набора категорий орудий.

Находки каменных орудий на поселениях эпохи бронзы встречаются достаточно часто, хотя и включают всего несколько категорий орудий. С.Н. Братченко для катакомбных поселений отмечает наличие в кремневых

сериях только скребков, редких отщепов с плоской ретушью, наконечников стрел и дротиков и объясняет эту неполноту набора использованием металлических орудий [Братченко, 1995. С. 80, 84]. Находки кремневых изделий отмечены на всех катакомбных поселениях Восточной Украины и здесь также подчеркивается выраженная неразвитость кремневой индустрии «за исключением специально изготовленных качественных наконечников дротиков, серпов, мясного ножа на пластине», свидетельствующая о преобладании металлических орудий труда [Санжаров, 2010. С. 372].

Использование населением кремня отражено и в погребальных памятниках. В погребениях, близких по времени к Малой Сопке, встречаются кремневые предметы, как единичные находки пластин и скребков (Керчик, кург. 16, погр. 21), так и в виде комплексов (Керчик, кург. 16, погр. 5). В последнем случае это погребение-кенотаф мастера по изготовлению стрел [Парусимов, 1999. С. 20–21, рис. 45, 8; 46, 2; 42, 3, 4; 43, 5; 44, 1–10, 13, 14; Кулик, 1997. С. 48–49]. Для нас представляют интерес кремневые изделия. В основном это отщепы и заготовки для наконечников стрел. Отщепы крупные, пластинчатые, из разнородного по цвету и составу сырья, – соответствуют поселенческим материалам.

Интересная подборка каменных орудий на крупных пластинчатых отщепах – ножи, скребки, стамески, скобель, – всего 7 предметов, в том числе нож на первичном отщепе, происходит из раннекатакомбного погребения Краснозоринского могильника (курган 1, погребение 3) в Луганской области [Санжаров, Бритюк, 1996. С. 65, 66, рис. 5]. По своим технико-типологическим характеристикам они также идентичны многим находкам на поселениях.

Практически всегда в коллекциях кремневых изделий на поселениях средней и поздней бронзы доминируют только две категории орудий – скребки и ножи. В.В. Килейниковым выполнена работа по определению функционального назначения кремневых орудий с поселенческих памятников лесостепного Подонья. Трасологическому анализу подвергнуто 14 каменных орудий бронзового века. Из них 9 орудий – скребки на отщепах и пластинчатых отщепах – происходят из культурного слоя поселений, и все они были предназначены для обработки шкур [Килейников, 2009. С. 96–99].

Именно такую картину обедненного набора категорий каменных орудий мы наблюдаем на Малой Сопке, что дает веские основания для синхронизации кремневых изделий с керамическим комплексом. Более того, на Сопке нет ни одного кремневого наконечника стрелы или дротика, – только скребки и орудия со скобелевидными и режущими кромками. То есть, комплекс усечен даже по сравнению с ограниченным набором кремневых изделий поселенческих и погребальных памятников средней и поздней бронзы.

Еще одна особенность Малой Сопки – незначительное количество находок относительно исследованной площади памятника. Если ориентироваться на подборку примеров количества каменных орудий на поселениях региона, приведенную в статье С.Н. Братченко о соотношении каменной и бронзовой индустрий, то можно сразу заметить, что на поселениях средней и поздней бронзы ограниченное количество каменных орудий всё равно значительно больше относительно находок, обнаруженных в слое Малой Сопки. Так, «на эпонимном для культуры поселении Бабино III на Нижнем Днепре на площади 500 кв. м (половина поселения) найдены лишь 4 скребка, 1 отщеп с ретушью, 3 наконечника стрел и 1 наконечник дротика, нуклеус и 16 отщепов» [Братченко, 1995. С. 87]. На Малой Сопке наконечников стрел и дротиков нет, а на площади 10 000 кв. м найдены всего 35 предметов из кремня. Простейшие расчеты показывают, что на Сопке более чем в 10 раз меньшее количество кремневых предметов на единицу исследованной площади, нежели на поселении Бабино III.

Аналогичные расчеты можно произвести и для других поселений, например, для двух достаточно полно исследованных поселений на Луганщине, синхронных Малой Сопке (Проказинское и Алешин Ручей). На Проказинском поселении из общей площади около 1000 квадратных метров исследовано 390. Найдено 139 кремневых изделий. 111 из них – отходы производства. Изделия с вторичной обработкой представлены нуклеусами, скребками, отщепами с нанесенной ретушью и ретушью, образовавшейся в процессе работы [Санжаров, 2010. С. 57, 70–71, рис. 32]. На поселении Алешин Ручей, на исследованных 712 кв. м. площади, обнаружены и отнесены к находкам катакомбного времени 414 изделий из кремня и кварцита: нуклевидные обломки, бифасный серп, наконечники и обломки дротиков, ножи, скребки на отщепах, отщепы и обломки (54 экз.) с ретушью и следами утилизации [Санжаров, 2010. С. 71, 87–89, рис. 46, 47]. Здесь разница в количестве находок кремня на единицу площади уже на порядок больше.

Конечно, можно сделать поправку на слабую насыщенность культурного слоя на периферии памятника. Но на Сопке исследована раскопом практически вся центральная часть памятника с десятью ритуальными комплексами, располагавшегося по гребню небольшой пойменной возвышенности. Судя по рельефу местности, мощности и насыщенности культурного слоя в бортах раскопа, не исследованными остались не более 2,5–3 тыс. кв. м. слоя на юго-восточной периферии памятника. Предполагаемые находки на этом крайнем участке вряд ли изменят общую картину, поскольку исследованные северо-западные крайние участки показали минимальную насыщенность культурного слоя артефактами.

Незначительное количество кремней на Малой Сопке также указывает на не совсем обычный характер памятника, который предполагает совсем другой набор артефактов (как и сооружений), нежели на обычном поселении.

Еще более показательны сравнения для предметов из кости, находки которых на Сопке единичны. Коллекция изделий и орудий из кости также немногочисленна для памятника эпохи бронзы, вскрытого на площади более 10 тыс. кв. м.

Остеологическая коллекция памятника обработана старшим научным сотрудником отдела природы Ставропольского музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, кандидатом биологических наук А.К. Швыревой¹. Из 2300 обломков костей из культурного для научной обработки и остеологического анализа было отобрано 956 экземпляров разной степени сохранности.

Отмечено, что материал очень перемешан и разрознен. Отсутствуют черепа животных, очень мало целых костей конечностей, много разрозненных зубов, а большинство костей разбиты, что, очевидно, является следствием того, что в пищу использовалось не только мясо животных, но и костный мозг. Часть костей несут следы воздействия огня, некоторые кости имеют признаки погрызов, оставленных, вероятно, собаками.

Наиболее многочисленны костные остатки крупного рогатого скота, которые составляют 54,91%. Материал по лошадям очень скуден и фрагментарен – 325 костных остатков, что составляет 33,99% от общего количества костей; встречена 1 путовая кость, принадлежавшая ослу.

Остатки мелкого рогатого скота составляют всего 6,27% среди домашних животных, остатки домашней свиньи немногочисленны – 4,28% от общего количества костей.

По итогам остеологического анализа сделан вывод, что хозяйство оседлого (находки костей домашней свиньи) населения основывалось на пастушеском скотоводстве, а всего 7 костей диких животных (зубр, олень, кабан) предполагают незначительную роль охоты в хозяйстве.

В любом случае, костного сырья для орудий было достаточно, но при этом в слое найдено всего 5 изделий из кости, что ничтожно мало относительно исследованной площади.

Орудия представлены двумя *костяными тупиками* из нижних челюстей животных (рис. 7, 2, 3). В результате длительного использования орудий стенки челюстных ветвей приобрели ярко выраженную залощенность. Кроме того, первичная заготовка одного из орудий была подвергнута обработке не

¹ Полностью результаты остеологического анализа будут опубликованы отдельно.

только по рабочим лезвиям, но и с внешней стороны для удобства хвата (рис. 7, 2).

Костяные тупики, изготовленные из нижних челюстей крупного рогатого скота и, намного реже, лошадей, являются одной из наиболее массовой находок среди костяных орудий, встречаемых на поселениях эпохи бронзы. Например, сводка таких изделий для территории лесостепного Подонья, представленная в работе В.В. Килейникова, насчитывает 130 экземпляров [Килейников, 2009. С. 101–107]. Эти орудия являются обычными и для поселений эпохи бронзы Нижнего Дона. Ближайшая территориальная аналогия – тупик из заполнения котлована срубной постройки на поселении Ягодинка 2 [Цыбрий, 2009. С. 164, рис. 4, 8].

Функциональное назначение еще трёх находок из кости определить сложно.

Костяное изделие подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами. Торцы изделия по всему периметру заполированы. В центральной части высверлено круглое отверстие диаметром 4 мм. Губчатое вещество с внутренней части кости срезано и слегка залощено. На внешней стороне прорезана одна поперечная линия. Размеры изделия: 3,3 X 2,9 X 0,2 см. Функциональное назначение изделия не ясно. Больше всего по форме оно напоминает пряжку, но не может быть таковой из-за своих малых размеров и очень небольшой толщины (рис. 7, 1).

Подобные изделия, правда, круглой формы с центральным отверстием и одним-двумя периферийными отверстиями называются по-разному: медальоны, бляхи-медальоны, подвески. Пряжками их не считают, ввиду их хрупкости и слабых следов изношенности на краях центрального отверстия [Усачук, 2011. С. 210–211; Литвиненко, 1996. С. 46–50]. Обычно их находят в погребениях конца средней – начала поздней бронзы, но встречаются они и на поселениях [Гак, 2011].

Изделие из Сопки отличается от этих медальонов своей подпрямоугольной формой и наличием только одного небольшого центрального отверстия. Два аналогичных медальона с одним центральным отверстием известны из позднедонецких катакомбных погребений в Ростовской области: Другой I, кург. 1, погр. 11 и Мокрый Волчик I, кург. 3 погр. 2. Но они, все же, намного толще в сечении, их отверстия большего диаметра, форма – округлая и подквадратная [Рогудеев, 2001. С. 108, рис. 1, 4, 5].

Костяное орудие с четырьмя сквозными отверстиями, изготовленное из лопатки (?) животного. На шейке лопатки, сразу под суставным углом сделаны два глубоких выреза, поверхность кости обработана, края закруглены. На шейке просверлены четыре сквозных отверстия, по двум из которых в древности произошел облом предмета. Под одним из отверстий была сделана выемка в кости для уменьшения её толщины. Узкие грани длинных сторон за-

лощены (рис. 6, 5). Лопатки КРС использовались в эпоху бронзы в качестве лоцил по коже [Усачук, 2011. С. 208], но в данном случае мы не имеем полной формы орудия. Сквозные отверстия на орудии по диаметру и характеру сверления соответствуют отверстиям на еще одной категории орудий кожевенного производства – коньках-гладильниках (ножных лоцилах по коже), которые изготавливались из плюсовых, пястных и голенных костей лошади, кости предплечья лошади и лучевых костей КРС [Усачук, 1995. С. 89; Килейников, 2009. С. 111]. Возможно, находка из Малой Сопки – один из вариантов таких гладильников, через отверстия которого продевались ножные крепления.

Путовая кость лошади с отверстием. В наиболее широкой части кости, в верхнем основании, в поперечном направлении просверлено сквозное отверстие. Ширина входного отверстия 1,5–1,8 см; во внутренней части канал отверстия сужается до 0,8 см. Вся остальная поверхность кости обработке не подвергнута (рис. 7, 3).

Среди памятников рубежа средней-поздней бронзы в регионе аналогии путовой кости лошади с просверленным отверстием в подобном месте мне неизвестны, можно только предполагать ее использование в качестве подвески. Фаланги конечностей крупных животных с пробитыми отверстиями являются достаточно частыми находками на поселениях рубежа средней и поздней бронзы [Санжаров, 2004. С. 17, рис. 4, 16; с. 32, рис. 12, 14; с. 53, рис. 25, 7, 8], но обычно отверстия именно пробиты, а не просверлены, в центральной, наиболее тонкой части фаланги и имеют намного больший диаметр.

Единственная, относительно близкая территориально, аналогия находится среди позднесабатиновских материалов Дремайловского поселения в Херсонской области на юге Украины [Самар, 1998. С. 136, рис. 4, 4].

Анализ изделий из камня и кости из культурного слоя Малой Сопки показал, что при наличии категорий предметов, имеющих широкое распространение на поселенческих памятниках средней и поздней бронзы Нижнего и Среднего Дона, состав комплексов кремня и кости имеет свои особенности.

Во-первых, несмотря на утилитарный характер описанных изделий из камня, количество их весьма невелико относительно аналогичных находок на синхронных поселениях рубежа средней и поздней бронзы. Находок из кремня и других пород камня немного и по сравнению с количеством керамики на Малой Сопке.

Во-вторых, наличие всего двух основных категорий орудий из кремня – скребки и отщепы с ретушью и скобелевидными выемками. Всеми исследователями отмечается ограниченность набора кремневых орудий на поселениях средней и поздней бронзы, вызванная широким использованием металла, но все же на поселенческих памятниках всегда в комплексах имеются орудия с двусторонней обработкой (ножи, наконечники стрел и дротики), использо-

вание которых в это время подтверждается и составом погребального инвентаря в курганных захоронениях.

Ситуация по изделиям из кости аналогична. Состав стада домашних животных, определенный по костным остаткам из культурного слоя Малой Сопки, характерен для поселений средней и поздней бронзы. Кость широко использовалась для изготовления орудий кожевенного производства. Но на Малой Сопке, при отсутствии недостатка в сырье, найдено всего пять предметов из кости, что никак не соответствует поселениям этого времени, исследованным на гораздо меньшей площади. Кроме того, как уже сказано выше, отмечена особенность набора костей, среди которых отсутствуют черепа животных, мало целых костей, большинство костей разбиты.

Культовый характер Малой Сопки определен по наличию ритуальных комплексов при полном отсутствии жилищ, хозяйственных ям и даже очагов [Юдин, Кочетков, 2019. С. 150-151]. Своеобразный состав изделий из камня и кости, отличающийся от материалов из культурного слоя синхронных поселений, подтверждает специфический характер памятника-святилища Малая Сопка.

Литература:

Братченко С.Н. Соотношение каменной и бронзовой индустрий в энеолите и бронзовом веке // *Донские древности* / отв. ред. С.И. Лукьяшко. Азов, 1995. Вып. 4.

Ветров В.С. Проблемы анализа кремнеобработки в эпоху камня и бронзы (по материалам Донбасса) // *Проблемы эпохи бронзы Великой степи*. Луганск, 2005.

Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М., 2011.

Килейников В.В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // *Археология Восточно-Европейской лесостепи* / отв. ред. В.И. Сафонов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009.

Кулик С.Ю. Инструментарий мастера-лучника из погребения катакомбной культуры Нижнего Дона // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории южнорусских степей*. Матер. межд. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау. Саратов, 1997.

Литвиненко Р.А. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи*. Тез. докл. конф. Воронеж, 1996. Вып. 2.

Парусимов И.Н. Археологические исследования у х. Озерки в 1988–1989 гг. // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Азов, 1999. Вып. 4.

Рогудеев В.В. Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. конф. Оренбург, 2001.

Самар В.А. Дремайловское поселение эпохи поздней бронзы на юге Украины // Археологические вести, 1998. № 5.

Санжаров С.Н. Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней-поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. Луганск, 2004.

Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней-поздней бронзы. Луганск, 2010.

Санжаров С.Н., Бритюк А.А. Краснозоринский курганный могильник в бассейне Лугани // Древние культуры Восточной Украины (проблемы изучения и правовой охраны археологического наследия) / под ред. С.Н. Санжарова. Луганск: Изд-во ВУГУ, 1996.

Усачук А.Н. Анализ костяных изделий поселения срубной культуры Безыменное-II, Украина // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Мат. пленума ИИМК. СПб, 1995.

Усачук А.Н. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона / В кн.: Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М., 2011.

Цыбрий Т.В. Исследование поселения Ягодинка 2 в Октябрьском районе Ростовской области в 2007 г. // Археологические записки / ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 6.

Цыбрий Т.В., Ларенок П.А. Итоги исследования поселения «Почтовое» в Октябрьском районе Ростовской области в 2007 г. // Археологические записки / ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 6.

Юдин А.И. Раскопки поселений в Ростовской области и Краснодарском крае // Археологические открытия. 2017 год. М.: Институт археологии РАН, 2019.

Юдин А.И. Поселение Малая Сопка (предварительное сообщение) // Археология как жизнь: сборник статей памяти Е.П. Мыськова. Волгоград: «Сфера», 2019.

Юдин А.И., Кочетков Ю.Е. Ритуальные комплексы поселения Малая Сопка (предварительное сообщение) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2019. Вып. 15.

Юдин А.И., Кочетков Ю.Е. Культурные комплексы поселения Малая Сопка рубежа среднего-позднего бронзового века // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Матер. междунар. конф. СПб, 2019. Том II.

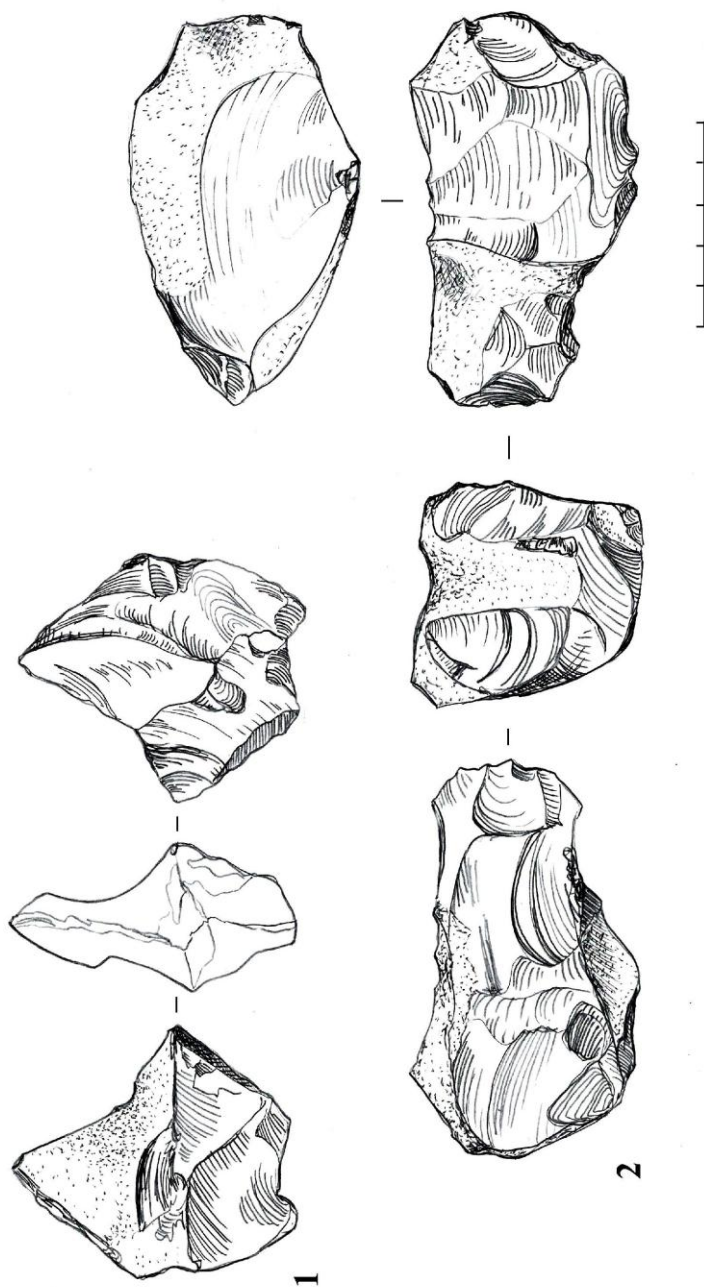

Рис. 1. Малая Сопка. Нуклеусы. Кремьнь.

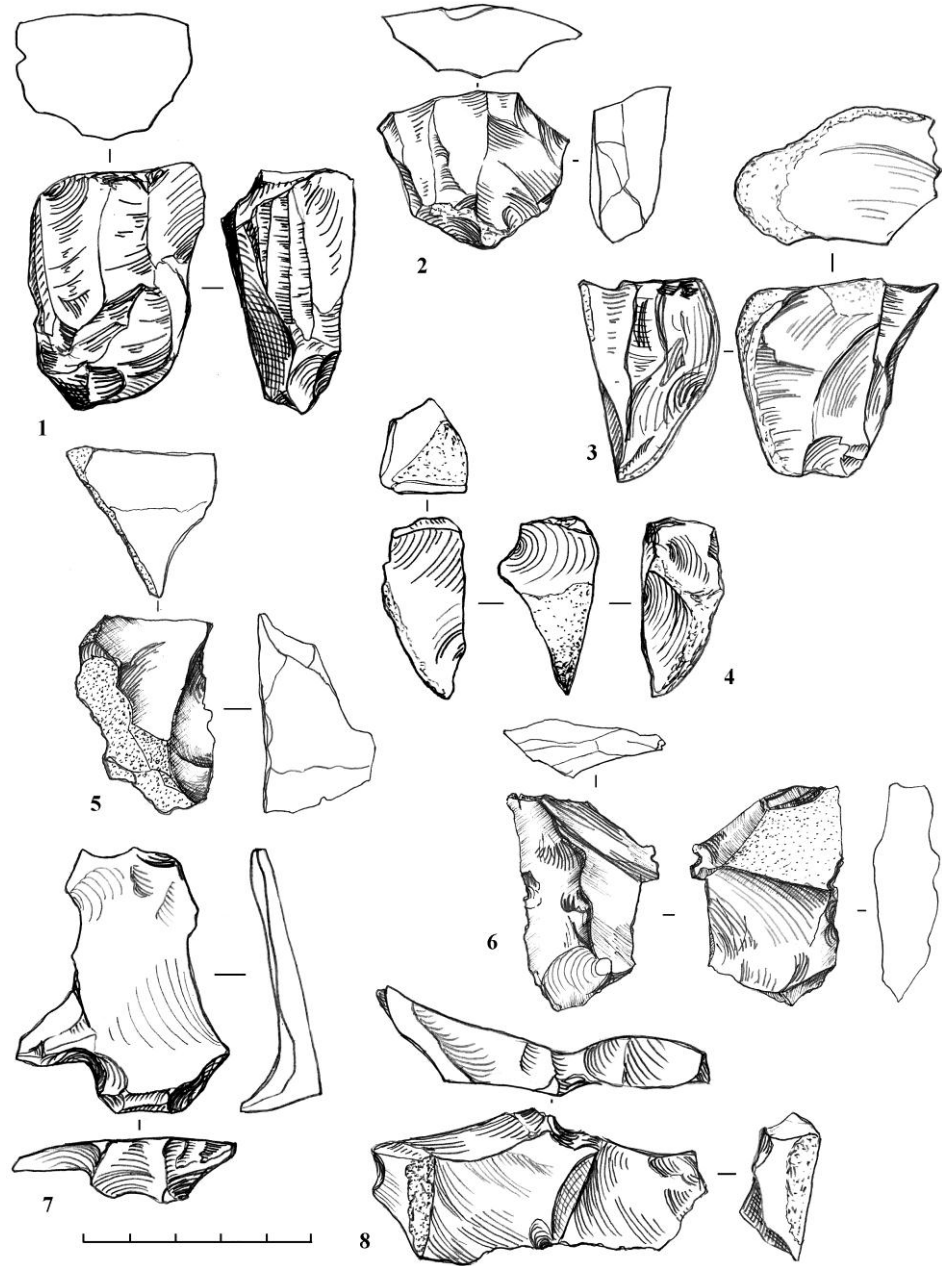

Рис. 2. Малая Сопка. Нуклеусы, нуклевидные сколы, сколы подправки площадок нуклеусов. Кремьень.

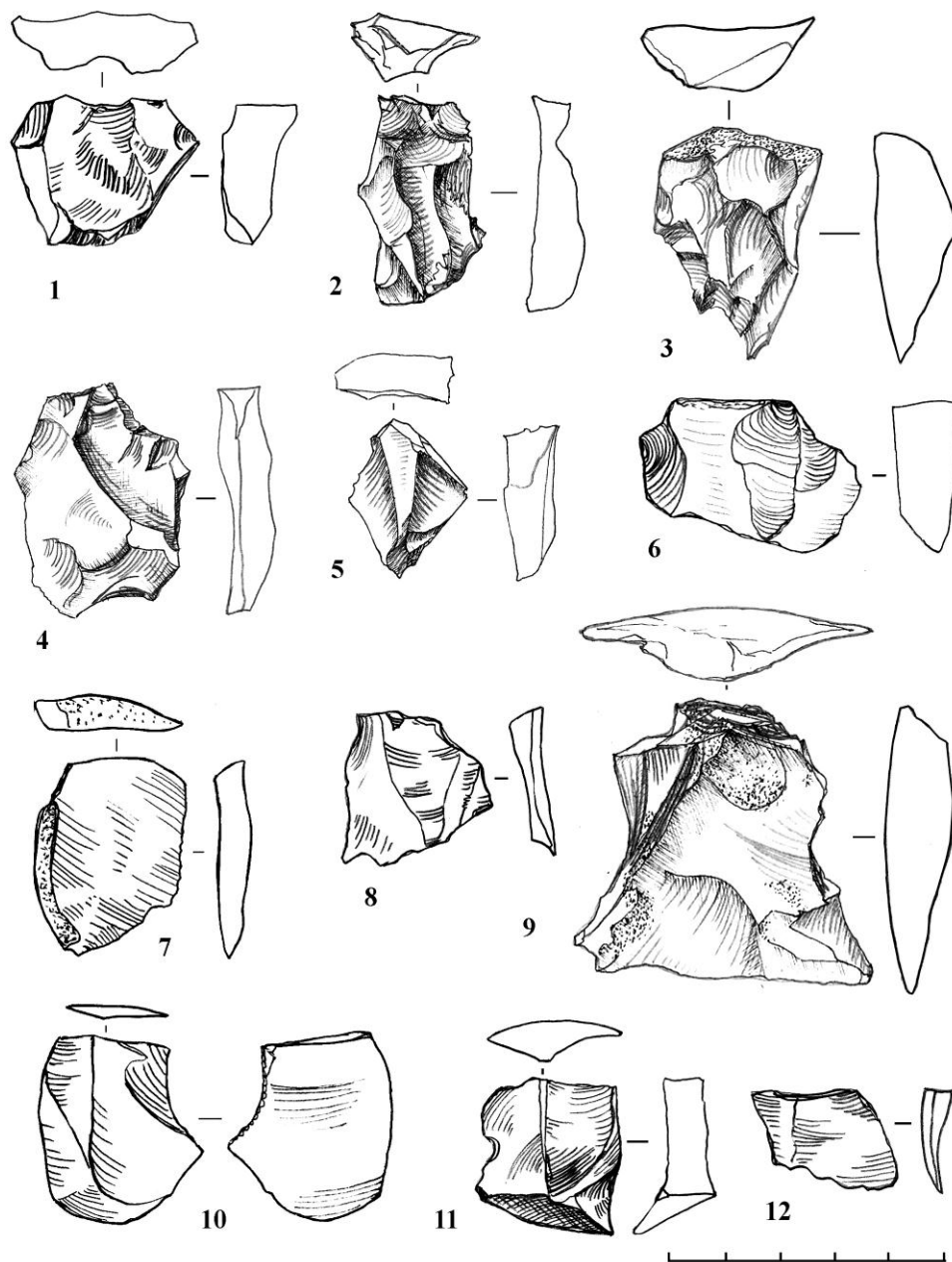

Рис. 3. Малая Сопка. Предметы первичного расщепления: сколы, отщепы, пластины. Кремьень.

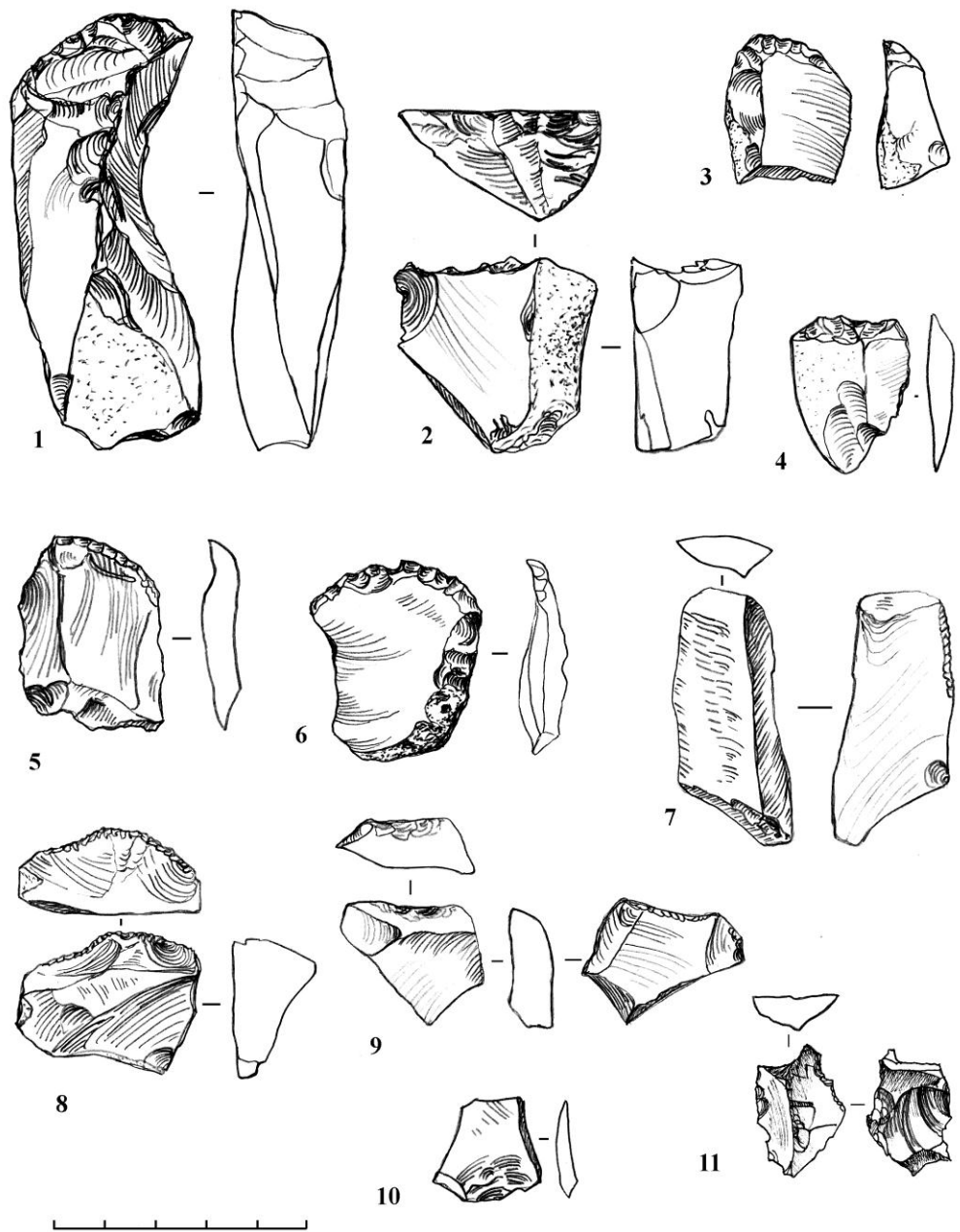

Рис. 4. Малая Сопка. Орудия из кремня.

Рис. 5. Малая Сопка. Орудия из различных пород камня.

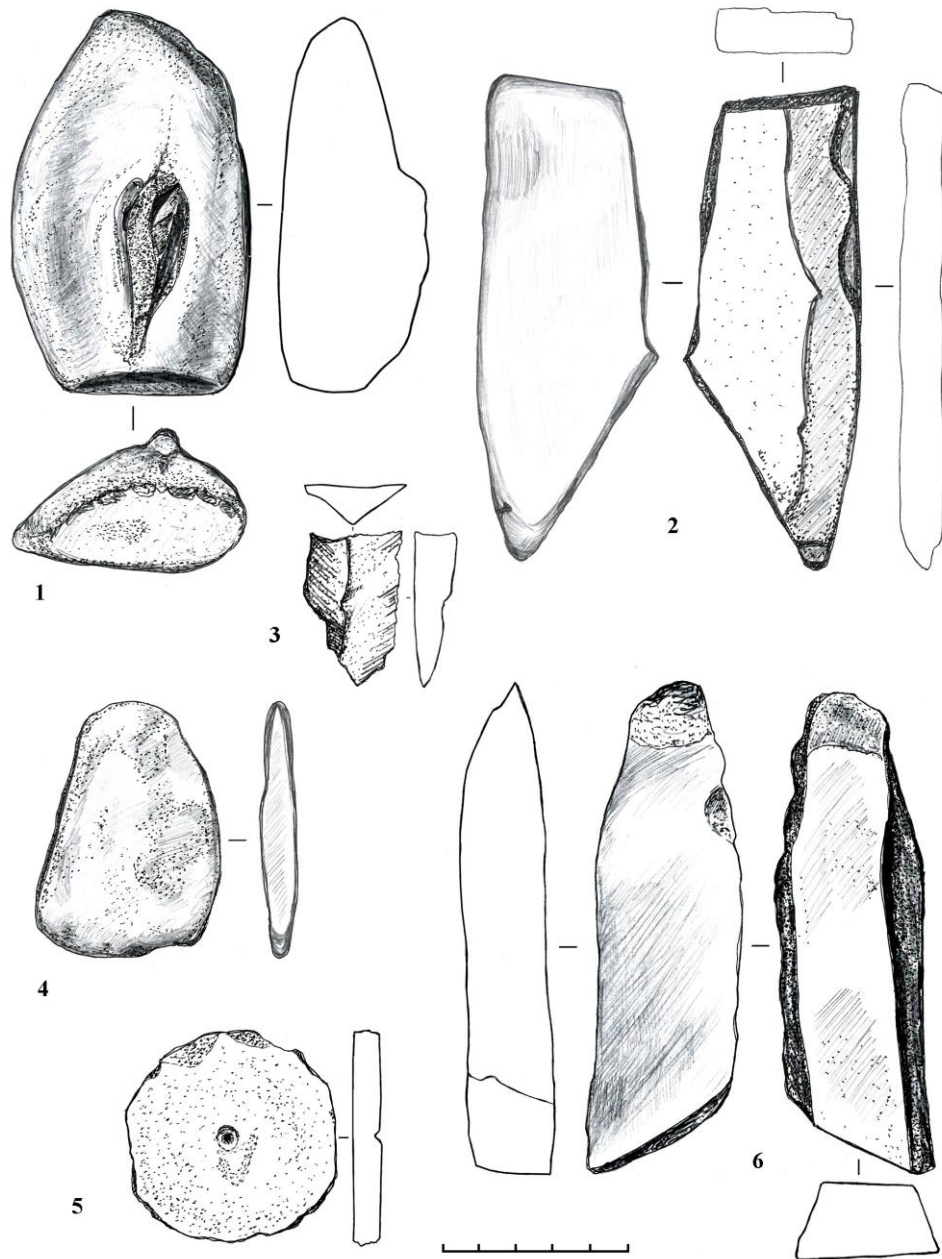

Рис. 6. Малая Сопка. Шлифованные орудия (1, 4) и изделия из сланца.

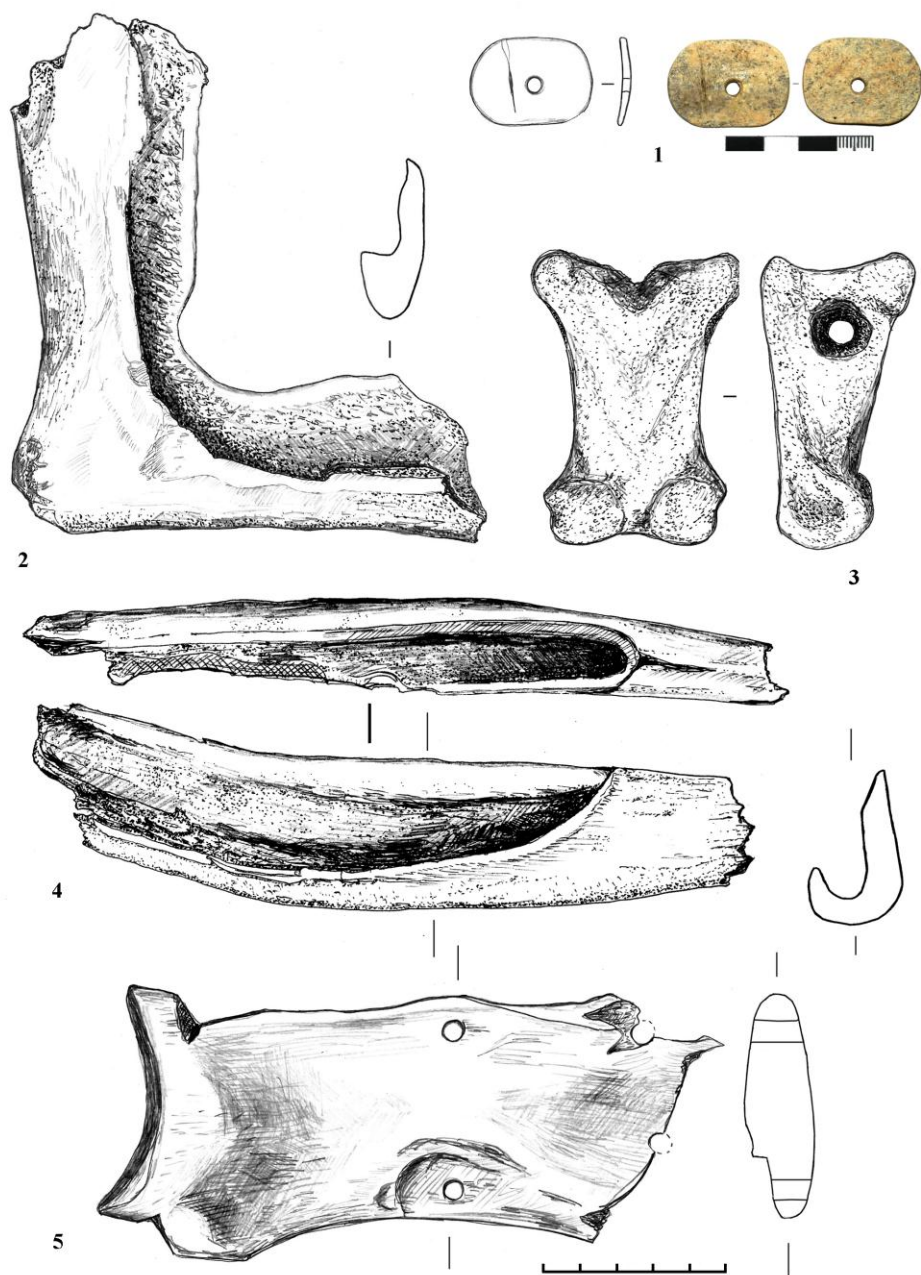

Рис. 7. Малая Сопка. Орудия и изделия из кости.

УДК 903.53(470.44)|637.7|
ББК 63.4(235.54)

Беркалиев Т.А., Лопатин В.А.

КУРГАННЫЙ НЕКРОПОЛЬ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕОБРАЖЕНКА 1 в СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ

В публикации впервые вводятся в научный оборот полные данные о курганном некрополе Преображенского поселения эпохи поздней бронзы из раскопок В.А. Лопатина 1985–1986 гг. Представлены характеристики погребальной обрядности и керамики, высказаны предположения о возможных вариантах локального культурогенеза в период становления срубной археологической культуры в степном Заволжье.

Ключевые слова: Преображенка, поздний бронзовый век, срубная культура, курган, поселение, керамика, бабинская культура, культурогенез.

Berkaliyev T.A., Lopatin V.A.

LATE BRONZE AGE BURIAL MOUND NECROPOLIS PREOBRAZHENKA 1 SETTLEMENTS IN THE STEPPE ZAVOLZHYE

This publication is the first to introduce into scientific circulation complete data on the burial mound necropolis of the Preobrazhensky settlement of the late bronze age from the excavations Of V.A. Lopatin 1985–1986. The characteristics of funeral rites and ceramics are presented, and suggestions are made about possible variants of local cultural Genesis during the formation of the log archaeological culture in the steppe Zavolzhye.

Keywords: Preobrazhenka, late bronze age, log culture, mound, settlement, ceramics, Babin culture, cultural Genesis.

В 1985–1986 гг., в ходе хозяйственных работ в зоне сооружения Северо-Ершовской оросительной системы, на территории Пугачевского района Саратовской области археологическая экспедиция Саратовского государственного университета проводила охранные раскопки поселения срубной культуры эпохи поздней бронзы Преображенка 1 и его курганного некрополя

[Лопатин, 1986а. Л. 20–29; он же, 1986б. Л. 28–36]. Указанный комплект памятников располагался на высокой правобережной террасе р. Большого Иргиза, между старинными староверческими селами Преображенка (0,6 км) и Успенка (1,5 км), преимущественно на распаханых площадях (рис. 1). Поселение и курганы исследовались одновременно: в 1985 году был изучен курган № 1, а в 1986 году курганы №№ 2 и 3. Курганный комплекс довольно компактен, 8 земляных, сильно уплощенных насыпей выстроены неровной цепочкой в меридиональном направлении. Расстояние между крайними курганами 520 м (рис. 1, II). В 50 м к северу от крайнего кургана № 2 проходит асфальтовое шоссе «Пугачев – Самара», а крайний южный курган № 8 находился всего в 60 м к северо-востоку от поселения Преображенка 1 (рис. 1, I).

Еще в начале XX в. они были частью обширного курганного поля, которое тянулось по правобережной террасе от г. Пугачева к востоку, мимо Успенки и Преображенки. Эти сведения были отмечены в 1923 г. А.И. Тереножкиным и К.И. Журавлевым, а позже включены в перечень памятников, составленный В.В. Гольмстен к археологической карте Самарской губернии [Гольмстен, 1930]. В настоящее время все эти многочисленные погребальные памятники уже не видны на внешней поверхности из-за многолетней распашки.

Когда в 1939 г. И.В. Синецын проводил раскопки Успенского поселения, то одновременно его экспедиция исследовала несколько курганов между Успенкой и Пугачевом. Эти памятники не могут считаться родовыми некрополями обитателей поселения, поскольку почти все они относятся к раннему железному веку, и лишь одно погребение с острореберным сосудом (2/2) принадлежало к срубной культуре позднего бронзового века, причем, автор допускал связь данного погребения с поселением [Синецын, 1947. С. 155, рис. 5]. О памятниках около с. Преображенка в его публикациях не упоминается.

В начале нового столетия керамические материалы из трех курганов Преображенского некрополя были использованы в специальных исследованиях, посвященных анализу форм и орнаментации сосудов, а также выявлению типологических связей между погребальным и поселенческим керамическими комплексами [Лопатин, Филимонова, 2003. С. 248–253]. Но полная характеристика некрополя так и не была представлена в печати. Поэтому основной своей задачей авторы считают введение в научный оборот всех погребальных комплексов, выявленных в курганах Преображенки, поскольку они, обладая высокой источниковедческой ценностью, являются важным дополнением к модели становления срубной культуры в степном Заволжье.

Характеристика источника.

Курган 1 располагался в северной части группы, у края пахотного поля. На момент раскопок это была пастбищная территория, но, судя по структуре курганной насыпи, некогда она также подвергалась интенсивной распашке (рис. 1). В 120 м к северо-западу от кургана проложено асфальтовое шоссе и параллельно линия электропередач, а за противоположным краем поля, в 0,5 км к юго-востоку от курганной насыпи находилось указанное поселение, на котором также велись раскопки.

Округлая земляная насыпь, сильно уплотненная пахотой, имела диаметр 26 м, а высота, согласно микро nivelировке, составляла 0,28 м (рис. 2). Насыпной грунт снят при помощи землеройной техники до уровня погребенной почвы, а до материка подкурганное пространство доводилось вручную. Стратиграфия кургана, возведенного в один строительный период, проста: гумус (рыхлый темно-серый грунт), старой пахотой смешанный с верхним отделом насыпи – до 0,35 м; искусственная насыпь (комковатый, пестрый запесоченный суглинок, местами переотложенный землероями) – до 0,65 м; погребенная почва (вязкий буроватый грунт с белесыми затеками карбонатов) – до 0,3 м; материк – светло-коричневая запесоченная глина, пронизанная многочисленными норами грызунов. В центре подкурганного пространства зафиксирована обширная сурчина подпрямоугольной формы размерами 5 X 2,5 м, которая частично повредила погребение № 7 (рис. 2).

Судя по некоторым находкам, землероями могло быть полностью разрушено самое древнее основное захоронение, относящееся к раннему бронзовому веку, очертания которого не сохранились. Это фрагменты двух лепных сосудов с примесью толченой ракушки и растительной органики. Один из них – часть массивного вертикального венчика, украшенного оттисками перекрученного шнура, а также горизонтальным рядом выпуклых «жемчужин», выдавленных изнутри палочкой круглого сечения (рис. 3, 2). Край устья слегка нависает внутрь, а на обратной стороне шейки заметно внутреннее ребро.

Второй – миниатюрный сосудик приземистых пропорций с плоским дном и сильно расширенными боками, также орнаментированный по плечу косыми оттисками крученого шнура, построенными в горизонтальный ряд (рис. 3, 4). Высота сосудика могла составлять 4,3 см, диаметр устья 6,3 см, максимальное расширение тулова 8,5 см, диаметр дна 6,4 см.

По всей вероятности, пострадали также еще два комплекса, которые относились к позднему бронзовому веку, находились в насыпи и были полностью уничтожены норами сурков. При снятии насыпи в восточной поле обнаружен фрагмент острорезного сосуда, украшенного оттисками зубчатого штампа (ячейки зубчиков удлиненные) в виде однорядной елочка (рис. 3,

1). Его высота могла составлять 8 см, диаметр устья 11 см, максимальное расширение тулова по ребру 12,5 см, диаметр слегка вогнутого днища 6,5 см.

И еще один частично уцелевший сосудик зафиксирован при ручном вскрытии предматерикового пласта погребенной почвы в 4 м к юго-востоку от условного центра кургана. Это неорнаментированная приземистая баночка с вертикальными стенками и плоским устойчивым днищем (рис. 3, 3). Диаметр устья 7,9 см, диаметр днища 6,1 см, общая высота сосудика 4,5 см.

Таким образом, с учетом указанных обстоятельств, в кургане предположительно могло находиться 21 захоронение, но реально *in situ* зафиксированы 18 комплексов.

Погребение 1 выявлено в насыпи на глубине 1 м от 0R, на расстоянии 6 м к югу от условного центра кургана. Очертания могилы были неразличимы, но установлено наличие поперечного перекрытия деревянными плашками длиной до 35 см и шириной до 8 см. Судя по их расположению, могила могла быть овальной. Под перекрытием обнаружены остатки плохо сохранившегося детского скелета с северо-восточной ориентировкой и левобочным положением. Перед умершим стоял миниатюрный баночный сосудик открытой профилировки, без орнамента (высота 4,3 см, диаметр устья 6,1 см, диаметр днища 4,8 см).

Погребение 2 обнаружено в юго-восточной поле кургана, на удалении 10,5 м от его условного центра, в насыпи на глубине 1 м от 0R. Детский скелет плохой сохранности предположительно имел левобочную скорченность и северо-восточную ориентировку. В полуметре к юго-западу от черепа умершего зафиксирован фрагмент баночного неорнаментированного сосуда прикрытой профилировки, диаметр устья которого мог составлять 7,7 см.

Погребение 3 располагалось в 5 м к северо-востоку от 0R, в грунтовой прямоугольной яме с округленными углами, продольной осью ориентированной на север (рис. 3, 5). Размеры могилы 1,2 X 0,85 м, глубина от 0R 1,3 м. Заполнение сильно повреждено землероями, при выборке фиксировались фрагменты деревянного перекрытия, на дне расчищена только верхняя часть детского скелета. Подросток был погребен в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к ССВ. Погребение безынвентарное.

Погребение 4 выявлено в 7 м к северо-востоку от 0R, в грунтовой прямоугольной яме с округленными углами, размерами 1,7 X 1,38 м, глубиной 1,8 м от вершины насыпи (рис. 4, 1). Продольная ось могилы ориентирована на северо-запад. При выборке заполнения обнаружены фрагменты поперечного перекрытия, обломки деревянных плах (расколотых вдоль бревен диаметром до 20 см), обвалившиеся в могилу с ее краев. На дне ямы, ближе к западной стенке, расчищен скелет взрослого человека, погребенного в сильно скорченной позе адорации, с завалом на грудь, головой к ССЗ.

Перед умершим, возле подтянутых вверх коленей стоял лепной слабо-профилированный сосуд, украшенный по плечу прочерченным парным зигзагом и группами ногтевых оттисков (рис. 4, 2). Диаметр устья 14,4 см, максимальное расширение тулова 14,8 см, диаметр вогнутого днища 10 см, общая высота сосуда 12 см.

Погребение 5 размещалось в 7 м к юго-западу от условного центра кургана, в прямоугольной грунтовой яме с округленными углами, продольной осью ориентированной по линии «СЗ-ЮВ» (рис. 3, 6). Стенки ямы несколько суживаются в направлении ко дну. Размеры могилы 1,4 X 0,95 м, глубина от 0R 1,58 м. В заполнении и возле юго-западного края могилы зафиксированы фрагменты поперечного перекрытия в виде обломков бревен диаметром до 10 см.

На дне ямы, вплотную к продольной юго-западной стенке, лежал скелет подростка в сильно скорченной позе левобочной адорации, погребенного головой к юго-востоку, лицом к стене. Тазовый отдел скелета потревожен и смещен, плечевой пояс развернут на спину. Погребение безынвентарное.

Погребение 6 обнаружено в 6,5 м к юго-западу от условного центра кургана, в слое погребенной почвы, на глубине 0,83 м от 0R. Очертания могилы неразличимы, среди разрозненных костей ребенка, растянутых с СЗ на ЮВ, зафиксирован миниатюрный баночный сосудик открытого профиля (рис. 4, 3). Диаметр устья 9 см, диаметр доньшка 5,6 см, высота сосуда 7 см. Верхнюю треть внешней поверхности занимает горизонтальный фриз хаотично размещенных коротких прочерченных отрезков.

Погребение 7 занимало центральную часть подкурганного пространства, где оно смыкалось с обширным заполнением сурчиного перекопа (рис. 2). В ходе выборки перекопа зафиксированы стенки могилы – прямоугольной грунтовой ямы с округленными углами, продольной осью ориентированной с юго-запада на северо-восток (рис. 4, 4). Встречались фрагменты деревянного поперечного перекрытия в виде обломков истлевших плах, а в северо-восточном углу могилы, на глубине 1,07 м от 0R, обнаружен каменный оселок (рис. 4, 6). На дне ямы, ближе к западной стенке, расчищены остатки скелета взрослого человека, погребенного в скорченной позе левобочной адорации, головой к северо-востоку. Отметим, что костная ткань тазобедренных сочленений имеет признаки прижизненных патологий в виде бугристых деформирующих наростов.

Местами на дне ямы были заметны светлые пятна меловой подсыпки. Перед погребенным, на уровне плечевого пояса, стоял баночный сосуд закрытого профиля, орнаментированный по плечу косо оттиснутыми длинными оттисками зубчатого штампа (рис. 4, 5). Диаметр устья 15,2 см, макси-

мальное расширение тулова 17,2 см диаметр днища 9 см, общая высота сосуда 14 см.

Погребение 8 зафиксировано в 5 м к юго-востоку от условного центра кургана, в грунтовой могиле прямоугольной формы с округленными углами и вертикальными стенками, ориентированной с юго-запада на северо-восток (рис. 5, 1). Размеры ямы 1,15 X 0,8 м, глубина от 0R 1,65 м. На дне могилы, ближе к восточной стенке, расчищены остатки скелета подростка, погребенного на левом боку, скорченно, головой к северо-востоку.

Перед лицевым отделом черепа, возле восточной стенки зафиксирован разрушенный, неполной сохранности, баночный сосудик закрытого профиля, неорнаментированный (рис. 5, 2). Его примерная высота 8 см, диаметр наибольшего расширения тулова 10 см, диаметр доньшка 8 см, возможный диаметр устья 8,6 см.

Погребение 9 обнаружено в 7 м к ЮВВ от условного центра кургана, в грунтовой яме прямоугольной формы с округленными углами и вертикальными стенками, продольной осью ориентированной с юга на север (рис. 6, 1). Размеры могилы 1,18 X 0,9 м, глубина от 0R 1,36 м. Около восточной стенки зафиксировано скопление золы, мелких угольков и дробленых кальцинированных косточек серого и голубоватого цветовых оттенков. Эти вещественные остатки кремации умершего на стороне (вне пределов погребальной ямы) были уложены в виде аккуратной круглой линзы диаметром 18 см. Еще несколько пережженных косточек были сложены горсткой на дне могилы в полуметре к ЗСЗ от основной линзы. Инвентаря нет.

Погребение 10 располагалось в 8 м к юго-востоку от условного центра кургана, в прямоугольной грунтовой яме, ориентированной продольной осью с ЮЗ на СВ. Размеры могилы 1,1 X 0,78 м, глубина от 0R 1,33 м. Это детское захоронение было полностью разрушено землероями, лишь в южном углу ямы найдены локтевая кость и фрагмент черепа. Вещей нет.

Погребение 11 выявлено в 7 м к ЮВ от центра кургана, в прямоугольной яме, ориентированной в широтном направлении. Размеры ямы 1,1 X 0,6 м, глубина от 0R 1,25 м. Детское погребение значительно потревожено землероями, найдены отдельные фрагменты скелета, положение которых указывает на восточную обращенность умершего. Погребение безынвентарное.

Погребение 12 зафиксировано 5,5 м к юго-востоку от центра, в грунтовой прямоугольной яме с округленными углами, продольной осью ориентированной с юго-запада на северо-восток (рис. 5, 3). Размеры ямы 0,9 X 0,65 м, глубина от 0R 1,5 м.

На дне могилы, ближе к северо-западной стенке, расчищен скелет ребенка, погребенного скорченно на левом боку, головой к северо-востоку. Перед лицевой частью черепа, ближе к юго-восточной стенке, стояла миниа-

турная баночка приземистых пропорций и открытого профиля (рис. 5, 4). Сосудик не орнаментирован, диаметр его устья 10 см, диаметр доньшка, выделенного в придонной части стенки резким уступчиком, 6,6 см, высота 5,4 см.

Погребение 13 было расположено в 6 м к ЮЮВ от условного центра кургана, в овальной грунтовой могиле, ориентированной в широтном направлении (рис. 5, 5). Размеры ямы 0,86 X 0,6 м, глубина от 0R 1,12 м. При выборке могильного заполнения, около продольной южной стенки зафиксированы остатки поперечного деревянного перекрытия в виде плашек шириной до 5 см.

На дне могилы, в середине, расчищены остатки детского скелета. Ребенок был погребен скорченно, на левом боку, головой к востоку. Перед лицевым отделом черепа стоял миниатюрный баночный сосудик приземистых пропорций и прямостенной профилировки (рис. 5, 6). Сосуд не орнаментирован, диаметр его устья 9,6 см, диаметр доньшка 8,4 см, высота 5,6 см.

Погребение 14 обнаружено на расстоянии 8 м к ЮЮВ от условного центра кургана, в овальной грунтовой могиле, которая своей продольной осью была ориентирована с ЮЗ на СВ. Размеры ямы 1,05 X 0,7 м, глубина от 0R 1,2 м. На дне могилы, в центре, расчищены остатки детского скелета, сильно поврежденного землероями. Судя по положению фрагментов черепа, умерший лежал головой к СВ. Рядом завалился на бок баночный сосуд закрытого профиля, близкий биконическим формам (рис. 5, 7). Диаметр устья 11,6 см, максимальное расширение тулова 13,2 см, диаметр днища 7,2 см, общая высота сосуда 8 см. На покато плечике банки имеется орнамент, выполненный зубчатым штампом в виде косо штрихованного зигзага.

Погребение 15 находилось в 8,5 м к юго-западу от центра кургана, в прямоугольной грунтовой яме с неровными стенками, ориентированной длинной осью с ЮЗ на СВ. Размеры ямы 0,63 X 0,53 м, глубина от 0R 1,12 м. На дне могилы, около западной стенки расчищен неполный детский скелет, ориентированный на север-восток. Вещей нет.

Погребение 16 было выявлено в 9 м к ЮЗЗ от центра кургана, в овальной грунтовой яме, ориентированной с юга на север. Размеры ямы 0,67 X 0,54 м, глубина от 0R 1,1 м. В заполнении могилы встречались остатки поперечного перекрытия, сложенного из деревянных плашек.

Скелет погребенного не сохранился, на дне ямы найден лишь обломок бедренной кости ребенка, а в северной части обнаружен не вполне стандартный баночный сосудик закрытого профиля (рис. 5, 8). В данном экземпляре не пропорционально сочетаются очень тонкий край устья (0,3 см) и массивное, несколько вогнутое днище толщиной 1,6 см. Сосудик изготовлен небрежно, обрез устья неровный, его диаметр 10 см, максимальное расшире-

ние тулова 11,2 см, диаметр днища 8,8 см, общая высота 7,2 см. В верхней трети внешней поверхности (выше наибольшего расширения тулова) имеется горизонтальный орнаментальный фриз, набранный бессистемно оттиснутыми кольцевидными вдавлениями. Один такой оттиск сделан в придонной части стенки.

Погребение 17 обнаружено в 8 м южнее условного центра, в прямоугольной грунтовой яме с округленными углами, ориентированной с ЮЗ на СВ (рис. 5, 9). Размеры ямы 1,6 X 1,22 м, глубина от 0R 1,79 м.

На дне могилы расчищен скелет взрослого человека, погребенного скорченно на левом боку с завалом на грудь, головой к северо-востоку. Около тазовых костей зафиксирован раздавленный череп ребенка, вероятно, утробного возраста. Перед умершим, около кистей рук, стоял неорнаментированный баночный сосуд открытого профиля (рис. 5, 10). Диаметр устья 11,2 см, диаметр днища 8 см, высота 8,2 см. Особенностью этой банки является то, что край ее устья слегка отогнут наружу, образуя некое подобие короткого венчика.

Среди обрядовых деталей следует отметить слабое окрашивание охры кисти левой руки, меловую подсыпку в северо-восточной части могильного дна и комков охры на северо-западном краю ямы.

Погребение 18 было расположено в юго-западной поле кургана, на расстоянии 10 м от его условного центра, в грунтовой яме округло-овальной формы с вертикальными стенками, ориентированной более длинной осью с ЮЗ на СВ (рис. 6, 2). Размеры ямы 1,35 X 1,1 м, глубина от 0R 2,05 м. В ходе выборки могильного заполнения, около северной стенки, на глубине 1,61 м от 0R обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда с оттисками гребенчатого штампа в виде однорядной «елочки».

На дне могилы, вплотную к ее западной стенке лежал скелет подростка, погребенного в скорченной позе левобочной адорации, головой к северо-востоку. На кистях рук, локтевом сгибе правой руки и голенях заметны неяркие пятна розовой охры. Перед умершим, возле запястий рук стояла миниатюрная прямостенная баночка приземистых пропорций (рис. 6,3). Почти по всей внешней поверхности сосудик украшен короткими клиновидными насечками, расположенными в три плотных горизонтальных ряда. Диаметр устья 9,7 см, диаметр днища 8,8 см, высота сосуда 6,2 см.

Курган 2 – самый северный в группе, он стоял на пастбищном участке, в 80 м к ССВ от кургана 1 (рис. 1). По всей вероятности, некогда и эта насыпь, сильно уплощенная, была в зоне интенсивной распашки, к тому же, в структуре насыпного грунта имеются признаки микшированности верхних слоев.

Условно округлая земляная насыпь имела диаметр 20 м, а высота, по данным микронивелировки, составляла всего 0,18 м (рис. 7). Насыпной грунт

снят при помощи землеройной техники до материка с оставлением одной осевой стратиграфической бровки, ориентированной по меридиану. Стратиграфия кургана, возведенного в один строительный период, проста: гумус (рыхлый темно-серый грунт), старой пахотой смешанный с верхним отделом насыпи – до 0,3 м; искусственная насыпь (комковатый, пестрый запесоченный суглинок, местами переотложенный землероями) – до 0,7 м; погребенная почва (вязкий буроватый грунт с белесыми затеками карбонатов) – до 0,2 м; материк – светло-коричневая запесоченная глина, пронизанная многочисленными норами грызунов. Центр подкурганного пространства переотложен обширным сурчиным перекопом аморфных очертаний, размерами 3 X 1,5 м, который также полностью разрушил погребение № 3 (рис. 7). При сносе насыпи, а также в ходе выборки перекопов землероев были обнаружены костные остатки весьма крупных особей сурков, которые в настоящее время в данной местности не водятся. Всего в кургане № 2 обнаружено 3 захоронения, которые располагались под насыпью на равных расстояниях между собой, как бы образуя вершины равностороннего треугольника.

Погребение 1 находилось в 4 м к СВВ от условного центра кургана. Уже на уровне погребенной почвы хорошо было заметно четкое темное пятно этой большой прямоугольной могилы с округленными углами, ориентированной продольной осью с ЮЗ на СВ. Размеры ямы 2 X 1,35 м, глубина от 0R 1,83 м. В ходе выборки могильного заполнения обнаружены фрагменты поперечного перекрытия деревянными плахами (расколотые вдоль бревна диаметром до 18–20 см).

На дне могилы расчищен скелет взрослого человека, погребенного в позе левобочной адорации, головой к северо-востоку (рис. 8, 1). Он лежал, заметно смещенный в северо-западный сектор могилы, на камышовой подстилке. Следы крупных стеблей камыша рельефно отпечатались на глинистом грунте. На нижней челюсти погребенного и около нее отмечены следы слабой подсыпки красной охры. Около кистей рук обнаружен развал неорнаментированного баночного сосуда прикрытой профилировки (рис. 8, 2). Диаметр устья 17 см, максимальное расширение тулова 17,8 см, диаметр днища 10,4 см, общая высота сосуда 12,6 см.

Погребение 2 выявлено в 5 м к ЮЮВ от условного центра кургана, в грунтовой прямоугольной яме с округленными углами, ориентированной длинными сторонами в широтном направлении (рис. 6, 4). Размеры ямы 1,7 X 1,2 м, глубина от 0R 2,2 м. При выборке заполнения зафиксированы фрагменты плах деревянного перекрытия. На дне ямы местами прослеживались остатки меловой подсыпки.

На дне могилы, ближе к продольной северной стенке, расчищен скелет взрослого человека, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации

с легким завалом на грудь, головой к востоку. Около кистей рук стоял лепной сосуд слабопрофилированного типа, с коротким, плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 6, 5). Диаметр устья 13,8 см, диаметр шейки 13,4 см, максимальное расширение тулова 15,4 см, диаметр днища 8,8 см, общая высота сосуда 13,3 см. По линии шейки сосуд орнаментирован горизонтальным фризом однорядной «елочки», нанесенной коротким зубчатым штампом.

Погребение 3 располагалось в 1,5 м к западу от условного центра кургана. Могильное пятно прямоугольной ямы, ориентированной с юго-запада на северо-восток, длинным отнорком соединялось с большим аморфным перекопом в центре подкурганного пространства (рис. 7, 1). В процессе выборки ямы встречались фрагменты деревянного перекрытия, разрозненные кости человека и крупных землероев. Погребение полностью разрушено. Размеры могилы 1,9 X 1,5 м, глубина около 2 м от нулевого репера.

Курган 3 располагался в 50 м к юго-западу от кургана 1, на северном краю пахотного поля (рис. 1, II). Условно округлая в плане земляная насыпь диаметром 28 м была сильно уплощена многолетней распашкой, над современной поверхностью она возвышалась на 0,52 м (рис. 9).

Грунт насыпи снят при помощи землеройной техники до материка с оставлением одной осевой стратиграфической бровки, ориентированной по меридиану. Курган возведен в один строительный период. Стратиграфия проста: гумус (рыхлый темно-серый грунт), старой пахотой смешанный с верхним отделом насыпи – до 0,2 м; искусственная насыпь (комковатый, пестрый запесоченный суглинок, местами переотложенный землероями) – до 1 м; погребенная почва не зафиксирована; материк – светло-коричневая запесоченная глина, пронизанная многочисленными норами грызунов. Центр подкурганного пространства переотложен обширным сурчиным перекопом аморфных очертаний, размерами 8,5 X 4 м, который также полностью разрушил погребение 13. Всего в подкурганном пространстве данного объекта обнаружено 13 погребений, которые располагались в виде овального скопления, протянувшегося с СЗЗ на ЮВВ.

Погребение 1 обнаружено при снятии насыпи на глубине 0,81 м от нулевого репера. Это детское захоронение было впущено в насыпь на расстоянии 7 м к северо-западу от условного центра кургана. Границы могилы были неразличимы, скелет ребенка очень плохой сохранности ориентирован на северо-восток. Перед лицевым отделом черепа зафиксирован разрушенный баночный сосудик с оттисками короткого зубчатого штампа (рис. 8, 3). Высота сосуда могла составлять 8,6 см, а диаметр устья 10,8 см, диаметр доньшка 6,8 см.

Погребение 2 располагалось в 6 м к ССВ от условного центра кургана, в грунтовой прямоугольной могиле, ориентированной на северо-восток. Раз-

меры ямы 0,95 X 0,6 м, глубина от 0R 1,1 м. На дне могилы расчищен скелет ребенка, погребенного в скорченной позе левобочной адорации, головой к северо-востоку. Между коленями и локтями умершего зафиксирован лепной острореберный сосудик с широко открытым устьем, украшенный зубчатым штампом (рис. 8, 4). Диаметр устья 12,5 см, диаметр шейки 11,6 см, максимальное расширение тулова по ребру 12,1 см, диаметр доньшка 6,6 см, общая высота сосуда 7,6 см. Декор нанесен небрежно, но с соблюдением правил организации орнамента: две разграничительные горизонтальные линии на уровне ребра и под устьем, на шейке и плечике парный зигзаг, а ниже максимального расширения тулова свисающие треугольники.

Погребение 3 выявлено в поле кургана, на расстоянии 10,5 м к ЮВ от его условного центра, в прямоугольной грунтовой яме с северо-восточной ориентировкой. Размеры ямы 0,9 X 0,58 м, глубина от 0R 1,58 м. На дне могилы расчищено детское захоронение очень плохой сохранности. Судя по размещению фрагментов черепа, ребенок был похоронен головой к северо-востоку. В центре ямы найден приземистый неорнаментированный сосудик баночного типа с широко открытым профилем и слабо отогнутым наружу краем устья (рис. 8, 5). Диаметр устья 11 см, диаметр доньшка 7,4 см, высота сосуда 6,2 см.

Погребение 4 зафиксировано в 5,5 м к северо-западу от условного центра кургана, в подпрямоугольной яме с округленными углами, ориентированной продольной осью с ЮЗ на СВ (рис. 8, 6). Размеры ямы 1,1 X 0,88 м, глубина от 0R 1,63 м.

На дне могилы расчищен скелет ребенка, погребенного скорченно на левом боку, головой к северо-востоку. Перед умершим, возле локтевого сгиба стоял приземистый баночный сосудик открытого профиля с обрезом устья, скошенным наружу (рис. 8, 7). Диаметр устья 11,2 см, диаметр доньшка 7,2 см, высота сосуда 7 см.

Погребение 5 находилось на расстоянии 4 м к ЮЮЗ от условного центра кургана, в прямоугольной грунтовой яме с округленными углами, которая продольной осью была ориентирована с ЮЗ на СВ (рис. 10, 1). Стенки ямы несколько расширялись в направлении дна. Размеры ямы 1,5 X 1,1 м, глубина от 0R 1,67 м.

На дне могилы расчищен скелет взрослого человека, который лежал под остатками поперечного деревянного перекрытия, на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к северо-востоку. Возле запястий рук, завалившись устьем в юго-восточную сторону, лежал на боку лепной асимметричный сосуд баночной формы с вертикальными стенками (рис. 10, 2). Диаметр устья 13,6 см, максимальное расширение тулова 14 см, диаметр днища 6,6 см,

общая высота сосуда 12,8 см. В верхней трети внешней поверхности сосуд украшен косо штрихованным зигзагом, выполненным зубчатым штампом.

Погребение 6 найдено в 7 м к СЗ от условного центра кургана, в грунтовой яме подпрямоугольной формы с округленными углами и суживающимися ко дну стенками. Продольная ось могилы ориентирована с ЮЗ на СВ. Размеры ямы 0,8 X 0,6 м, глубина от 0R 1,16 м. На дне расчищены остатки скелета ребенка плохой сохранности, который был погребен скорченно, на левом боку, головой к север-востоку. Перед умершим, на уровне груди, зафиксирован развал миниатюрного баночного сосуда открытой профилировки, без орнамента (рис. 10, 3). Диаметр устья 7,2 см, диаметр доньшка 3,8 см, высота сосуда 5,6 см.

Погребение 7 обнаружено в юго-восточной поле кургана, на расстоянии 12,5 м от его условного центра, в грунтовой яме прямоугольной формы с округленными углами и несколько расширяющимися ко дну стенками, ориентированной на ССВ (рис. 10, 4). Размеры ямы 1,4 X 0,85 м, глубина от 0R 2,35 м.

На дне могилы, в центре, расчищен скелет подростка, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации, головой к ССВ. Около локтевого сгиба левой руки стоял миниатюрный острореберный сосудик приземистых пропорций, без орнамента. Обрез устья скошен наружу, в примеси заметны крупные включения толченой раковины. Диаметр устья 12 см, диаметр шейки 11,8 см, максимальное расширение тулова по ребру 12,6 см, диаметр доньшка 9 см, общая высота сосуда 6 см.

Погребение 8 вскрыто в 9 м к юго-востоку от условного центра кургана, в прямоугольной грунтовой яме, ориентированной с ЮЮВ на ССЗ (рис. 10, 6). Размеры ямы 1,54 X 0,9 м, глубина от 0R 2,04 м.

На дне могилы, ближе к западной стенке, лежал скелет подростка, погребенного в скорченной на левом боку позе адорации с применением редкого обрядового приема декапитации (отделение головы). В данном случае корпус умершего был уложен параллельно продольной оси могилы, на ССЗ, а череп (вместе с нижней челюстью) лежал на левой стороне, сводом обращенный к югу, а лицевым отделом к западу, к тому месту, где он должен был находиться в естественном сочленении. Около запястий согнутых в локтях рук стоял лепной острореберный сосудик приземистых пропорций, с массивным днищем, украшенный зубчатым штампом (рис. 10, 7). Диаметр устья 12 см, диаметр шейки 11,6 см, максимальное расширение тулова по ребру 12,4 см, диаметр днища 7,2 см, общая высота сосуда 6,8 см. Орнамент – многорядный широкий зигзаг – размещен в верхней половине внешней поверхности между горизонтальными ограничительными линиями на максимальном расширении тулова и под краем устья.

Погребение 9 зафиксировано в юго-западном секторе, на расстоянии 3 м от условного центра кургана, в грунтовой яме подквадратной формы, ориентированной с ЮЗ на СВ (рис. 11, 1). Стенки могилы заметно суживаются книзу. Размеры ямы по уровню материковой подошвы кургана 1,8 X 1,65 м, по уровню дна 1,55 X 1,25 м, глубина от 0R 1,73 м.

На дне могилы, в середине, расчищены остатки скелета взрослого человека, сильно потревоженного перекопами землероев. По расположению сохранившихся костей заметно, что умерший был погребен на левом боку, скорченно в позе адорации, головой к северо-востоку. У запястий рук расчищен неполный развал лепного сосуда острореберной формы (рис. 11, 2). Полностью разрушено и утрачено днище горшка. Диаметр устья 13 см, диаметр шейки 12,8 см, максимальное расширение по ребру 13,6 см, высота сохранившейся части сосуда 9,6 см (предположительная первоначальная высота 11 см). На линии максимального реберчатого расширения тулова заметно характерное утолщение по типу оттянутого валика, рассеченного ногтевыми вдавлениями. Горизонтальный ряд таких же вдавлений имеется на линии шейки. На покато плечике тонко прочерчен косой треугольник с наклонной штриховкой. Нижняя часть тулова покрыта косыми параллельными расчесами.

Погребение 10 найдено в 4 м к северо-востоку от условного центра кургана, в прямоугольной грунтовой яме, с сильно скругленными углами, продольная ось которой ориентирована с ЮЗ на СВ (рис. 12, 1). Размеры ямы 1,65 X 1,2 м, глубина от 0R 2,32 м.

На дне могилы, несколько ближе к северо-западной стенке, расчищен не полностью сохранившийся скелет взрослого человека, погребенного в скорченной левобочной позе адорации, головой к северо-востоку. Возле локтевого сгиба стоял лепной подострореберный сосуд приземистых пропорций с плоским устойчивым днищем и рельефно отогнутым наружу венчиком (рис. 12, 2). Диаметр устья 14,4 см, диаметр шейки 13,6 см, максимальное расширение тулова 14,8 см, диаметр днища 8 см, общая высота сосуда 8,6 см. Сосуд украшен в прочерченной технике: на линиях шейки и наибольшего расширения горизонтальные разграничительные линии, между которыми размещена косая решетка.

Погребение 11 выявлено в центре подкурганного пространства, на удалении в 1,5 м к северу от нулевого репера, в подпрямоугольной грунтовой яме с сильно округленными углами, продольная ось которой ориентирована в широтном направлении (рис. 11, 3). Размеры ямы 1,75 X 1,1 м, глубина от 0R 1,3 м.

На дне могилы, которое несколько наклонено с севера на юг, расчищен сильно потревоженный землероями скелет взрослого человека. Умерший был

погребен в скорченной позе левобочной адорации, головой к западу (лицевая часть черепа обращена к северу). Возле локтевого сгиба зафиксирован неполный развал лепного сосуда, форма которого близка колоколовидной (короткий венчик с неким подобием заглаженного внутреннего ребра, высокое, покатое, слегка выпуклое плечико, максимальное расширение тулова в средней части общей высоты). Доньшко сосуда утрачено. Диаметр устья 12,8 см, диаметр шейки 12 см, максимальное расширение тулова 13 см, высота сохранившейся части сосуда 9 см. Верхняя половина внешней поверхности украшена прочерченным орнаментом: на плавно отогнутом наружу венчике – горизонтальный ряд косых линзовидных насечек, а ниже, между двумя разделительными линиями (по шейке и наибольшему расширению тулова), «паркетный» сюжет.

Погребение 12 обнаружено в 7 м к северо-западу от условного центра кургана, в прямоугольной грунтовой яме с округленными углами, продольной осью ориентированной с ЮЗ на СВ (рис. 12, 3). Размеры ямы 1 X 0,84 м, глубина от 0R 1,55 м.

На дне, в восточной четверти могильного пространства, расчищен несколько потревоженный землероями скелет ребенка, погребенного на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к северо-востоку. Перед умершим, на уровне груди, устьем к западу завалился на бок миниатюрный баночный сосудик открытого профиля (рис. 12, 4). Диаметр устья 9,4 см, диаметр доньшка 6 см, высота 7 см. Сосуд не орнаментирован.

Между черепом и короткой северо-восточной стенкой могилы лежали два бараньих альчика.

Погребение 13 находилось в 3 м южнее условного центра кургана. Оно было полностью разрушено активной жизнедеятельностью землероев, которые устроили в центре насыпи и в материке обширную колонию (рис. 9, II). Могильная яма была ориентирована с ЮЗ на СВ, ее длина составляла 1,6 м, ширина 1 м, глубина от 0R 1,92 м. При выборке ее заполнения, на разных уровнях были обнаружены разрозненные кости скелета взрослого человека.

При расчистке большого сурчиного перекопа, как раз под нулевым репером найден большой фрагмент лепного сосуда, на основании которого графически реконструирована реберчатая форма с коротким вертикальным венчиком (рис. 12, 5). Предполагается, что сюда он был перемещен сурками из могильной ямы 13 погребения. Диаметр устья этого сосуда составлял 19,6 см, максимальное расширение тулова по ребру 22 см, высота сохранившейся части сосуда 7,4 см. Вся верхняя половина внешней поверхности орнаментирована гребенчатым штампом: по шейке и нижней части плечика короткими отрезками оттиснуты разделительные горизонтальные линии, меж-

ду которыми цепочка крестообразно штрихованных ромбов, а в самом низу, на линии ребра – короткошаговый зигзаг.

Погребальный обряд Преображенского некрополя анализируется с позиций формализованного подхода, который, как рабочий инструмент, наиболее удобен при описании и обработке массовых археологических материалов. Исследователями предпринимались неоднократные попытки создания единых методических алгоритмов и универсальных кодов для обработки погребального обряда и крупных массивов керамики или инвентаря [Каменецкий, 1983; он же, 1986; Андреева, 1989]. Их применение дает хорошие результаты при анализе и сравнении археологических комплексов отдельных культур на региональном уровне. Но на поверку оказывается, что каждый новый памятник всегда демонстрирует свою собственную специфику, которая должна учитываться при систематизации его материалов.

Преображенский курганный могильник представляет собой один из немногих некрополей, исследованных в комплексе с древним местом обитания (рис. 1), и это создает хорошие перспективы в оценке локальных культурных процессов. Но всегда остаются определенные трудности в интерпретации массовых показателей погребальной обрядности и инвентаря. Загадочной спецификой трех преображенских курганов является, к примеру, полное отсутствие предметов погребального инвентаря из бронзы, камня, кости, фаянса, то есть, личных вещей умерших и погребенных здесь людей. В захоронениях, и то далеко не во всех, обнаружена только керамика.

Погребальные сооружения – очень важная культурообразующая категория признаков. Формы могильных ям, детали их оснащения, ориентировки – прямо или косвенно дают исследователям основания для уточнения культурно-хронологических привязок исследуемых комплексов. Поэтому формальный анализ данного вида полученной при раскопках информации всегда присутствует как в отчетной документации, так и в научных публикациях погребальных памятников.

В ходе исследований Преображенского некрополя зафиксированы материковые ямы, содержавшие захоронения людей. Погребения, оставленные в насыпях курганов, крайне редки, и они всегда содержат останки детей. Нередко первоначальные формы могил нарушены многолетней жизнедеятельностью землеройных животных, и тогда их очертания и размеры точно не определимы. Ямы, поддающиеся реконструкции, дифференцированы по внешним признакам на 3 основных типа, внутри которых варианты, различающиеся по деталям оснащения, не наблюдаются. Основная задача данного

вида формального анализа – верно определить значимый признак выделяемого типа.

1. Прямоугольная яма с округленными углами (рис. 3, 5, 6; 4, 1, 4; 5, 1, 3, 5, 9; 6, 1, 2, 4; 8, 1, 6; 10, 1, 4, 6; 12, 1, 3) – наиболее часто встречающийся тип (93,33 %). Значимый признак здесь – это сама прямоугольная форма и принципиальное скругление углов могилы. Незначительные отклонения от стандарта (едва заметные сужения или расширения вертикальных стенок ям в направлении днищ могил, степень скругленности углов) представляются малозначимыми. Основной сути данного типа они не искажают.

2. Квадратная яма с округленными углами – тип, значимым признаком которого является именно форма могилы, соответствующая квадрату или максимально близкая данному показателю (рис. 11, 1). У нас это единственное погребение 9 из 3 кургана (3,33 %), специфической особенностью его могилы являются незначительная степень скругленности углов и заметное сужение стенок в направлении дна.

3. Яма овальной формы без выделенных углов (рис. 11, 3). Это также единственный вариант в нашей выборке (3,33 %). Форму ямы можно считать неправильным овалом, ее стенки едва заметно суживаются в направлении дна.

Рассмотренные типы могильных сооружений, где абсолютное преимущество составляют прямоугольные с округленными углами, безусловно, относятся к простым формам. Различные варианты простых типов (прямоугольные, квадратные, трапециевидные, овальные, круглые) характерны для многих культур эпохи бронзы, они наименее вариативны и, видимо, более соответствуют канонизированным сакральным идеологемам. Возникая однажды, причем в самых архаичных срезах исторической диахронии, на переломах развития идеологии они могут видоизменяться, усложняясь и приобретая самые причудливые детали оснащения, но в периоды стабильности вновь возвращаются, как наиболее оптимальные и наименее трудозатратные. В нашем случае наблюдается практически абсолютная канонизация погребальных сооружений.

Положения умерших – не менее важная категория информации. Наряду с могильными конструкциями они, с учетом пространственной ориентировки скелетов, хорошо диагностируют культурно-хронологические позиции погребальных комплексов. В некрополе Преображенки зафиксированы 4 основных типа ориентировок скелетов, при одной канонической позе *адорации* (левобочная скорченность с подогнутыми в коленях ногами и согнутыми в локтях руками, кисти которых лежат перед лицом умершего).

1. Подавляющее большинство в могильнике составляют захоронения со скелетами, скорченными на левом боку и ориентированными на *северо-восток*

(рис. 4, 4; 5, 1, 3, 9; 6, 2; 8, 1, 6; 10, 1, 4; 11, 1; 12, 1, 3). Скорченность строго на левом боку, ориентировка к северо-востоку и классическая «поза адорации» с руками перед лицом – это особо значимый признак для срубной культуры эпохи поздней бронзы, окончательно сформировавшейся во всех своих ведущих показателях.

2. Скорченная поза на левом боку в позе адорации с *северной* ориентировкой представлена всего одним детским комплексом (рис. 3, 5). Следует указать, что северные ориентировки, а также смещенность скелета к западной стенке могилы, неоднократно отмечались исследователями как наиболее типичные для памятников покровского типа, которые активно участвовали в становлении срубной культуры в Нижнем Поволжье [Малов, 1991; он же, 1992].

К этой же группе следует отнести комплекс с кремацией, устроенный в могиле, продольная ось которой также ориентирована строго по меридиану (рис. 6, 1). Подобные захоронения редки, и принято считать, что они маркируют поздний этап в развитии срубной культуры. В ближайшем пространстве погребение с кремацией и срубным сосудом баночной формы исследовано на Колышлее, притоке Медведицы, около с. Варыпаевка [Лопатин, Четвериков, 2005. С. 58].

3. Скорченные положения на левом боку в позе адорации, головой к *северо-западу*, как отклонения от стандартов, редки (рис. 4, 1; 10, 6). Иногда они трактуются как чисто планиграфическая особенность, при которой в момент захоронения стремились соблюсти ориентированность некоторых умерших на центр подкурганного пространства, где располагалось основное погребение [Крамарев, 2008. С. 143–169].

Как особое, в обрядовом отношении, здесь необходимо отметить детское захоронение с декапитацией (рис. 10, 6). То, что это было преднамеренное отделение головы, – абсолютно достоверно, поскольку нижняя челюсть относительно черепа размещается *in situ*. Особые виды погребений рассматривались и были систематизированы на примере материалов катакомбных культур, где в отдельную группу выделены комплексы с расчленением (отделенная голова с нижней челюстью) [Мельник, 1991. С. 15]. Для степных культур эпохи средней бронзы погребения с нарушениями (вторичные, частичные, расчлененные, пакетированные и т.п.) не редкость. Не исключено, что отдельные традиции манипуляций с телами умерших проникают и в более поздние культуры, генетически связанные с катакомбным миром. Но все же следует отметить, что в канонизированной обрядности срубной культуры подобные явления весьма редки.

4. Скорченное положение на левом боку в позе адорации с *восточной* и *юго-восточной* ориентировкой (рис. 3, 6; 5, 5; 6, 4) в общем массиве незначи-

тельно. Как и предыдущие варианты, такие ориентировки скелетов характерны для срубной культуры, но в большей степени они типичны для погребений южнорусских степей, где некоторые исследователи выделяют особый бережновско-маевский культурный тип или культуру, которая именно восточной ориентировкой умерших, а также некоторыми показателями керамического комплекса отличается от лесостепной «покровско-мосоловской» срубной культуры [Отрощенко, 1994; он же, 2001; он же, 2003].

Эту группу широтно обращенных погребений следует дополнить одним из основных комплексов третьего кургана (рис. 11, 3). Это очень сильно скорченная левобочная адорация с ориентировкой на запад и лицевой обращенностью к северу.

Формализация анализа предполагает скрупулезную дифференциацию массива на возможно большее число вариантов, где значимы абсолютно все отклонения от известных стандартов (степень скорченности, развороты на грудь или спину, варианты положения рук и ног). Вместе с тем, здесь следует учитывать всевозможные, далекие от реальной обрядовости, искажения сакральных положений умерших в результате распада органических тканей, деятельности мелких землероев, подвижки грунтов, заполняющих могилы. Но вполне очевидно, что основное внимание следует обратить на устойчиво стандартную левобочную скорченность и «позу адорации», а также заметно преобладающие ориентировки в северные сектора, как наиболее типичные для срубной культуры.

Систематизация керамики основана на разработках, которые предпринимались ранее с материалами Преображенского комплекта памятников, Смеловского могильника и других срубных поселений и погребальных комплексов Нижнего Поволжья [Лопатин, 1987; он же, 1991; Лопатин, Шамгуллина, 2000; Лопатин, Филимонова, 2001; Лопатин, 2002; Лопатин, Филимонова, 2003; Лопатин, 2010]. В основе принятой методики анализа и систематизации керамики содержатся рекомендации так называемого «аналитического» подхода, предложенного А.А. Бобринским [Бобринский, 1986. С. 137]. Данный метод наиболее удобен в работе с керамическими комплексами, в которых отсутствуют твердые стандарты форм сосудов, что в целом характерно для культур бронзового века Восточной Европы, когда преобладала ручная лепка посуды.

В предложенной работе авторы также придерживаются конкретной операционной терминологии для всех частей сосудов и маркировки их параметров, которая использовалась для наиболее полной и максимально детализированной классификации керамики Смеловского могильника [Лопатин, 2010. С. 61–63]. Единая унифицированная терминология для обозначения конкретных долей и параметров, а также система измерений представ-

ляются очень важной методической установкой. В систематизации керамических комплексов она является определяющей как при выделении значимых признаков типов, так и при последующей статистико-комбинаторной обработке. К примеру, сравнение всей полученной типологической группы с массивом керамических комплексов, признаки которых были выделены по другой методической схеме, заведомо даст неверный результат.

На основе обобщенной геометрической модели сосуда конкретизируем рабочие термины и параметры, необходимые в операционной процедуре классификации керамики Преображенского некрополя. Формально они адресованы определенным линиям и долям нашей модели, под которыми подразумеваются части реального сосуда:

- *устье* – условная линия, соответствующая верхнему краю сосуда и широтному параметру D1. Эта деталь универсальна, она присутствует в любом сосуде – сложном (венчиковом) и простом (безвенчиковом). Нередко устья простых безвенчиковых банок называют венчиками, что недопустимо. Ассоциативный термин «устье» подходит функциональному принципу этой части сосуда (откуда сливается содержимое), хотя вполне уместны обозначения, соответствующие форме (закраина) или технологическое – «обрез верхнего края»;

- *венчик* – верхняя часть сосуда между линиями устья и шейки, соответствующая высотному параметру H1. Венчик характерен только для сложных (венчиковых) форм. Этот ассоциативный термин, уже одним своим именем поясняющий конструктивную сущность конкретной детали сосуда (то, что венчает форму), устраняет любые двусмысленности своего толкования. В антропологическом смысле венчик, располагающийся над линией шейки, соответствует голове (венчает голову);

- *шейка* – условная линия между венчиком и плечом сосуда, соответствующая широтному параметру D2. Данное положение, возможно, типично только для определенных архаических комплексов керамики, поскольку более поздние кувшинообразные формы имеют высокие цилиндрические шейки, являющиеся уже не условными линиями, а долями форм. Как и венчик, шейка – атрибут сложных (венчиковых) сосудов, простые безвенчиковые банки шеек не имеют;

- *плечо* – часть сосуда между линиями шейки и максимального расширения тулова, соответствующая высотному параметру H2. Данная категория почти универсальна, она отсутствует только в одном простейшем типе баночных сосудов открытых форм;

- *максимальное расширение тулова* – условная линия между плечом и придонной частью сосуда, соответствующая широтному параметру D3. Это абсолютно универсальная категория, присущая как простым, так и сложным

формам. У открытых банок она соответствует одновременно и диаметру устья;

- *придонная часть* – часть сосуда между линиями максимального расширения тулова и днища, соответствующая высотному параметру НЗ. Придонная часть характерна абсолютно для всех степеней сложности керамических форм. У простейших открытых банок она соответствует также всему тулову;

- *днище* (дно, донце) – в геометрической модели это условная линия под придонной частью, ограничивающая нижнее пространство всей плоскости изображения. Она соответствует широтному параметру D4. Обозначая нижний край тулова, данная категория, вместе с тем, отражает не антропопатическую ассоциацию, а связана с этимологией иранской гидронимии (*dn, dna, don*), указывающей на определенную сакрализацию сосуда и его содержимого (таинственная водная глубина, пучина);

- *тулово* – совокупность всех частей и линий сосуда с их параметрами (сосуд в целом). Данная категория соответствует формам любых типов или вариантов реальных сосудов, а также их моделированным трактовкам.

В настоящей работе принята дробная классификация керамического комплекса Преображенского некрополя, учитывающая не только степень сложности формы, но также разделяющая основные группы сосудов (остро-реберные, округлобокие, баночные) на типы и варианты в соответствии с выделяемыми значимыми признаками. Это иерархическая схема, в которой представлены два отдела – безвенчиковые и венчиковые сосуды.

Весь отдел безвенчиковых форм полностью соответствует группе *баночных* сосудов:

- *открытые баночные сосуды*, у которых значимый признак – это максимальный показатель по диаметру устья (D3-max). В формальном обозначении широтных диаметров геометрической модели он равнозначен максимальному расширению тулова (D3). Открытые банки (рис. 3, 3; 4, 3; 5, 4, 10; 8, 3, 5, 7; 10, 3; 12, 4) обнаружены в погребениях №№ 1/насыпь¹, 1/6, 1/12, 1/17, 3/1, 3/3, 3/4, 3/6, 3/12. Только один сосуд этого типа (1/6) имеет нерегулярный орнамент в виде прочерченных одиночных и перекрещивающихся косых линий (рис. 4, 3).

- *закрытые баночные сосуды*, у которых диаметр устья меньше максимального расширения тулова (D2<D3). По принципу соотношения высот плеча и придонной части (положение максимального расширения относительно общей высоты тулова) в нашем некрополе представлен только один вариант – с максимальным расширением в верхней трети общей высоты тулова (значимый признак Н2<НЗ). Банки этого варианта (рис. 4, 5; 5, 2, 7, 8; 8, 2) выявлены в погребениях №№ 1/7, 1/8, 1/14, 1/16, 2/1. Некоторые сосуды

¹ В числителе указан номер кургана, в знаменателе номер погребения

этой группы орнаментированы в верхней трети тулова: в гребенчатой технике косо отгиснутыми отрезками (рис. 4, 5), косо штрихованными зигзагами (рис. 5, 7), кольцевидными вдавлениями (рис. 5, 8), но большинство из них не имеют декора.

– *прямостенные баночные сосуды* с максимальным расширением в верхней трети общей высоты тулова (значимый признак $D_2=D_3$). Прямостенные банки (рис. 5, 6; 6, 3; 10, 2) выявлены в погребениях №№ 1/13, 1/18, 3/5. Два сосуда этого типа украшены: клиновидными насечками (рис. 6, 3) и сложной паркетной композицией в гребенчатой технике (рис. 10, 2).

Реберчатые баночные сосуды (биконические банки), известные в керамических комплексах многих памятников срубной культуры, в некрополе Преображенки не представлены.

В отделе венчиковых форм выделены две группы сосудов. Группа округлобких сосудов представлена одним типом – округлобкие плавнoproфилированные сосуды с коротким венчиком, а в группе остросереберных сосудов наблюдаются две из трех известных форм, которые варьируются по устройству плечика.

– *округлобкие сосуды с короткими отогнутыми наружу венчиками*, у которых высота венчика меньше высоты плеча (значимый признак $H_1 < H_2$). Сосуды этого типа (рис. 4, 2; 6, 5; 11, 4; 12, 2) выявлены в погребениях №№ 1/4, 2/2, 3/10, 3/11. Все сосуды украшены довольно сложными орнаментами: прочерченными зигзагами в сочетании с ногтевыми оттисками (рис. 4, 2); однорядной «елочкой», выполненной оттисками короткого штампа (рис. 6, 5); паркетным орнаментом в прочерченной технике (рис. 11, 4); косо́й решеткой между двумя горизонтальными линиями (рис. 12, 2).

В указанной группе особый интерес представляют два сосуда, имеющие некоторые архаичные черты, и, кроме того, они сочетаются в комплексах с нестандартной обрядностью. Это погребения 2/2 (рис. 6, 4, 5) и 3/11 (рис. 11, 3, 4). Нестандартность погребения 2 во втором кургане выражена в широтной ориентировке могилы и восточной обращенности умершего. Поза погребения – скорченная левобочная адорация с заметным завалом на грудь. Вплотную к скелету, на уровне кистей рук, поставлен округлобкий сосуд с коротким венчиком, украшенный однорядной чеканной «елочкой». В указанных признаках вполне уместно предполагать проявление культурных традиций предшествующей эпохи средней бронзы, а возможно и реминисценции посткатакомбных образований. Столь же нестандартное захоронение 11 из третьего кургана, во-первых, занимает центр подкурганного пространства (рис. 9), а во-вторых, при такой же широтной ориентировке могилы овальной формы, демонстрирует крайне редкую западную обращенность скелета. К сожалению, погребение сильно пострадало от жизнедеятельности землероев, сосуд зафиксирован в виде неполного развала (рис. 11, 3, 4). Такие признаки, как

левобочная скорченная адорация и западная ориентировка, в сочетании с прочерченной «паркетной» орнаментацией сосуда позволяют сравнивать данный комплекс с известными подобными характеристиками бабинской культуры (КМК) [Археология..., 1985. С. 452, рис. 122; с. 456, рис. 123, 7]. На коренной территории бабинской культуры (степное Нижнее Поднепровье) могильные ямы овальной формы представляют в общем массиве КМК подавляющее большинство [Березанская и др., 1986. С. 31]. Вместе с тем, в материалах всех территориальных вариантов погребения с западными ориентировками изредка встречаются не в овальных, а в больших прямоугольных могилах с деревянными облицовками стен и днищ. Поэтому, очевидно, следует учитывать известную поправку на искажение культурных реминисценций в пространстве и времени. То же касается и характеристик керамического сосуда из погребения 3/11, в орнаментации которого (прочерченный «паркет») усматривается бабинская традиция. Зато все прочие показатели не согласуются с отмеченными бабинскими аналогиями. Средние пропорции преображенского сосуда, некоторая колоколовидность формы и даже сглаженное внутреннее ребро, отчасти указывают на возможный синтез с покровскими традициями.

Вторая группа венчикового отдела – остросереберные сосуды с максимальным реберчатым расширением тулова в верхней трети его высоты. Обращают на себя внимание такие показатели некоторых остросереберных сосудов некрополя Преображенки, как малые размеры и приземистые пропорции.

– *остросереберные сосуды с выпуклым плечом* (значимый признак – плюсовой показатель плеча): единственный экземпляр обнаружен в погребении № 3/13. Мизерное содержание данного типа в общем массиве погребальной керамики Преображенского некрополя естественно, и подтверждается классификациями многих срубных комплексов, где выпуклоплечие реберчатые формы всегда единичны. К сожалению, данное погребение практически полностью уничтожено сурчиным перекопом, и сосуд из этого комплекса – по большей части графическая реконструкция (рис. 12, 5). Предположительно его можно квалифицировать как сосуд средних пропорций, остросереберный с выпуклым плечиком и коротким вертикальным венчиком. Довольно сложный декор (крестообразно штрихованные ромбы между горизонтальными линиями и короткошаговый зигзаг), выполненный оттисками короткого зубчатого штампа, позволяет с уверенностью относить его к срубному комплексу.

– *остросереберные сосуды с вогнутым плечом* (значимый признак – минусовой показатель плеча): зафиксированы в погребениях №№ 3/2, 3/7, 3/8 и 3/9 (рис. 8, 4; 10, 5, 7; 11, 2). Только один из этих сосудов не имеет орнамента (рис. 10, 5), прочие украшены гребенчатым штампом в виде зигзагообразных

композиций (рис. 8, 4; 10, 7). Из них весьма интересен один экземпляр с высоким раструбовидным венчиком из детского погребения 3/2 (рис. 8, 4). В подкурганном пространстве оно явно занимает место в детской свите могил, в северо-восточном секторе и на значительном удалении от центра (рис. 9). Характерный профиль сосуда напоминает близкие формы керамики из восточного (андроновского) ареала.

Особо следует рассматривать еще один реберчатый сосуд из погребения 3/9, который весьма своеобразен (рис. 11, 2). Линия максимального расширения тулова по ребру слегка оттянута, имитируя валик, на который нанесены ногтевые оттиски. Такой же фриз вдавлений ногтем проходит по линии шейки. Между ними, на плечике, тонкими врезными линиями изображен косо заштрихованный треугольник. Придонная часть тулова покрыта косыми расчесами. По всем признакам такая керамика близка показателям бабинского комплекса реминисцентного или подражательного типа. Думается, что данное захоронение синхронно в кургане погребению 3/11.

Вещевой погребальный инвентарь Преображенского некрополя представлен только одним предметом – абразивным орудием, изготовленным из серого песчаника (рис. 4, б). Причем, его причастность именно к погребальному ритуалу в комплексе захоронения 1/7 весьма сомнителен. Оселок зафиксирован не на дне могилы (-205 от 0R) а в ее заполнении, в северо-восточном углу ямы (рис. 4, 4). Его, скорее всего, обронили на месте сооружения захоронения, где использовали при заточке инструментов. Подобные абразивы чаще встречаются как расходный массовый материал, нередко фрагментированный, в культурных отложениях поселений. Наш экземпляр имеет вытянуто-овальную форму и линзовидное сечение. Его размеры 13 X 4,6 X 1,7 см.

Могильник небогат, здесь нет захоронений с престижными комплексами инвентаря, свидетельствующими о значительной социально-имущественной дифференциации. Это некрополь равных, простые кладбища рядовых представителей древнеиранского скотоводческого общества, в определенный момент перекрытые земляными насыпями, где в погребальной обрядности нарочито выпукло проявлялись традиционные эгалитарные принципы. Обращает на себя внимание внешне подчеркнутая аскетичная стандартизация этой группы погребений раннесрубного времени (прямоугольные могилы, левобочная скорченность, адорация, один сосуд). Тем не менее, памятник располагает целым рядом признаков, свидетельствующих о своеобразиях локального культурогенеза ранних срубных комплексов в степном Заволжье.

В результате раскопок трех курганов у с. Преображенка, которые, предположительно, рассматриваются в качестве родовых некрополей ближайшего поселения срубной археологической культуры, получены новые, весьма информативные материалы, существенно дополняющие наши представления о характере и хронологическом соотношении древних культур в Волго-

Уральском междуречье. Ранее уже отмечалось, что любому поселению должен соответствовать свой некрополь (простой грунтовый могильник, грунтовое кладбище, перекрытое земляной насыпью, более древние курганы, воспринимаемые последующим населением в качестве предковых) [Лопатин, Четвериков, 2006. С. 123]. В данном контексте примечательно, что родовые могильники в Преображенском некрополе неоднозначны. Первый курган воспринимался раннесрубным населением как предковый, поскольку он был построен еще в эпоху ранней бронзы. Об этом свидетельствуют находки характерной керамики, которая происходит из основного погребения, разрушенного сурчиным перекопом (рис. 2; 3, 2, 4).

По всем признакам (примесь толченой раковины, поверхностная обработка расчесами, орнаментация крученым шнуром и, особенно, круглыми вдавлениями-«жемчужинами») такой комплекс мог быть оставлен здесь носителями репинской археологической культуры. Подкурганые захоронения репинского типа широко распространены на территории Саратовского и Волгоградского степного Поволжья, и не исключено, что это может отражать традиционные модели меридионального выпаса скота в III тыс. до н.э. В настоящее время такие комплексы и хозяйственно-культурные процессы относятся к раннему этапу ямной культуры, а по радиоуглеродным данным их помещают в рамки 4000–3300 лет ВС [Моргунова и др., 2011. С. 54–56].

Позже в центре этого кургана было устроено раннесрубное погребение взрослого человека 1/7 с сосудом и каменным оселком, а впоследствии здесь возник родовой некрополь с подавляющим большинством детских и подростковых захоронений. Они расположены полукольцом, с ориентацией на центр, в юго-западном, южном и юго-восточном секторах насыпи. Не исключено, что по окончании семейного культа срубное кладбище, устроенное в предковом кургане, было досыпано вторичной насыпью. Отчасти в пользу этого свидетельствует расположение некоторых детских погребений (1/1, 1/2, 1/6) в насыпи на малых глубинах (рис. 2). Но это не более чем предположение, поскольку данными вертикальной стратиграфии, искаженными многолетней распашкой, оно не подтверждается.

Иначе выстраивался некрополь третьего кургана, который возник в позднем бронзовом веке (рис. 9). Здесь родовой культ основан при совершении погребений 3/9 и 3/11 (рис. 11), в которых заметны реминисценции КМК. Не исключено, что в центре подкурганного пространства, разрушенном земляными, могли находиться подобные, или близкие им комплексы с более или менее выраженными срубными чертами. Последующие подхоронения, вполне выдержанные в срубных традициях, продолжали семейную ритуалистику и были примечательны все той же аскетичностью обряда. По завершении этого цикла небольшое грунтовое кладбище было перекрыто земляной насыпью, и вероятно последним здесь является детское погребение

3/1, впущенное в северо-западный сектор насыпи на незначительную глубину.

Совершенно иначе выглядит обрядовая картина во втором кургане (рис. 7), где зафиксированы только три комплекса, причем один из них (2/3) полностью разрушен сурчиным перекопом. Второе погребение с восточной ориентировкой и «елочным» орнаментом лепного сосуда (рис. 6, 4, 5) предположительно демонстрирует реликтовые посткатакомбные черты в раннесрубном комплексе. Погребение 2/1 с северо-восточной ориентировкой и охрой (рис. 8, 1, 2) синхронно комплексу 2/2, в пользу этого предположения свидетельствуют устойчивые сходные признаки обряда (левобочная адорация, плахи поперечного перекрытия могилы). Вместе с тем, их отличает различие в ориентировках, но это не противоречит принципу экзогамной межплеменной контактности на брачном уровне. Наиболее выпукло и красноречиво этот принцип подтверждается материалами уникального Смеловского могильника, анализ которых позволил представить достоверную модель срубного культурогенеза в степном Заволжье [Лопатин, 2010]. В силу каких-то причин люди, погребенные во втором кургане, не смогли продолжить семейный культ, поэтому данный объект следует считать некрополем неразвитого типа.

Обобщая данные по всей выборке Преображенского некрополя, отметим, что погребальная обрядность – прямоугольные, овальные и квадратные формы могильных ям, левобочная скорченность, поза адорации, ориентировки преимущественно на северо-восток (обращенность лицом к восходу солнца) – демонстрируют уже сложившийся идеологический комплекс, типичный для срубной культуры. Вместе с тем, отклонения в ориентировках (к северу, северо-западу, западу, востоку, юго-востоку) следует рассматривать как реминисценции предшествующей фазы становления с участием покровских и посткатакомбных (криволукских и бабинских) групп. Эти наблюдения отчасти подтверждаются находками в культурном слое Преображенского поселения фрагментов керамики катакомбного и бабинского типов, предшествующими периоду раннего становления срубной культуры. Материалы из погребений также опосредованно свидетельствуют о раннем характере срубного памятника. Это реликтовые элементы в орнаментации некоторых сосудов: однорядная «елочка» (рис. 3, 1; 6, 5); кольцевидные оттиски (рис. 5, 8); паркетные композиции (рис. 10, 2; 11, 4); имитация рассеченного валика (рис. 11, 2). В формах и орнаментах некоторых реберчатых сосудов заметны андроновидные элементы: раструбовидные венчики (рис. 8, 4) и многорядные зигзаги (рис. 10, 7). Предположительно к концу первой половины II тыс. до н.э. в широком пространстве Волго-Уралья завершаются взаимные аккумуляции близкородственных групп населения лесостепных, степных и аридных провинций. В это время наблюдается планомерная стабилизация культурных

процессов, приведшая к окончательному сложению самой обширной и снивелированной в основных признаках, на протяжении всей эпохи бронзы, общности, известной по данным археологии, как срубная культура.

Литература:

- Андреева М.В.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М., 1989.
- Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наукова Думка, 1985.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1986.
- Бобринский А.А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Гольмстен В.В.* Материалы к археологической карте Самарской губернии (по работам 1921–30 гг.) // Архив ИИМК РАН. Ф. 44, оп. 1, д. 204.
- Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда // Древности Дона. М., 1983.
- Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда. Ч. 2 // Археологические открытия на новостройках. Вып. I. М., 1986.
- Крамарев А.И.* Планировка могильников (взаиморасположение курганов) и внутрикурганная планиграфия в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневожья // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Северо-Ершовской оросительной системы в 1985 году // Архив ИА РАН. Ф. Л-057, оп. № 3 н/д, ед.хр. № 18. Саратов, 1986а.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических исследованиях в зоне сооружения Северо-Ершовской оросительной системы в 1986 г. // Архив ИАКН СГУ. Саратов, 1986б.
- Лопатин В.А.* Опыт статистического анализа керамики срубных поселений степной левобережной зоны Нижнего Поволжья // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987.
- Лопатин В.А.* Классификация керамики Преображенского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов, 1991.
- Лопатин В.А., Шамгулина С.А.* Классификация форм керамических сосудов из Смеловского грунтового могильника // Поволжский край. Саратов, 2000.
- Лопатин В.А., Филимонова С.А.* Классификация керамического комплекса Смеловского грунтового могильника эпохи поздней бронзы в Саратовском

Заволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

Лопатин В.А., Филимонова С.А. Курганный некрополь Преображенского поселения // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Курганная группа у села Варыпаевка // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов, 2010.

Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991.

Малов Н.М. Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья // Новые открытия и методические основы археологической хронологии. СПб., 1992.

Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: «Наука», 1991.

Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2011.

Отрощенко В.В. О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж, 2003.

Синицын И.В. Древние памятники в бассейне Иргица по раскопкам 1938–1939 гг. (предварительное сообщение) // Ученые записки. Т. XVII. Выпуск исторический. Издание СГУ: Саратов, 1947.

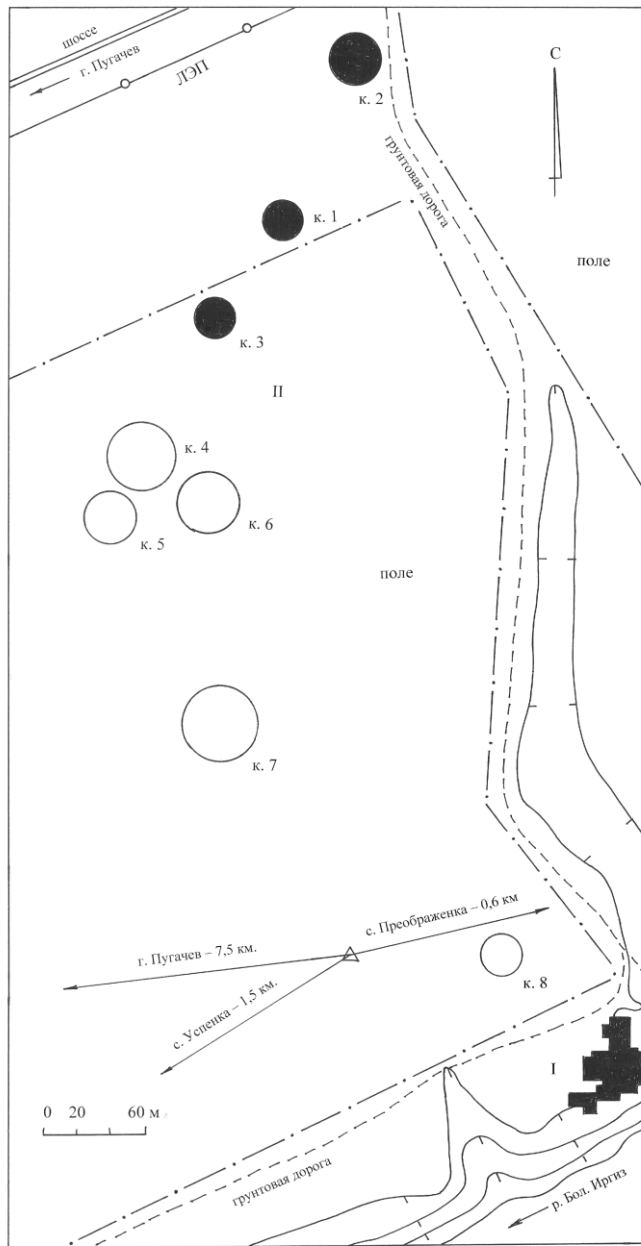

Рис. 1. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. I - поселение; II - могильник.

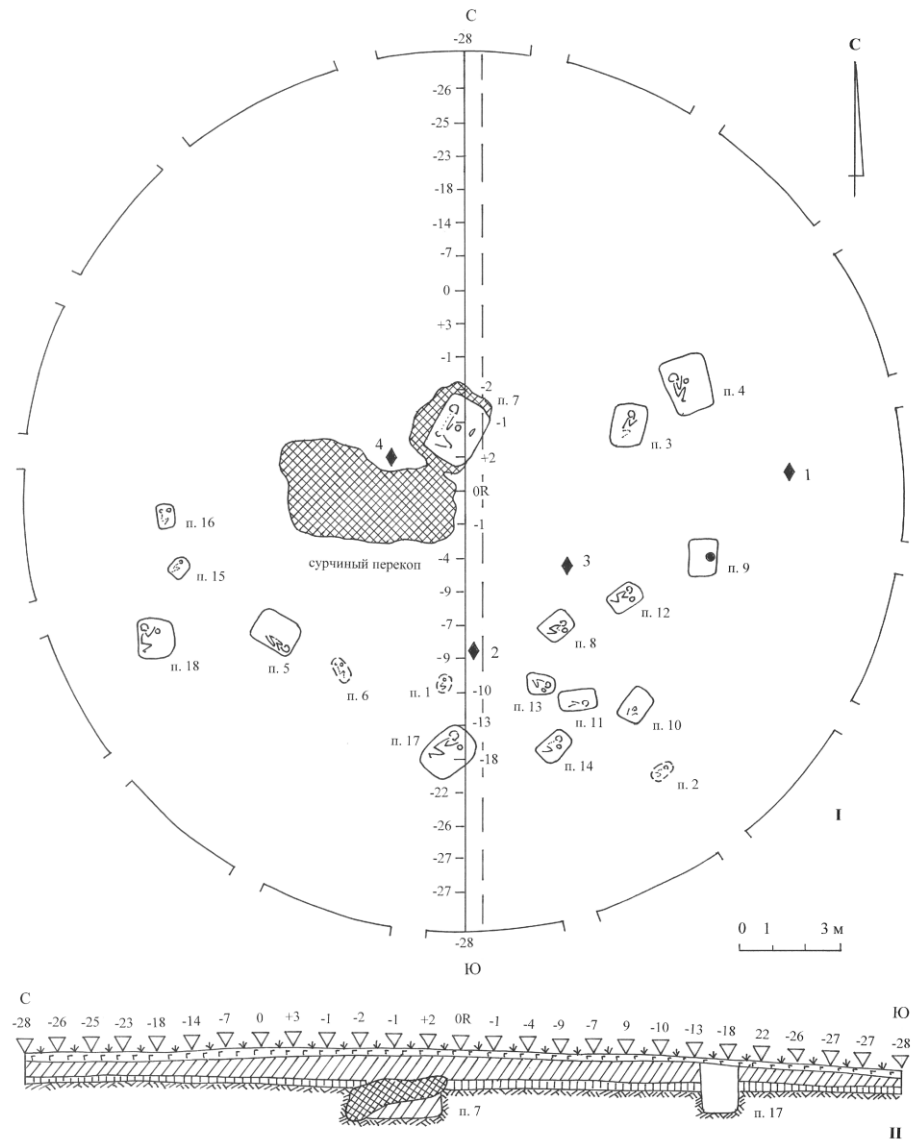

Рис. 2. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 1:
 I – план подкурганного пространства; II – западный фас осевой бровки; 1–4 – находки в насыпи.

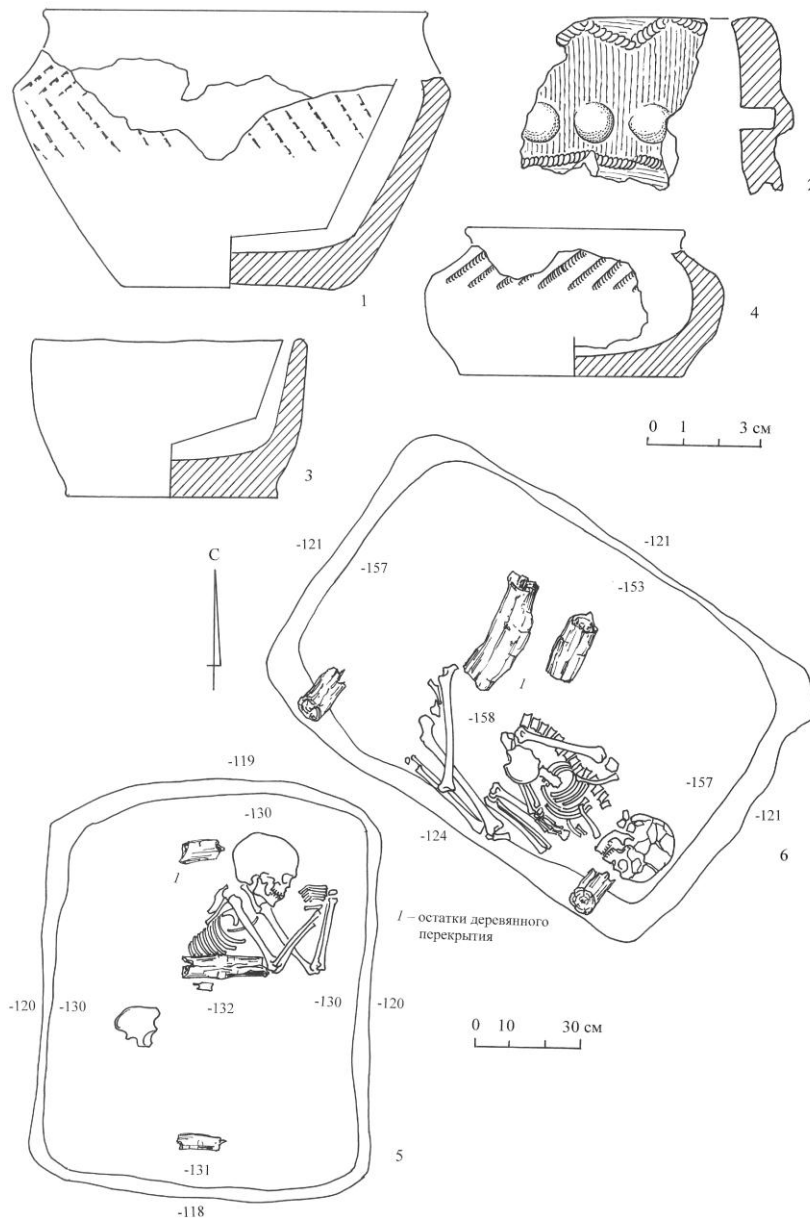

Рис. 3. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 1: 1-4 - находки в насыпи; 5 - погребение 3; 6 - погребение 5.

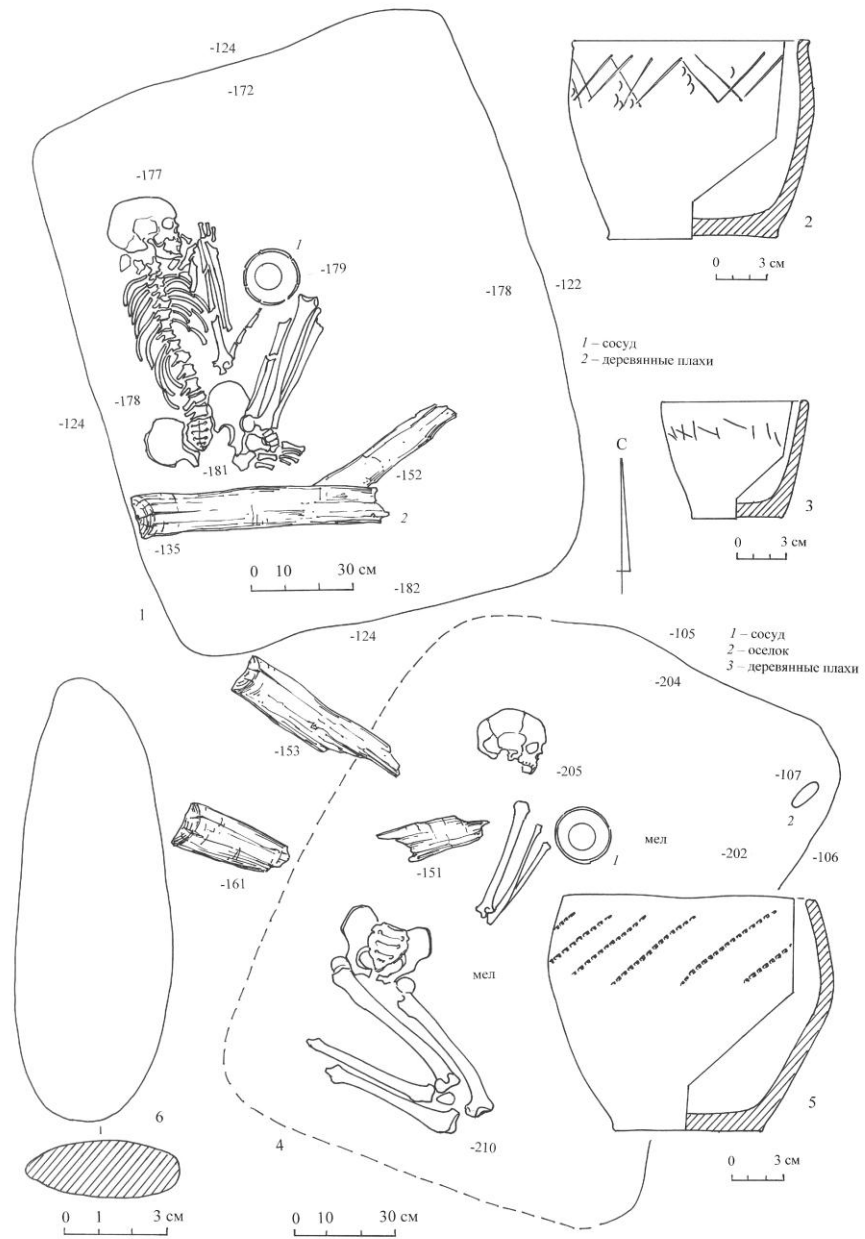

Рис. 4. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 1: 1, 2 – погребение 4; 3 – погребение 6; 4–6 – погребение 7. 2, 3, 5 – керамика; 6 – песчаник.

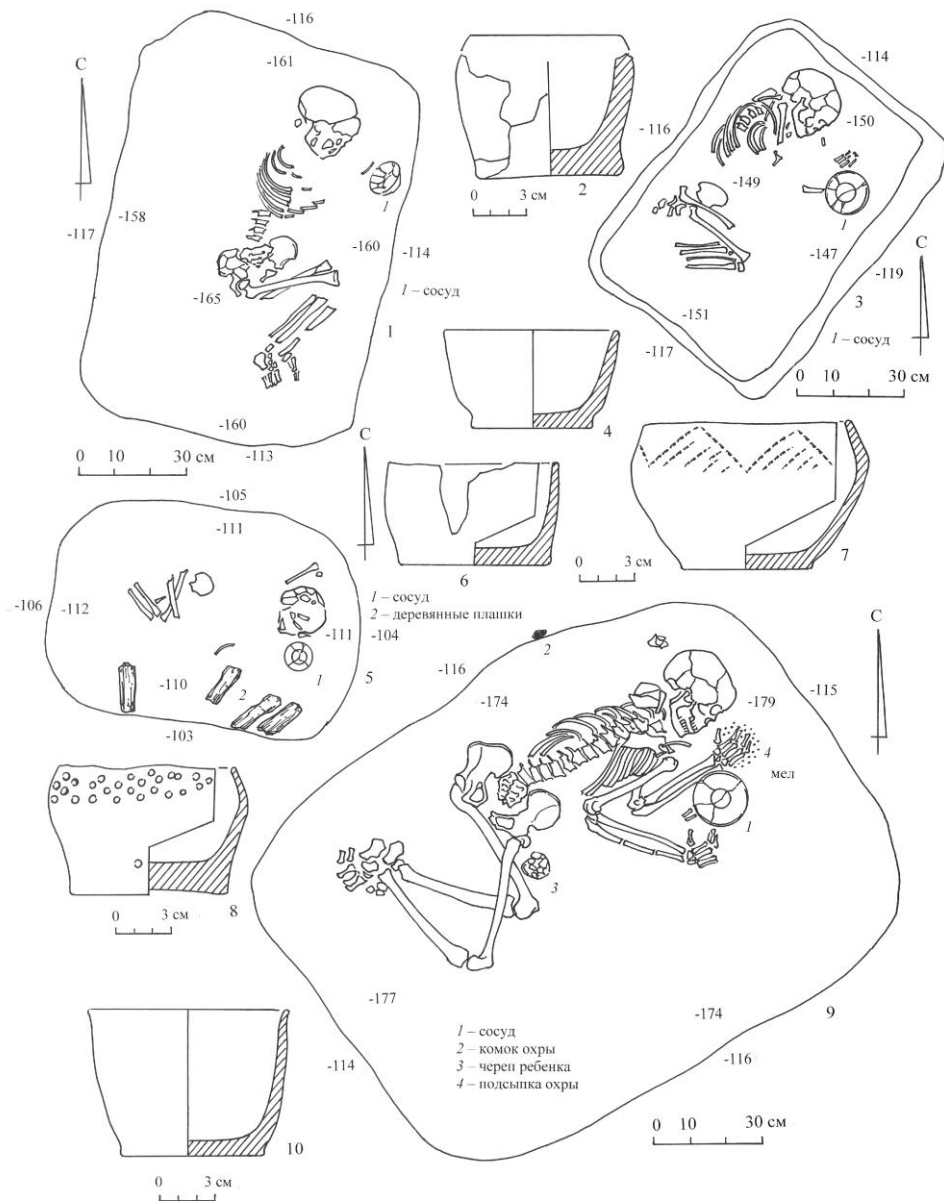

Рис. 5. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 1: 1, 2 - погребение 8; 3, 4 - погребение 12; 5, 6 - погребение 13; 7 - погребение 14; 8 - погребение 16; 9, 10 - погребение 17.

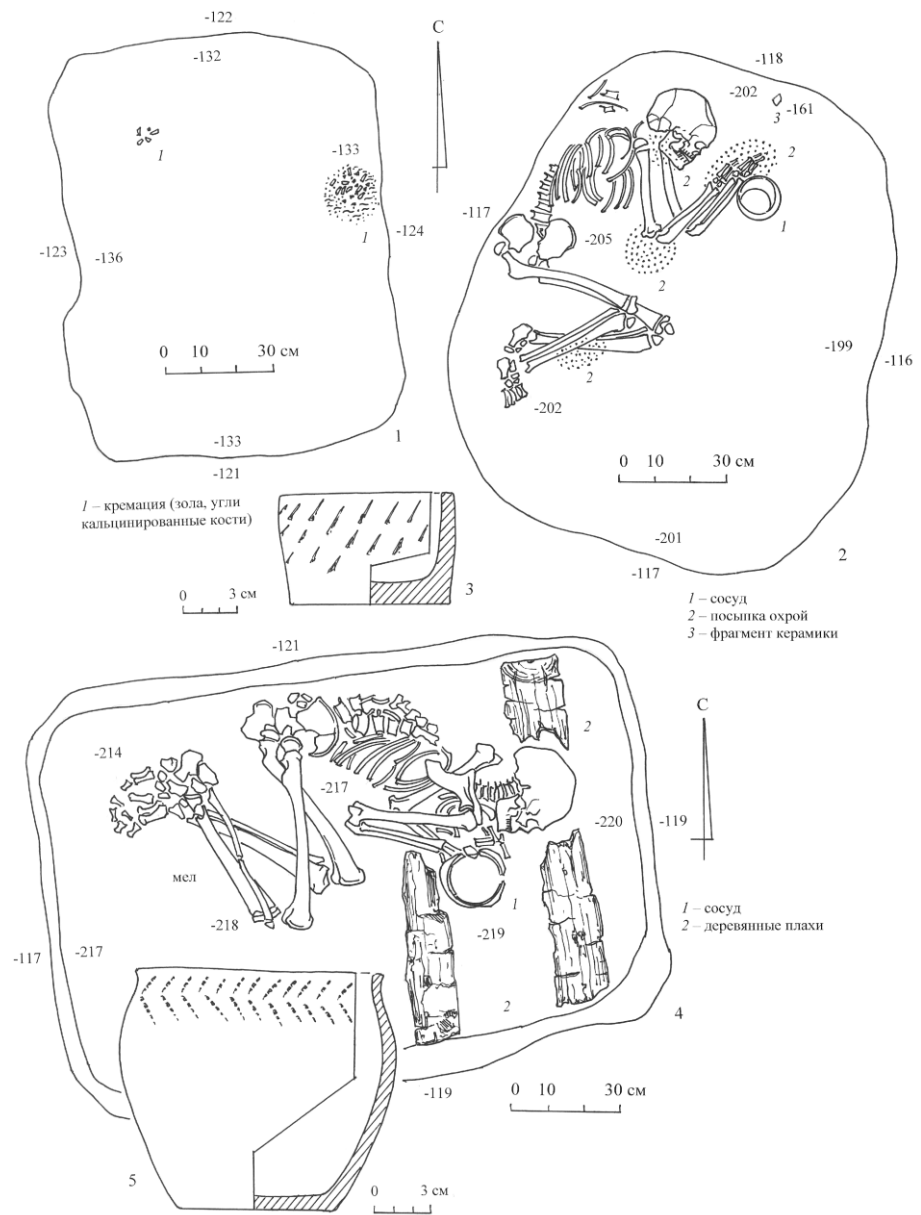

Рис. 6. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 1: 1 - погребение 9; 2, 3 - погребение 18. Курган 2: 4, 5 - погребение 2.

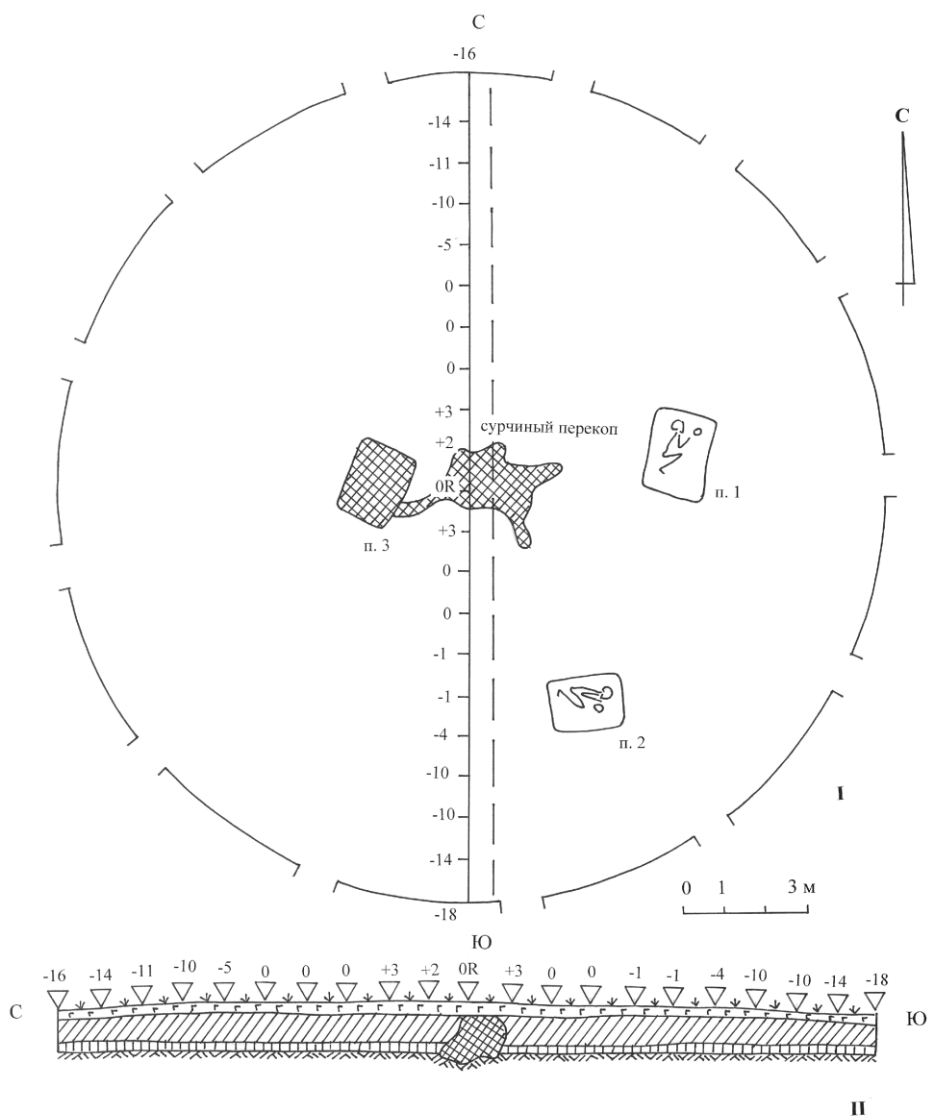

Рис. 7. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 2:
I – план подкурганного пространства; II – западный фас осевой бровки.

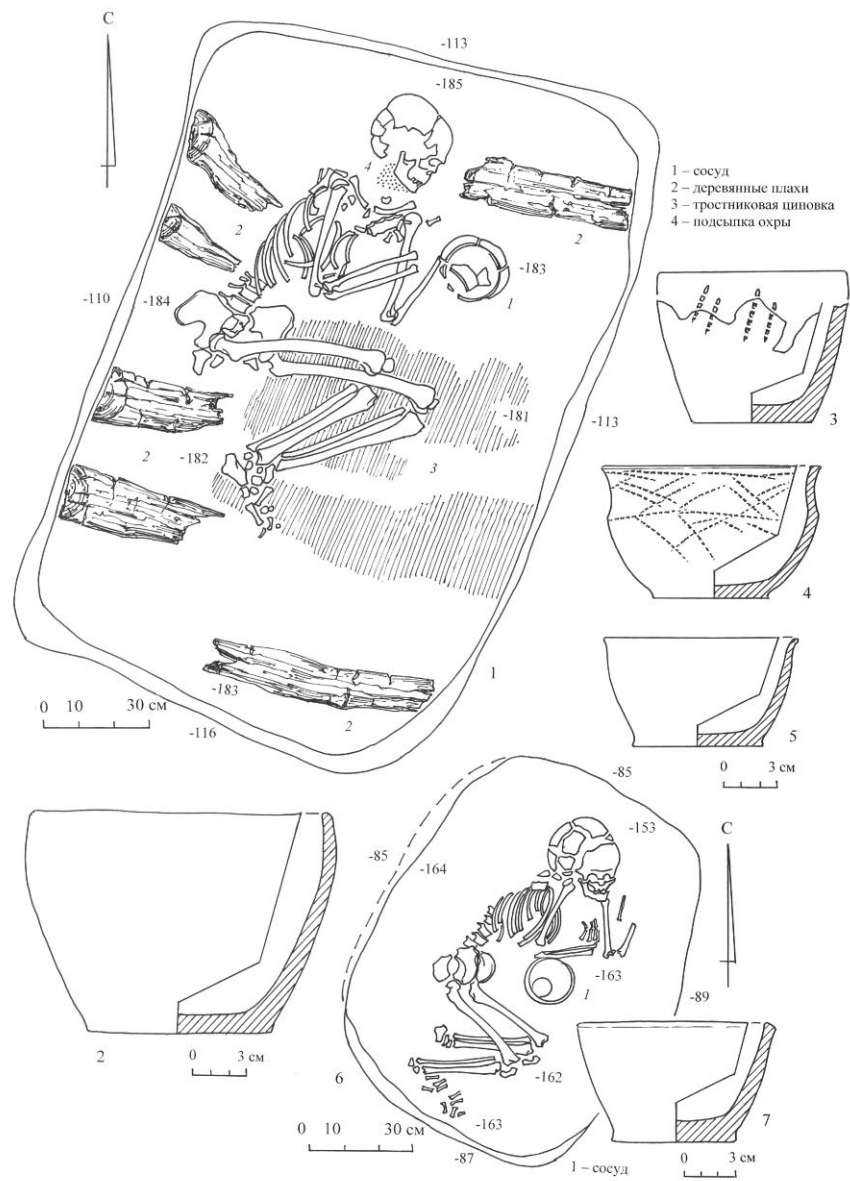

Рис. 8. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 2: 1, 2 – погребение 1. Курган 3: 3 – погребение 1; 4 – погребение 2; 5 – погребение 3; 6, 7 – погребение 4.

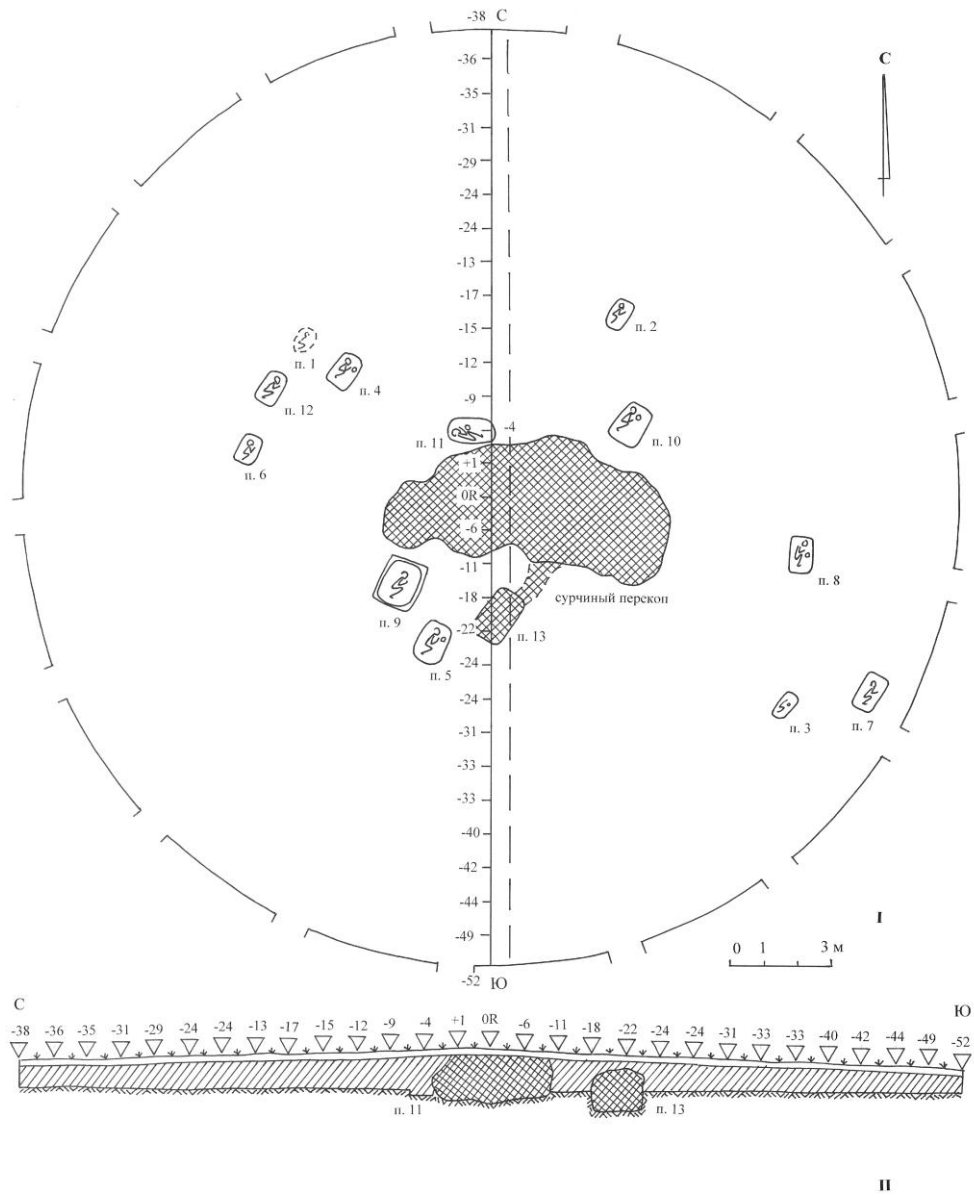

Рис. 9. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 3:
 I - план подкурганного пространства; II - западный фас осевой бровки.

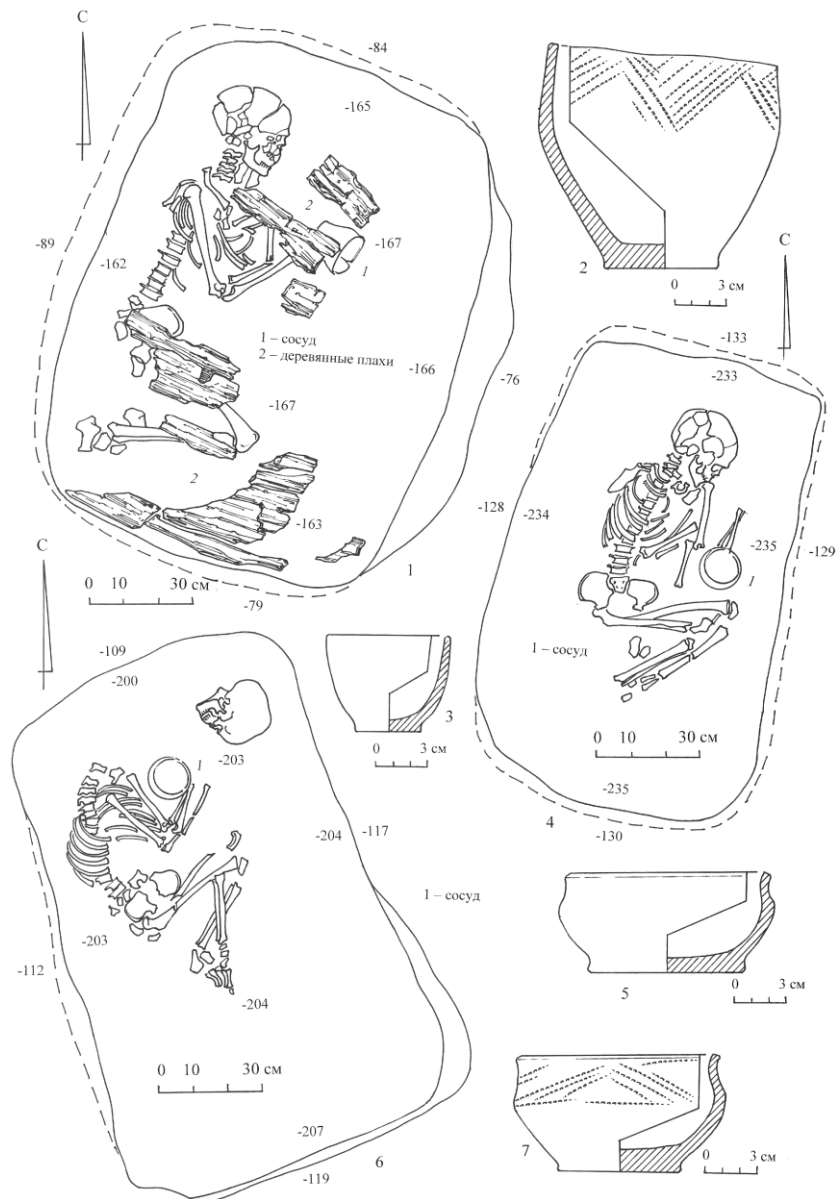

Рис. 10. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 3: 1, 2 – погребение 5; 3 – погребение 6; 4, 5 – погребение 7; 6, 7 – погребение 8.

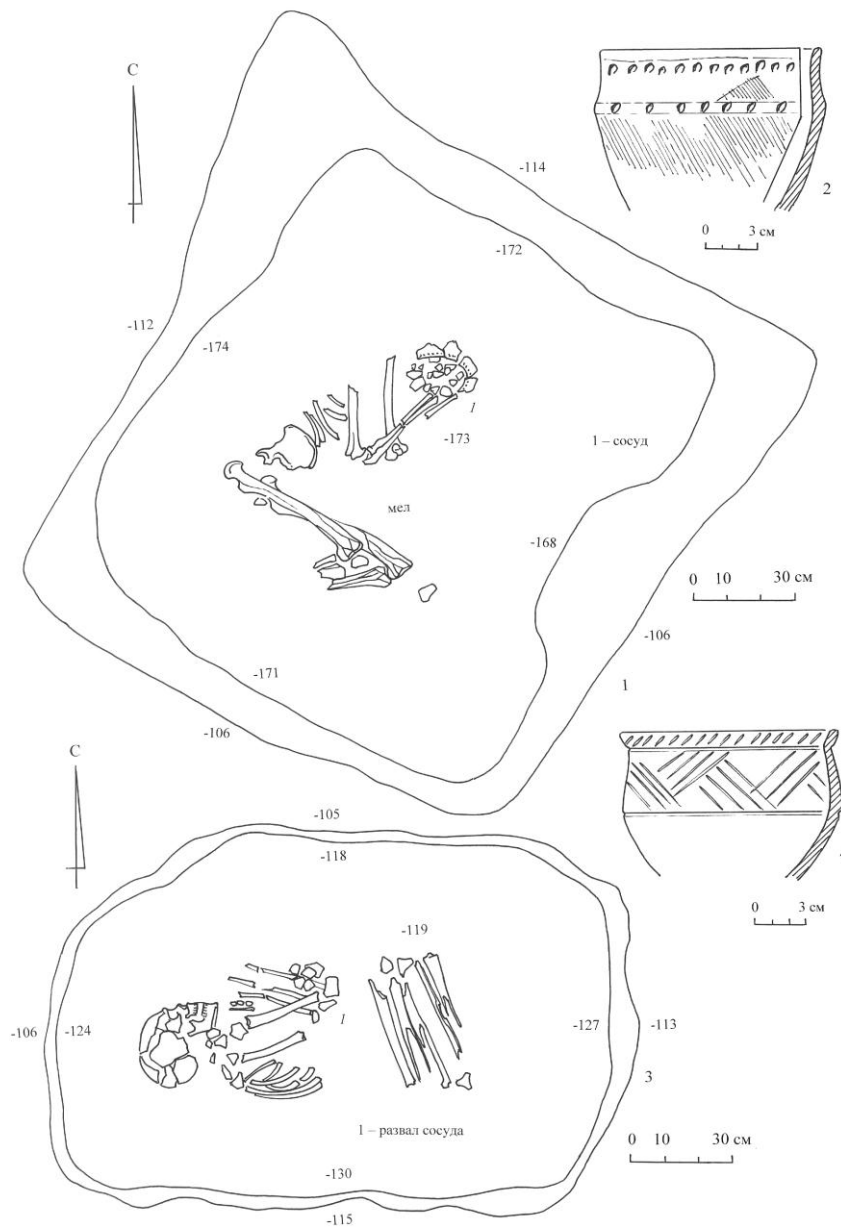

Рис. 11. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 3: 1, 2 – погребение 9; 3, 4 – погребение 11.

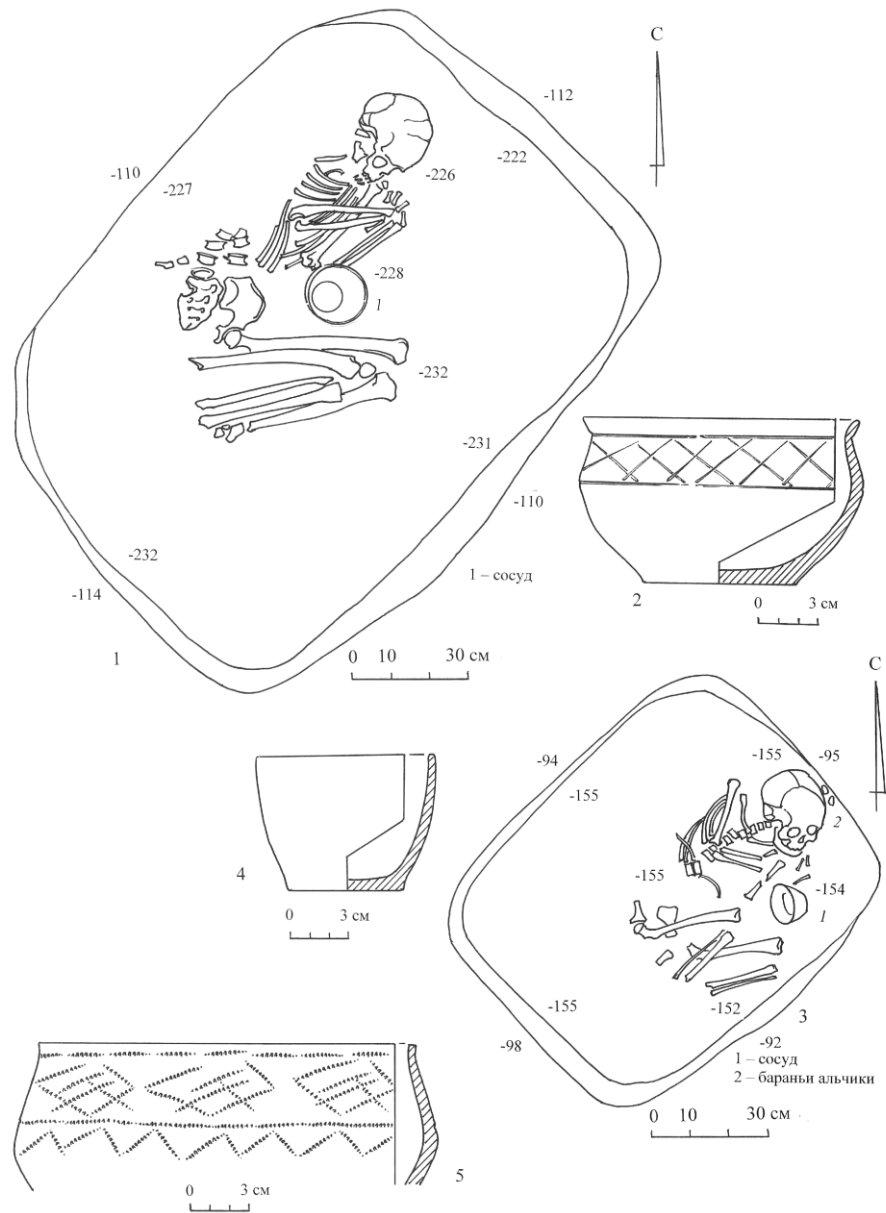

Рис. 12. Курганный некрополь поселения Преображенка 1. Курган 3: 1, 2 - погребение 10; 3, 4 - погребение 12; 5 - погребение 13.

УДК 903.53(470.44)
ББК 63.4(235.54)

*Жемков А.И., Ким М.Г.,
Кочерженко О.В., Слонов В.Н.*

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ 7 и 12
у с. ДМИТРИЕВКА ВОЛЬСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе публикуются результаты раскопок курганов 7 и 12 у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области, проводившихся экспедицией под руководством М.Г. Кима в 1978 году. Время бытования курганов 7 и 12 определяется периодом развитой срубной культуры.

Ключевые слова: погребальный обряд, поздний бронзовый век, срубная культура.

*Zhemkov A.I., Kim M.G.,
Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.*

STUDY OF THE BURIAL MOUND 7 AND 12 NEAR THE VILLAGE OF
DMITRIEVKA IN VOLSKIY AREA OF SARATOV REGION

This article observes the results of excavations of the kurgans 7 and 12 located close to the village Dmitrievka in Volskiy area of Saratov region, performed by the expedition team, headed by M. G. Kim in 1978. The time of existence of barrows 7 and 12 is determined by the period of well-developed timber-grave culture.

Key words: funeral rite, Late Bronze Age, timber-grave culture.

Настоящей работой авторы завершают свою серию публикаций раскопок курганной группы у села Дмитриевка Вольского района Саратовской области¹.

Курган 7, подвергавшийся интенсивной распашке, имел округлую в плане насыпь с сохранившейся высотой 0,2 м и диаметром 20,5 м (рис. 1).

Погребальная яма 1 (рис. 2, 1). Располагалась в северо-восточном секторе кургана, в 3,6 м к востоку и в 0,8 м к северу от «0R». Глубина ямы составляла 1 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 0,95 X 0,7 м. В заполнении встречались кусочки дерева от перекрытия.

¹ Остальные материалы раскопок опубликованы в работах: [Жемков и др., 2016. С. 202–223; Жемков и др., 2017. С. 154–163; Жемков и др., 2019. С. 163–197].

В центральной части ямы находился скелет ребенка с молочными зубами. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Левая рука согнута в локте, кисть перед лицом, правая вытянута к коленям. Колени поджаты. Позвоночник и тазовые кости не сохранились.

Перед лицом погребенного находился сосуд – банка закрытого типа (рис. 4, 1). Край венчика срезан наружу. Поверхность сосуда светло-коричневого и серого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 8,2 см. Диаметр устья 10,2 см, максимального расширения тулова – 11,1 см, дна – 8,4 см. Толщина стенок 0,6 см.

В ногах, в южном углу погребения, стоял второй сосуд – биконическая банка (рис. 4, 2). Край венчика срезан горизонтально, ребро расположено в верхней трети сосуда. Выше ребра мелкозубчатым штампом нанесено 3 ряда наклонных вправо отрезков. Поверхность сосуда светло-коричневого и серого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 14,2 см. Диаметр устья 16,3 см, максимального расширения тулова – 17,2 см, дна – 9,5 см. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

Погребальная яма 2 (рис. 2, 2). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 6,2 м к востоку и в 0,9 м к югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,14 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Все стенки, за исключением северо-восточной, ко дну расширяются. Размеры ямы у дна 1 X 0,7 м.

В 0,4–0,5 м над дном ямы лежали небольшие бревна диаметром до 0,15 м поперек ямы, в 0,2 м над дном ямы – вдоль. В заполнении ямы, на разной глубине, встречались фрагменты черепа ребенка и глиняного лепного сосуда.

На дне ямы находился скелет ребенка, у которого большинство зубов сменились на постоянные. Фрагменты черепа в заполнении ямы принадлежали этому скелету. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Левая рука согнута в локте, кисть перед лицом, правая также согнута в локте. Ноги поджаты к животу.

Между предплечьями и коленями стояла биконическая банка (рис. 4, 3). Край венчика срезан горизонтально, ребро расположено в верхней трети общей высоты сосуда. Под венчиком гребенкой с очень короткими зубцами оттиснут ряд тройного зигзага. Поверхность сосуда светло-коричневого и серого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 10,4 см. Диаметр устья 12,8 см, максимального расширения тулова – 14 см, дна – 8 см. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

Из найденных в заполнении ямы фрагментов целый сосуд собрать не удалось. Можно лишь заключить, что был он острореберный, край венчика срезан наружу. Выше ребра гребенчатым штампом оттиснут орнамент, по

всей вероятности, также в виде тройного зигзага. Цвет поверхности черный. В тесте примесь известняка. Толщина стенок 0,7–0,8 см.

Погребальная яма 3 (рис. 2, 3). Располагалась в северо-восточном секторе кургана, в 1,15 м к востоку и в 0,3 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,02 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,15 X 0,8 м. В заполнении были встречены несколько угольков.

В яме находился скелет взрослого человека, предположительно женщины. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги согнуты, левая сильнее поджата к животу. Таз развернут, как при положении на спине.

Сзади черепа находился округлобокий горшок со слабо выделенным плоскосрезанным венчиком (рис. 4, 4). Под венчиком оттиснуты ногтевые вдавления по три в вертикальном ряду. В одном случае ряд вдавлений расположен с наклоном. Поверхность сосуда черного и серого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 14,8 см. Диаметр устья 14,5 см, шейки – 14,3 см, максимального расширения тулова – 16 см, дна – 10,5 см. Толщина стенок 0,9 см. Внутри сосуда был толстый слой черного нагара.

Между тазом и локтями вверх дном стояла банка открытого типа с чуть прикрытым устьем (рис. 4, 6). Край венчика скруглен. Дно имеет закраину. Поверхность сосуда черного и серого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 5 см. Диаметр устья 7,5 см, дна – 5,1 см. Толщина стенок 0,6 см.

Под шейными позвонками, ближе к груди, лежала костяная пронизка, изготовленная из трубчатой кости (рис. 4, 5). С торцов кость надрезалась и обламывалась. Поверхность чуть заполирована. Длина пронизки 3,3 см, сечение имеет форму эллипса с длинной осью 1,3 см и короткой 1,0 см, у отверстия – 0,7 см и 0,6 см.

Под костями предплечья прослеживался буроватый растительный тлен.

Погребальная яма 4 (рис. 2, 4). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 3,9 м к западу и в 3,3 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 0,79 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «С-Ю». Размеры ямы 1,15 X 1, м. На глубине 0,5 м от «0R» были обнаружены фрагменты поперечного перекрытия из бревен диаметром 0,1–0,15 м.

Над перекрытием в северо-западном углу на глубине 0,3 м от «0R» лежала на боку устьем к углу асимметричная биконическая банка (рис. 4, 8). Край венчика срезан горизонтально. Бока сосуда выпуклые, асимметричные. Под венчиком – ряд из косых насечек с наклоном вправо. Ниже прочерчен однорядный зигзаг, обрамленный снизу бахромой из насечек. Дно имеет закраину. Поверхность светло-коричневого и черного цветов. В тесте примесь из-

вестняка. Высота сосуда 18,8-19,5 см. Диаметр устья 20 см, максимального расширения тулова – 21,2 см, дна – 11,5 см. Толщина стенок 0,7–0,8 см.

На дне ямы находился скелет ребенка с молочными зубами. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Часть черепной крышки растащена грызунами. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги поджаты, левая чуть сильнее.

Перед лицом погребенного находился развал банки закрытого типа (рис. 4, 7). Край венчика срезан горизонтально. В верхней трети сосуда имеется едва намеченное ребро. Дно имеет закраину. Поверхность сосуда светло-коричневого и черного цветов. В тесте примесь известняка и охры. Высота сосуда 6,3 см. Диаметр устья 7,4 см, максимального расширения тулова – 8,7 см, дна – 5,7 см. Толщина стенок 0,4 см.

Кости голеней и пяток имеют буровато-сиреневый цвет. Возможно, это – следы охры.

Погребальная яма 5 (рис. 2, 5). Располагалась в 5,9 м к западу от «0R». Глубина ямы составляла 1,13 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы в материке 1,7 X 1,05 м. Стенки вертикальные, за исключением западной длинной, которая ко дну расширяется. В заполнении встречены несколько угольков.

На дне ямы обнаружен скелет ребенка, под которым прослежен сиреневый тлен подстилки. Часть зубов сменились на постоянные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги поджаты, левая сильнее.

Перед грудью находился развал банки открытого типа (рис. 4, 9). Край венчика срезан горизонтально, грани скруглены, стенки асимметричны. Поверхность сосуда черного цвета. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 6,8 см. Диаметр устья 11,2 см, дна – 8,0 см. Толщина стенок 0,6–0,7 см. Рядом с сосудом лежали кость ноги барана и альчик.

Возле левого колена обнаружено поврежденное костяное кольцо часть которого утрачена (рис. 4, 10). Внутренняя поверхность кольца плоская. Цвет – светло-коричневый. Диаметр кольца 2,4 см, отверстия – 1,8 см. Толщина кольца 0,3 см.

Погребальная яма 6 (рис. 3, 1). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 7,8 м к западу и в 2 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 0,94 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,3 X 1,15 м. На дне, вдоль короткой западной стенки лежал скелет 1, вдоль восточной – скелет 2.

Скелет 1 принадлежал ребенку, у которого зубы частично сменились на постоянные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисть левой перед лицом, кисть правой перед грудью. Колени поджаты к животу.

Перед лицом стояла банка закрытого типа с выделенным венчиком (рис. 4, 13). Край венчика срезан горизонтально. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 9,4 см. Диаметр устья и наибольшего расширения тулова совпадают и равны 12,5 см, диаметр дна 9,4 см. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

Перед грудью погребенного стоял второй сосуд – асимметричная банка закрытого типа (рис. 4, 14). Венчик слегка сдвинут внутрь, край срезан горизонтально. Поверхность сосуда серого и светло-коричневого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 6,4–6,7 см. Диаметр устья 8,7 см, максимального расширения тулова – 9,8 см, дна – 8 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Скелет 2, ребенка, у которого зубы частично сменились на постоянные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Колени поджаты.

У коленей на боку лежала банка закрытого типа (рис. 4, 11). Край венчика срезан горизонтально. Дно имеет закраину. Поверхность серого и светло-коричневого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 4,6 см. Диаметр устья 7,4 см, максимального расширения тулова – 7,8 см, дна – 6,2 см. Толщина стенок 0,6 см.

На запястьях зафиксированы бронзовые желобчатые браслеты (рис. 4, 12). Концы браслетов загнуты, они, по-видимому, связывались тонкими ремешками. Диаметр браслетов 3,0–3,5 см, ширина 0,3 см, толщина 0,5 см. Браслеты, по всей вероятности, были переделаны специально для ребенка.

Возле южной стенки, на дне обнаружены 2 уголька.

Погребальная яма 7 (рис. 3, 3). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 1,3 м к западу и в 0,4 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,1 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,35 X 1,05 м. На глубине 0,7 м от «0R» обнаружены фрагменты поперечного перекрытия из бревен диаметром до 0,15 м.

На дне ямы находился скелет взрослого человека, предположительно мужчины. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги поджаты, правая несколько сильнее.

Перед кистями рук лежала на боку асимметричная банка закрытого типа (рис. 4, 15). Край венчика скруглен и загнут внутрь, дно имеет закраину. Поверхность сосуда «кирпичного» цвета, с серыми пятнами. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 7,6 см. Диаметр устья 8,9–9,3 см, максимального

расширения тулова – 9,5–9,9 см, диаметр днища 6,2–6,8 см. Толщина стенок 0,6 см.

Погребальная яма 8 (рис. 3, 4). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 1,3 м к западу и в 5,45 м к северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,09 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,3 X 1 м. Стенки изрыты норами сурков. В заполнении встречались маленькие фрагменты дерева от перекрытия.

На дне ямы находился скелет подростка. Большинство зубов сменились на постоянные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги поджаты, левая несколько сильнее.

Перед лицом погребенного стояла биконическая банка с заметной асимметрией (рис. 5, 1). Венчик плоскосрезанный, с наплывом с наружной и с внутренней сторон. Ребро расположено в верхней трети высоты сосуда. Выше ребра и до венчика оттиснут двухрядный зигзаг. В одном месте, где, по всей вероятности, начали наносить орнамент, края зигзага не смыкаются. Поверхность сосуда черного, серого и светло-коричневого цветов. Внутри на стенках, от днища до верха, заметен сильный нагар. Высота сосуда 11,5–12,7 см. Диаметр устья 13,2–13,5 см, максимального расширения тулова – 14,9–15,2 см, дна – 9,2 см. Толщина стенок 0,8 см.

У живота, под правой бедренной костью, стояла банка открытого типа (рис. 5, 2). Край венчика срезан горизонтально, чуть скруглен. Дно плоское с закраиной с одной стороны. Поверхность серого и светло-коричневого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 4,8–5 см. Диаметр устья 7–8 см, дна – 7–7,5 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Под левым виском лежала пронизка из полоски бронзы (рис. 5, 3). Полоска согнута в виде спирали в 7 оборотов. Длина спирали 2,5 см. Ширина полоски 0,2 см, толщина 0,05 см.

Погребальная яма 9 (рис. 3, 2). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 0,7 м к западу и в 2,5 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,32 м от «0R». На уровне материка яма имеет округлую форму диаметром 1,65 м. По мере углубления ее форма постепенно изменяется и на уровне дна становится прямоугольной, размерами 1,2 X 0,85 м. Яма ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». В заполнении ямы встречались фрагменты поперечного перекрытия, кости человека в разрозненном состоянии и фрагменты двух сосудов.

На дне ямы, ближе к северо-западной стенке, лежали кости взрослого человека: позвоночник, ребра, таз и фаланга правой стопы. Судя по размерам ямы и положению оставшихся костей, погребенный лежал на левом боку, головой к северо-востоку, с поджатыми к тазу ногами.

По фрагментам из заполнения восстанавливаются два сосуда. Первый – биконическая банка (рис. 5, 4). Край венчика срезан горизонтально. Ребро расположено в верхней трети высоты сосуда. Под венчиком крупнозубчатым штампом оттиснут ряд из тройных, наклонных вправо отрезков. Дно имеет закраину. Поверхность сосуда серого и светло-коричневого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 16,7 см. Диаметр устья 16,8 см, максимального расширения тулова – 18,8 см, дна – 11 см. Толщина стенок 0,9 см.

По фрагментам второго сосуда могут быть восстановлены следующие его характеристики. Край венчика срезан горизонтально. В верхней части сосуда – плавный изгиб округлой боковины. Под венчиком прочерчены штрихи с наклоном вправо. Поверхность светло-серого и светло-коричневого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 10–13 см. Диаметр устья 8–11 см, днища – 6–8 см. Толщина стенок 0,5 см.

Погребальная яма 10 (рис. 3.5). Располагалась в северо-восточном секторе кургана, в 0,4 м к востоку и в 5 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,01 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ».

На дне ямы находился скелет подростка. Зубы сменились на постоянные за исключением крайних коренных. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом, колени поджаты к животу.

Перед лицом погребенного стояла асимметричная банка закрытого типа (рис. 5, 9). Толщина закраины колеблется от 0,3 до 0,6 см., а также ее обрез скошен местами внутрь, но большей частью наружу. На одной стороне сосуда, в верхней трети его высоты, заметна сглаженная реберчатость формы. Дно имеет неровную закраину. Поверхность сосуда черного, серого и светло-коричневого цветов. В тесте примесь известняка. Высота сосуда 7,8 см. Диаметр устья 10,2 см, максимального расширения тулова – 11 см, дна – 8,2 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Возле локтей стоял второй сосуд, также асимметричная банка закрытого типа (рис. 5, 5). Край венчика скруглен. Под венчиком, по сырой глине, продавлены противоположащие пары сквозных отверстий для подвешивания сосуда, диаметром по 0,4 см. В верхней части оттиски гребенки образуют пояс из ромбов, но в некоторых местах вместо ромбов оттиснуты неповторяющиеся линии, а у некоторых ромбов отсутствует одна из нижних линий. Отдельные ромбы заполнены кольцевидными вдавлениями. Поверхность светло-коричневого цвета. Высота сосуда 4,8 см. Диаметр устья 6,0–6,2 см, максимального расширения тулова – 6,4–6,6 см, дна – 4,5–4,7 см. Толщина стенок 0,4–0,5 см.

Под нижней челюстью скелета лежали 3 пронизки, изготовленные из желтого металла (рис. 5, 6–8). Первая согнута в полтора оборота из двойной полоски. Ширина каждой 0,15 см, диаметр пронизки 0,9 см, длина 0,7 см. Толщина полоски 0,05 см. Вторая – в полтора оборота, согнута из одиночной полоски. Ширина полоски 0,8 см, толщина 0,05 см, диаметр пронизки 0,6 см, длина 0,6 см. Третья в – 5 оборотов, также согнута из одиночной полоски.

С данным курганом также связаны две отдельных находки.

Находка 1. В западной поле кургана найден фрагмент днища лепного сосуда серого цвета, с примесью извести, размерами 4,7 X 3,8 см и толщиной 1,1 см.

Находка 2. В 70 м южнее кургана найден фрагмент стенки лепного сосуда красно-кирпичного цвета, с примесью извести, размерами 4 X 2,5 см.

Курган 12 располагался в 60 м к юго-востоку от кургана 7. Высота округлой насыпи 0,1–0,15 м, диаметр – 25 м (рис. 6) В кургане обнаружено всего 19 погребений.

Погребальная яма 1 (рис. 7, 1). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 3,6 м западу и в 8,6 м к югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,14 м от «0R». Яма трапециевидной формы с закругленными углами, размерами 0,6–0,68 м X 0,97 м, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ», меньшим основанием (трапеции) к северо-востоку. В заполнении ямы обнаружены фрагменты дерева от перекрытия.

На дне ямы находился скелет ребенка. Большинство зубов молочные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги поджаты, левая несколько сильнее. Нижняя часть позвоночника сдвинута с места, позвонки кучкой лежат за затылком. Возможно, это было сделано сурками, прорывшими норы в северо-западной части ямы.

У южной стенки, против груди умершего, лежал округлобокий горшок (рис. 10, 1). Толщина закраины с горизонтальным обрезом устья колеблется от 0,3 до 0,6 см. Максимальное расширение тулова отмечено в верхней трети общей высоты сосуда. Внешняя поверхность шероховатая, цвет светло-коричневый. В тесте примесь извести. Высота сосуда 12,6 см. Диаметр устья 13,5 см, максимального расширения тулова – 15,5 см, дна – 8,0 см. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

У живота, между коленями и локтями, стоял второй сосуд – асимметричная банка закрытого типа (рис. 10, 2). Край венчика срезан неровно, скруглен. Один бок сосуда вертикальный, другой слегка выпуклый. При изготовлении закраина была примята на днище сосуда, образовав своего рода неровный «поддон». Поверхность светло-коричневого и черного цветов. В тесте примесь извести. Высота сосуда 4,6 см. Диаметр устья 6,4–6,8 см, максимального расширения тулова – 6,9 см, дна – 5,8 см. Толщина стенок 0,5 см.

Погребальная яма 2 (рис. 7, 2). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 6,8 м к западу и в 6,9 м к югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,28 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,2 X 1,05 м, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». На дне ямы и в заполнении встречались кусочки дерева от перекрытия.

На дне ямы находился скелет взрослого человека, по всей вероятности, мужчины. Бугорки на зубах стерты. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом, левая кисть лежит на тыльной стороне, пальцы сжаты. Колени поджаты к животу.

Перед грудью умершего стояла банка закрытого типа (рис. 10, 4). Край венчика срезан горизонтально, но часть обреза устья скруглена. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть общей высоты сосуда. Внешняя поверхность черного и светло-коричневого цветов, тщательно заглажена. Обжиг сильный. Под венчиком, по сырой глине продавлены два противоположащих отверстия. В тесте примесь извести и охры. Высота сосуда 16,3 см. Диаметр устья 18,5 см, максимального расширения тулова – 20,5 см, дна – 11,8 см. Толщина стенок 0,7–0,9 см. Диаметр отверстий – 0,7 см.

Под правым локтем скелета, на боку, устьем к черепу, лежала биконическая банка (рис. 10, 5). Край венчика срезан неровно, с незначительными наплывами, как на внешнюю, так и на внутреннюю стороны. Ребро расположено в верхней трети сосуда. По ребру крупнозубчатым штампом оттиснута горизонтальная линия, а выше ребра этим же штампом – ряд наклонных вправо отрезков. Поверхность светло-коричневого цвета. В тесте примесь извести и охры. На внутренней поверхности от венчика вниз – черный натек. Высота сосуда 8,5 см. Диаметр устья 10 см, максимального расширения тулова – 11 см, дна – 7 см. Толщина стенок 0,6 см.

Дно могилы покрыто черным тленом.

Погребальная яма 3 (рис. 7, 3). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 4,7 м к западу и в 7,4 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 0,88 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Стенки и дно неровные. Размеры ямы 1,02 X 0,65 м.

На дне ямы, в центре, расчищен скелет ребенка. Половина зубов сменилась на постоянные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом, ноги подогнуты в коленях. Позвоночник и часть ребер отсутствуют.

Возле рук, перед грудью, стояла банка закрытого типа (рис. 10, 6). Край венчика неровный, срезан горизонтально. В верхней части сосуда оттиснут ряд наклонных вправо отрезков. Обжиг сосуда сильный, внешняя поверхность «кирпичного» цвета, местами с серыми пятнами. В тесте примесь изве-

сти. Высота сосуда 11,8 см. Диаметр устья 13,3–13,5 см, максимального расширения тулова – 13,8–14 см, дна – 9,5–9,8 см. Толщина стенок 0,7–0,8 см.

На правом виске черепа лежала пастовая бочонковидная бусина светло-голубого цвета (рис. 10, 3). Полный диаметр 0,3 см, диаметр отверстия – 0,2 см, высота – 0,3 см.

На левом запястье зафиксирована бронзовая обоймочка (рис. 10, 3). Она изготовлена из пластинки длиной 3,1–3,2 см в разогнутом виде. Ширина пластинки 0,6–0,7 см. Концы согнуты в скобку. Толщина пластинки 0,1 см.

Погребальная яма 4 (рис. 7, 8). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 6,1 м к западу и в 2,6 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 0,69 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 0,7–0,8 X 0,5 м. Стенки и дно неровные, изрыты грызунами.

Признаков погребенного нет. Не исключено, что в яме находился скелет маленького ребенка, кости которого были растащены грызунами.

На дне, вдоль юго-восточной стенки, ближе к восточному углу, стояли 2 сосуда. Ближайший к углу могилы сосуд – банка закрытого типа (рис. 10, 7). Край венчика срезан неровно, скруглен. На одной стороне сосуда, в верхней трети, заметна слабовыраженная реберчатость формы, остальная поверхность сглажена. Под венчиком, с противоположных сторон, после обжига просверлены отверстия для подвешивания диаметром 0,4–0,5 см. Под венчиком прочерчен орнамент в виде ряда ромбов и треугольников. В нижней части сосуда, также в технике прочерчивания, нанесена сложная нерегулярная композиция, состоящая из линий, квадратов, пятиугольников и абстрактных фигур. Обжиг сильный, внешняя поверхность сосуда имеет «кирпичный» цвет с черными пятнами. В тесте примесь извести. Высота сосуда 7–7,2 см. Диаметр устья 8,6 см, максимального расширения тулова – 8,9 см, дна – 5,6–6 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Рядом стоял второй сосуд – закрытая асимметричная банка (рис. 10, 8). Край венчика неровный, скруглен. Поверхность черного и светло-серого цветов. Высота сосуда 11,3–12 см. Диаметр устья 15–15,6 см, максимального расширения тулова – 16 см, дна – 8,2 см. Толщина стенок 0,7 см.

Погребальная яма 5 (рис. 7, 6). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 6,5 м к западу и в 3,1 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,31 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,25 X 1 м.

На дне ямы в центре расчищен скелет подростка. Поза – скорченно на левом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Левая кисть ближе к лицу, ладонь – кверху. Правая кисть – полусогнута в кулак, фалангами к лицу, большим пальцем кверху.

За затылком стояла асимметричная банка закрытого типа (рис. 10, 9). Край венчика срезан неровно, чуть скруглен. Обжиг сосуда слабый. Внутри под венчиком – коричневый нагар. Снаружи – вертикальные черные подтеки. Стенки отслаиваются. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, внутри серая. В тесте примесь извести. Высота сосуда 8,3–8,5 см. Диаметр устья 10,8 см, максимального расширения тулова – 11,4 см, дна – 7,5–7,8 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

На дне могилы черный тлен.

Погребальная яма 6 (рис. 7, 4). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 4,2 м к западу и в 4,2 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,25 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,3–1,4 X 0,75 м. В заполнении прослежено, что на глубине 0,55–0,65 м от «0R» яма была сплошь закрыта перекрытием из бревен диаметром 0,1–0,15 м.

На дне ямы находился скелет ребенка. Большинство зубов еще молочные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги подогнуты, левая – сильнее. От остальных костей скелета остались либо тлен, либо незначительные фрагменты.

Перед лицом погребенного стояла банка закрытого типа (рис. 10, 10). Край венчика срезан горизонтально. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета. В тесте примесь извести. Высота сосуда 8,9 см. Диаметр устья 10,5 см, максимального расширения тулова – 10,7 см, дна – 6 см. Толщина стенок 0,5 см, днища – 1 см.

На уровне груди расчищен развал второй закрытой банки (рис. 10, 11). Край венчика скошен наружу, внутренние стенки заглажены. На внутренней стороне венчика имеется небольшая закраина. В средней части сосуда девять ногтевидными вдавлениями оттиснута фигура в виде неровного треугольника, обращенного вершиной вниз. Обжиг сосуда неровный. Цвета поверхности – светло-серый, коричневый, серый. В тесте примесь извести. Внутри сосуда имеются следы коричневого нагара. Высота сосуда 18 см. Диаметр устья 17,8 см, максимального расширения тулова – 18 см, дна – 10 см. Толщина стенок 0,7 см, днища – 1,4 см.

Погребенный лежал на сиреневом растительном тлене, под тленом – меловая посыпка.

Погребальная яма 7 (рис. 7, 5). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 10,5 м к югу и в 1,4 м востоку от «0R». Глубина ямы составляла 1,14 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,15 X 0,83 м. В заполнении встречались незначительные фрагменты деревянного перекрытия. На глубине 1,02 м от «0R» в северном углу зафиксирован маленький уголек.

На дне ямы, в центре, лежала кучка пережженных детских костей.

Ближе к восточному углу стояла асимметричная банка закрытого типа (рис. 10, 13). Край венчика срезан горизонтально и скруглен. В верхней трети сосуда расположено сглаженное ребро. Структура рыхлая. Цвет поверхности сосуда коричневый. В тесте примесь извести. Высота сосуда 7,8 см. Диаметр устья 11,5 см, максимального расширения тулова – 12,5 см, днища – 8,5 см. Толщина стенок 0,7 см.

В южном углу ямы стоял округлобокий горшок с едва намеченной шейкой (рис. 10, 12). Край венчика чуть отогнут наружу, срезан горизонтально и немного скруглен. По тулову и под венчиком расположены два ряда косых насечек с наклоном вправо. Цвета поверхности – светло-коричневый, черный. Высота сосуда 18,8–19,3 см. Диаметр устья, как и шейки, – 19,3–20,3 см, максимального расширения тулова – 22,1–23,1 см, днища – 12,4–12,8 см. Толщина стенок 0,8 см.

Погребальная яма 8 (рис. 7, 7). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 1,8 м к западу и в 10,4 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,57 м от «0R». Яма прямоугольной формы с чуть закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,05 X 0,8 м. В заполнении ямы, на разной глубине, встречались незначительные фрагменты деревянного перекрытия.

В северо-восточной части ямы, в 30 см над ее дном, были обнаружены два небольших фрагмента пережженных костей. В северном углу ямы, на глубине 2–3 см над дном, было обнаружено зольное пятно диаметром 10–12 см и толщиной до 5 см, рядом с ним выявлено пятно рыхлого вещества желто-коричневого цвета размерами 3 X 2 см.

На дне ямы расчищен скелет подростка, у которого почти все зубы сменялись на постоянные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Позвоночник изогнут дугой. Руки согнуты, кистями направлены к лицу. Таз погребенного завалился, как при положении на животе. Левая нога поджата к животу, правая согнута под тупым углом по отношению к позвоночнику.

В восточном углу ямы лежал кусочек сильно прокаленной глины размерами 1 см. На скелете между позвоночником, ребрами и тазом лежало несколько угольков.

Возле локтей погребенного стояла биконическая банка со слабо выраженным ребром (рис. 10, 15). Край венчика срезан горизонтально. Выше ребра крупнозубчатым штампом оттиснут однорядный зигзаг. Видно место начала нанесения орнамента (где края зигзага не совпадают). Поверхность сосуда светло-коричневого и черного цветов. В тесте примесь извести и охры.

Высота сосуда 8,2 см. Диаметр устья 9,5–10 см, максимального расширения тулова – 10,8–11,3 см, днища – 7,5–7,8 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

Напротив лица, ближе к юго-восточной стенке, лежала устьем к восточному углу банка закрытого типа (рис. 10, 14). Край венчика срезан горизонтально. В верхней части сосуда зубчатым штампом нанесен однорядный зигзаг с аранжировками парами коротких гребенчатых оттисков. Цвета поверхности – светло-коричневый, черный. В тесте примесь извести. Сосуд покрыт черным нагаром. Высота сосуда 16,2 см. Диаметр устья 17 см, максимального расширения тулова – 17,5 см, дна – 10 см. Толщина стенок 0,6 см, днища – 1,1 см.

Вокруг черепа зафиксирована красно-бурая посыпка охрой. Дно могилы покрыто сиреневым растительным тленом.

Погребальная яма 9 (рис. 8, 1). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 6,2 м к западу и в 9,4 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,29 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы в материке 1 X 0,6 м, у дна – 1 X 0,75 м. Стенки ямы сильно изрыты норами землеройных животных. В заполнении ямы встречались фрагменты деревянного поперечного перекрытия.

На дне ямы, ближе к северо-западной стенке, расчищен скелет ребенка. Половина зубов молочные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги согнуты в равной степени.

У левого локтя стояла небольшая асимметричная банка закрытого типа (рис. 10, 16). Край венчика срезан горизонтально, чуть скруглен. Один бок выше другого. Поверхность сосуда серого и черного цветов, отслаивается. В тесте примесь извести и охры. Высота сосуда 6–6,8 см. Диаметр устья 8,8–9,1 см, максимального расширения тулова – 9,4–9,7 см, днища – 7,1–7,2 см. Толщина стенок 0,4–0,5 см.

Рядом, ближе к юго-восточной стенке могилы стоял еще один сосуд, баночный, более крупный, биконического типа (рис. 10, 17). Асимметричный край венчика срезан горизонтально, чуть скруглен. С одной стороны имеется сглаженное ребро, другой бок округлый. В верхней части сосуда вертикальные расчесы. Цвета поверхности – серый, черный. В тесте примесь извести. Внутри сосуда – следы коричневого нагара. Высота сосуда 12,4 см. Диаметр устья 15,5 см, максимального расширения тулова – 16,4 см, днища – 9,8 см. Толщина стенок 0,6 см, дна – 1 см.

Погребальная яма 10 (рис. 8, 2). Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 1,5 м к западу и в 4,3 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,31 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «С-Ю». Размеры ямы 1,4 X 0,75 м. В

заполнении ямы встречались фрагменты деревянного поперечного перекрытия.

На дне ямы, ближе к северной стенке, находился скелет подростка. Все зубы постоянные. Поза – скорченно на левом боку, головой на север-северо-восток. Руки сильно согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги поджаты к животу, левая сильнее.

Между локтями и левым коленом стояла небольшая банка закрытого типа (рис. 10, 19). Край венчика срезан горизонтально, скруглен. Под венчиком, с противоположных сторон, по сырой глине были продавлены два отверстия диаметром 6 мм, для подвешивания. Дно с одной стороны имеет небольшую закраину. Цвета поверхности – светло-коричневый, черный. В тесте примесь извести. Высота сосуда 8,8 см. Диаметр устья 9,2 см, максимального расширения тулова – 10,4 см, днища – 7 см. Толщина стенок 0,5 см.

Рядом с первым сосудом, напротив рук, стоял второй сосуд, также банка закрытого типа (рис. 10, 20). Край венчика срезан горизонтально, грани чуть скруглены. Под венчиком прочерчен однорядный зигзаг из отдельных линий. Цвета поверхности – светло-коричневый, черный. В тесте примесь извести. Высота сосуда 15,6–16,1 см. Диаметр устья 15–15,5 см, максимального расширения тулова 15,6–16,1 см, днища – 9,2 см. Толщина стенок 0,7 см.

На позвоночнике, ближе к плечу, лежала бронзовая, круглая в сечении игла, обращенная острием к черепу (рис. 10, 18). Ушко образовано загнутым тупым концом и обломлено. Длина иглы 5,2 см, диаметр – 1,2–1,3 мм.

Между кистями рук и большим сосудом лежали бусины и пронизки. Бусины – в количестве 15 целых и 2 обломков. Изготовлены из серого, на изломе, блестящего металла. Формы – цилиндрическая, бочонковидная. Диаметр – 2–2,2 мм, отверстия – 1,5 мм, высота – 1–1,3 мм. Пронизки (рис. 10, 18), изготовленные из бронзовых полосок, свитых в спираль, зафиксированы в обломках, в количестве 21 экземпляра. Диаметр 4–6 мм. Ширина полосок 4–6 мм, толщина – 0,5 мм.

Погребальная яма 11 (рис. 8, 3). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 0,9 м к востоку и в 7,1 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,44 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,6 X 1,05 м. В заполнении ямы встречались небольшие деревянные обломки перекрытия.

На дне ямы, в центре, расчищен скелет взрослого человека, по всей вероятности, женщины. Бугорки на зубах не стерты. Многие кости растащены землеройными животными. Отсутствуют также часть черепа и ноги. От ребер, позвоночника и таза остались фрагменты. Поза – на левом боку, головой на северо-восток. Руки сильно согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги, вероятно, были поджаты.

Перед локтями находился развал асимметричной банки закрытого типа. Венчик прямой, край срезан горизонтально. Цвета поверхности – светло-коричневый, серый. В тесте примесь извести. Диаметр устья 12–15 см, днища 8–10 см. Толщина стенок 0,8 см.

Напротив кистей рук стояла банка закрытого типа (рис. 11, 1). Край венчика срезан горизонтально, чуть скруглен. Под венчиком, по сырой глине, продавлены два противоположащих отверстия диаметром 5 мм для подвешивания. Цвета поверхности – «кирпичный», серый. В тесте примесь извести и охры. Высота сосуда 6,2–7 см. Диаметр устья 9,2–9,4 см, максимального расширения тулова – 10,7–10,9 см, днища – 6,2–7 см. Толщина стенок 0,6 см.

В некоторых местах под скелетом на дне могилы прослежена меловая подсышка.

Погребальная яма 12 (рис. 8, 6). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 1 м к востоку и в 0,2 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,18 м от «0R». Яма подквадратной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,2 X 1,1 м. В заполнении ямы встречались маленькие кусочки дерева от перекрытия.

На дне ямы было совершено погребение 2 детей. Половина их зубов – молочные.

Скелет 1 лежал ближе к западной стенке, поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу.

У локтя стояла небольшая банка закрытого типа (рис. 11, 3). Край венчика срезан горизонтально, скруглен. Цвета поверхности – светло-коричневый, светло-серый. В тесте примесь извести. Высота сосуда 5,7 см. Диаметр устья 8,5–8,7 см, наибольшего расширения тулова – 9–9,2 см, днища – 6,6–7 см. Толщина стенок 0,5 см.

Перед руками стоял второй сосуд, также банка закрытого типа (рис. 11, 4). Край венчика срезан горизонтально. Чуть выше середины общей высоты находится слабовыраженное ребро. У днища имеется небольшая закраина. Цвета поверхности – светло-коричневый, черный. В тесте примесь извести. Внутри сосуда – черный нагар. Высота сосуда 14,1 см. Диаметр устья 14,2–15,2 см, максимального расширения тулова – 14,8–15,8 см, днища – 8,7 см. Толщина стенок 0,7 см.

У головы стоял еще один сосуд – банка закрытого типа (рис. 11, 5). Край венчика срезан горизонтально. В верхней трети высоты находится слабовыраженное ребро. Под венчиком и по ребру нанесены одинарные ряды наклонных вправо клиновидных вдавлений. При нанесении нижнего ряда порядок в одном месте был нарушен – линии не совпадают. Цвет поверхности светло-коричневый. В тесте примесь извести. Внутри сосуда – черный

нагар. Высота сосуда 13,2 см. Диаметр устья 14,2 см, максимального расширения тулова – 15,4 см, днища – 9,7 см. Толщина стенок 0,6 см.

Скелет 2 лежал ближе к восточной стенке. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти протянуты вперед. Ноги поджаты коленями к животу.

Перед грудью стояла небольшая банка закрытого типа (рис. 11, 6). Край венчика срезан горизонтально, скруглен. Днище с одной стороны имеет небольшую закраину. Цвета поверхности – светло-коричневый, серый. В тесте примесь извести. Высота сосуда 5,2 см. Диаметр устья 8,2 см, максимального расширения тулова – 8,5 см, днища – 6,6–6,8 см. Толщина стенок 0,5 см.

За спиной, у плеча стоял второй сосуд – биконическая банка (рис. 11, 7). Край венчика срезан горизонтально. Ребро расположено в верхней трети сосуда. Под венчиком крупнозубчатым штампом оттиснут горизонтальный ряд «елочки». Цвета поверхности – светло-коричневый, черный. В тесте примесь извести. Высота сосуда 12,6 см. Диаметр устья 13,8 см, максимального расширения тулова – 15 см, днища – 9 см. Толщина стенок 0,7 см, дна – 1,2 см.

У поясицы, за спиной стоял третий сосуд – банка закрытого типа с едва намеченной шейкой (рис. 11, 8). Край венчика срезан горизонтально. В тесте примесь извести. Высота сосуда 15,3 см. Диаметр устья 15,4–15,7 см, максимального расширения тулова – 16,4–16,7 см, днища – 10 см. Толщина стенок 0,5 см.

Рядом с этим сосудом лежали фрагменты еще двух сосудов. Один из них – банка закрытого типа. Край венчика срезан горизонтально. Цвета поверхности – серый, черный. В тесте примесь извести. Диаметр устья 17–19 см, максимального расширения тулова – 19–21 см. Толщина стенок 0,7–0,9 см. Профиль второго сосуда не восстановлен. Край венчика срезан горизонтально. Цвета поверхности – светло-коричневый, серый. В тесте примесь извести. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

На нижней челюсти лежала бронзовая желобчатая подвеска, свернутая в 1,5 оборота (рис. 11, 2). Концы лепестков овальные. По центру внешней поверхности лепестков проходит слабовыраженное ребро. Диаметр – 1,8–2,5 см, ширина лепестков – 0,6 см. Левый височный отдел черепа окрашен зелеными окислами, очевидно, от второй, совершенно разложившейся подвески.

Погребальная яма 13 (рис. 8, 5). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 0,3 м к западу и в 3,8 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,33 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Стенки и дно очень сильно испорчены норами землеройных животных. Размеры ямы 1,7 1,35 м. В заполнении ямы встречались мелкие фрагменты деревянного перекрытия.

На дне ямы ближе к северному углу лежали фрагменты черепа, ближе к центру несколько ребер. Судя по положению костей, погребенный, вероятно, лежал скорченно на левом боку, головой к северо-востоку.

Погребальная яма 14 (рис. 8, 4). Располагалась в 12,2 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,8 м от «0R». Яма трапециевидной формы с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,1 X 0,55–0,65 м. В заполнении ямы, в 2 см над ее дном, в южном углу, в ногах погребенного лежали 3 небольших уголька.

На дне ямы находился скелет ребенка. Половина зубов молочные. Поза – скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки сильно согнуты в локтях, кисти перед лицом. Колени поджаты к животу.

В изгибе левого локтя стояла небольшая асимметричная банка закрытого типа (рис. 11, 9). Одна сторона венчика завернута внутрь, но изначально его край был срезан горизонтально. Цвет поверхности коричневый. В тесте примесь извести. Высота сосуда 7 см. Диаметр устья 8,3–9 см, максимального расширения тулова – 9,1–9,8 см, днища – 6 см. Толщина стенок 0,6 см.

Между локтями и коленями стоял второй сосуд – биконическая банка (рис. 11, 11). Край венчика срезан горизонтально. В верхней трети общей высоты сосуда имеется слабовыраженное ребро. Под венчиком прочерчен однорядный зигзаг. На трети периметра этот зигзаг обрамлен лункообразными вдавлениями. Цвета поверхности – светло-коричневый, серый, черный. В тесте примесь извести. Внутри сосуда, на дне, – черный нагар. Высота сосуда 14,3 см. Диаметр устья 15 см, максимального расширения тулова – 16 см, днища – 9,5–9,7 см. Толщина стенок 0,7–0,8 см.

На дне горшка лежали три цилиндрические пастовые бусины светлоголубого цвета (рис. 11, 10). Длина 2,5–4 мм, диаметр – 3–3,5 мм, отверстия – 1,5–2 мм. Длина самой крупной бусины 8 мм.

Под височным отделом черепа лежали две бронзовые желобчатые подвески в 1,5 оборота (рис. 11, 10). Концы лепестков скруглены. Длины осей эллипса 2,5 и 1 см. Ширина лепестков – 0,4–0,5 см.

На запястьях зафиксированы три пастовые цилиндрические бусины голубого цвета, аналогичные представленным выше (рис. 11, 10). Там же находились две приплюснутые бронзовые обоймочки, согнутые из полосок в кольцо с заходящими друг за друга концами (рис. 11, 10). Ширина – 6,5 и 4 мм, длины осей эллипса – 7 X 2,5 и 8 X 3,5 мм. Толщина полосок – 0,5 мм. Кроме того, там находились 6 фрагментов бронзовых спиралек (рис. 11, 10). Длина 0,5–1,8 см, диаметр 3–4 мм, ширина – 2–4,5 мм.

Погребальная яма 15 (рис. 9, 1). Располагалась в 1,5 м северу от «0R». Глубина ямы составляла 1,31 м от «0R». Яма трапециевидной формы с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры

ямы 1,8 X 0,8–0,9 м. Стенки неровные, изрыты норами сурков. В заполнении ямы были обнаружены фрагменты деревянного поперечного перекрытия.

При выборке заполнения, найден развал банки закрытого типа (рис. 11, 12). Край венчика срезан горизонтально. В верхней трети общей высоты сосуда заметна слабая сглаженная реберчатость. Под венчиком, по ребру и в 1 см выше плоского днища прочерчены горизонтальные линии, а выше ребра – однорядный зигзаг, под которым двойной линией мелкозубчатого штампа оттиснут горизонтальный ряд «уточек». Цвета поверхности – светло-кирпичный, черный. В тесте примесь извести. Высота сосуда 7,7 см. Диаметр устья 10,4 см, максимального расширения тулова – 10,8 см, днища – 7–7,8 см. Толщина стенок 0,6 см.

На дне могилы обнаружено погребение взрослого человека. Зубы сильно стерты. Поза – скорченно на левом боку, головой – на северо-восток. Череп фрагментирован. Руки согнуты в локтях. Левая кисть – к лицу, правая на предплечье. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу, пятки поджаты к тазу, который развернут как при положении на спине.

У локтей, устьем к погребенному, лежала на боку банка закрытого типа с намеченной шейкой (рис. 11, 13). Скругленное ребро располагалось в верхней четверти сосуда. Под венчиком и чуть выше ребра оттиснуты горизонтальные ряды наклонных вправо лунок. Цвета поверхности – светло-коричневый, черный. Высота сосуда 14,7–15,2 см. Диаметр устья 16,4 см, максимального расширения тулова – 17,5 см, днища – 9 см. Толщина стенок 0,6 см.

У левого предплечья стояла вторая банка, теперь открытого типа (рис. 11, 14). Венчик срезан горизонтально. Цвета поверхности – светло-коричневый, серый. Высота сосуда 7,6 см. Диаметр устья – 10,5–11,3 см, днища – 7,5 см. Толщина стенок 0,5 см.

Перед лицом, у кисти левой руки, лежал бронзовый желобчатый браслет во фрагментах (рис. 11, 15). На одном конце имеется прорезь, возможно, что здесь было отверстие. Диаметр 6 см, ширина – 3,5 мм, толщина – 2 мм.

Между браслетом и северным углом могилы лежали бронзовые желобчатые подвески свернутые в 1,5 оборота (рис. 11, 15). Линейные размеры 4,7 X 2,3 см. Ширина лепестка – до 1 см. Кроме того, под черепом лежали 3 целых и 2 обломка бусин, изготовленных из серого металла (рис. 11, 15). Диаметр – 2 мм.

Погребальная яма 16 (рис. 9, 2). Располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 2,5 м к востоку и в 14,5 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,78 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,30 X 0,9 м. Стенки неровные, изрыты норами сурков.

На дне ямы, ближе к юго-восточной стенке, находился скелет взрослого человека, по всей вероятности, мужчины. Зубы сильно стерты. Поза – на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Колени поджаты к животу.

Перед лицом погребенного стояла банка закрытого типа (рис. 11, 17). Край венчика скруглен. Под венчиком мелкозубчатым штампом нанесен однорядный зигзаг. В одном месте этим штампом оттиснута вертикальная линия. Цвета поверхности – черный, серый. В тесте примесь известняка. Внутри сосуда черный нагар. Высота сосуда 10,3 см. Диаметр устья 12–12,2 см, максимального расширения тулова – 12,3–12,5 см, днища – 8,6 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см.

У колен, завалившись устьем к южному углу могилы, лежала еще одна закрытая банка (рис. 11, 16). Край венчика срезан горизонтально. Наибольший диаметр тулова расположен в верхней трети общей высоты сосуда. В 2,5 см ниже верхнего края сосуда, с противоположных сторон по сырой глине продавлены отверстия для подвешивания, диаметром до 1 см. Внешняя поверхность покрыта вертикальными, а внутренняя горизонтальными расчесами. Внешняя поверхность «кирпичного» цвета, внутренняя серая. В тесте примесь извести и охры. Высота сосуда 22 см. Диаметр устья 18–19 см, максимального расширения тулова – 19–20 см, днища – 12,2–13 см. Толщина стенок 0,7 см.

Дно ямы посыпано мелом, поверх которого заметен растительный сиреневый глеч от подстилки.

Погребальная яма 17 (рис. 9, 3). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 2,7 м к западу и в 1,1 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,68 м от «0R». Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,4 X 1 м. Стенки изрыты норами сурков. Первоначальный уровень дна могилы сохранился лишь в ее центре.

В заполнении встречены фрагменты двух неорнаментированных лепных сосудов. Цвет поверхности светло-коричневый. Толщина стенок 0,5 и 0,8 см.

Погребальная яма 18 (рис. 9, 4). Располагалась в 2,7 м к западу от «0R». Глубина ямы составляла 1,38 м от «0R». Яма прямоугольной формы, с чуть закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,3 X 0,9 м. Стенки, дно и заполнение ямы сильно изрыты норами. В заполнении встречались разрозненные кости человека.

Погребальная яма 19 (рис. 9, 5). Располагалась в юго-западном секторе кургана, в 5,3 м к западу и в 0,6 м югу от «0R». Глубина ямы составляла 1,45 м от «0R». Яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована

продольной осью по линии «СВ-ЮЗ». Размеры ямы 1,6 X 1,2 м. Дно и стенки ямы сильно испорчены сурками.

На глубине 0,93 м от «0R» в юго-восточном углу ямы стояла асимметричная банка закрытого профиля (рис. 11, 18). Край венчика срезан горизонтально и чуть скруглен. Под венчиком зубчатым штампом нанесен орнамент в виде нерегулярных знаков. Над этими знаками, на срезе края венчика гребенчатым штампом также нанесены несколько оттисков. У днища имеется поясok вдавлений торцом палочки: два вдавления одно над другим образуют вертикальную лунку. Такие же лунки, чуть наклонные вправо, нанесены по всему тулову ниже максимального расширения спиралевидной линией в 2,5 оборота. На днище лунками нанесен крест. Цвета поверхности – светло-коричневый, серый. Высота сосуда 7,4–7,7 см. Диаметр устья 7,8–8,5 см, максимального расширения тулова – 8,4–9,1 см, днища – 6,3–7 см. Толщина стенок 0,6 см.

В заполнении могилы, на разной глубине, встречались фрагменты острорезберного сосуда (рис. 11, 19). Край венчика чуть отогнут наружу, скруглен. Наибольший диаметр расположен в верхней трети сосуда. Под венчиком и по плечикам гребенчатым штампом нанесены ряды из наклонных вправо отрезков. Между этими рядами отрезков гребенчатым штампом оттиснуты кресты. Дно имеет закраину. Цвета поверхности – черный, серый. В тесте примесь извести. Высота сосуда 11,5 см. Диаметр устья 14 см, шейки – 13,4 см, максимального расширения тулова – 15,4 см, днища – 9 см. Толщина стенок 0,5–0,7 см.

Материалами курганов 7 и 12 мы заканчиваем публикацию материалов могильника у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области. Курганы 7 и 12 содержат наиболее поздние материалы этого памятника, и отнесены они могут быть ко времени уже сформированной срубной культуры. Стандартизированный обряд, отсутствие катакомбных реминисценций в обряде и керамике, классические формы срубной посуды отличают погребения этих курганов от захоронений рассмотренного нами в предыдущей публикации кургана 3. К классическому срубному времени принадлежит и немногочисленный инвентарь, аналогии которому можно обнаружить именно в развитых памятниках срубной культуры Нижнего Поволжья.

Вместе с тем, среди сосудов из курганов 7 и 12 есть характерные формы, содержащие некоторые черты, традиционно обозначаемые как «покровские»: биконичность, а также низкое расположение перегиба тулова баночных сосудов и парные отверстия для подвешивания под венчиком. Сочетание данных признаков со стандартным срубным обрядом свидетельствует о том, что и в классический период еще сохранялись некоторые покровские реминисценции.

В целом раскопанные курганы могильника у с. Дмитриевка захватывают период от начала формирования срубного обряда с рядом черт, переходных от памятников средней бронзы, до этапа развитой срубной культуры. Эти курганы представляют собой безусловный интерес для изучения переходного периода от средней к поздней бронзе и процесса формирования срубного погребального обряда. Они являются одним из ярких свидетельств участия посткатакомбного мира в сложении срубной культуры Нижнего Поволжья.

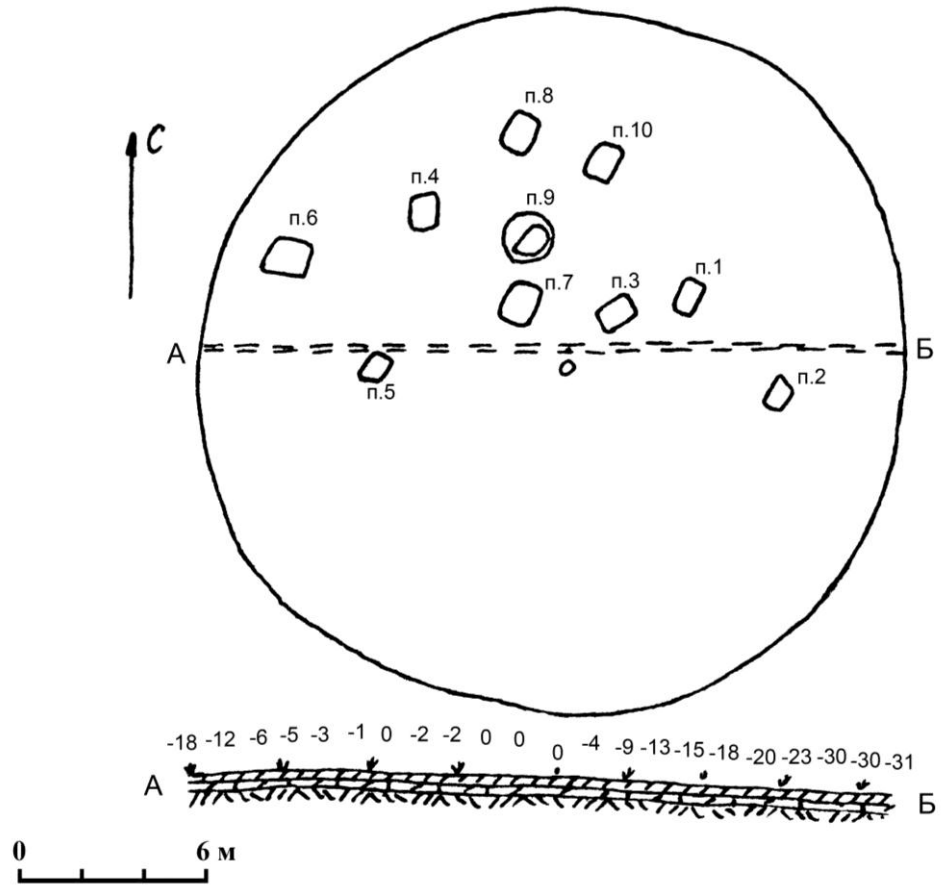

Рис. 1. План и разрез кургана 7

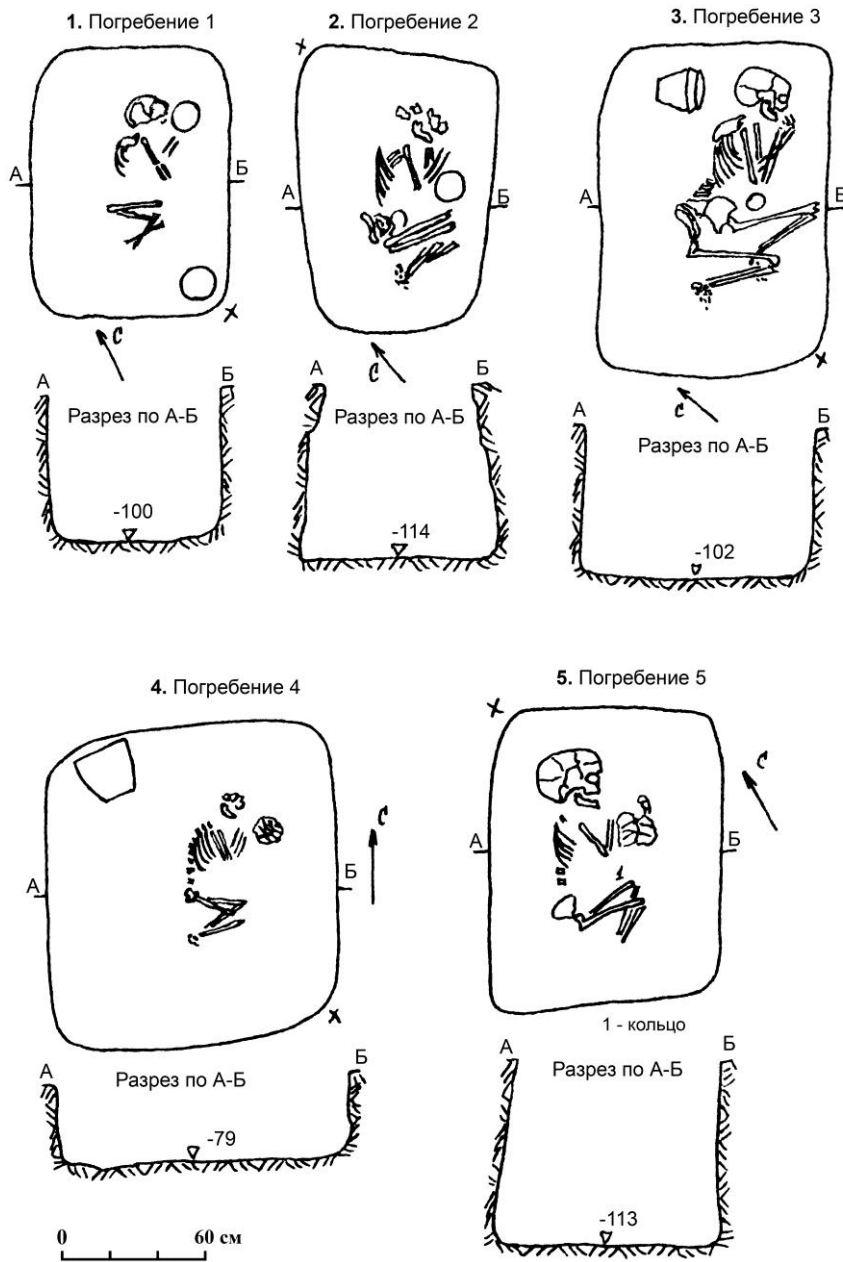

Рис. 2. Планы и разрезы погребений 1-5 кургана 7

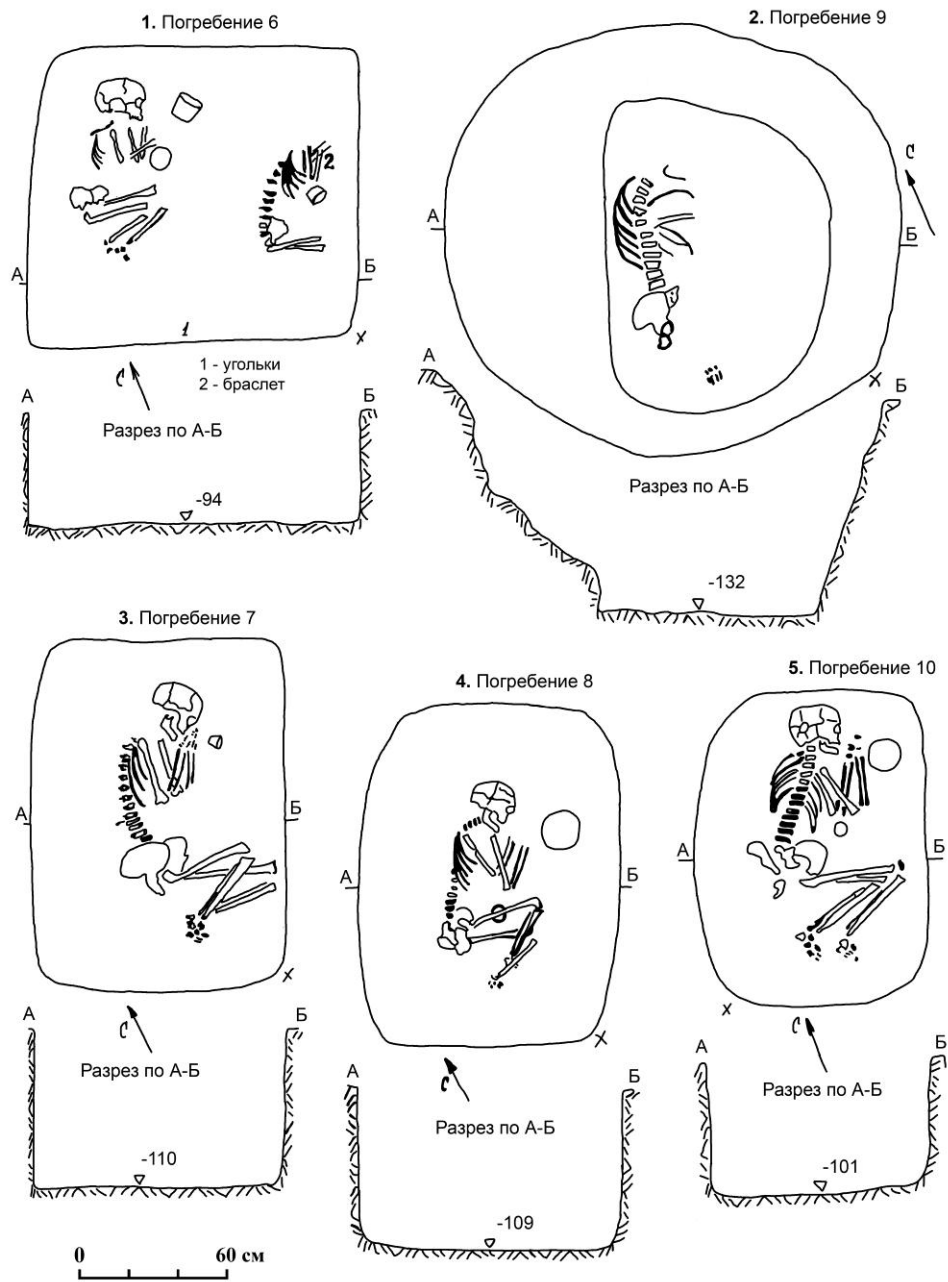

Рис. 3. Планы и разрезы погребений 6-10 кургана 7

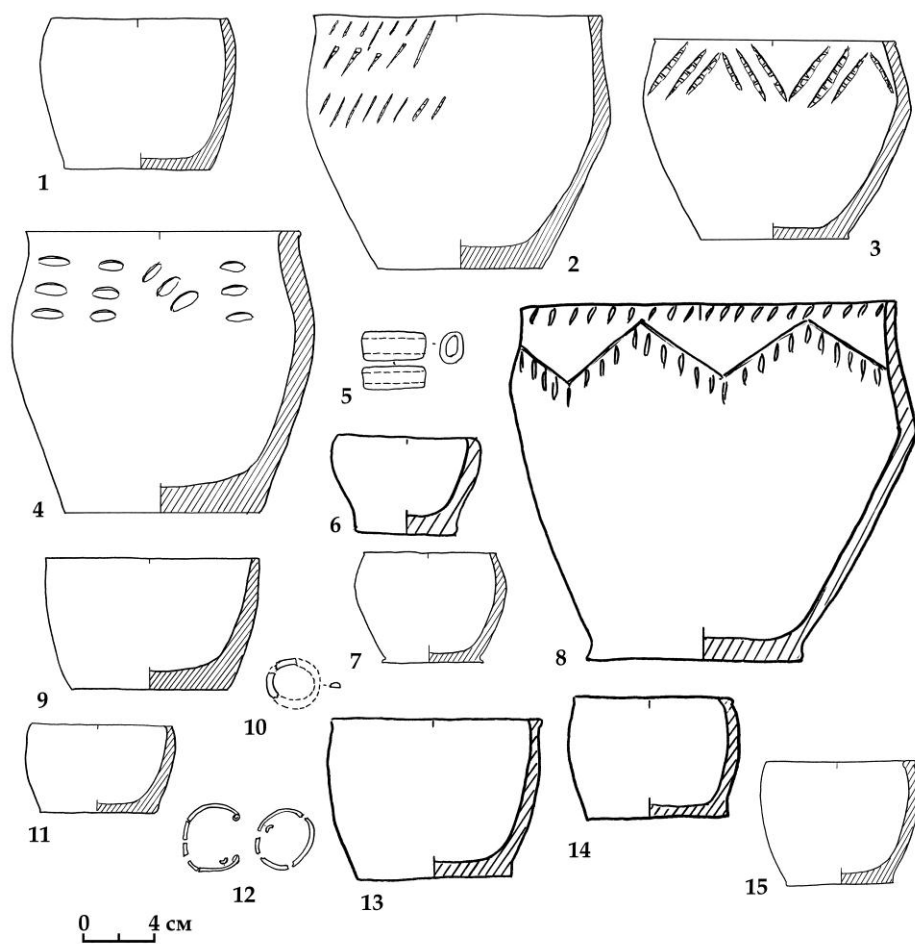

Рис. 4. Инвентарь из погребений кургана 7

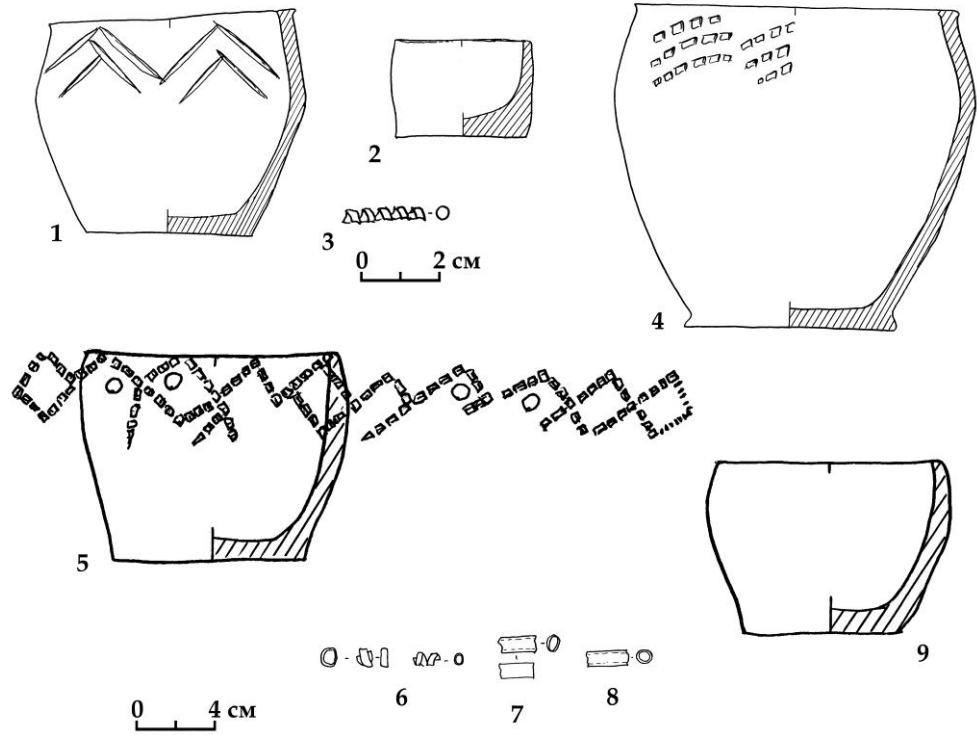

Рис. 5. Инвентарь из погребений кургана 7 (продолжение)

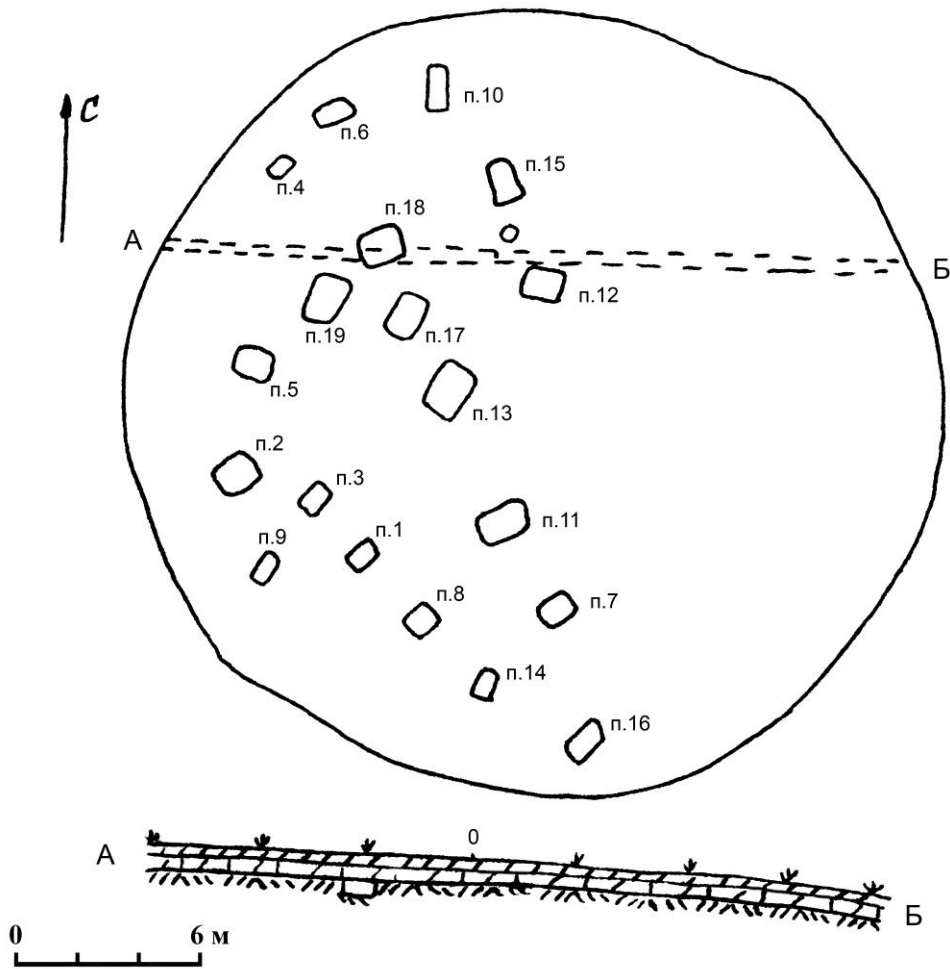

Рис. 6. План и разрез кургана 12

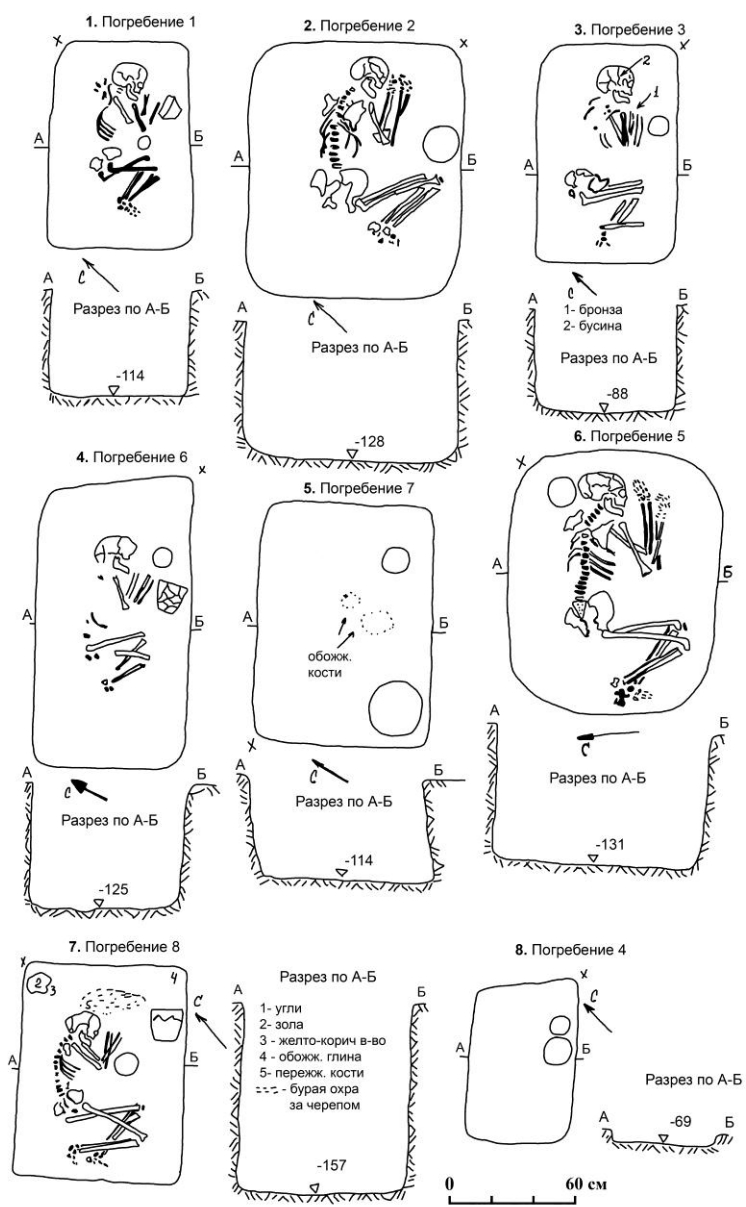

Рис.7. Планы и разрезы погребений 1-8 кургана 12

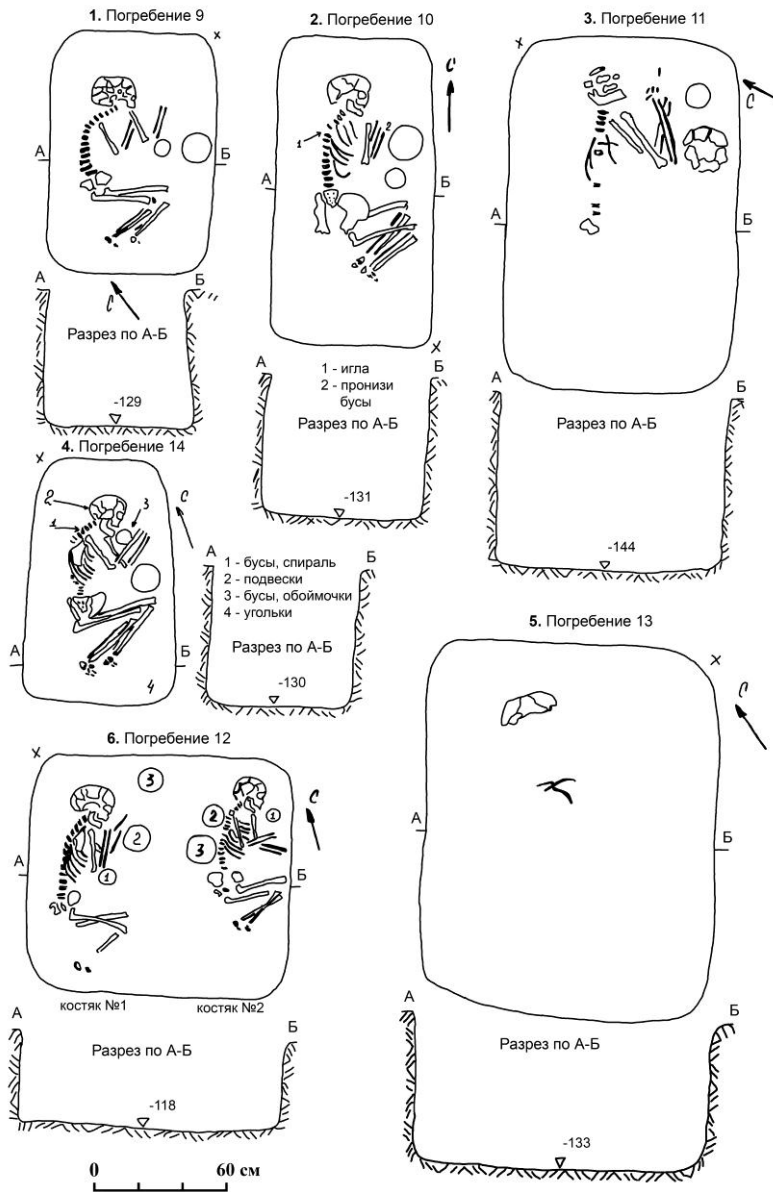

Рис. 8. Планы и разрезы погребений 1-8 кургана 12

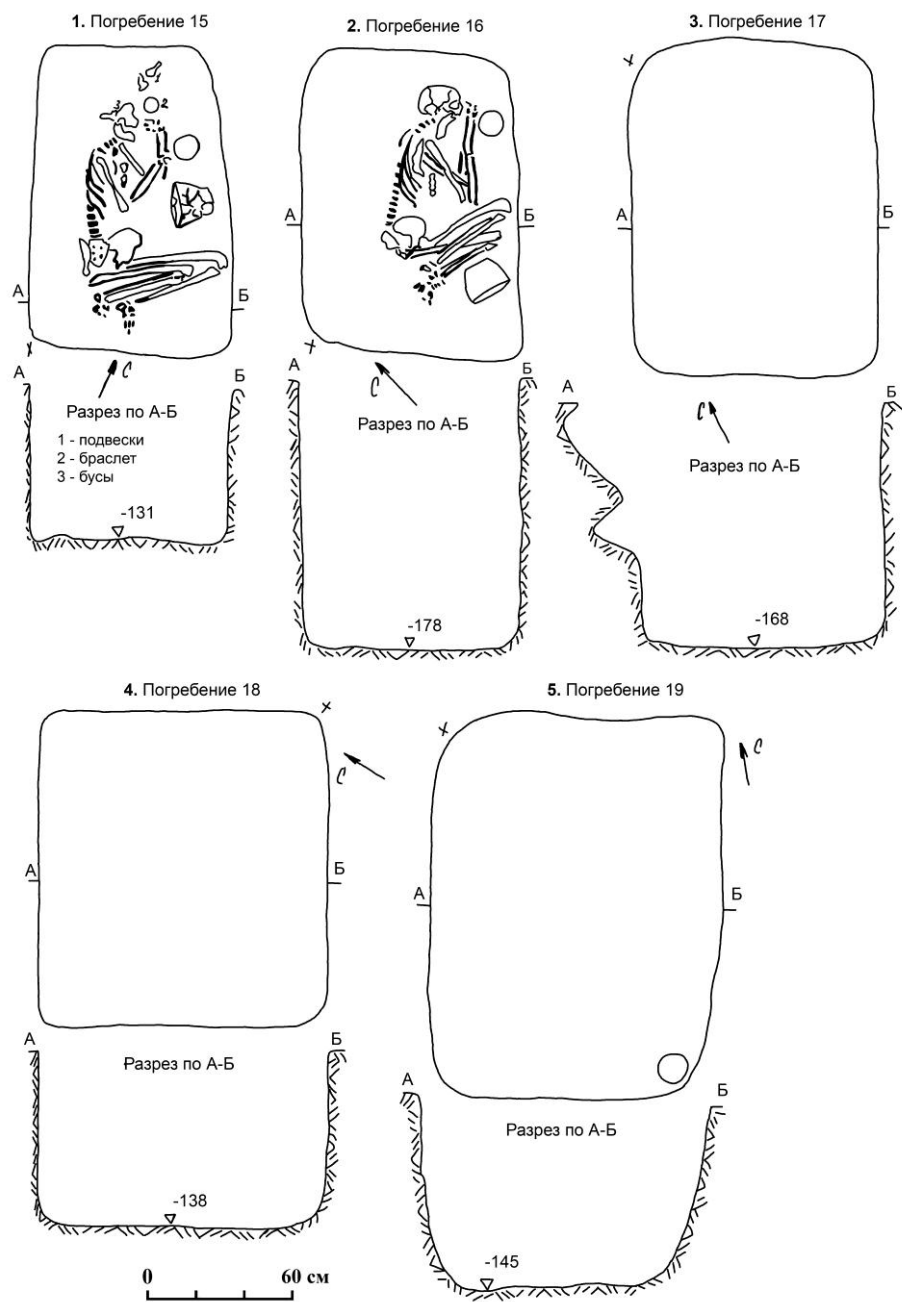

Рис. 9. Планы и разрезы погребений 9-14 кургана 12

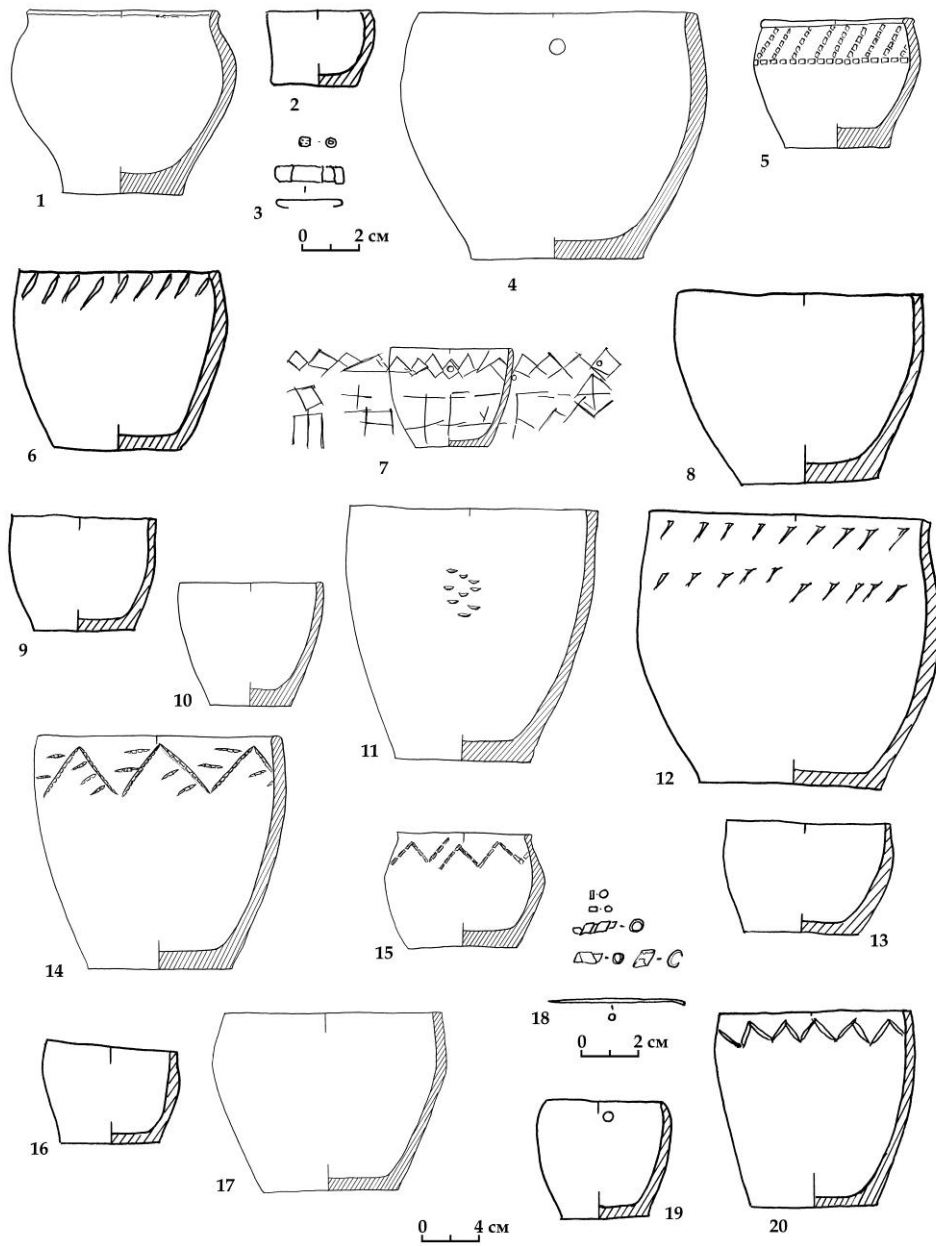
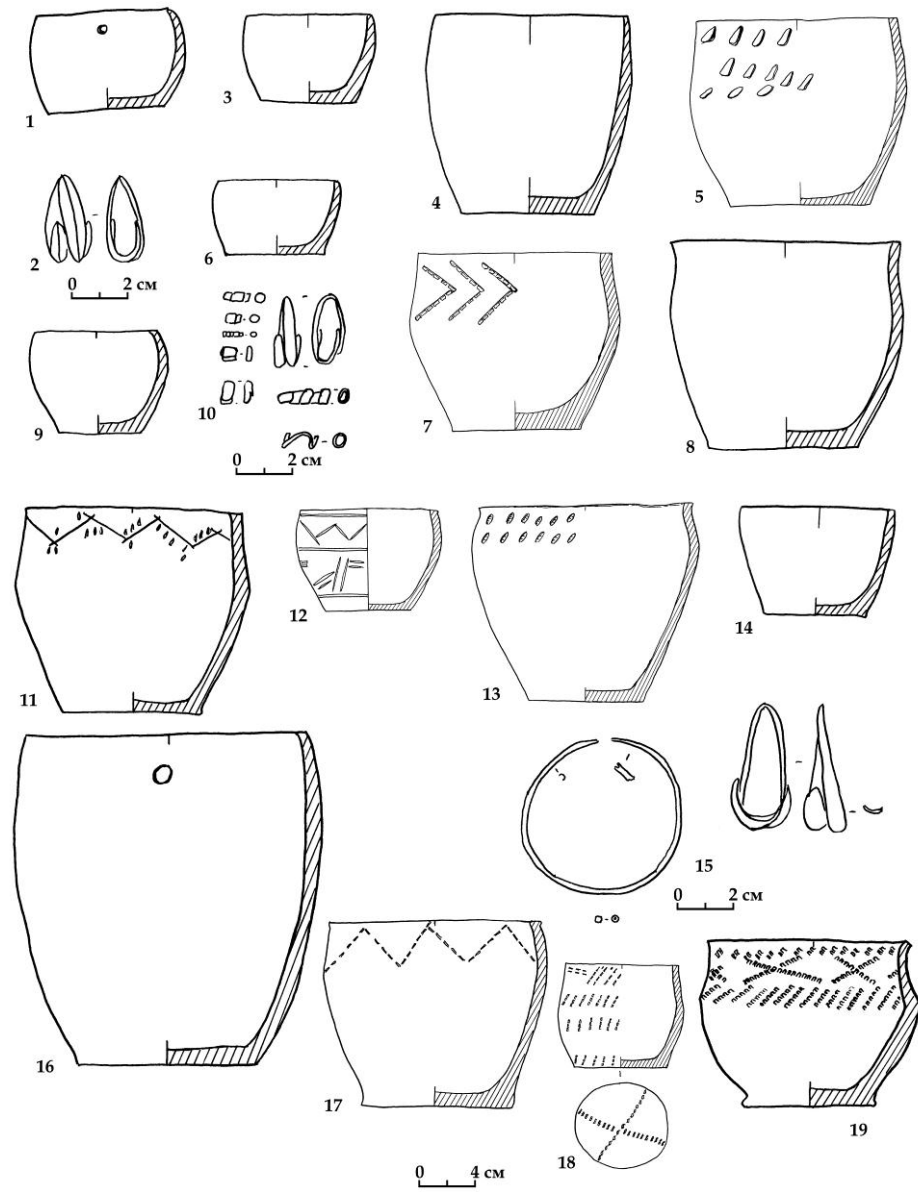

Рис. 11. Планы и разрезы погребений 15-19 кургана 12

Инвентарь из погребений кургана 12 (продолжение)

ЗАМЕТКИ

УДК 903.5(470.44)
ББК 63.4(235.54)

Жемков А.И., Лопатин В.А.

ЕЩЕ РАЗ О ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПОДВЕСОК ИЗ ЧАПАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В заметке представлен новый авторский подход к интерпретации загадочных костяных предметов из раскопок 1983 года в Саратовском Заволжье. К бесспорному фаллическому характеру данной символики добавлены важные выводы по поводу ее предположительной функциональности в качестве поясной фурнитуры, отмечающей родовых старейшин в скотоводческих обществах раннего бронзового века. Приводятся широкие аналогии из монументальной иконографии аридных регионов Евразии.

Ключевые слова: фаллические подвески, терракота, ранний бронзовый век, антропоморфная пластика.

Zhemkov A.I., Lopatin V.A.

ONCE AGAIN ABOUT THE FUNCTIONALITY OF SUSPENSIONS FROM THE CHAPAEVSKY BURIAL GROUND

The article presents a new author's approach to the interpretation of mysterious bone objects from the 1983 excavations in the Saratov Zavolzhye. To the undisputed phallic character of this symbolism, important conclusions are added about its supposed functionality as a belt accessory marking ancestral elders in pastoral societies of the early bronze age. Broad analogies are given from the monumental iconography of the arid regions of Eurasia.

Keyword: phallic pendants, terracotta, early bronze age, anthropomorphic plastic.

Редкие костяные «фаллические» подвески, обнаруженные в Саратовском Заволжье в 1983 году (рис. 1.), уже трижды были представлены в печати [Лопатин, 1985. С. 158-159; Жемков, Лопатин, 2007. С. 95-96; Жемков, 2008. С. 304-307]. Каждое новое обращение к этой теме было связано с необходимостью внести поправки в интерпретацию загадочных предметов, уточнить их функциональность и сакральный смысл. В первом сообщении подвески были представлены как стилизованные антропоморфные (женские) изображения, от чего авторы отказались во второй и третьей публикациях после проведения широкого сравнительного анализа. Было высказано новое предположение о противоположном по смысловой символике, явно выраженном «фаллическом» характере этих предметов, которые в традиционном убранстве представляли собой нагрудное ожерелье. В центре этого украшения выделялся более крупный фаллоид уплощенного сечения, а по краям в равных пропорциях размещались мелкие фигурки со сквозными отверстиями. Тогда же была указана единственная абсолютная аналогия малым формам – две костяные подвески из экспозиции Днепропетровского музея [Жемков, Лопатин, 2007. С. 103-104; Жемков, 2008. С. 304].

Рассматривая всю фаллическую символику как отражение основной социально-экономической парадигмы эпохи бронзы степной Евразии,¹ авторы склонны объединять в едином мифопоэтическом классе изображений не только чапаевские и днепропетровские фаллоиды, но и широко распространенные в памятниках ранней и средней бронзы предметы костяной и металлической фурнитуры – рогатковидные и молоточковидные булавки, служившие для скрепления бортов верхней распашной одежды. Все они имеют признаки сходства, позволяющие усматривать в данном единстве некое общее семантическое начало, отвечающее, на наш взгляд, определенным идеологическим переменам в мировоззрении степных скотоводческих обществ. Отметим, что ни в неолите, ни в энеолитических культурах южнорусских степей (орловская, мариупольская, прикаспийско-самарская, хвалынская) фаллическая символика так настойчиво не позиционировалась. Но именно с утверждением патриархально-скотоводческого мира (ямная, катакомбная и культуры поздней бронзы) на смену женской сакральной практике, постепенно вытесняя ее, приходят новые мужские, прежде всего фаллические, культы. Появляется соответствующая эмблематика созидательного мужского начала – в различной степени стилизованные фаллоиды, весьма вариативные

¹ Под основной социально-экономической парадигмой эпохи бронзы степной Евразии имеются ввиду революционные изменения в родовом обществе – решительное наступление позднеродовых (отцовских) отношений, включающих становление малой моногамной семьи, патрилокальное поселение супругов, патрилинейный счет родства, на фоне успешного развития производящих экономических систем скотоводческого типа.

по своей морфологии, а также по практической функциональности (булавки, застежки, детали ожерелий).

Особое значение имеют применительная функциональность костяной фаллической фурнитуры из Чапаевки как деталей убранства, и конкретное место этих предметов в костюме. Широкий анализ мелкой антропоморфной терракотовой пластики и монументальной скульптуры эпох энеолита-бронзы показал, прежде всего, что фаллические изображения в подавляющем большинстве являлись мужской изобразительной эмблематикой, что, в сущности, и не удивительно. Женские фигурки с фаллическими символами, подчеркивающими в данном сочетании принципы плодовитости, крайне редки. Как исключение, можно упомянуть ритуальную фигурку трипольского типа из Сабатиновки, где женский образ запечатлен в обнимку с крупным выпрямленным фаллоидом, имеющим, кроме того, заметную змеевидность [Лопатин, Порхунова, 2011. С. 27, рис. 12, 10]. Среди элементов женских одеяний фаллических элементов нет. О фаллической сущности молоточковидных и рогатковидных фибул один из авторов уже высказывался в печати [Жемков, 2008], и остается добавить, что идейно они, безусловно, демонстрируют мужской патриархальный принцип, главенствующий в индоевропейском скотоводческом обществе.

Продолжая настаивать на сакральной сущности чапаевских подвесок, на их особой культовости, не завуалированной бытовой функциональностью и декоративной стилизацией, попытаемся, наконец, определить место этих амулетов в мужском убранстве раннего бронзового века. Поиск иконографических аналогий позволил выделить группу изображений, где весьма узнаваемо фигурируют фаллические подвески, идентичные центральному чапаевскому варианту, и все они являются деталями пояса.

Культовое значение пояса, его социальная престижность в традиционных вариантах убранства – это сквозная тема в исследованиях различных культурных комплексов, причем в глубокой диахронии от энеолита до позднего средневековья. Свидетельства о наиболее ранних «магических» поясах появляются в материалах перехода к эпохе ранней бронзы в месопотамских священных текстах, где упоминаются перепоясанные статуи [Gurney, 1935]. В.М. Масон и В.И. Сарияниди, исследовавшие среднеазиатские терракотовые статуэтки, отмечают присутствие поясов на женских и мужских фигурках, особо подчеркивая их различия [Масон, Сарияниди, 1973. С. 42–43, рис. 8, Б].

Эротическая трактовка этой антропоморфной пластики вполне очевидна, и это в целом соответствует устоявшейся эпохальной парадигме в изобразительном творчестве, посвященном многочисленным культам плодородия. Пропорции фигурок каноничны, это ничто иное, как устойчивый изобразительный инвариант, в котором очертания мужских и женских статуэток оди-

наковы, но их различают детали, в том числе и техника изображения поясов (рис. 2, 1, 2). Пояса и половые признаки женских фигурок выполнены гравировкой, а мужских – способом наклепа. Авторы, почему-то, воспринимают их как изображения обнаженных мужчин и женщин, что, по их мнению, отвечает культовому характеру всей этой микропластики. Вместе с тем, в изображениях очень заметна стилистическая неразделенность «пояс-лобок» на женских и «пояс-фаллос» на мужских статуэтках, что заставляет предполагать искусственность данных деталей, сопровождающих антропоморфные фигурки. Об этом же могут свидетельствовать непомерно крупные размеры большинства женских органов, изображенных в виде традиционного «принципа» (треугольник вершиной вниз). Думается, что в действительности на женской фигурке изображался пояс с фартуком, имитирующим лобок, что в большей степени соответствовало идее «пояса стыдливости»¹ [Масон, Сарияниди, 1973. С. 43]. Мужские статуэтки оснащались наклепным пояском с миниатюрной фаллической подвеской, и здесь подразумевалась именно деталь пояса, а не естественный орган антропоморфа.

Среднеазиатские терракоты предельно вотивны, их условность нарушена только настойчивым показом половых различий. Но вот более разнообразные миниатюрные статуэтки сопредельных регионов (Месопотамия, Анатолия, Иранское нагорье) имеют больше портретных черт, что придает им неповторимую индивидуальность, но они так же сопровождаются широко канонизированными деталями (священные пояса с обозначением половой принадлежности). Особенно это показательно для некоторых мужских, очень солидных бородатых образов с жезлами, в калафообразных головных уборах с ниспадающими на спину накидками, и обязательно перепоясанных, со свисающей с пояса фаллической подвеской (рис. 2, 3) [Масон, Сарияниди, 1973. С. 46, рис. 9, 2; с. 57, рис. 11]. Указанные персонажи совершенно не похожи на обнаженных мужчин. Это тем более очевидно, что для обнаженных мужских образов с естественным признаком пола тогда же существовали иные трактовки, в которых фаллос показан без пояса [там же. С. 46, рис. 9, 7].

Время и культурная принадлежность набора фаллических подвесок из Чапаевки не вызывает сомнения, поскольку они привязаны к конкретному погребальному комплексу, имеющему исчерпывающие характеристики. Это парное погребение № 2 из второго кургана Чапаевского курганного могильника, раскопанного в 1983 году В.А. Лопатиным [Жемков, Лопатин, 2007.

¹ Эта «стыдливая» символика надолго задерживается в женском убранстве. Даже в крито-микенскую эпоху (XVI в. до н.э.) мы видим короткие фартуки подтреугольных форм на широко известных статуэтках «богинь со змеями» (рис. 3, 1). Такой фартук тогда носили поверх длинного приталенного платья с оборками и глубоким декольте, полностью обнажающем грудь [Herrmann, 1977. S. 104].

С. 95–96, 115, рис. 1, 8–16]. Оно было основным в кургане, его совершили в обширной прямоугольной яме со ступенькой, на уровне которой отмечены признаки поперечного перекрытия. На дне расчищены два скелета (крупного человека зрелого возраста и молодого человека грацильного сложения), лежавшие скорченно на спине, головами к северо-востоку. На черепах, тазовых костях и стопах обильная посыпка охрой, под костями остатки растительных подстилок пепельного цвета.

Подвески лежали в ногах погребенных, несколько ближе к стопам молодого человека, у которого, кроме того, на черепе находилась костяная бусина-пронизка. Подвески лежали без какого-либо системного порядка (горсткой), и по всему было очевидно, что они первоначально крепились к шнуру или тонкому ремешку. Теперь совершенно ясно, что это был пояс, а не ожерелье, как представлялось ранее. В обрядовом смысле пояс является посмертным дарением одному из умерших от оставшегося в живых близкого родственника, причем, дар весьма престижный и дорогой, имевший священный статус, которым мог быть наделен только родовой старейшина. Центром этого поясного набора был крупный фаллоид, который крепился к ремешку некой системой привязывания (на кости заметны потертости). По бокам от него нашивались через центральные отверстия еще шесть подвесок малых размеров, по три с каждой стороны. Заметим, что в иконографии восточных терракот таких сложных поясов нет.

По обрядовым показателям погребение 2/2 Чапаевского могильника типично для волго-уральской группы погребений древнеямной культуры (большие могилы со ступенями и деревянными перекрытиями, ориентировки в восточные сектора при скорченной позе на спине с вертикально поставленными коленями, полная или частичная посыпка охрой). Такие комплексы предположительно можно относить к раннему этапу развития ямной культуры и синхронизировать с репинско-быковским горизонтом эпохи ранней бронзы [Васильев, Габышев, 1982].

Широко известную менгир-стелу из Керносовки специалисты относят к кеми-обинской культуре эпохи ранней бронзы Поднепровья, которая активно взаимодействовала с древнеямными скотоводческими племенами нижнемихайловского типа (рис. 3, 2) [Археология., 1985. С. 331–336, рис. 92]. Нам это уникальное произведение монументального искусства интересно с точки зрения анализа деталей внешнего оформления. Керносовский антропоморфный менгир близок известным каменным стелам Северного Причерноморья и северного побережья Средиземного моря (прямоугольные очертания с выделенным выступом головы). Это так называемый «скелетный» тип сакрального изображения предка (на спине обозначены ребра и стержень позвоночника). Изображение коленапреклоненное (на обратной стороне пока-

заны ступни ног), и это позволяет предполагать, что данная деталь идентична позе погребения (скорченно на спине с вертикально поставленными коленями) и, как любая поза адорации, адресована она встрече с высшим божеством. Некоторые изображения в нижней части стелы (крупный рогатый скот, прямоугольный загон, льячка для розлива расплавленного металла в литейные формы) отражают прижизненные специализации умершего – скотоводство и металлообработку. Воинский характер героического предка подтверждают изображения предметов вооружения – ножа и трех топоров, один из которых заткнут за пояс. Вне всяких сомнений, стела посвящена родовому старейшине, поскольку с пояса свисает фаллическая подвеска, идентичная тем, что отмечены на ближневосточной иконографии, и акцентированная на культы плодородия в животноводстве и в продолжении человеческого рода. К этой же области священного содержания относится несколько гротескная коитальная сцена, изображенная на левой боковой поверхности менгира.

Сопоставляя чрезвычайно малое количество реальных артефактов (костяные фаллические подвески к священным поясам) с гораздо более многочисленными иконографическими аналогами, уместно предположить, что подавляющее большинство таких подвесок изготавливалось из тленных материалов, скорее всего, из дерева, поэтому в захоронениях они, как и пояса, не сохранялись. Ареал распространения священных поясов с фаллическими подвесками был огромен и фактически совпадал с гигантской областью доминирующего скотоводства (пастбищные лесостепные, степные и аридные пространства Евразии).

Литература:

Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная Археология. Киев: «Наукова Думка», 1985.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Жемков А.И. Особый тип костяных подвесок эпохи ранней бронзы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.

Лопатин В.А. Раскопки в среднем течении р. Малый Караман // АО 1983. М.: «Наука», 1985.

Лопатин В.А., Порхунова А.С. Орнаментированные путовые кости лошади в искусстве неолита-энеолита степной Евразии // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2011. Вып. 9.

Масон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.: «Наука», 1973.

Gurney O. Babilonian Prophylactic Figures and their Rituales, vol. XXII, № 1-2, Liverpool, 1935.

Herrmann J. Spuren des Prometheus. Der Aufstieg der Menschheit zwischen Naturgeschichte und Weltgeschichte. Leipzig-Jena-Berlin: «Urania-Verlag», 1977.

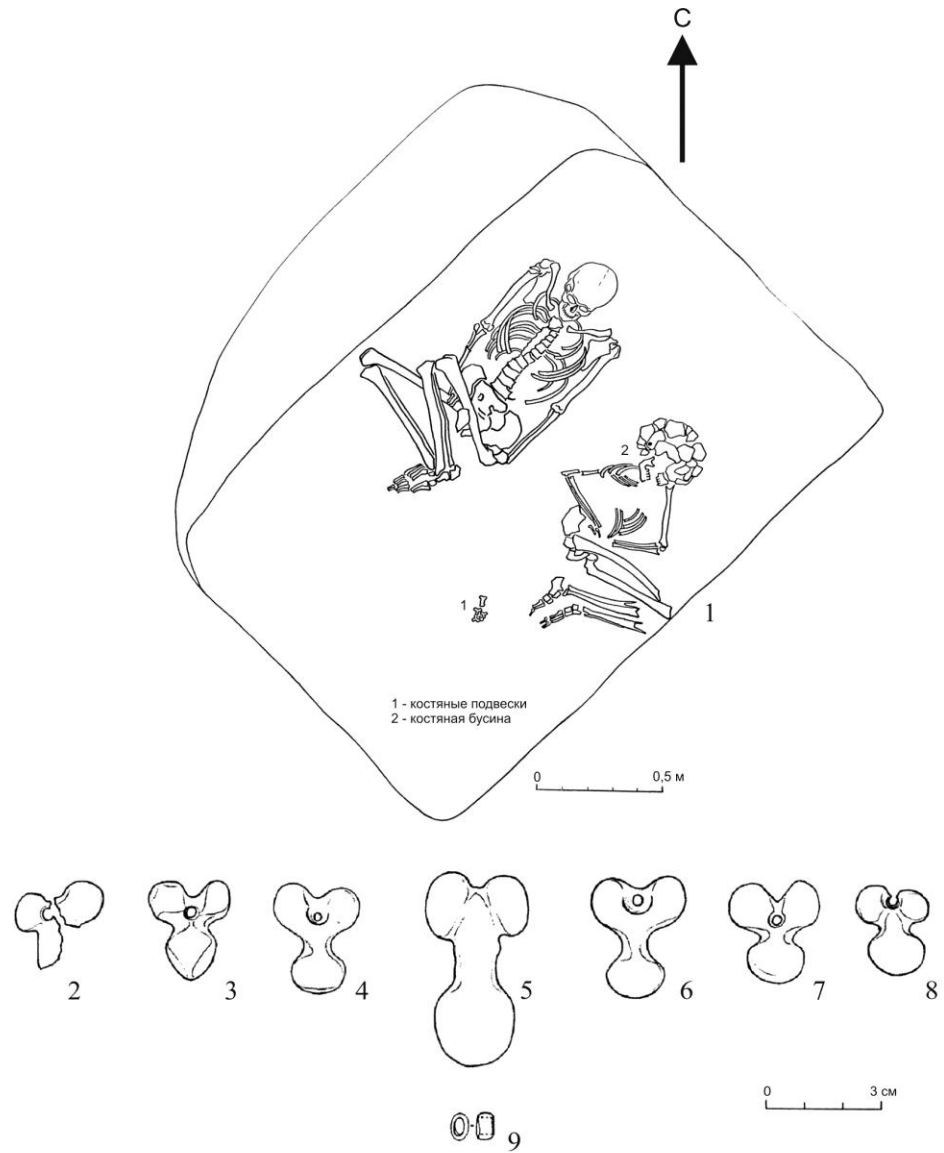

Рис. 1. Захоронение из Чапаевки (1), фаллические подвески (2-8), бусина (9).

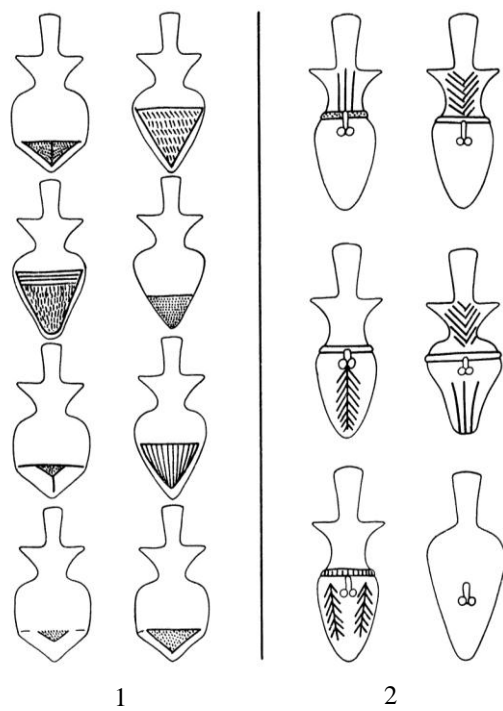

Рис. 2. Среднеазиатские и ближневосточные терракоты с вотивными поясами: женские (1); мужские (2, 3).

1

2

Рис. 3. Богиня со змеями (1) и Керносовский идол (2).

Моржерин К.Ю., Хреков А.А., Латыгин И.М.

ПРЕДМЕТЫ КРУГА ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ
ИЗ САРАТОВСКОГО ПРИХОПЕРЬЯ

Для решения проблемы продвижения раннеславянских традиций (пост-зарубинецких) на восток в римский период важен феномен распространения украшений с выемчатыми эмалями. В статье публикуется информация о новых находках предметов круга выемчатых эмалей на территории лесостепного Прихоперья: треугольная фибула, бронзовая миниатюрная подвеска-колокольчик, бронзовый утяжелитель плети, ножка фибулы. Датируются находки в рамках второй половины-середины III в.

Ключевые слова: памятники типа Шапкино-Инясево, лесостепное Прихоперье, римское время, киевская культура, украшения с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля.

Morzherin K.Yu., Khrekov A.A., Latygin I.M.

CHAMPLEVE-ENAMEL ITEMS FROM THE KHOPER
REGION NEAR SARATOV

The phenomenon of circulation of the champlevé-enamel ornaments is essential for solving the problem of the eastward advance of the Early Slavic (Post-Zarubinet) traditions during the Roman period. The paper presents some information on the new findings of items of the champlevé-enamel range from the Khoper forest-steppe region: an enameled triangular fibula, a miniature bronze bell-shaped pendant, a bronze filler intended to add weight to a whip, a fibula stem. The finds date back to the second half - the middle of the III century.

Keywords: monuments of the Shapkino-Inyasevo type, the Khoper forest-steppe region, Roman time, Kiev culture, champlevé-enamel ornaments of the East European style.

К настоящему времени на территории лесостепного Прихоперья известно около 30 памятников и отдельных находок римского и позднеимского времени [Хреков, Шуваев, 2016. С. 169, рис. 1], из них 33 изделия круга эмалей. Одним из авторов эти памятники выделены в инясевский тип [Хреков, 1997. С. 325–336], или по другой терминологии группа Шапкино-Инясево [Обломский, 2017. С. 71], основное время существования которых приходится

на вторую половину II – середину III вв., не исключая конца III в. Это была довольно многочисленная группа населения, занимающая определенную экологическую нишу и независимая от степных кочевников, о чем видимо свидетельствуют военные и всаднические атрибуты, обнаруженные на поселениях и в могильнике [Хреков, 2017. С. 199–214].

Между тем, целый ряд вопросов требуют уточнения: хронология, происхождение, дальние и ближние связи, дальнейшая судьба. По нашему мнению, введение новых артефактов в научный оборот необходимо для более конкретного уточнения истории лесостепного Прихоперья в системе культур II–III вв. Восточной Европы.

В предлагаемой публикации вводятся в научный оборот четыре новые находки римского времени, обнаруженные в Балашовском районе Саратовской области, у сел Лесное и Старый Хопер¹. Особого внимания заслуживает целая треугольная фибула и обломок ножки фибулы, декорированные эмалью.

В 2020 г. западнее с. Лесное проводилось обследование луговой пойменной части левобережья Хопра [Моржерин, 2020], изобилующей старичными озерами. Возле некоторых из них имеются донные всхолмления и возвышенные участки, которые не затопляются в половодье. На одном из таких участков, имеющем мысовидную конфигурацию и окаймленном с трех сторон озерами, были обнаружены три из четырех рассматриваемых предметов.

Поселение Лесное-II. В середине XX в. площадь памятника подвергалась плантажной распашке и позднее была засажена плодовыми деревьями. В ходе обследования территории в 2020 г. было зафиксировано большое количество участков, на которых поверхность были взрыхлена дикими кабанями. На одном из таких участков и были найдены рассматриваемые предметы – треугольная фибула с эмалью, пирамидальная подвеска и утяжелитель плети². Предметы находились недалеко друг от друга. В верхнем слое шурфа, заложенном на месте находки фибулы, были встречены фрагменты керамики киевского облика. В ниже лежащих слоях зафиксированы материалы эпохи бронзы. Перейдем к детальному рассмотрению найденных предметов³.

Фибула треугольная литая ажурная с треугольным окончанием (рис. 1, 1; 2, 1). Высота – 9,9 см, 12 см (с петлями для оси пружины), ширина – 5,4 см в

¹ Находки у с. Лесное поступили в Саратовский областной музей краеведения, находка у с. Старый Хопер передана в Балашовский краеведческий музей.

² Данный предмет интерпретирован так по аналогии с находками из Брянского клада [Ахмедов, Белоцерковская, 2018. С. 56–57].

³ За образец взяты описания предметов из Брянского клада, составленные И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедовым [Брянский клад..., 2018].

верхней, 3,8 см в нижней части. Спинка фибулы несколько выгнута, высота прогиба по внешнему контуру 1 см.

К углам верхней части щитка подходят две массивные подпрямоугольного сечения петли (высота – 1,1 см, ширина – 0,5–0,6 см, толщина – 0,5 см, диаметр петель с отверстием для пружины – 0,75 см). Отверстие круглое. Пружина в виде бронзового стержня диаметром 0,3 см, вставленного в отверстие и расплющенного на концах.

В верхней части ножки с тыльной стороны находится массивная литая петля-приемник иглы максимальной длины 0,9 см, высотой 0,6 см. Механизм фибулы утрачен.

Треугольный щиток фибулы в верхней части имеет рамку прямоугольного сечения длиной 4,8 см, высотой 0,6–0,8 см, толщиной 0,15–0,25 см. Ширина боковых сторон варьируется от 0,6–0,7 см в верхней части и до 0,4 см в нижней. Внешние края боковых сторон немного скошены внутрь. Щиток фибулы четырехчастный, разделителями служат три поперечные перекладины квадратного сечения. Верхняя перекладина длиной 3,7 см, высотой 0,2 см располагается под верхней рамкой и отделена от неё тремя вертикально отходящими короткими, прямоугольными в сечении, планками высотой 0,4 см и шириной 0,3 см. Эти короткие планки делят внутреннее пространство на четыре прямоугольника. Верхняя перекладина расположена в 1,1 см от верхнего края рамки фибулы, вторая перекладина (длина – 2,3 см, высота – 0,2 см) расположена в 4 см, а третья, нижняя (длина 1,9 см, высота – 0,2–0,35 см), в 5,5 см.

Внутренние размеры верхней трапецевидной части щитка: ширина сверху – 3,6 см, внизу – 2,3 см, высота – 2,7 см. Параллельно боковым сторонам рамки вписаны два гнезда для эмали в виде равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вниз. Высота треугольников 2,7–2,8 см, длина оснований – левого 1,45 см, правого – 1,3 см. В основании треугольников – дуговидные вырезы высотой 0,4 см. Ширина бортиков гнезда – 0,15 см. На правом треугольнике заметны следы ремонта гнезда, в виде доливки металла с внутренней стороны предмета и утолщения бортиков гнезда с наружной стороны. Эмаль – темно-красного цвета, с мелкими выбоинами и трещинами. Под эмалью видна стеклянная желто-золотистая прозрачная масса. Между треугольниками, по центру поля помещена вертикальная квадратная в сечении планка (длина – 2,7 см, ширина – 0,3 см), опирающаяся нижним концом на дуговидную фигуру, соединенную со второй поперечной планкой. На вертикальной планке помещена рельефная выпуклая волнистая полоса в два изгиба.

Средняя часть щитка неправильной трапецевидной формы за счет косо размещенных перекладин. Размеры внутреннего пространства: высота

1,4 см, длина сверху – 2,2 см, внизу – 1,7 см. В него вписаны две расположенные горизонтально, рядом друг с другом, и соединенные углами ромбовидные фигуры с вогнутыми сторонами и гладкой поверхностью высотой 1,3 см, длиной 2 см, толщиной 0,3 см.

Нижняя часть щитка вытянутой трапециевидной формы, ограниченная внизу плоской площадкой подтрапециевидной формы. Размеры внутреннего пространства: высота – 3,1 см, длина сверху – 1,6 см, внизу – 0,6 см. Параллельно боковым сторонам рамки вписано гнездо для эмали в виде равнобедренного треугольника, обращенного вершиной вниз. В основании треугольника – дуговидный вырез высотой 0,4 см. Высота треугольника – 3,1 см, длина основания – 1,3 см. Ширина бортика для эмали – 0,1 см, глубина – 0,2 см. Эмаль в гнезде сине-голубая с большими утратами, выкрошена и с трещинами.

Щиток отделен от ножки плоской площадкой подтрапециевидной формы длиной – 1,8 см, высотой – 0,8 см, толщиной – 0,45 см. По краям длинных сторон площадки нанесены углубленные линии. Окончание фибулы высотой 1,7 см – треугольное двускатное, с выгнутыми боковыми сторонами, со слабо выраженным ребром по средней вертикальной линии. Эмалевое поле – в виде равнобедренного треугольника со слабо вогнутыми боковыми сторонами: длина основания – 1,7 см, высота – 1,1 см, бортик не фиксируется. Эмаль – темно-красного цвета, с гладкой поверхностью, с мелкими трещинами. В углах основания ножки фибулы расположены два округлых выступа, диаметром – 0,5 см, толщиной – 0,25 см.

Рассматриваемая фибула относится к типу III подтипу 1 по классификации Г.Ф. Корзухиной – фибула треугольная с треугольным нижним концом [Корзухина, 1978. С. 24]. Исследовательница отмечает, что треугольные фибулы чрезвычайно разнообразны в деталях, иногда весьма существенно. Общие же характерные признаки – они имеют отчетливо выраженную треугольную форму, причем вершина этого треугольника обращена вниз и оформлена различно. Поверхность фибулы изрешечена ажурным геометрическим орнаментом, а отдельные поля заполнены эмалью. Г.Ф. Корзухина для указанного типа фибул упоминает 14 экземпляров (в Среднем Поднепровье – 2 экз., в Мощинском кладе – 7 экз., по 2 экз. из Иванковичей и погребений в некрополе Херсонеса).

Ажурные треугольные фибулы без отростков с треугольными ножками и вставками эмали встречены по всему ареалу украшений с выемчатыми эмальями восточно-европейского стиля, но наибольшее их количество происходит из Поднепровья [Обломский, 2018. С. 638].

Наиболее близкие аналогии таким элементам орнаментации, как треугольники, ромбовидные фигуры с вогнутыми сторонами, рельефная вы-

пуклая волнистая полоса, находятся среди треугольных фибул Мощинского клада [Корзухина, 1978. Табл. 17; 18; 19], Брянского клада [Белоцерковская, 2018. С. 22, кат. 15, рис. 13; с. 23, кат. 16, рис. 14], фибулы из Паниковецкого клада (Липецкая область) [Обломский, 2018. С. 627, рис. 8, 4].

Для большинства треугольных фибул характерно трехчастное орнаментальное поле щитка. Четырехчастное деление щитка, как на фибуле из Лесного, имеется на фибулах из Среднего Поднепровья (Черняхов и Новые Безрадиичи) [Корзухина, 1978. Табл. 6, 2, 7], Мощинского клада (Калужская область) [Корзухина, 1978. Табл. 17, 2, 4; табл. 18, 1-4], Губаревского городища (Воронежская область) [Зиньковская, 2012. С. 77-78, рис. 3, 2; Обломский, Безузцкий, 2019. С. 71, рис. 3, 2].

Фибулу из Лесного можно соотнести со вторым этапом провинциально-римского эмалирования, выделенного М. Фёжер (Feuger M.) [Румянцева, 2019. С. 278]. В восточноевропейском эмалировании увеличение эмалевых полей, а также сочетание эмалей разных цветов на одном украшении, в т.ч. помещение их в одну или разные ячейки, относятся ко второму этапу развития стиля, дата которого определяется концом II – серединой / второй половиной III в. [Обломский, 2018. С. 239]. Двухцветные эмали (красная – сине-голубая) на пластинчатых фибулах имеются среди находок на селище Супруты 6 (Тульская обл.) [Воронцов и др., 2018. С. 186, рис. 10, 1]

Подвеска-колокольчик бронзовая литая, пирамидальной формы, четырехгранная (рис. 1, 3; 3, 1). В основании – квадрат со слегка вогнутыми в средней части сторонами длиной 1,6-1,7 см. По нижнему краю сторон слабо выраженный бортик. Грани пирамидки ровные. В каждом из углов расположены небольшие выступы-шарики, выступающие за пределы ребер подвески. Петля утрачена. Сохранившаяся высота подвески 1,9 см. Толщина граней – 0,15 см.

Собственно, подобные изделия не были колокольчиками, т.к. внутри отсутствуют признаки крепления для язычка. На территории Восточной Европы они представляют собой подражания античным колокольчикам для отпугивания злых духов. Широко были распространены в Римской империи и в Северном Причерноморье [Морозовская, 1985. С. 70-77].

Аналогичные подвески, но несколько большего размера, и с более выраженными шариками по углам, есть в составе Брянского клада [Белоцерковская, 2018. С. 39].

Утяжелитель ремня плети бронзовый литой (рис. 1, 4; 3, 2). Имеет вид грузика усеченно-биконической формы, со скругленным ребром и с круглым отверстием в центре. Высота предмета – 1,5 см, диаметр средней части – 1,9 см, верхней и нижней поверхности – 1 см, диаметр отверстия – 0,8 см. Предполагается, что плеть могла быть легким оружием и символом власти

[Радюш, 2013. С. 66–69], а элемент плети (утяжелитель) является косвенным свидетельством властной структуры на территории Прихоперья.

Близкие аналогии рассматриваемому предмету имеются в материалах Брянского клада [Ахмедов, Белоцерковская, 2018. С. 57].

Последний из рассматриваемых предметов – ножка треугольной фибулы, случайная находка, обнаруженная в пойме р. Хопра, в районе **с. Старый Хопер** (рис. 1, 2; 2, 2). Сохранившееся окончание фибулы высотой 2 см, треугольное двускатное, с выгнутыми боковыми сторонами, ребро не фиксируется. Вверху ножки сохранились признаки плоской площадки (?) длиной – 1,2 см. По краю длинной стороны площадки нанесена углубленная линия. Эмалевое поле – в виде равнобедренного треугольника со слабо вогнутыми боковыми сторонами: длина основания – 2,2 см, высота – 1,6 см, бортик не фиксируется, глубина гнезда 0,15 см. Эмаль полностью утрачена, в углах гнезда сохранились мелкие частицы эмали красного цвета. В углах основания ножки фибулы расположены два округлых выступа, диаметром 0,6–0,65 см, толщиной 0,45–0,5 см.

Таким образом, новые находки еще раз подтверждают факт присутствия наиболее восточной (юго-восточной) крупной группировки постзарубинцев (протославян, возможно, венедов) на территории лесостепного Прихоперья и не в «сарматском обозе», как это предполагают некоторые исследователи [Зиньковская, 2018. С. 88], а имеющие вполне независимый статус, о чем свидетельствуют многочисленные поселения, довольно развитое земледелие, ремесло, военные атрибуты (шпоры, кольчуги, топоры, плети) и намечающийся круг памятников более позднего времени, стадии С1а–С1в, продолжающих прежние традиции [Хреков, 2018. С. 174–181; Хреков, 2017. С. 199–214]. Не исключено, что возникшая в результате этого расселения в бассейне Хопра культурная группа типа Шапкино-Инясево распространилась на восток вплоть до Волги [Хреков, 2000. С. 5–7; Юдин, 2007. С. 189–205]. Памятники инясевского круга существовали до второй половины III в. Дальнейшая судьба этого населения не ясна [Обломский, 2017. С. 83–84].

Литература:

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Детали плети // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып. 18. М., Вологда, 2018.

Белоцерковская И.В. Украшения из металла // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) Раннеславянский мир. Вып. 18. М., Вологда, 2018.

Воронцов А.М., Столяров Е.В., Столярова К.А., Бурцев И.Г., Петров Ю.Ю. Археологическая разведка в Щекинском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. Липецк, 2018.

Морозовская Т.В. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени и археологические памятники Северного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.

Зиньковская И.В. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. № 2. 2011.

Зиньковская И.В. К вопросу о культурно-этнической атрибуции варварских эмалей в лесостепном Доно-Волжском междуречье // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 1.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. САИ. Вып. Е 1–43. Л., 1978.

Моржерин К.Ю. Отчет об археологических разведках в Балашовском и Романовском районах Саратовской области в 2020 году. Саратов, 2020 // Архив ИА РАН.

Обломский А.М. О расселении ранних славян на восток в римское время // РА. № 3. 2017.

Обломский А.М. Проблемы изучения кладов с эмалями в Поднепровье и Подонье // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып. 18. М., Вологда, 2018.

Обломский А.М. О донских кладах украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля // Studia Barbarica. Т. 1. Lublin, 2018.

Обломский А.М., Березуцкий В.Д. Горизонт украшений с выемчатыми эмалями на территории лесостепного Подонья // Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н. е. (ОІУМ 6). Киев, 2019.

Радюш О.А. Элементы всаднической и дружинной культуры II–III вв. в Поднепровье // В поисках ойума. «Пути народов». (STRATUM plus; № 4). Кишинев, 2013.

Румянцева О.С. Восточноевропейские выемчатые эмали: независимое развитие или связь с провинциально-римским эмалированием? // КСИА. Вып. 254. 2019.

Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1987.

Хреков А.А. О позднегородецких памятниках междуречья Хопра и Волги // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы археологии и этнической истории). Саранск, 2000.

Хреков А.А. Периодизация и хронология постзарубинецких памятников лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовской области. Вып. 11. Саратов, 2013.

Хреков А.А., Шубаев С.В. Новые находки предметов круга выемчатых эмалей на территории лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовской области. Вып. 14. Саратов, 2016.

Хреков А.А. Узколезвийные проушные топоры, шпоры и некоторые вопросы этнической истории Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15. Саратов, 2017.

Хреков А.А. Новые данные о земледелии постзарубинецкого населения Прихоперья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 14. Саратов, 2018.

Юдин А.И. Алексеевское городище правобережья Волги в первые вв. н. э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3. Липецк; СПб., 2007.

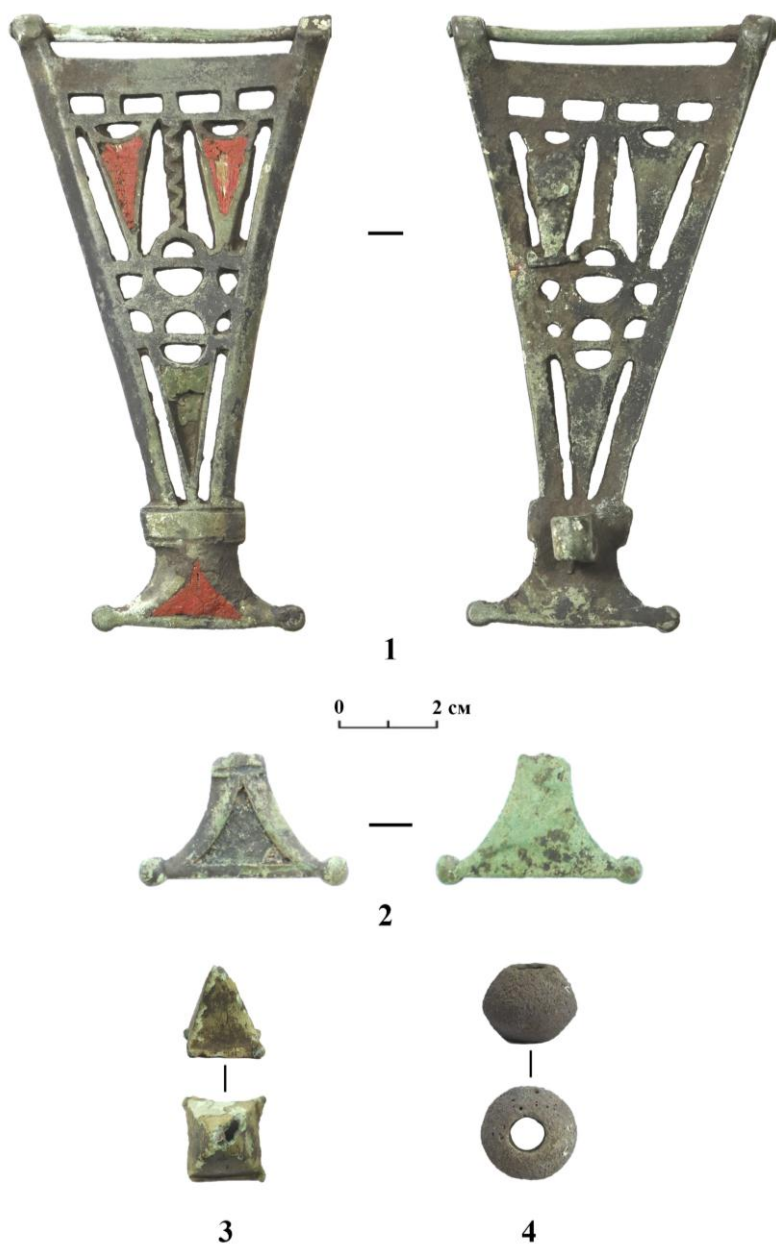

Рис. 1. Бронзовые предметы круга выемчатых эмалей.
1, 3, 4 - поселение Лесное-II, 2 - с. Старый Хопер.

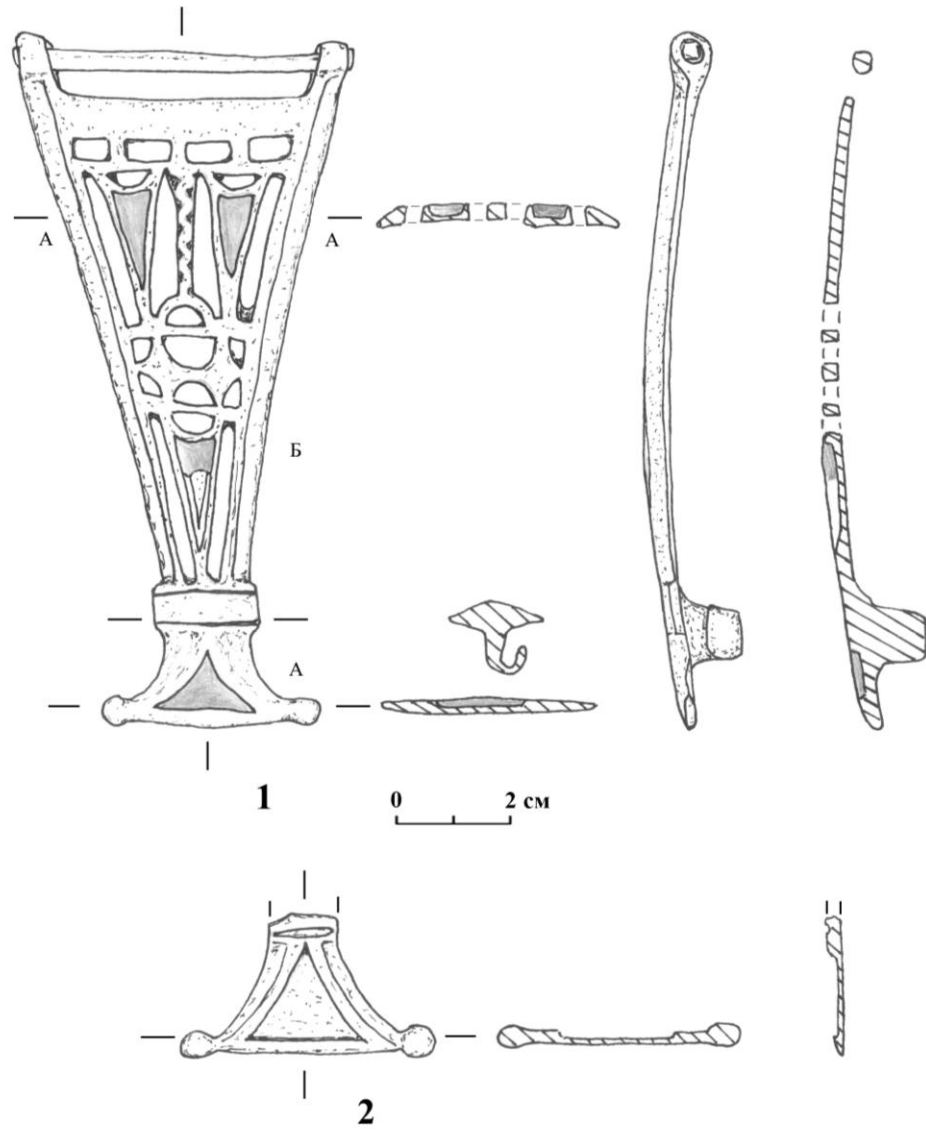

Рис. 2. Фибулы. Бронза, эмаль (А - эмаль красная, Б - эмаль сине-голубая).
 1 - поселение Лесное-II, 2 - с. Старый Хопер.

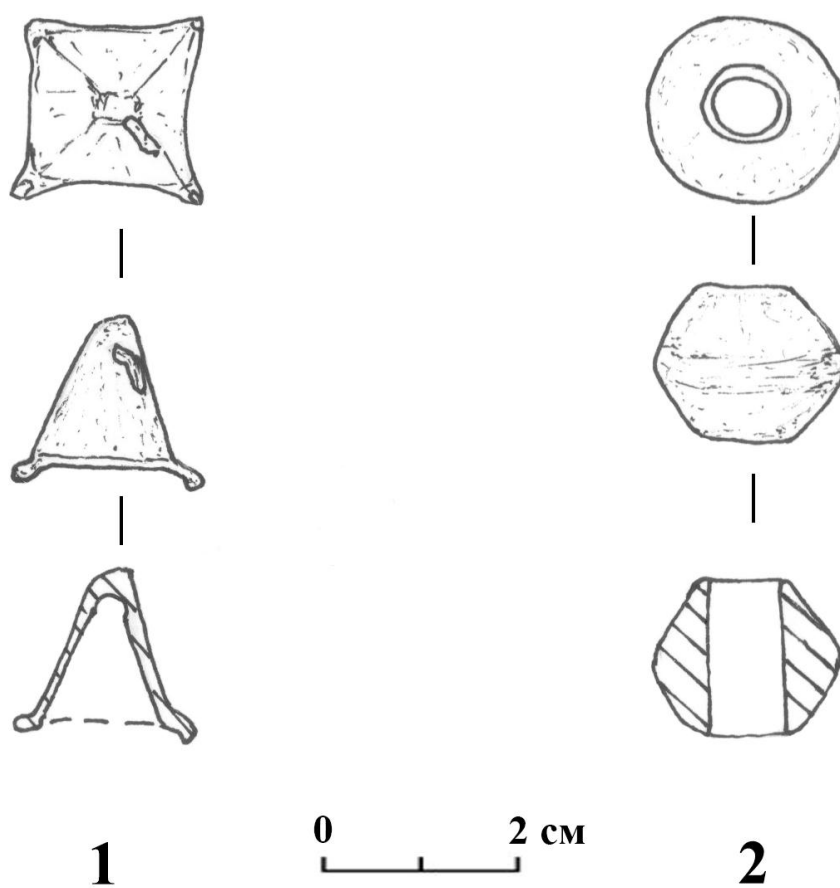

Рис. 3. Подвеска (1), утяжелитель плети (2). Бронза.
1, 2 - поселение Лесное-II.

Список сокращений:

АВ – Авеста
АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АО – Археологические открытия
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ДонГУ – Донецкий государственный университет
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук Союза советских социалистических республик
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии
ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический институт
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РВ – Ригведа
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СамНЦ – Самарский научный центр
СГУ – Саратовский государственный университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГТУ – Саратовский государственный технический университет
СКИО – срубная культурно-историческая общность
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ НАУКИ

Бочкарев В.С.

Археология на перекрестке гуманитарного
и естественнонаучного знания. 5

Корневский С.Н.

О дискуссионных проблемах теории классификаций
в археологии медно-бронзового века. 23

СТАТЬИ

Корневский С.Н.

К вопросу о погребальных традициях
древнейших курганов Юга Восточной Европы
и Предкавказья. 43

Морозов П.М.

Опыт создания 3D-модели кургана. 68

Малов Н.М.

Пряжки из ископаемых раковин морских моллюсков
в погребениях срубной культуры позднего бронзового
века Саратовского правобережья
и Волго-Уральского междуречья. 94

Мимоход Р.А., Загородняя О.Н.

Комплексы с останками людей на поселениях
срубной культурно-исторической общности. 114

Батасова А.В.

Находки литейного инвентаря
в погребениях эпохи бронзы на территории Европы 144

Хреков А.А., Быков В.Ю.

О культурно-хронологической принадлежности
памятников финальной бронзы на территории
лесостепного Прихоперья и Волго-Донского междуречья.189

ПУБЛИКАЦИИ

Юдин А.И.

Малая Сопка. Предметы из камня и кости
как показатели специфики памятника.259

Беркалиев Т.А., Лопатин В.А.

Курганный некрополь эпохи поздней бронзы
поселения Преображенка 1 в степном Заволжье.280

Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н.

Исследования курганов 7 и 12 у с. Дмитриевка
Вольского района Саратовской области.319

ЗАМЕТКИ

Жемков А.И., Лопатин В.А.

Еще раз о функциональности подвесок
из Чапаевского могильника.351

Моржерин К.Ю., Хреков А.А., Латыгин И.М.

Предметы круга выемчатых эмалей из Саратовского Прихоперья.361

CONTENTS

THEORY OF SCIENCE

Bochkarev V.S.

Archaeology at the crossroads of the humanities
and natural sciences. 5

Korenevskiy S.N.

On discussion groups problems of classification theory
in the archaeology of the copper-bronze age. 23

ARTICLES

Korenevskiy S.N.

On the question of burial traditions of the oldest burial
mounds in southern Eastern Europe and the foothills
of the Northern Caucasus. 43

Morozov P.M.

Experience in creating a 3D-model of a mound. 68

Malov N.M.

Buckles made of fossil seashells and found in the late bronze age
timber-grave burials within the Volga right bank area
near Saratov and the Volga-Ural Interfluve. 94

Mimokhod R.A., Zagorodnia O.N.

Complexes with the human remains in the Settlements
of the srubnaya cultural and historical community. 114

Batasova A.V.

Foundry inventory in the burials of the bronze age in Europe144

Khrekov A.A., Bykov V.Yu.

On the cultural-chronological Affiliation of the late Bronze age
Monuments from the forest-steppe areas of the Khoper
Region and the Volga-Don Interfluve.189

PUBLIKATIONS

Yudin A.I.

Malaya Sopka. Stone and bone items as indicators the specifics
of the Monument.259

Berkaliyev T.A., Lopatin V.A.

Late Bronze age burial mound Necropolis Preobrazhenka 1
Settlements in the steppe Zavolzhye.280

Zhemkov A.I., Kim M.G., Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.

Studi of the burial Mound 7 and 12 near the village
of Dmitrievka in Volski area of Saratov region.319

NOTES

Zhemkov A.I., Lopatin V.A.

Once again about the Functionality
of Suspensions from the Chapaevsky Burial Ground.351

Morzherin K.Yu., Khrekov A.A., Latygin I.M.

Champleve-enamel items from the Khoper
Region near Saratov.361

Сведения об авторах:

Батасова Анжела Владимировна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

Беркалиев Тимур Алексеевич – младший научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения (Саратов)

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург)

Быков Владимир Юрьевич – учитель истории СОШ с. Семеновка Аркадакского района (Саратов)

Жемков Алексей Игоревич – археолог ООО «Поволжский археологический центр» (Саратов)

Загородняя Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Харьков)

Ким Михаил Гансович – научный сотрудник Вольского краеведческого музея (Вольск)

Корневский Сергей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН (Москва)

Кочерженко Ольга Васильевна – независимый исследователь (Саратов)

Латыгин Игорь Михайлович – член Балашовского отделения Саратовского регионального отделения ВООПИК (Балашов)

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов)

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов)

Мимоход Роман Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ИА РАН (Москва)

Моржерин Константин Юрьевич – зав. сектором археологии Саратовского областного музея краеведения (Саратов)

Морозов Павел Михайлович – кандидат исторических наук, зав. Отделом археологии ООО «Геопроектизыскания» (Москва)

Слонов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра компетенций СГУ (Саратов)

Хреков Анатолий Анатольевич – старший преподаватель Балашовского института (филиала) СГУ (Балашов)

Юдин Александр Иванович – доктор исторических наук, ООО «ЛРТ-Наследие» (Саратов)

**КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

Кафедра истории России и археологии Саратовского госуниверситета продолжает издание научного сборника «Археология Восточно-Европейской степи». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации

Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории Восточно-Европейских степей.

Правила оформления статей

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) и содержать не более 7 иллюстраций. Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

Статья должна включать следующие элементы оформления:

- Индексы **УДК** и **ББК**.
- **Заглавие**. Оформляется на русском и английском языках.

Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу на русском и английском языках.

• К статье должно быть приложено краткое резюме и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках.

• В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.

• Печатный экземпляр можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра истории России и археологии.

Требования к оформлению текста на электронном носителе

• Электронные варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.

-
- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.
 - Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; нельзя пробелами либо табуляцией выравнивать данные в столбцах или ячейках.
 - Название статьи (на русском и английском языках) набирается строчными буквами и печатается по центру.
 - Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79172148709 e-mail: srubnik@yandex.ru). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79271036920 e-mail: ordynez@yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 16

Под редакцией *В.А. Лопатина*

Технический редактор *А.И. Жемков*
Оригинал-макет подготовил *С. Н. Берднов*

Подписано в печать 9.12.2020. Формат 70x100^{1/16}

Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua.

Усл. печ. л. 48,0 (57,5). Уч.-изд. л. 15,38. Тираж 200 экз. Заказ № 8440.

Издательство «Техно-Декор» 410012, г. Саратов, ул. Московская, 160

Тел.: (8452) 77-08-48 www.sar-print.ru